

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В четырех частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2024

УДК 082

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 22 декабря 2023 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Yu. Litvinovskaya

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(41/99)

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ И РОССИИ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ТИЛЬЗИТСКОГО ДОГОВОРА (1807–1809 ГГ.)

PRIORITIES OF FOREIGN POLICY OF FRANCE AND RUSSIA AFTER THE SIGNING OF THE TREATY OF TILSIT (1807–1809)

Подписав 7 июля 1807 г. в Тильзите договор о мире, дружбе и союзе императоры России и Франции договорились и об основных направлениях своих внешнеполитических действий. Что касается Франции, то это были страны Пиренейского полуострова – Португалия и Испания. Кроме того, Франция стояла на пороге войны с Австрией, которая готовилась взять реванш за поражения в прежних военных кампаниях. В то же время Россия начала войну со Швецией с целью завладения Финляндией. Спустя два года после Тильзита в Европе снова пылал пожар войны.

Ключевые слова: Наполеон; война; Испания; Австрия; сопротивление.

Having signed a treaty on peace, friendship and alliance in Tilsit on July 7, 1807, the emperors of Russia and France also agreed on the main directions of their foreign policy actions. As for France, these were the countries of the Iberian Peninsula – Portugal and Spain. In addition, France was on the verge of war with Austria, which was preparing to take revenge for defeats in previous military campaigns. At the same time, Russia began a war with Sweden with the goal of taking over Finland. Two years after Tilsit, the fire of war was again burning in Europe.

Keywords: Napoleon; war; Spain; Austria; resistance.

Тильзитский мир привел к созданию в Европе новой системы международных отношений, основанной на французском доминировании. Квинтэссенцией политики Наполеона на континенте была система экономических и военных мер, направленных против Англии, страны, которую французский император считал своим главным противником. В Тильзите Наполеон убедил Александра I, что единственным королевством Европы, которое поддерживает торговые и политические связи с Англией является Португалия и что интересы континентальной блокады требуют чтобы с этим было покончено. Царь не возражал и судьба Португалии была предрешена. 19 ноября 1807 г. корпус генерала Андоша Жюно подошел к португальской столице Лиссабону. Королевский дом в полном составе на корабле убыл в Бразилию [1, с. 534, 537].

Однако наиболее важной для Наполеона в данное время была испанская проблема. В начале XIX в. Испания, несмотря на серьезное отставание в социально-экономическом развитии от многих государств Европы, в глазах современников продолжала оставаться великой державой. Испанская ветвь Бурбонов, находившаяся у власти в стране, – одна из самых давних в Европе. Что касается внешней политики, то здесь Мадрид всецело ориентировался на Францию. Но, Наполеон, намеревался установить полный контроль над Испанией. Зеленый свет для проникновения в страну французских войск зажег фактический правитель государства Мануэль Годой, фаворит королевы Марии Луизы. С его разрешения 17 сентября 1807 г. 25-тысячный корпус генерала Андоша Жюно пересек испанскую границу и направился в Португалию с целью ее оккупации. А 27 октября в Фонтенбло, под Парижем, было заключено секретное соглашение между испанским королем Карлом IV и Наполеоном, предусматривавшее раздел Португалии и размещение в Испании французских войск. К марту 1808 г. их было там уже почти 100 тысяч [2, с. 199; 3, с. 368].

Внутриполитические события проходившие на полуострове и напрямую касающиеся судьбы Испании вытекали из обстановки непримиримой вражды внутри королевской семьи – между королем Карлом IV, его супругой Марией Луизой, ее фаворитом Мануэлем Годоем и наследником престола Фердинандом. Ситуацию использовал Наполеон. Пригласив враждующие стороны во Францию, он уговорил 10 мая 1808 г. отца и сына отказаться от своих прав на престол в пользу французского императора. Фердинанд попытался воспротивиться. Ответом Наполеона были как предложения очень крупных взяток, так и угроза возможности разделения наследником престола судьбы герцога Энгиенского. В конечном итоге 6 июня королем Испании был провозглашен старший брат Наполеона Жозеф Бонапарт [3, с. 374–375; 1, с. 541]. Кстати, возможность возведения Жозефа на испанский престол обсуждался еще в Тильзите в июле 1807 г. императорами Франции и России [4, с. 259].

Сущность замысла Наполеона состояла в том, чтобы лишить трона династию испанских Бурбонов и посадить на престол представителя семьи Бонапартов. И этот вопрос был продуман Наполеоном задолго до отречения испанского короля. Все члены испанского королевского дома были задержаны и оставлены под надзором во Франции. Мероприятием, проведенным с испанскими Бурбонами, Наполеон был очень доволен. Благодаря его дипломатическому искусству оно прошло гладко, без применения насилия, или грубых методов принуждения. А его последствия даже на ближайшее будущее в то время было очень сложно предвидеть. Единственная держава континента, с мнением которой он считался, была Россия. Но там были заняты своими делами. Шла война со Швецией. Французская дипломатия активно поддерживала Россию, постоянно фокусируя внимание на этом вопросе, призывая царя развернуть как можно более масштабные военные действия. Характеризуя эту сторону русско-французских

отношений, Наполеон впоследствии говорил: «Я продал Финляндию за Испанию» [1, с. 539].

Но, как бы там ни было, точка зрения царя была единственной, которая интересовала Наполеона, а поэтому он приказывает своему послу в Петербурге тотчас же заявить, что «перемена династии делает страну более независимой, что Император ничего не берет себе, что Франция получит только ту выгоду, что, в случае войны, будет более уверена в своей безопасности, если в Испании будет править король ее династии, а не Бурбоны» [5, с. 356]. Наполеон, таким образом, вполне определенно намекал Александру I на установление в Испании новой династии – династии Бонапартов.

Много лет спустя, уже после своего отречения от власти и находясь в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон скажет об испанской проблеме: «Признаюсь, я очень грубо провернул тогда это дело; безнравственность предстала слишком глубокой, несправедливость – слишком циничной, а вся затея – ужасно подлой, поскольку в итоге я проиграл» [4, с. 259].

Отдельные выступления противников французской оккупации Испании Наполеон не принимал в расчет. Но 2 мая 1808 г. французы встретились с решительным сопротивлением жителей Мадрида. Маршал Мюрат потопил восстание в крови. Тем не менее в ближайшие дни пламя вооруженной борьбы перекинулось на Севилью, Гренаду, Сарагосу, Валенсию и другие города и провинции. Образовались провинциальные хунты. Все сторонники французов были объявлены врагами отечества. В Испании вспыхнул пожар лютой, непримиримой народной войны против завоевателей, длившейся около пяти лет. Руководство вооруженной борьбой осуществляла учрежденная в сентябре 1808 г. в г. Аранхуэсе Верховная центральная хунта [3, с. 375–376; 6, с. 74–76].

Война на Пиренейском полуострове превратилась в постоянную головную боль императора французов, тем более что конца ее не было видно. 21 июня 1808 г. 18-тысячная группировка войск под командованием одного из лучших генералов Франции Пьера Дюпон де Летана в результате просчетов командующего была окружена в районе города Байлен испанскими войсками и повстанцами и вынуждена была капитулировать [3, с. 380]. Такого позора армия Наполеона еще не знала. По возвращении во Францию генерал был предан Военному суду. Победа испанцев способствовала расширению масштабов народного сопротивления и победный конец для французов в этом противоборстве уже не просматривался. Вскоре Наполеон скажет: «Если бы я думал, что все обойдется мне в 80 тысяч (таковы были на момент сказанного французские потери – Ю. Л.), я бы не пошел на такое дело». Он рассчитывал на потери не более 12 тысяч человек. Но пятилетняя война в Испании стоила Франции четверти миллиона человеческих жизней [3, с. 376].

Она стала крупнейшим политическим просчетом Наполеона. Его грубейшей стратегической ошибкой. Для полного контроля над страной

и осуществления континентальной политики ему достаточно было использования местных политических сил в лице наследника престола Фердинанда, искавшего покровительства Наполеона вплоть до установления родственных связей с семейством Бонапартов, а также испанской буржуазии и помещиков. Но Наполеон отдал предпочтение полному низвержению правившей в Испании династии Бурбонов и передаче престола одному из своих братьев. Это вызвало бурю негодования в испанском обществе, взрыв чувств национального патриотизма. Не нашли отклика в сердцах испанцев и такие действия, предпринятые Наполеоном 2 декабря 1808 г., как упразднение инквизиции, феодальных привилегий, внутренних таможенных пошлин, трети монастырей [7, с. 287, 288–289]. Не были решены вопросы, связанные с континентальной политикой. Ослабление службы берегового контроля стимулировало рост контрабанды, создавало благоприятные условия для английских экспортеров в испанских портах.

Война стала одной из первопричин гибели наполеоновской империи, так как пожирала в огромных количествах важнейшую опору его власти – вооруженные силы. Приходилось постоянно проводить дополнительные рекрутские наборы, что вызывало недовольство населения. С 1808 г. в докладах министра полиции Ж. Фуше появляются сообщения об антивоенных манифестациях. 11 сентября он предупреждал императора: «Рабочий класс весьма громогласно выражает свое возмущение непрекращающимися призывами в армию. В людных местах распространяются ... листовки с провокационными заявлениями в адрес правительства» [7, с. 297]. 4 декабря 1808 г. австрийский министр иностранных дел К. Меттерних писал: «Со времени начала народного восстания в Испании вооруженные силы Франции сократились вдвое» [7, с. 287]. В 1809 г. из-за острой нехватки в войсках личного состава правительство вынуждено было досрочно призывать в армию контингент следующего 1810 г. Именно в это время родилась во Франции легенда о «Людоеде», а Наполеон, характеризуя сложившуюся ситуацию, скажет, правда уже на Святой Елене: «Эта злополучная испанская война стала самым настоящим бедствием, первопричиной обрушившихся на Францию несчастий» [7, с. 287, 288–289].

Неблагоприятно для французских маршалов складывалась военно-политическая обстановка и в другой части Пиренейского полуострова – Португалии. В силу своего географического положения – это перекресток важных морских коммуникаций, страна и все события которые там происходили находились под пристальным вниманием Великобритании, которая рассматривала Португалию как зону не только своих интересов, но и своей безопасности. 6 августа 1808 г. на побережье Португалии высадились английские войска. Это был корпус под командованием Артура Уэлсли (будущий фельдмаршал герцог Веллингтон). 21 августа в бою возле деревни Вимейру он нанес решительное поражение 26-тысячной группировке французских войск, которыми командовал генерал А. Жюно. 30 августа в г. Синтра, близ Лиссабона, была подписана конвенция,

согласно которой французские войска оставляли Португалию [3, с. 381; 1, с. 556].

Ожесточенное противодействие, с которым столкнулась наполеоновская политика на Пиренейском полуострове, усугублялось ростом напряженности на восточных границах империи. Здесь активные вооруженные приготовления предпринимали австрийские Габсбурги. Вопрос о возможности очередной войны с Австрией начал беспокоить Наполеона уже вскоре после Аустерлица. Тем не менее главнокомандующий австрийской армией эрцгерцог Карл считал целесообразным провести перед этим столь необходимые для укрепления страны мероприятия военного и дипломатического характера. Императорским указом от 9 мая 1808 г. в дополнение к регулярной армии создавалось 180-тысячное ополчение – ландвер, что вызвало резкий протест Наполеона [3, с. 411, 413].

Для Наполеона не было секретом, что все группы влияния при австрийском дворе были едины в стремлении реванша за поражения 1805 г. и возвращении всех территорий, которые Австрия потеряла в войнах с революционной Францией после 1796 г.

Французская сторона, напротив, всячески стремилась избежать нового силового противостояния в Европе. Непрерывная череда войн, длившаяся более десяти лет, бесконечные мобилизации молодежи для очередной военной кампании негативно отражались на морально-психологическом состоянии населения Франции, среди которого власти все в большей степени отмечали наличие синдрома усталости. Он не обошел и армию.

Но самой важной причиной избежать большой войны была ситуация в Испании. Капитуляция войск П. Дюпона была болезненным ударом по имиджу французской армии, считавшейся непобедимой. Это вселяло надежду в Австрии, готовящейся к предстоящей борьбе.

Наполеон очень надеялся на то, что Россия, связанная с Францией «Договором о союзе», заключенным в Тильзите 25 июня 1807 г., первая статья которого содержала обязательство «действовать заодно ... в каждой ... войне», учитывая свои традиционно добрые отношения с Австрией, примет посреднические усилия с тем, чтобы не допустить начала конфликта. 20 августа 1808 г. французскому послу в Петербурге А. де Коленкуру было поручено просить Александра I сделать соответствующее предостережение Австрии [5, с. 388, 525].

Лично занимаясь определением основных направлений русской внешней политики, Александр I стремился к тому, чтобы в международных делах, если это касалось Франции, соблюдать максимальную осторожность. При подходе к австро-французским противоречиям «его искренним желанием было, чтобы венский двор был предупрежден и удержан от рискованных предприятий. Но его вера во франко-русский союз не была настолько сильна, чтобы позволить ему не заботиться о добрых отношениях с Австрией» [5, с. 392]. И здесь явственно просматриваются элементы двойственности политики царя: союз с Наполеоном, которого он остерегался,

и сохранение хотя бы косвенных связей с участником бывших антифранцузских коалиций.

Энергичные действия французского посла в России, стремившегося к четкому определению позиции царя по австрийской проблеме, привели к появлению документа, направленного 5 сентября 1808 г. русскому послу в Вене князю А. Б. Куракину: «Мне кажется самым мудрым решением для Австрии было бы остаться спокойной зрительницей борьбы, которую Наполеон должен выдержать в Испании. Потом всегда будет время принять то решение, какое подскажут обстоятельства. Следуя такому поведению, Австрия избавит меня от тяжелой необходимости выступить против нее, ибо я обязан сделать это только в том, если она нападет первая» [5, с. 395].

Позиция России, свидетельствующая о возможности, при определенных условиях, оказать поддержку не Австрии а Франции, вызвала крайнее удивление в Вене, но не сподвигла Австрию ослабить подготовку к войне против Франции. Вместе с тем царь стремился сохранить и добрые отношения с Австрией.

Эрфуртская встреча Наполеона и Александра I, проходившая в октябре 1808 г., могла сыграть решающую роль в предотвращении войны в Европе. Но этого не произошло в результате диаметральной противоположности во взглядах двух императоров. В начале декабря 1808 г. император Австрии Франц I окончательно присоединился к сторонникам войны с Францией. В инструкции направлявшемуся в Париж министру иностранных дел князю К. Меттерниху говорилось: «Если война не входит в расчеты Наполеона, она безусловно должна входить в наши» [5, с. 513].

Но не только политиков и дипломатов в Париже, широкие слои французского общества, учитывая серьезность грядущего события, беспокоил вопрос – какова будет позиция России. Буквально накануне начала войны 2 марта 1809 г. сам русский государь ответил на поступивший из Вены запрос. «Если Австрия объявит Франции войну, – было сказано в ответе царя, – то Россия выполнит свои обязательства по отношению к Наполеону». Правда шесть недель спустя, когда окончательно прояснилось, что Австрия, подготовившись к войне, не воспринимает доводов в пользу мира, Петербург счел целесообразным довести до сведения императора Франца I и о своем нежелании предпринимать серьезные боевые действия [4, с. 316].

В начале апреля 1809 г. французская армия, возглавляемая императором, изготавилась к отражению агрессии. Наполеон ждал, чтобы Австрия первой нанесла удар. Это давало право требовать от России выполнения союзнических обязательств. Боевые действия начались 10 апреля. Австрийские войска вступили в Баварию. Накануне, 9 апреля, их главнокомандующий эрцгерцог Карл направил краткие ноты французскому посланнику в Мюнхене Луи-Гильому Отто и командующему французскими войсками в Баварии маршалу Ф. Лефевру: «В соответствии с декларацией его

величества императора Австрии императору Наполеону I, сим извещаю главнокомандующего французской армии, что имею приказ наступать всеми моими войсками и рассматривать как врагов всех противодействующих мне» [3, с. 418].

Россия вынуждена была поддержать Францию. 3 июня три русские дивизии перешли Буг и вступили на территорию Варшавского герцогства, а затем Австрийской Галиции. Боевых действий на территории, по которой продвигались русские войска, за исключением нескольких стычек небольших групп казаков, не происходило, а 11 июля противоборствующие стороны согласились на перемирие. После подписания 14 октября Шенбруннского мирного договора русские войска начали выход с территории Австрии. Несмотря на чисто символическое участие России в войне, Наполеон по условиям мирного договора предоставил определенное вознаграждение и Александру I – Тернопольский округ с населением 400 тысяч человек в Восточной Галиции [2, с. 217–218; 8, с. 156–157].

Подписанный в Тильзите франко-русский союзный договор являлся новой страницей в дипломатической истории. Наполеон видел в нем гарантию стабильности в Европе под контролем Франции, российский император – вынужденную уступку победителю. Но союз нужен был обоим государствам. И уже в первые годы его существования каждый из императоров стремился использовать его для укрепления как собственных амбиций и престижа, так и политических устремлений своих империй.

Список использованных источников

1. *Манфред, А. З.* Наполеон Бонапарт / А. З. Манфред. – М.: Мысль, 1971. – 724 с.
2. *Тарле, Е. В.* Наполеон / Е. В. Тарле. – Минск: Беларусь, 1992. – 430 с.
3. *Чандлер, Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя / Д. Чандлер. – М.: Центрполиграф, 2001. – 993 с.
4. *Слоон, В.* Новое жизнеописание Наполеона I. В II т. / В. Слоон. – М.: Алгоритм, 1997. – Т. II. – 636 с.
5. *Вандаль, А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи: в 4 т. / А. Вандаль – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – Т. 2: От Тильзита до Эрфурта. – 544 с.
6. Наполеон: Энциклопедия. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 394 с.
7. *Тюлар, Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе» / Ж. Тюлар. – М.: Молодая гвардия – ЖЗЛ: Русское слово, 1996. – 384 с.
8. *Шефов, Н. А.* 1000 боев и сражений русского оружия. IX–XXI века. Битвы России / Н. А. Шефов. – М.: АСТ, 2007. – 832 с.

(Дата подачи: 09.02.2024 г.)

С. Л. Лознюха

Белорусский государственный университет, Минск

S. Loznyukha

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:327(410):339.924(4)

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

GREAT BRITAIN AND EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITY IN THE BEGINNING OF 1960S

Статья характеризует особенности политики Великобритании в отношении к Европейскому экономическому сообществу в начале 1960-х гг. Ее цель состоит в определении ее характерных черт в указанный период. Было выявлено, что данная политика определялась внешними и внутренними факторами, а также имела преемственность с политикой 1950-х гг.

Ключевые слова: Европейское экономическое сообщество; интеграция; Содружество наций; Великобритания; экономика; международные отношения

The article characterizes the features of Great Britain's policy in relation to the European Economic Community in the early 1960s. Its purpose is to determine its characteristic features during the specified period. It was revealed that this policy was determined by external and internal factors, and also had continuity with the policy of the 1950s.

Keywords: European Economic Community; integration; Commonwealth of Nations; Great Britain; economics; international relations.

Начало 1960-х гг. стало периодом попыток сближения Великобритании и Европейского экономического сообщества. Анализу причин и особенностей этого процесса посвящена данная статья.

Отношения Великобритании и европейских интеграционных структур в начале 1960-х гг. представлены в англоязычной историографии. Так, монография С. Джорджа «An Awkward Partner: Britain in the European Community» и статья К. Стайнса «The European Challenge: Britain's EEC Application in 1961» подробно описывают причины заинтересованности Великобритании с европейскими странами, а также анализирует развитие их взаимоотношений в указанный период. Работа П. Робертсона и Д. Синглтона рассматривает влияния этого процесса на Содружество наций. М. Хойслер в статье «The Popular Press and Ideas of Europe: The Daily Mirror, the Daily Express, and Britain's First Application to Join the EEC, 1961–63» показывает влияние прессы на формирование общественного мнения по вопросу отношений с Европейским сообществом.

Победа Консервативной партии на британских парламентских выборах в октябре 1959 г. привела к активизации обсуждения о возможной конвергенции между Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и Евро-

пейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ). В условиях отсутствия внятных перспектив у Европейской ассоциации свободной торговли понимание важности развития отношений со странами ЕЭС становилось все более очевидным. Самым важным вопросом стал формат ассоциации Великобритании и Европейского экономического сообщества: так, было распространено мнение, что наиболее подходящим вариантом станет ассоциированное членство, при котором будет возможным выполнение британской стороной большинства положений Римского статута, однако исключая полное участие. В июне 1960 г. кабинет Гарольда Макмиллана начал переговоры с Францией и ФРГ о возможности сближения с ЕЭС, однако вскоре стало очевидным то, что альтернатив полному членству Великобритании в этой структуре не существует. Основной задачей правительства стало выстраивание отношений с США и странами Содружества наций в условиях возможного членства в сообществе [1, с. 66].

Наиболее серьезным препятствием стала позиция Франции. Президент Франции Шарль де Голль считал, что союз США, Великобритании и Франции является основой устойчивости западного мира, однако его отношение к британскому участию в ЕЭС было скептическим. Так, он считал, что Великобритания не откажется от системы преференций в торговле с бывшими колониями, что не является совместимым с членством в Сообществе [1, с. 66]. Кроме того, он был уверен, что отношения с США являются более важными для Великобритании. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр занимал схожую позицию, заявляя о том, что экономическая интеграция в Западной Европе значительно способствовала западногермано-французскому сближению, тогда как вступление Великобритании в Сообщество сможет изменить сложившийся баланс сил.

Американо-британский договор 1958 г. о взаимной обороне ограничивал возможность передачи ядерных технологий третьим странам. Вместе с тем желание Франции войти в клуб ядерных держав было очевидным. Премьер Г. Макмиллан был настроен на обмен совместных с США ядерных технологий в обмен на более благосклонную к вступлению Великобритании в ЕЭС позицию. Так, его встреча с президентом США Дж. Кеннеди в апреле 1961 г. должна была способствовать вступлению в ЕЭС. Г. Макмиллан полагал, что «особые отношения» позволят решить стоящую перед страной задачу [2, с. 175].

Дж. Кеннеди выразил поддержку планам Г. Макмиллана. В понимании американской администрации интеграция Британии в Общий рынок способствовала как его большей экономической мощи и устойчивости, так и большей ориентированности на англосаксонский мир. Тем не менее США отвергли предложение о передаче технологий производства ядерного оружия Франции, аргументируя это тем, что это приведет к появлению все большего количества стран – обладательниц собственных ядерных арсеналов. Одним из главных кандидатов в случае развития событий в этом направлении была Западная Германия, чего американцы не хотели допустить.

Таким образом, цель британского премьер-министра не была достигнута, а поддержка Франции в европейских устремлениях менее вероятной. Хотя США поддерживали членство Великобритании в ЕЭС, предоставление Франции собственных ядерных технологий было тем шагом, на который администрация Дж. Кеннеди не была готова пойти [1, с. 67].

Несмотря на «особые отношения», поддержка британского членства в Европейском сообществе оказалась далеко не столь важна для США. Тем не менее растущая экономическая привлекательность и возможности ЕЭС, а также все более стремительные процессы дезинтеграции Британской империи делали экономическую интеграцию в Европе все более привлекательной, не оставляя сколько-нибудь значимой альтернативы. Хотя в заявлениях британских политиков звучали заявления о необходимости объединения западного мира перед советской угрозой, реальная причина стремления к тесному взаимодействию с западноевропейскими странами лежала преимущественно в сфере экономики. Так, к началу 1960-х гг. британский экспорт в континентальную Европу вырос значительно, когда экспорт в Содружество наций упал с 45 % от общего объема в 1945 г. до 25 % в 1960 г [3, с. 29].

Западноевропейские страны показывали значительно более динамичные темпы экономического роста, в сравнении с Британией. Так, ее среднегодовой рост ВВП к концу 1950-х гг. составлял всего 2,7 % ежегодно, когда аналогичные показатели у ФРГ и Франции составляли 7,75 и 4,65 % соответственно. Доля британского экспорта в мировом экспорте промышленных товаров упала с 25 % в 1950 г. до 14 % в 1965 г. Для представителей британской промышленности и торговли вступление в ЕЭС было важно само по себе с точки зрения экономической целесообразности. Тем не менее среди политиков было понимание, что без улучшения экономической ситуации возможность играть глобальную роль в мире. Рост уровня безработицы и инфляции, слабый экономический рост, уменьшение роли фунта стерлингов в качестве мировой валюты укрепляли это представление [1, с. 72].

Членство в ЕЭС должно было привести Великобританию к лидерству в Европе и к укреплению ее в качестве «третьей силы» в мире, тогда как независимая от США «третья сила» в виде ЕЭС воспринималась как нежелательная. Тем не менее отсутствие успехов в переговорах с Францией относительно ядерного оружия давало понимание того, что британское членство в организации будет заблокировано Францией путем вето. Кроме того, наднациональный характер Римского договора с постепенным продвижением к созданию экономического союза и внедрением общей сельскохозяйственной политики противоречили существовавшим отношениям Великобритании с Содружеством наций. Хотя эксперты правительства полагали, что при корректировке ряда спорных моментов вступление Великобритании в ЕЭС возможно. Так, было важно понять, как именно будет развиваться Сообщество в политическом плане, как будут выстроены новые отношения с участ-

никами Содружества наций, а также со странами Европы, не входящими в ЕЭС. Важно было начать сближение с Общим рынком как можно раньше: в таком случае у Великобритании появилась бы возможность влиять на общество с учетом собственных интересов [3, с. 34].

Возможность передачи Франции ряда собственных технологий, связанных с ядерным оружием, должна была стать ключевым фактором успеха на будущих переговорах о членстве в организации. Хотя Французская республика смогла провести испытания собственного ядерного оружия в 1960 г., она испытывала значительные проблемы с средствами его доставки. Тем не менее передача таких технологий представляла значительный риск для британцев: Франция могла начать сближение с ФРГ, развив стратегическую автономию Европы [1, с. 70].

Отдельно стоит отметить реакцию на вступление в ЕЭС таких ключевых партнеров Великобритании в Содружестве наций, как Канада, Австралия и Новая Зеландия. Членство в Европейском экономическом сообществе в перспективе вело к обрыву традиционных для Британской империи экономических связей. Старая система имперских преференций должна была быть заменена обратными преференциями на короткий переходный период до 1970 г. В это время должны были действовать специальные квоты для поставок на европейские рынки молочной продукции из Новой Зеландии, но для товаров из Канады и Австралии никаких исключений не делалось. Представители ЕЭС не давали никаких конкретных прогнозов касательно изменений после 1970 г. Говорилось лишь о необходимости сохранения разумной ценовой политики и соблюдения международных торговых соглашений.

Членство Великобритании в ЕЭС не нанесло бы серьезного вреда ни канадской экономике, и без того тесно интегрированной с США, ни австралийской экономике, стремительно осваивающей новые рынки для сбыта собственного сырья и продукции, такие как развивавшиеся быстрыми темпами страны Дальнего Востока. Хотя Австралия и Канада добились существенного укрепления собственных экономик и в значительной степени независимости от Великобритании, идея того, что старая метрополия в значительной мере ликвидирует старые торгово-экономические связи, не находила широкой поддержки. Кроме того, для Новой Зеландии такой разрыв, в отсутствие соизмеримого с США для Канады или Японии для Австралии, мог привести к гораздо более тяжелым последствиям.

В определенной степени Великобритания чувствовала себя обремененной Содружеством и хотела добиться «независимости» от доминионов. Оно значительно способствовало экономическому росту и восстановлению страны в 1940-х и начале 1950-х гг., когда она выходила из тяжелых последствий Второй мировой войны. В этот период Британия испытывала острую потребность в финансах и товарах из-за рубежа, но к началу 1960-х гг. Содружество наций с его медленно растущей экономикой и постоянными требованиями инвестиций в экономики многих стран-членов стало

представлять не ценный актив, а бремя из времен колониализма [4, с. 175]. Несмотря на это, британскому правительству пришлось прислушиваться к мнению доминионов, и особенно Новой Зеландии, поскольку общественное мнение отставало от мнения правящего класса в своем отношении к Европе и старому Союдружеству [4, с. 175].

Общественная дискуссия по поводу возможного членства в ЕЭС нашла свое отражение в средствах массовой информации. Так, выразителями различных точек зрения на этот вопрос стали газеты *Express* и *Daily Mirror*. Они стали наиболее явными представителями консервативного и либерального направления национальной политики, которые выступали за сохранение тесных связей в пределах империи либо за более активную интеграцию со странами Западной Европы [5, с. 131]. Ностальгическое отношение консервативной прессы к временам расцвета Британской империи и капитализму свободной конкуренции часто подавалось как часть национальной культуры, которая неизбежно должна была порождать антиевропейские настроения, в то время как почти противоположные мнения о будущем Британии в Европе по большей части игнорировались. Однозначная поддержка вступления со стороны *Mirror* определялась общей поддержкой модернизационных процессов в британском обществе. Таким образом, общественное мнение страны было разделено в этом вопросе, что делало вступление в ЕЭС еще более сложным [5, с. 131].

Единственным возможным способом получить точные сведения о позиции президента Франции Ш. де Голля по вопросу вступления Британии в Сообщество было приступить к формальным переговорам о членстве. Такое решение также поддержал британский посол в Париже Диксон. Он был хорошо осведомлен о позиции французского лидера и сообщил, что французская сторона предлагала провести секретные переговоры с Великобританией, чтобы избежать негативных последствий в случае отказа на официальное обращение с просьбой о членстве. Диксон добавил, что французы почувствуют себя «ужасно смущенными», если правительство Великобритании выступит с заявлением о том, что Великобритания намерена присоединиться к Сообществу. Подобная декларация окажет огромное давление на остальных членов ЕЭС, а также на саму Францию. Оценка ситуации Диксоном заключалась в том, что именно потому, что французы явно не хотели, чтобы британцы подали официальное заявление, «нам фактически следует решиться на этот шаг» [1, с. 77].

2 июня 1961 г. представитель Министерства иностранных дел Великобритании Э. Шакбург заявил, что задержка с вступлением в Сообщество «вполне может оказаться актом отказа от благоприятных условий, которые не повторятся». Ожидания как в Европе, так и в Великобритании, по словам Шакбурга, были доведены до очень высокой точки публичными заявлениями. Никто не хотел, чтобы нынешняя неопределенность сохранялась. Если представители правительства не приступят к переговорам, их позиции будут критически ослаблены даже на предстоящей конференции Консер-

вативной партии в октябре. Отсрочка принятия решения может привести лишь к еще большему разобщению в Британии [1, с. 78].

В июле 1961 г. премьер-министр Г. Макмиллан выступил в Палате общин с официальным заявлением о необходимости вступления в Европейское экономическое сообщество. Этот шаг был расценен как понимание необходимости членства Британии в объединении, однако он не вызывал однозначной поддержки среди элит и общества. Хотя переговоры о членстве в ЕЭС продолжались до января 1963 г., они закончились вето британской заявки на вступление со стороны Франции. Президент Франции объяснил это тем, что Великобритания не приняла «общеевропейское призвание», а также ее тесными связями с США и Содружеством наций. Таким образом, несмотря на более благосклонное отношение к членству Великобритании в ЕЭС у стран Бенилюкса и ФРГ, ее попытка стать членом Сообщества окончилась неудачей [6, с. 260].

Таким образом, политика Великобритании в отношении стран ЕЭС в начале 1960-х гг. имела преемственность с аналогичной политикой более раннего периода, проводимой консервативными правительственными странами. Хотя экономические трудности диктовали все большую необходимость в интеграции с европейскими странами, приверженность глобальной роли в мире, тесные связи в рамках бывшей Британской империи и «особые отношения» с США не позволили этому осуществиться. Кроме того, значительную роль сыграла позиция президента Франции Ш. де Голля, которого категорически не устраивало сохранение особенностей британской внешней политики в качестве ее члена ЕЭС. Указанные факторы стали причиной особой динамики отношений между Великобританией и Европейским экономическим сообществом.

Список использованных источников

1. *Steinnes, K.* The European Challenge: Britain's EEC Application in 1961 / K. Steinnes // *Contemporary European History* – 1998 – Vol. 7 – P. 61–79.
2. *Kaiser, W.* Using Europe, Abusing the Europeans: Britain and European Integration, 1945–63 / W. Kaiser. – London: Palgrave Macmillan, 1996 – P. 274.
3. *George, S.* An Awkward Partner: Britain in the European Community / S. George. – Oxford: Oxford University Press, 1994 – P. 277.
4. *Robertson, P.* The Old Commonwealth and Britain's First Application to Join the EEC, 1961–3. / P. Robertson, J. Singleton // *Australian Economic History Review*. – 2000. – Vol. 40. – P. 153–177.
5. *Haessler, M.* The Popular Press and Ideas of Europe: The Daily Mirror, the Daily Express, and Britain's First Application to Join the EEC, 1961–63. / M. Haessler // *Twentieth Century British History*. – 2014. – Vol. 25. – P. 108–131.
6. *Wurm, C.* Britain and European Integration, 1945–63 / C. Wurm // *Contemporary European History*. – 1998. – Vol. 7. – P. 249–261.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

А. М. Лукашэвіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476+477)“1303/1305”

БЕЛАРУСКІЯ ЗЕМЛІ Ў СКЛАДЗЕ ГАЛІЦКАЙ МІТРАПОЛІІ КАНСТАНЦІНОПАЛЬСКАГА ПАТРЫЯРХАТУ (1303–1305 ГГ.)

BELARUSIAN LANDS AS PART OF THE GALICH METROPOLITAN OF THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE (1303–1305)

У артыкуле даследуюцца малавядомыя ў гістарыяграфіі аспекты ўтварэння самастойнай Галіцкай мітраполіі (1303–1305 гг.), у склад якой уваходзіла адна з беларускіх епархій – Тураўская. У той час яна аб'ядноўвала тэрыторыю Піншчыны, Тураўшчыны і Наваградчыны. Акрамя таго, у склад Уладзімірскай (Валынскай) епархіі уваходзіла Берасцейшчына. Уключэнне ў склад мітраполіі гэтых тэрыторый стала вынікам складаных палітыка-дзяржаўных працэсаў сярэдзіны XIII – пачатку XIV ст., калі Турава-Пінскае княства і Берасцейская зямля трапілі пад моцны ўплыў або залежнасць ад Галіцка-Валынскай дзяржавы. Зроблена выснова, што далейшы лёс гэтых зямель, а таксама Тураўскай епархіі з'яўляецца важным аспектам пры вызначэнні межаў Літоўскай мітраполіі (з цэнтрам у Наваградку).

Ключавыя словы: Тураўская епархія; Галіцкая мітраполія; Канстанцінопальскі патрыярхат; Беларусь; Вялікае Княства Літоўскае; Галіцка-Валынская дзяржава; праваслаўная царква.

The article examines little-known aspects in historiography of the formation of the independent Galician metropolis (1303–1305), which included one of the Belarusian dioceses – Turavskaya. Then it united the territories of Pinsk, Turov and Novogrudok regions. In addition, the Vladimir (Volyn) diocese included the Berestey land. The inclusion of these territories into the metropolitanate was the result of complex political and state processes in the mid-13th – early 14th centuries, when the Turovo-Pinsk principality and Beresteyskaya land came under the strong influence or dependence of the Galician-Volyn state. It is concluded that the further fate of these lands, as well as the Turov diocese, is an important aspect in determining the boundaries of the Lithuanian Metropolis (with its center in Novogrudok).

Keywords: Diocese of Turov; Metropolis of Galicia; Patriarchate of Constantinople; Belarus, Grand Duchy of Lithuania; Galicia-Volyn State; Orthodox Church.

У сучаснай гістарыяграфіі ў апошнія гады шмат увагі надаецца канфесійнай гісторыі, у т. л. падзеям, звязаным са стварэннем Літоўскай праваслаўнай мітраполіі з цэнтрам у Наваградку (1315/1317–1330 гг.). Гэтыя аспекты закраналі многія беларускія (С. А. Падокшын [12], С. А. Чарпак [20]), расійскія (Б. Н. Флора [18], Б. Крычэўскі [5]), польскія

(А. Мірановіч [8]), амерыканскія (І. Ф. Мейендорф [7]) і французскія (К. Цукерман [19]) даследчыкі.

Між тым пачатак працэсу ўтварэння самастойнай праваслаўнай мітраполіі ў межах Беларусі быў пакладзены на 15 год раней. У дадзеным выпадку размова ідзе пра Галіцкую мітраполію (1303–1305 г.). Яна была ўтворана ў межах пераважна Галіцка-Валынскай дзяржавы, магутнасць якой у пачатку XIV ст. дасягнула свайго піку. У склад мітраполіі ўваходзілі землі Берасцейшчыны, Піншчыны, Тураўшчыны і Наваградчыны.

Але лёс гэтай праваслаўнай мітраполіі застаецца менш даследаваным у беларускай гістарыяграфіі. У той жа час гісторыі Галіцкай мітраполіі надавалася шмат увагі расійскімі дарэвалюцыйнымі (Т. В. Барсаў [1], А. С. Паўлаў [11], Н. Д. Ціхаміраў [17], П. П. Сакалоў [16]), польскімі (Е. Фіялек [24], К. Хадыніцкі [23]) і украінскімі (М. І. Гайкоўскі [2], І. Рудовіч [15], М. Чубаты [21], В. Любашчанка [6]) даследчыкамі. Таму спынемся на асноўных аспектах стварэння Галіцкай мітраполіі.

Фарміраванне епархіяльнай структуры праваслаўнай царквы на паўднёва-заходніх землях Русі пачалося ў канцы X ст. У 992/993 г. адной з першых тут была заснавана Валынская епархія, якая аб'яднала землі Валыні і Галіччыны. На думку польскага гісторыка А. Мірановіча, у склад Валынскай епархіі першапачаткова ўваходзілі і беларускія землі – Берасцейшчына і Тураўшчына. Але гэта меркаванне заснавана на гіпотэзе, што Тураўская епархія была ўтворана не ў 1005 г., а толькі пры Святаполку II Ізяславічу (1088–1093), калі Тураўская зямля была ўзнята да рангу княжацкага ўдзела [8, с. 240].

Па меры драблення Русі ўтвараліся новыя палітычныя цэнтры, якія дабіваліся стварэння ўласных епархій. Гэта прывяло да вылучэння з Валынскай епархіі чатырох новых царкоўных адзінак – Перамышльскай (1026 г., па іншых звестках – 1219 г.), Галіцкай (1134 г., па іншых звестках – 1147, 1156/1157 гг.), Уграўскай (1219/1220 г., па іншых звестках – 1223 г., пазней – Холмскай) і Луцкай (1235 г., па іншых звестках – 1288 г.) епархій [8, с. 244].

Пасля мангола-татарскага нашэсця на землях былой Кіеўскай Русі вызначыліся тры цэнтры, якія прэтэндавалі на дзяржаўную гегемонію: паўднёва-заходні (Галіч, Уладзімір), паўночна-заходні (Новагародак, Вільня) і паўночна-ўсходні (Уладзімір-на-Клязьме, Цвер, Масква). Як справядліва адзначаў С. А. Падокшын, калі паўночна-ўсходнія княствы ў сваёй палітычнай дзейнасці абапіраліся галоўным чынам на мангола-татарскіх ханаў, то паўднёва-заходнія, заходнія і паўночна-заходнія землі былой Кіеўскай Русі арыентаваліся на падтрымку заходніх краін і царквы [12, с. 24].

Калі Кіеў стаў небяспечным для праваслаўных мітрапалітаў, яны часцей жылі ў гарадах паўночна-ўсходняй Русі. У 1299 г. пасля чарговага разграблення Кіева мангола-татарамі мітрапаліт Максім (1283–1305) перанёс сваю рэзідэнцыю ва Уладзімір-на-Клязьме. У той час за ўладу ва Уладзіміры вялі барацьбу цвярскі і маскоўскі ўдзельныя князі. Разам з мітрапалітам ва Уладзімір-на-Клязьме перабраўся і ўвесь вышэйшы праваслаўны

клір, а ў Кіеве застаўся вікарыі (С. А. Чарапко называе яго «намеснікам») [20, с. 16].

У час знаходжання ва Уладзіміры-на-Клязьме мітрапаліт Максім падтрымаў цвярскага князя Міхаіла Яраславіча, які ў 1305 г. стаў вялікім князем Уладзімірскім (1305–1318). Яле спробы мітрапаліта прымірыць яго з праардынскім маскоўскім князем Юрыем Данілавічам скончыліся няўдачай.

Перамышчэнне рэзідэнцыі мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі з Кіева ва Уладзімірскую зямлю выклікала незадавальненне іншых рускіх князёў, у першую чаргу кіраўніка Галіцка-Валынскай дзяржавы князя (караля) Юрыя (Георгія) Львовіча. Як адзначаў Я. Я. Галубінскі, калі раней «Кіеў быў нейтральным паміж двума рускімі княжаннямі – уладзімірскім і галіцкім, так што пакуль сталіца мітрапалітаў заставалася на старым месцы, яны маглі быць мітрапалітамі абедзвюх частак ўсяе Русі. Але калі Максім перанёс сталіцу ва Уладзімір, Вялікае княства Галіцкае апынулася ў царкоўным стаўленні ўжо не раўнапраўным з першай часткай мітраполіі, а толькі як бы некаторым да яе прыдаткам» [3, с. 96].

Таму менавіта князь Юрый Львовіч ініцыяваў заснаванне самастойнай мітраполіі з цэнтрам у Галічы. Такім чынам, ён імкнуўся да стварэння ў межах сваіх уладанняў царкоўнай арганізацыі, незалежнай ад мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі і ардынскай улады [12, с. 24; 20, с. 16].

Першыя звесткі пра Галіцкую мітраполію адносяцца да 1303 г., калі яна згадваецца ў *Notitia episcopatum* – спісе іерархаў, складзеным пры канстанцінопальскіх імператары Андроніцы II Палеолагу (1282–1328) і патрыярху Апанасі I (1289–1293, 1303–1310).

Згодна з меркаваннем расійскага даследчыка Б. М. Флора, межы Галіцкай мітраполіі адпавядалі межам уладанняў князя Юрыя Львовіча: у яе склад увайшлі *Уладзімірская (Валынская), Луцкая, Холмская, Пярэмышльская і Тураўская епархія* (разам з *Галіцкай мітрапалічай вобласцю*) [18]. З такім пералікам епархій пагаджалася як расійскія дарэвалюцыйныя (Н. Д. Ціхаміраў [17, с. 42], А. С. Паўлаў [11, с. 5]), так і сучасныя [5] даследчыкі, прадстаўнікі ўкраінскай (М. І. Гайкоўскі [2]) і польскай (Е. Фіялек, К. Хадзыніцкі, А. Мірановіч [24, s. 492–493; 23, s. 4–5; 8, с. 248]) гістарыяграфіі.

Такое адзінства ў меркаваннях звязана з захаваннем першакрыніцы – асобнай *роспісі рускіх епіскапій, падпарадкаваных мітрапаліту Кіеўскаму і ўсяе Русі* (вядомы ў спісах XIV ст.). У яе канцы было адзначана: «Калі Галіч у Малой Русі ўзведзены был хрысавулам Андроніка Палеалога і сіндавальным актама патрыярха Афанасія на ступень мітраполіі, то да гэтай новай мітраполіі аддзелены былі з былой вобласці кіеўскага мітрапаліта *пяць епіскапій: уладзімірская (на Валыні), пярэмышльская, луцкая, тураўская і холмская*» [цыт. па: 11, с. 5], зразумела, і з *галіцкай мітрапалічай вобласцю*.

Але пры гэтым неабходна звярнуць увагу на тое, што ў 1303 г. беларускія землі, аб'яднаныя ў Тураўскай епархія, не ўваходзілі ў склад Галіцка-

Валынскай Русі. На думку беларускага даследчыка А. Краўцэвіча, «працэс “зліцця” (выраз Мацея Любаўскага) Турава-Піншчыны (і ў яе складзе Клецкага, Дубровіцкага, Слуцкага княстваў) з Літвой быў завершаны ці амаль завершаны пры гаспадарынні Віценыя» [4, с. 129], гэта значыць – паміж 1295 і 1315 гг.

Такім чынам, утварэнне Галіцкай мітраполіі прывяло да падзелу мітраполіі Кіеўскай і ўсяе Русі на дзве царкоўныя структуры. У Візантыі Галіцкую мітраполію сталі называць «мітраполіяй Малой Русі», у адрозненне ад «мітраполіі Вялікай Русі».

Першым Галіцкім мітрапалітам (з 1303 г.) быў *Ніфонт* (? – каля 1305 г., верагодна, Галіч) [9]. Імя Ніфонта як першага мітрапаліта Галіцкага згадваецца ў пасланні 1370 г. польскага караля Казіміра III Вялікага да Канстанцінопальскага патрыярха *Філафея* (Ко(к)кіна, 1353–1354, 1364–1376) [22, р. 577; 13, стб. 125–126; 17, с. 42].

Па просьбе князя Юрыя Львовіча Ніфонт быў узведзены ў сан мітрапаліта Канстанцінопальскім патрыярхам Апанасам I. У згаданым *Notitia episcopatum* мітрапаліт Галіцкі быў пазначаны ў 1303 г. на 81-м месцы (у той час – апошнім сярод мітрапалітаў) [25, с. 599; 11, с. 5].

Па версіі Б. М. Флары, Ніфонт памёр каля 1305 г. [9; 18] (па версіі мітрапаліта Мануіла (Лемяшэўскага) і С. А. Чарапко – у 1307 г. [10; 20, с. 16]).

Яго пераемнікам павінен быў стаць ігумен Раценскага манастыра (на Вальні) *Пётр* (? – 1326). Яго асобу актыўна падтрымліваў князь Юрый Львовіч. У 1305–1306 гг. Пётр адправіўся для пастаўлення ў Канстанцінопаль. Крыху пазней у сталіцу Візантыі прыбыў уладзімірскі ігумен Геронцій, якога на пасаду мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі (якая на той час таксама стала вакантнай) вылучаў вялікі князь ўладзімірскі Міхаіл Яраславіч. Але кандыдатура Геронція была адхілена. У чэрвені 1308 г. патрыярх Апанас I здзейсніў хірагонію Пятра, але не на Галіцкую мітраполію, а на Кіеўскую і ўсяе Русі [17, с. 63; 6, с. 99].

І тут узнікае галоўнае пытанне – пра статус і далейшы лёс Галіцкай мітраполіі. Асобныя даследчыкі лічаць, што пасля смерці Ніфонта мітраполія была ліквідавана [14, с. 52], другія – што яна «пратрымалася да 1328 г.» [15, с. 10]. А даследчык М. Чубаты ўвогуле быў перакананы, што Пятра першапачаткова прызначалі галіцкім мітрапалітам, а затым – мітрапалітам Кіеўскім і ўсяе Русі. Тым самым ён «аб’яднаў сваёй асобай абодвух мітрапалітаў, якія кананічна працягвалі існаваць як асобныя» [21, с. 671].

Заблытанасць пытання аб лёсе Галіцкай мітраполіі прызнаваў і А. С. Паўлаў, які выказаў меркаванне, што Пётр мог быць першапачаткова пастаўлены галіцкім мітрапалітам, а потым – Кіеўскім і ўсяе Русі. «Можа быць, і патрыярх, выказаўшы здагадку з часам скасаваць Галіцкую мітраполію, паставіў св. Пятра ў мітрапаліты *правізорна*, гэта значыць так, каб ён, згодна з жаданнем свайго князя, быў спачатку галіцка-валынскім мітрапалітам, а потым, па дамове з вялікім князем паўночнай Русі і пры садзейнічання самога патрыярха, зрабіўся і ўсерасійскім» [11, с. 10].

Даследчык А. С. Паўлаў заўважыў, што ў паўночнай Русі мітрапаліт Пётр з’явіўся толькі ў 1309 г., таму яго пастаўленне ў мітрапаліты ў мясцовых летапісах была аднесена да 1308 г. На думку гісторыка, гэта «магло адбыцца ад таго, што там да 1308 года не хацелі прызнаць яго мітрапалітам, і прынялі нарэшце толькі па фармальным паграбаванні патрыярха, звернутага да вялікага князя і ўсёй духоўнай іерархіі суздальскай зямлі». Менавіта гэтае прызнанне магло быць прынята паўночнымі летапісцамі «за самы факт пастаўлення Пятра ў мітрапаліты не толькі для паўднёвай, але і для паўночнай Русі» [11, с. 10].

Між тым ёсць меркаванні, што гэтая мітраполія заставалася вакантнай (незамешчанай). Такой пазіцыі прытрымліваўся дарэвалюцыйны прававед П. П. Сакалоў. Ён не выключаў, што *дэ-юрэ Галіцкая мітраполія працягвала сваё існаванне* аж да яе закрыцця намаганнямі мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі Феагноста (1328–1353). Гісторык нагадаў пра старажытную традыцыю ў Грэцкай царкве, калі пры адсутнасці годнага кандыдата на старэйшую мітрапалічую кафедру на яе мог быць пастаўлены (перайменаваны) мітрапаліт малодшай кафедры, якому і даручалася кіраванне. І да з’яўлення новага кандыдата на старэйшую кафедру захоўвалася царкоўная годнасць кожнай кафедры. П. Сакалоў меркаваў, што такая практыка назіралася і ў выпадку з Галіцкай мітраполіяй. Прыезд Пятра ў Канстанцінопаль дазволіў звярнуцца да гэтай традыцыі і дэ-факта аднавіць адзінства мітраполіі. Пры гэтым была задаволена просьба князя Юрыя Львовіча і захоўваліся царкоўныя каноны [16, с. 275; 6, с. 102].

Меркаванне П. П. Сакалова фактычна падтрымлівае і сучасны расійскі даследчык Б. Крычэўскі [5].

Падобная сітуацыя ў далейшым здарылася і з Наваградска-Літоўскай мітраполіяй, якая ў асобныя перыяды таксама не мела мітрапаліта, але, на думку французскага даследчыка К. Цукермана, працягвала існаванне [19, с. 151–152]. Гэта значыць, што хаця галіцкія мітрапаліты пэўны час не прызначаліся, але сама структура мітраполіі (з епіскапіямі) захоўвалася.

Таму сярод даследчыкаў адсутнічае адзінства адносна вызначэння часу першага скасавання Галіцкай мітраполіі. Так, украінскі гісторык М. І. Гайкоўскі і расійскі даследчык Б. Крычэўскі называюць дату 1347 г. (г. зн. існавала ў 1303–1347 гг.) [2, с. 29; 5], польскі А. Мірановіч – 1335 г. (г. зн. існавала ў 1303–1335 гг.), а другі раз была скасавана ў 1347 г. (гэта значыць існавала ў 1341–1347 гг.) [8, с. 248]. Пры гэтым Б. Крычэўскі дадае, што хаця юрыдычна Галіцкая мітраполія існавала з 1303 да 1347 г., але ў асобныя перыяды (1308, 1328 гг.) яна «не юрыдычна» далучалася да мітраполіі Кіеўскай і ўсяе Русі [5].

Такім чынам, менавіта Галіцкая мітраполія (1303–1305 гг.) стала першым царкоўна-арганізацыйным утварэннем па-за межамі мітраполіі Кіеўскай і ўсяе Русі (з цэнтрам ва Уладзіміры-на-Клязьме), у склад якога ўваходзіла адна з беларускіх епархій – Тураўская. У той час гэта епархія

аб'ядноўвала тэрыторыю сучаснай Піншчыны, Тураўшчыны і Наваградчыны. Адначасова ў склад Уладзімірскай (Валынскай) епархіі ўваходзіла Берасцейская зямля. Уключэнне ў склад Галіцкай мітраполіі гэтых тэрыторый стала вынікам складаных палітыка-дзяржаўных працэсаў сярэдзіны XIII – пачатку XIV ст., калі Турава-Пінскае княства і Берасцейская зямля трапілі пад моцны ўплыў або залежнасць ад Галіцка-Валынскай дзяржавы. Далейшы лёс гэтых зямель, а таксама Тураўскай епархіі з'яўляецца важным аспектам пры вызначэнні межаў новаўтворанай у 1315/1317 г. Літоўскай праваслаўнай мітраполіі з цэнтрам у Наваградку.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Барсов, Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью / Т. В. Барсов. – СПб.: Тип. П. А. Ремезова, 1878. – VIII, IV, 578, V с.

2. Гайковський, М. І. Галицька митрополія / М. І. Гайковський // *Энциклопедія історії України*. Т. 2: Г–Д / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К.: В-во «Наукова думка», 2004. – С. 29.

3. Голубинский, Е. Е. История русской церкви: в 2 т. Т. 2: Период второй, московский: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: Первая половина тома / Е. Е. Голубинский. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – [4], VIII, 919 с.

4. Краўцэвіч, А. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага (1248–1377): у 2 кн. / А. Краўцэвіч; навук. рэд. В. Голубеў. – Кн. 1: Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248–1341 г.); Кн. 2: Дуумвірат Альгерда і Кейстута Гедымінавічаў (1341–1377 г.). – Гародня: А. Краўцэвіч; Уроцлаў: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego we Wrocławiu, 2015. – 304 с. («Гарадзенская Бібліятэка»).

5. Кричевский, Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV век) [Электронный ресурс] / Б. В. Кричевский. – СПб.: Искусство-СПб, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 262, [1] с.: ил. – (Серия: Территория культуры: история) // *Азбука веры*. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/mitropolichja-vlast-v-srednevekovoj-rusi-iv-vek/. – Дата доступа: 10.06.2023.

6. Любащенко, В. Митрополит Петро (Ратенский) і майбутне розділення Київської церкви / В. Любащенко // *Średniowiecze Polskie i Powszechnie*. – Katowice, 2010. – Т. 2 (6). – С. 92–117.

7. Мейендорф, И. Ф. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. / И. Ф. Мейендорф; пер. с англ. (Самиздат). – Paris: YMCA-press, 1990. – 442 с.

8. Мירוнович, А. Епархиальная принадлежность Бреста до конца XVI в. / А. Мירוнович // *Праваслаўная Беларусь*. – Беласток: Бібліятэка Белар. Гіст. тав-ва, 2009. – С. 237–254.

9. Нифонт // *Православная энциклопедия*. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/2577725.html>. – Дата доступа: 10.07.2023.

10. Нифонт, митрополит Галицкий (в рукописи митрополита Мануила отсутствует) // Мануил (Лемешевский), митроп. Русские православные иерархи, 992–1892 гг. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-992-1892-gg-tom-2/391. – Дата доступа: 10.07.2023.

11. Павлов, А. С. О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV века / А. С. Павлов. – М.: Унив. тип., 1894. – 40 с. Отд. отт. из № 5 «Рус. обозрения».
12. Падокшын, С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура: філасофска-гістарычны аналіз / С. А. Падокшын. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – 111 с.
13. Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: (Памятники XI–XV в.) / ред. А. С. Павлов. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. – 1472 с. и стб., разд. паг. (Рус. ист. биб-ка, изданная Импер. Археограф. комиссией; т. 6).
14. Петрушко, В. И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособие / В. И. Петрушко. – 2-е изд. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 358 с.
15. Рудович, І. Коротка історія галицько-львівської єпархії на основі грецьких жерел та інших новітніх підручників / І. Рудович. – Жовква: [Б. и.], 1902. – 58 с.
16. Соколов, П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века / П. Соколов. – Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. – [2], IV, 578 с.
17. Тихомиров, Н. Д. Галицкая митрополия: церковно-историческое исследование / Н. Д. Тихомиров. – СПб.: Печ. Е. Евдокимова, 1895. – 189 с.
18. Флоря, Б. Н. Галицкая епархия / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/161539.html>. – Дата доступа: 10.07.2023.
19. Цукерман, К. Из ранней истории Литовской митрополии / К. Цукерман // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф. (Полацк, 17–18 крас. 2014 г.): да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ: у 2 ч. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Полац. дзярж. ун-т; рэдкал.: Д. У. Дук [і інш.]. – Наваполацк: ПДУ, 2014. – Ч. 2. – С. 145–152.
20. Черепко, С. А. Православная церковь на Руси XIII–XV веков: борьба за митрополию / С. А. Черепко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт.; рэдкал.: Р. Р. Лазько [і інш.]. – Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2015. – Вып. 4. – С. 14–27.
21. Чубатий, М. Історія християнства на Русі-Україні: в 2 т. Т. I (до 1353 р.) / М. Чубатий. – Рим; Нью Йорк: Видання Українського Католицького Університету ім. св. Климента Папи., 1965. – 816 с. (Праці Греко-Католицької Богословської Академії).
22. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / collecta et ediderunt F. Miklošich, I. Müller: in 6 vol. – Vindobonae: C. Gerold, 1860–1890. Vol. I. 1860. – 607 p.
23. Chodyncki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: zarys historyczny 1370–1632 / K. Chodyncki. – Warszawa: skład główny Kasa imienia Mianowskiego, Instytut Popierania Nauki, 1934. – XXI, [1], 632 s.
24. Fijalek, J. Średniowieczne biskupstwa Kościoła Wschodniego na Rusi i Litwie. Na podstawie źródeł greckich / J. Fijalek // Kwartalnik Historyczny. – T. X. Roczn. 3. – 1896. – S. 487–521; T. XI. Roczn. 1. – 1897. – S. 1–63.
25. Geizer, H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte: Abhandlungen der kgl. bayerischen Akademie der Wissenschaften I / H. Geizer. – München: Akademie der Wissenschaften, 1900. – Klasse XXI. Bd. III. – 641 p.

(Дата подачы: 08.02.2024 г.)

А. У. Любы

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Liuby

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.1

ДАСЛЕДЧЫЦЫ ГІСТОРЫІ Вялікага Княства Літоўскага Ў ЦЕНІ ДЗЕЙНАСЦІ СВАІХ МУЖОЎ

WOMEN RESEARCHERS OF THE GDL HISTORY ARE IN THE SHADOW OF THEIR HUSBANDS' EFFORTS

У артыкуле разглядаецца шэраг біяграфій жанчын-даследчыц гісторыі Вялікага Княства Літоўскага з XX ст., якія сфарміраваліся як навукоўцы ва ўніверсітэцкіх асяродках Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, пераважна ў Віленскім універсітэце Стэфана Баторыя, пакінулі свой след у гістарычнай навуцы Польскай Народнай Рэспублікі і аб'яднаны агульным лёсам – быць у цені вядомых мужоў-даследчыкаў.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае; гістарыяграфія XX ст.; жаночыя біяграфіі.

The article examines a number of women researchers biographies, who studied the history of the Grand Duchy of Lithuania from the 20th century and who were formed as scientists in the university landscape of Central and Eastern Europe, mainly in the Vilnius University of Stefan Batory, left their mark in the historical science of the Polish People's Republic, and were united common fate to be in the shadow of famous research husbands.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; historiography of the 20th century; women's biographies.

У 2015 г. Генеральная асамблея Арганізацыі Аб'яднаных Нацый прыняла рашэнне пра абвяшчэнне Міжнароднага дня жанчын і дзяўчын у навуцы – 11 лютага кожнага года. Пытанне, якое павінна ўздымацца перад сусветнай супольнасцю, тычыцца «навукі і гендарнай роўнасці». І хаця «жаночая складаючая» ў гуманітарных навуках агулам вышэй за шэраг іншых навуковых накірункаў, але ў прыватнасці ў гістарычнай навуцы колькасць даследчыц з навуковымі ступенямі непараўнальна меншая за «мужчынскую». Аднак XX ст., якое з'яўляецца безумоўна стагоддзем навуковай эмансipaцыі жанчын, высветліла яшчэ адну цікавую акалічнасць, якую можна акрэсліць як сыход у цень – у цень навуковай творчасці і кар'еры ўласных мужоў. У гістарыяграфіі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага маюць такія прыклады, абумоўленыя не ў малой ступені і міграцыйнымі працэсамі Другой сусветнай вайны.

Акадэмічныя даследаванні па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага пачынаюць праводзіцца з пачатку XIX ст. у Віленскім імператарскім універсітэце ці на пасяджэннях Варшаўскага гістарычнага таварыства. Такія даследаванні і ўзнятыя на іх праблемы былі спробай знайсці альтэрнатыўную

гісторыю для ўсходнееўрапейскага рэгіёна, альтэрнатыву гісторыі кантынентальных імперый. Падобныя высновы рабіў і стваральнік першага ўласна ВКЛаўскага наратыву Іахім Лелявель [1]. Аднак шырокая цокавасць да праблемы Вялікага Княства Літоўскага насамрэч праявілася толькі на мяжы XIX і XX стст. Ва ўніверсітэтах Масквы, Кіева, Львова і Кракава з'явілася літаратура па гісторыі дзяржавы ў Сярэднявеччы і раннім Новым часе – Вялікага Княства Літоўскага ці Руска-літоўскай дзяржавы.

Цікавасць да тэмы Вялікага Княства з боку даследчыкаў-пазітывістаў грунтуецца на шырокім спектры крыніц, частка з якіх была выяўлена і актыўна публікавалася ў XIX – пачатку XX ст. Яны паходзяць са збораў Львова, Кракава, Вільні, Масквы і іншых цэнтраў рэгіёна Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. У асноўным гэта дакументы трох відаў: карэспандэнцыя (напрыклад, вялікага князя Вітаўта і караля Уладзіслава-Ягайлы), актывыя крыніцы (з Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага канца XV–XVI ст.), дзённікі і асабістыя матэрыялы з магнацкіх архіваў XVIII ст. (Радзівілаў, Тысенгаўзаў, Агінскіх, Храптовічаў і інш.).

У 1919–1921 гг. стварылася і рэканструявалася ўніверсітэцкая сістэма Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, як у Польшчы, так і ў Беларусі, Літве, Украіне. Галоўным універсітэцкім цэнтрам даследаванняў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў міжваенны перыяд становіцца Віленскі ўніверсітэт Стэфана Баторыя (у Савецкай Беларусі ў 1920-я гг. такім цэнтрам быў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) [2]. Пры Віленскім універсітэце ў 1920-я гг. быў заснаваны профільны навуковы часопіс «Atheneum Wilenskie» [3]. У Вільні ж працавалі Таварыства аматараў навук [4] і Інстытут Усходняй Еўропы [5]. З 1920-х гг. да працы навуковых асяродкаў былі прыцягнуты прафесары са Львова і Кракава. Але галоўнымі стваральнікамі краязнаўчых даследаванняў былі ўласна выпускнікі ўніверсітэта, якія паходзілі пераважна з Віленшчыны, Гарадзеншчыны і Берасцейшчыны.

Варта адзначыць, што велізарную ролю ў стварэнні акадэмічнай прасторы для даследавання гісторыі Гарадзеншчыны і Віленшчыны часоў Вялікага Княства Літоўскага адыграла пісьменніца Элаіза Ажэшка, якая была мецэнатам і ідэйным натхняльнікам для мясцовай навуковай інтэлігенцыі.

Усходняя Еўропа і яе акадэмічная супольнасць былі гатовыя да эмансіпацыі жанчын, да жаночага прыходу ў гістарычную навуку, да вывучэння палітычнай і эканамічнай гісторыі. Сярод выпускнікоў Віленскага ўніверсітэта Стэфана Баторыя за дваццаць год можна прыгадаць некалькі дзясяткаў даследчыц гісторыі Вялікага Княства Літоўскага [6; 7].

Аднак падзеі 1939 і 1940 гг., а таксама палітычныя змены ва Усходняй Еўропе пасля Другой сусветнай вайны прывялі да ліквідацыі віленскага ўніверсітэцкага асяродку і пераезду навукоўцаў у іншыя навуковыя цэнтры. Многія не змаглі знайсці сабе месца сярод акадэмічных даследчыкаў і ўніверсітэцкіх выкладчыкаў і пакінулі прафесію.

Аднак створаная даследчыцкая школа Вялікага Княства Літоўскага праявіла сябе ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў другой палове XX ст.

Гэта знайшло адлюстраванне ў развіцці даследаванняў па гісторыі Вялікага Княства і Усходняй Еўропы ў Польскай Народнай Рэспубліцы. І жаночы складнік у рэтрансляцыі тут вельмі важны. Хаця мускуліннасць у навуковай карпарацыі даследчыкаў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (ды і не толькі) лічылася ў другой палове XX ст. нормай.

Дазволім сабе некалькі прыкладаў навуковых біяграфій, праз якія хачелася б праілюстраваць самастойны шлях навукоўцаў-жанчын у акадэмічным асяроддзі і адначасова іх адданасць ідэі адкрыцця сваёй гісторыі ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага.

Безумоўна, на першым месцы павінна быць біяграфія доктара гістарычных навук Мар’і Лаўмянскай-Плацкоўскай (Małgorzata Lowmiańska-Plaskowska, 1899–1961). Яна была жонкай і аднадумцам прафесара Хенрыка Лаўмянскага ад 1925 г. Як і яе муж, Мар’я Плацкоўская была выпускніцай Віленскага ўніверсітэта Стэфана Баторыя ў другой палове 1920-х гг. Там жа ў 1931 г. абараніла дысертацыю і атрымала доктарскую ступень за даследаванне «Вільня перад маскоўскім нападам 1655 г.» [8]. Прымала актыўны ўдзел у праектах па вывучэнні гісторыі гарадоў Вялікага Княства Літоўскага (пад навуковым кіраўніцтвам Казіміра Хадыніцкага і Хенрыка Лаўмянскага), вывучала гарадскую геральдыку Вялікага Княства Літоўскага, этнічны склад віленскіх цэхаў і інш. [9–11]. У 1945 г. разам з мужам выехала з савецкай Вільні ў Торунь і Познань. Там працавала настаўніцай гісторыі і польскай мовы ў сярэдняй школе.

У познанскі перыяд жыцця сям’і Лаўмянскіх пані Марыя рэдагавала рукапісы работ мужа па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, большасць тэкстаў з якіх паходзілі яшчэ з віленскага жыцця. Пасля яе смерці ў 1961 г. прафесар Лаўмянскі адмовіўся публікаваць сваю працу па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. А асноўныя яго працы (напрыклад, «Палітыка Ягелонаў») выйшлі толькі пасля смерці самога прафесара пад рэдакцыяй яго вучняў Марцэлія Космана, Кшыштафа Пяткевіча, Артура Кіяса, Станіслава Александровіча, Рафала Віткоўскага ў канца 1980-х – сярэдзіне 2000-х гг. [7; 12–14].

Творчы дуэт гісторыкаў добра апісалі прафесары Станіслаў Александровіч і Рафал Віткоўскі ў калектыўнай манаграфіі, прысвечанай сям’і Лаўмянскіх «Дзве доктарскія ступені Віленскага ўніверсітэта Стэфана Баторыя» [15].

Наступнай нашай гераіняй будзе Ванда Звольская, у дзявоцтве Мацэновіч (Wanda Zwolska z domu Macenowiczów, 1913–1979). Яе мужам быў Багуміл Звольскі, доктар філасофіі, прафесар, які займаўся гісторыяй Вялікага Княства Літоўскага, уласна гісторыяй Рэфармацыі на беларускіх і літоўскіх землях.

Ванда Звольская пачынала свой навуковы шлях у Віленскім універсітэце Стэфана Баторыя пад кіраўніцтвам прафесара Станіслава Касцялкоўскага. У 1931 г. абараніла магістарскую дысертацыю на тэму «Смерць Эрнэста Годфрыда Гродка» («Śmierć Ernesta Godfryda Grodka»). Пасля 1945 г.

пераехала ў Лодзь. З 1950 г. выкладала методыку выкладання гісторыі ў Лодзьскім універсітэце, дзе ў 1963 г. абараніла доктарскую дысертацыю па гісторыі адукацыі [16; 17].

Яе калегай па семінары прафесара Касцялкоўскага была Марыя Пуцятава, у дзявоцтве Багдановіч (Maria Puciatowa z Bohdanowiczów, 1901–1982). Выпускніца гістарычнага факультэту ў Віленскім універсітэце Стэфана Баторыя ў 1928 г. абараніла доктарскую дысертацыю на тэму «Гісторыя Літоўскай скарбавай камісіі ў апошнія пятнаццаць гадоў панавання Станіслава Аўгуста» («Dzieji Komisji Skarbowej Litewskiej w ostatnim piętnastoletciu panowania Stanisława Augusta») пад навуковым кіраўніцтвам Станіслава Касцялкоўскага. Публікавала работы па гісторыі канфедэрацый у Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. на землях Вялікага Княства Літоўскага [18].

У 1929–1939 гг. Марыя Пуцятава працавала асістэнтам у Віленскім універсітэце Стэфана Баторыя. І як многія з яе калег, хто перажыў Другую сусветную вайну, вымушана была эміграваць. З верасня 1946 г. яна становіцца супрацоўніцай, намеснікам дырэктара, а з 1955 па 1973 г. дырэктарам бібліятэкі ў Торуньскім універсітэце Мікалая Каперніка. Дзякуючы яе намаганням бібліятэка ўніверсітэта папоўнілася фондамі прыватных бібліятэк, у тым ліку фондаў прафесуры Віленскага ўніверсітэта, матэрыяламі па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Гэта відавочна прадстаўляла магчымасць для вывучэння гісторыі як самога Вялікага Княства, так і ўсходнеўрапейскага рэгіёна ў Торуні [19].

Яе мужам быў гісторык Павел Пуцята з Віцебска. Таксама спецыяліст па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, а таксама Полаччыны і Віленшчыны ў XIX ст. Займаўся гісторыяй падзелаў Рэчы Паспалітай, складам і дзейнасцю прадстаўніцтва на сейме падчас паўстання 1830–1931 гг.

Яшчэ адна даследчыца гісторыі Вялікага Княства Літоўскага – Ганна Крыстына Калянкевіч-Міровіч (Anna Krystyna Kalenkiewicz-Mirowiczowa, 1903–1967), таксама выпускніца гістарычнага факультэта Віленскага ўніверсітэта Стэфана Баторыя, студэнткай прафесара Касцялкоўскага. У 1927 г. пад яго навуковым кіраўніцтвам абараніла магістарскую дысертацыю на тэму «Адносіны літоўскіх соймаў у пытанні падзення Антонія Тызенгаўза» («Stanowisko sejmików litewskich wobec upadku Antoniego Tyzenhauza»). У 1933 г. выйшла яе манаграфія «Распад партыі Тызенгаўза пад уплывам літоўскіх соймаў» («Rozkład partii Tyzenhauza na tle sejmików litewskich») [20; 21].

Мужам Ганны Калянкевіч-Міровіч быў Анатоль Міровіч (1903–1996), прафесар Варшаўскага ўніверсітэта, загадчык кафедры рускай філалогіі, мовазнавец і русіцыст.

Крыху іншую гісторыю і іншыя ўмовы захаплення гісторыяй Вялікага Княства можна праілюстраваць на прыкладах наступных гераінь.

Сярод патрыярхаў і даследчыкаў Вялікага Княства Літоўскага варта вылучыць кар’еру, уклад у развіццё праблематыкі і ўплыў навуковай

творчасці на наступныя пакаленні гісторыкаў дынастыі і дзяржаўнасці ў эпоху Сярэднявечча ўсяго рэгіёна Цэнтральнай і Усходняй Еўропы Эвы Малечынскай. Прафесар Эва Малечынска, у дзяючце Швайгер (Ewa Malczyńska-Szweiger, 1900–1972), нарадзілася ў Львове, пачала вывучаць гісторыю ва Універсітэце Яна Казіміра, і свой прафесійны шлях распачала асістэнтам на кафедры гісторыі Польшчы ў 1923 г., а ў 1924 г. атрымала доктарскую ступень. Эва Малечынска была вучаніцай прафесара Станіслава Закшэўскага, а таксама свайго мужа Караля Малечынскага. Часам у спісе яе навуковых апекуноў з’яўляецца і імя Людвіга Каланкоўскага.

Перад пачаткам Другой сусветнай вайны Эва Малечынска апублікавала некалькі навуковых прац, прысвечаных дынастычнаму вымярэнню гісторыі рэгіёна, прысвечаных стасункам паміж Ягелонамі і мясцовымі манаршымі дынастыямі [22; 23]. Вяснэй 1945 г. Эва Малечынска выехала разам з сям’ёй у Кракаў. Калі яе запрасілі ў наступным годзе на новы гістарычны факультэт у Вроцлаўскі ўніверсітэт, яна не адмовілася. І прайшла ўсе прыступкі ўніверсітэцкай кар’еры загадчыка кафедры польскай і ўсеагульнай гісторыі да XV ст. У 1948 г. яна атрымала ступень доктара хабілітаванага на гуманітарным факультэце Універсітэта Мікалая Каперніка ў Торуні. Тэма яе дысертацыі – «Палітычная роля каралевы Соф’і Гальшанскай...». Сярод яе кансультантаў быў Людвіг Каланкоўскі, вядомы спецыяліст па палітычнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага эпохі Ягелонаў.

Даследаванне біяграфіі Соф’і Гальшанскай стане сапраўднай з’явай у даследаванні Ягелонаў у XX ст. і візітнай карткай для самой даследчыцы шырока па-за межамі польскай гістарыяграфіі. Манаграфія, прысвечаная маці Ягелонаў і апошняй жонцы Уладзіслава-Ягайлы, была заснавана на распрацоўках аўтара яшчэ з 1930-х гг., высновы апрабіраваны яшчэ ў львоўскі перыяд [24]. У пасляваеннай Польшчы ўсё гэта ў сукупнасці з гендарнай палітыкай дзяржавы дазволіла Эве Малечынскай атрымаць вышэйшую вучоную ступень.

У вроцлаўскі перыяд навуковай дзейнасці Эва Малечынска была сканцэнтравана на пытаннях кантактаў паміж Польшчай і яе суседзямі, у тым ліку на гусіцкіх адносінах, якія тычыліся і Вялікага Княства, і гісторыі рэгіёна Цэнтральнай і Усходняй Еўропы XV ст. Некаторыя працы былі напісаны разам з мужам – дырэктарам гістарычнага факультэта Вроцлаўскага ўніверсітэта.

Яшчэ адна асоба з групы прафесараў-спецыялістаў па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага – Мар’я Барбара Пеховяк-Тапольска (Maria Barbara Piechowiak-Topolska, нарадзілася ў 1938 г.). Была жонкай вядомага польскага гісторыка і метадолага Ежы Тапольскага. Выпускніца Універсітэта імя Адама Міцкевіча ў Познані, вучаніца прафесара Хенрыка Лаўмянскага. Свае навуковыя ступені атрымала ва ўніверсітэце ў Познані адпаведна ў 1966 і 1984 гг. Да 2004 г. акадэмічная кар’ера была звязана з Познанню, а выкладчыцкая з 1997 г. – з Вышэйшай педагагічнай школай у Зялёнай Гуры, дзе прафесар кіравала пяццю доктарскімі дысертацыямі.

Асноўныя навуковыя інтарэсы Мар’і Барбары Тапольскай – культура Вялікага Княства Літоўскага на сучасных літоўскіх, беларускіх і ўкраінскіх землях у XV–XIX стст. Сярод найбольш вядомых прац у гэтым накірунку трэба адзначыць «Шклоўскія маэнткі ва Усходняй Беларусі ў XVII–XVIII ст.», «Чытач і кніга ў Вялікім Княстве Літоўскім у эпоху Рэнесансу і Барока», «Трансфармацыі заходнееўрапейскага культурнага памежжа паміж Бугам ды Дзвіной і Дняпром (польска-літоўска-беларуска-ўкраінскі лёс з XV па XX стст.)», «Агульная ці асобная гісторыя: палякі, літоўцы, беларусы, украінцы ў іх гістарычных узаемазвязях (XV–XX ст.)», «Грамадства і культура ў Вялікім Княстве Літоўскім ад XV да XVIII ст.». За апошнюю прафесар атрымала ўзнагароду Міністэрства народнай адукацыі і вышэйшай школы Польшчы [25–29].

Нарэшце хацелася б прадставіць зусім іншую гісторыю. Гісторыю жыцця Ірэны Гейштар, народжанай Чарнецкай (Irena Gieysztor z domu Czarnieckich, 1914–1999), гісторыка дэмаграфіі, складальніка гістарычных атласаў па тэрыторыі Вялікага Княства і Польскага каралеўства. Яна скончыла Гістарычны факультэт Варшаўскага ўніверсітэта, была вучаніцай Марцэлія Хандэльсманна, як і яе муж Аляксандр Гейштар. Перад пачаткам Другой сусветнай вайны яны лічыліся перспектыўнымі польскімі крыніцазнаўцамі і стажыраваліся ў *École nationale des chartes* у Парыжы [30, с. 61, etc.]. Выжыўшы ў ваенныя гады, сям’я Гейштараў вярнулася ў навуку.

З 1953 г. доктар Ірэна Гейштар працавала ў Інстытуце гісторыі Польскай акадэміі навук. Займалася дэмаграфіяй і картаграфіяй. Сярод яе прац вярта звярнуць увагу на «Гістарычны атлас Польшчы», які выдаваўся неаднаразова з 1967 г., і «Уводзіны ў старапольскую дэмаграфію» [31; 32], якія да гэтага часу не страцілі свайго значэння.

У апошнія гады жыцця (з канца 1990-х гг.) Аляксандр Гейштар пачаў займацца гісторыяй Мазовіі, прымаў актыўны ўдзел у развіцці Акадэміі гуманітарных навук у Пултуску, нават перадаў туды сямейную бібліятэку, каб стымуляваць даследаванні гісторыі Мазовіі – навуковага захаплення яго жонкі. Аляксандр і Ірэна памерлі з розніцай у тры месяцы ў 1999 г. і былі пахаваны на могілках Павонзкі ў Варшаве.

Выбраныя персаналіі даследчыц гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XX ст. не з’яўляюцца рэпрэзентатыўнай выбаркай жаночых навуковых кар’ер сваёй эпохі. Мэта артыкула – звярнуць увагу на пытанне біяграфіі ў гістарыяграфіі і даследаванне лёсу жанчын у навуцы на прыкладзе вузкай тэматыкі, лакальнага рэгіёна, абставін ваенных міграцый, што, відавочна, не спрыяе рэалізацыі навукова-творчага патэнцыялу і не дае падстаў да разваг аб гендарнай роўнасці ў бытавых умовах акадэмічных кар’ер XX ст. Пытанні ж аб лёсах сямей гісторыкаў, навуковых дынастыях неразрыўна звязаны з падзеямі XX ст. і рэгіёнам многіх культур – Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

Падобныя сямейныя біяграфіі сустракаюцца і ў іншых галінах навукі і культуры. Аднак хацелася б падкрэсліць, што падчас кардынальных пе-

рамен наймацнейшы чалавек дапамагае і падтрымлівае партнёра, і ў творчасці гэта праяўляецца ў зацменні адной з асоб. Пасля Другой сусветнай вайны жанчыны былі мацнейшыя ў нашай частцы Еўропы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Любый, А. В.* Эпоха Ягеллонов в исследованиях Иоахима Леявеля / А. В. Любый // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. – Гродна: ГрДУ, 2023. – № 15. – С. 57–65.
2. *Любы, А. У.* Gloria Jagiellonum familia, даследаванні па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XV–XVI ст. у Беларускам дзяржаўным універсітэце і Універсітэце імя Стэфана Баторыя ў 1920–1930-ыя гг. / А. У. Любы // *Вышэйшая школа*. – 2022. – № 3. – С. 32–36.
3. Bibliografia zawartości „Ateneum Wileńskiego. Uwagi wstępne / H. Łowmiański, zestawił J. Tumelis // *Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej*. – 1983. – Z. 20. – S. 227–259.
4. *Каханоўскі, Г.* Гістарычныя таварыствы / Г. Каханоўскі // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.* – Мінск: БелЭн, 1996. – Т. 3: Гімназіі – Кадэцыя. – С. 14–15.
5. Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939: idee – ludzie – dziedzictwo: z okazji 90-lecia powołania / redaktorzy tomu Jan Malicki, Andrzej Pukszo. – Warszawa: Studium Europy Wschodniej UW, 2021. – 570 s.
6. *Любы, А. Ул.* Традыцыі вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў Віленскім універсітэце імя Стэфана Баторыя і гістарыяграфія другой паловы XX ст. / А. Ул. Любы // *Библиографическое описание источника: Традиции университета: от Франциска Скорины до современности: сб. материалов Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. / БГУ; редкол.: С. Н. Ходин [и др.].* – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 150–157.
7. *Aleksandrowicz, S.* Przedmowa / S. Aleksandrowicz // *Dwa doktoraty z Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. Henryk Łowmiański Wchody miast litewskich, Maria Łowmiańska Wilno przed najazdem moskiewskim 1655 roku.* – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2005. – S. 7–12.
8. *Łowmiańska, M.* Wilno przed najazdem moskiewskim 1655 roku Wilno / M. Łowmiańska. – Wilno: Wydawnictwo Magistratu m. Wilna; Warszawa: skl. gł. w Domu Książki Polskiej, 1929. – 198, [3] s.
9. *Łowmiańska, M.* W sprawie składu narodowościowego Cechów Wileńskich: w XVI–XVIII / M. Łowmiańska. – Wilno: Druk. “Znicz”, 1930. – 5 s.
10. *Łowmiańska, M.* Dokumenty do historii kamienic, przeznaczonych na chowanie Metryki W. Ks. L. (1588–1712) / M. Łowmiańska // *Ateneum Wileńskie*. – 1930. – № 7. – S. 293–311.
11. *Łowmiańska, M.* Hrehory Ościk i jego zdrada w roku 1580 / M. Łowmiańska. – Wilno: Druk. Lux, 1933. – 22 s.
12. *Pietkiewicz, K.* Od wydawca / K. Pietkiewicz // *Polityka Jagiellonów / Henryk Łowmiański; do dr. przygot. Krzysztof Pietkiewicz.* – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1999. – S. I–XII.
13. *Kosman, M.* Szkic do portretu Uczzonego / M. Kosman // *Prusy – Litwa – Krzyżacy / Henryk Łowmiański; wyboru dokonał, oprac., wstępem i posłowiem opatrzył Marceli Kosman.* – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – S. 5–34.
14. *Przedmowa // Zaludnienie Państwa Litewskiego w wieku XVI: zaludnienie w roku 1528 / Henryk Łowmiański; do dr. przygot. Artur Kijas i Krzysztof Pietkiewicz.* – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1998. – S. 5–8.

15. *Witkowski, R.* Nota od wydawca / R. Witkowski // Dwa doktoraty z Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. Henryk Łowmiański Wchody miast litewskich, Maria Łowmiańska Wilno przed najazdem moskiewskim 1655 roku. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 2005. – S. 13–17.

16. *Śreniowska, K.* Zwolska Wanda / K. Śreniowska // Słownik historyków polskich. – Warszawa, 1994. – S. 583–584.

17. *Dąbrowska, M.* Fizyka Zwolskiego Bogumił Zwolski na Uniwersytecie Łódzkim (1945–1979) / M. Dąbrowska // Przegląd nauk historycznych. – 2015. – R. XIV. – № 2. – S. 255–267.

18. *Puciatowa, M.* Dzieje Komisji skarbu Rzeczypospolitej W. Ks. Litewskiego za rządów targowickich i sejmu grodzieńskiego / M. Puciatowa // Księga pamiątkowa Koła Historyków Słuchaczy Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie 1923–1933. – Wilno: Zrzeszenie Kół Naukowych, 1933. – S. 189–204.

19. Pracownicy nauki i dydaktyki Uniwersytetu Mikołaja Kopernika 1945–2004. Materiały do biografii / Kalebka S. (red.). – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006 – S. 574.

20. *Kozłowski, M.* Nauczyciel i wychowawca. O uczniach Stanisława Kościłkowskiego / M. Kozłowski // Stanisław Kościłkowski pamięci przywrócony / red. Małgorzata Dąbrowska. – Warszawa–Łódź: IPN, 2016. – S. 130–179.

21. *Zwolski, B.* Wykaz tematów prac doktorskich oraz prac magisterskich i nauczycielskich w zakresie historii, przyjętych w latach 1923–1933 przez komisję Egzaminacyjną Wydz. Humanistycznego U.S.B. / B. Zwolski // Księga pamiątkowa Koła Historyków Słuchaczy Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie 1923–1933. – Wilno: Zrzeszenie Kół Naukowych, 1933. – S. 368.

22. *Maleczyńska, E.* Książęce lenno mazowieckie 1351–1526 / E. Maleczyńska. – Lwów: nakł. Towarzystwa Naukowego, 1929. – 160 s.

23. *Maleczyńska, E.* Społeczeństwo polskie pierwszej połowy XV wieku wobec zagadnień zachodnich: studia nad dynastyczną polityką Jagiellonów / E. Maleczyńska. – Wrocław: nakł. Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego: Skład Główny w Księgarni J. Lacha, 1947. – 163, [1] s.

24. *Maleczyńska, E.* Rola polityczna królowej Zofii Holszańskiej na tle walki stronnicztwa w Polsce w latach 1422–1434 / E. Maleczyńska. – Lwów: Towarzystwo Naukowe, 1936. – 118, [1] s.

25. *Topolska, M. B.* Dobra szklowska na Białorusi Wschodniej w XVII i XVIII wieku / M. B. Topolska. – Warszawa: Państw. Wydaw.Naukowe, 1969. – 163 s.

26. *Topolska, M. B.* Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku / M. B. Topolska. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – 337, [2] s.

27. *Topolska, M. B.* Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku / M. B. Topolska. – Poznań: Wydaw. Naukowe; Zielona Góra: dystr. Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2002. – 448 s.

28. *Topolska, M. B.* Przemiany zachodnioeuropejskiego pogranicza kulturowego pomiędzy Bugiem a Dźwiną i Dnieprem: polsko-litewsko-białorusko-ukraińskie losy od XV do początku XX wieku: kurs 14 wykładów / M. B. Topolska. – Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2009. – 498 s.

29. *Topolska, M. B.* Historia wspólna czy rozdzielna: Polacy, Litwini, Białorusini, Ukraińcy w ich dziejowym stosunku (XV–XX w.) / M. B. Topolska. – Toruń: Oficyna Wydawnicza Kucharski, 2015. – 380 s.

30. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze / Robert Jarocki. – Warszawa: Fundacja Bankowa im. Leopolda Kronenberga: Rzeczpospolita, 2001. – 359 s.

31. Atlas historyczny Polski / I. Gieysztor [et al.]; red. W. Czapliński, T. Ładogórski. – Warszawa: Państwowe Przedsiębiorstwo Wydawnictw Kartograficznych, 1967, etc. – 54, 55 s.: mapy.

32. Wstęp do demografii staropolskiej / I. Gieysztorowa; Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. – Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1976. – 310 s.

(Дата падачы: 26.02.2024 г.)

И. А. Макаренко

Республиканский центр экологии и краеведения, Минск

I. Makarenko

Republican Center of Ecology and Local Lore, Minsk

УДК [94:297.014] (410) «1997/2010»

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1997–2010 ГГ.)

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL EDUCATIONAL POLICY IN THE UK (1997–2010)

В статье проанализированы мероприятия лейбористских правительств Т. Блэра и Г. Брауна в рамках проводимой ими религиозной политики в отношении учреждений общего среднего образования. Раскрыты ключевые тенденции данной политики в контексте британского мультикультурализма. На основе широкой гаммы источников дана оценка работы этих учебных заведений со стороны британской общественности. Установлено, что вышеуказанная политика оказалась не вполне состоятельной.

Ключевые слова: Великобритания; «новые лейбористы»; школьное образование; религиозные школы; мультикультурализм; христианство; ислам; индуизм.

The article analyzes the activities of the Labour governments of T. Blair and G. Brown within the framework of their religious policy towards institutions of general secondary education. The key trends of this policy in the context of British multiculturalism are revealed. Based on a wide range of sources, an assessment of the work of these educational institutions by the British public is given. It is established that the above-mentioned policy turned out to be not completely sound.

Keywords: Great Britain; New Labour; schooling; religious schools; multiculturalism; Christianity; Islam; Hinduism.

В современном обществе мультикультурной политике отводится важная роль не только на региональном, но и на глобальном уровне. На наш взгляд, теоретическое осмысление феномена мультикультурализма представляется необходимым в свете социально-политических событий последнего

десятилетия, особенно миграционных кризисов в Европе и др. В системе общего среднего образования мультикультурная политика призвана решать такие вопросы, как борьба с сегрегацией и расизмом, установление принципов равноправия и равных возможностей и т. д.

Данная тема достаточно обстоятельно изучена в трудах англоязычных авторов. Обширный фактологический материал относительно различных аспектов мультикультурализма представлен в исследованиях У. Кимлика [1], К. Аллена [2], В. Латура [3], Т. Мудуда [4], Л. Муховецки [5], Ф. Матье [6], Д. Джаппа [7], В. Белевандера [8], Д. Гилларда [9].

В российской историографии вопросы, которые являются предметом нашего изучения, разработаны фрагментарно. Среди российских ученых следует выделить А. Веретевскую [10], А. Громыко [11], Т. Кондратьеву [12], Л. Мамедову [13], Ф. Плещунова [14; 15]. Также следует отметить работу авторского коллектива сотрудников Института Европы РАН «Дилеммы Великобритании: поиски путей развития» [16], в которой содержится информация о становлении и формировании мультикультурного общества в Соединенном Королевстве. В белорусской историографии проблемами формирования британской модели мультикультурного общества отчасти занимались такие исследователи, как А. Игнатович [17; 18], Е. Моисеева [19–20], А. Сурма [21].

Основными источниками данной работы служат нормативные правовые акты [22–26], правительственные отчеты [27–29], стенограммы парламентских заседаний [30–32], материалы СМИ [33–39]. Исследование базируется на принципах историзма, системности и объективности. Автором использовались историко-генетический, историко-сравнительный и ретроспективный методы.

Ситуация с организацией образовательного процесса в системе школьного образования для этнических меньшинств во многом олицетворяла диалог между принимающим обществом и иммигрантами [17, с. 60]. К 1997 г. около 7000 государственных школ Великобритании уже являлись религиозными по специфике своего образовательного процесса [19, с. 355]. Большинство из них получили денежные средства из фонда «добровольной помощи» (Voluntary aided school's)¹. Эти школы контролировались англиканской и католической церквями Соединенного Королевства.

¹ После принятия акта Батлера в 1944 г. финансируемые из государственного бюджета школы в Англии и Уэльсе имели статус «поддерживаемых». В большинстве из них преобладал религиозный характер образовательных услуг. До принятия Закона об образовании 1944 г. добровольными школами были учебные заведения, связанные с религиозными группами. Данный закон ввел более высокие социально-экономические стандарты в отношении имущества школы и предоставил им возможность выбора в финансировании расходов. Территория и здание школы, как правило, принадлежали закрепленному благотворительному фонду, который назначал директора школы. Однако в компетенции местных властей находил найм персонала и ответственность за зачисление учащихся на обучение.

В дальнейшем правительство Т. Блэра планировало развивать разнообразие религиозных школ и усилить глубину их межкультурного взаимодействия. Так, в 1998 г. была выдвинута инициатива о начале государственного финансирования школ, принадлежащих к иным конфессиям, проживающим в Великобритании [9; 22, р. 53]. Это было связано с тем, что отныне местные органы власти обязывались обеспечить предоставление образовательных услуг в отношении учебных заведений с «добровольной помощью», содержащих в себе религиозный компонент, вне зависимости от вероисповедания. В соответствии с Законом об образовании 1996 г., предоставление образовательных услуг религиозного характера призвано было способствовать духовному, нравственному и физическому развитию учащихся и их последующей адаптации в британском обществе [23, р. 199]. Отчисление учащихся проводилось на основе ходатайства их родителей или в связи с плохой успеваемостью [22, р. 56–57].

Школы, получавшие средства из фонда добровольной помощи, следовали «Национальной учебной программе»¹. Она включала основные и вспомогательные дисциплины, а среди основных предметов значились математика, английский язык и естествознание². В дальнейшем данная программа продолжала совершенствоваться методики в области счета и письма (для начального образования) [24, р. 9].

В конце 1990-х гг. начали функционировать начальная школа Аль-Исламия в Лондоне (Al-Islamiya primary school) и начальная школа Аль-Фуркан в Бирмингеме (Al-Furqan primary school). Данные учебные заведения стали первыми мусульманскими школами Великобритании, которые обрели статус финансируемые государством [27, р. 2; 28, р. 3–4]. Министр образования Великобритании Д. Бланкетт по этому поводу заявил: «Я удовлетворен тем, что новые школы обеспечат хороший уровень образования и будут финансово жизнеспособными. Очевидно, что религия играет большую роль, и родители-мусульмане хотят отправить сюда своих детей точно так же, как родители-христиане или евреи хотят отправить своих детей в специализированные христианские или иудейские школы. Ибрагим Хьюитт, основатель британского филиала Ассоциации мусульманских

¹ Набор образовательных рамок и стандартов, использовавшихся в британских начальных и средних школах. Данный документ показывал, какие школьные дисциплины относились к основным и вспомогательным категориям. Учебная программа была разработана в соответствии с образовательной реформой 1988 г. Первоначально она распространялась на территории Англии и Уэльса. Первые учебные программы по отдельным предметам были разработаны и опубликованы в 1989 г. В этом же году в британских школах началось преподавание школьных дисциплин на основе данной методики.

² В школах субнациональных регионов Великобритании в качестве основной дисциплины предусматривалась также аттестация по национальному языку административно-территориальной единицы.

школ¹ (Association of muslim school's) позитивно оценил решение г-на Бланкетта, полагая, что столь смелое решение позитивно повлияет на отношения с христианским населением [34].

Образовательный процесс в вышеназванных школах строился в соответствии с традициями и нормами ислама. Так, согласно одному из отчетов, предоставленных Офстедом (Ofsted²) в феврале 2001 г., качество религиозного образования, обеспечиваемое данными заведениями, было хорошим, что объяснялось высоким уровнем успеваемости учащихся. Администрация данных школ давала четкое видение и понимание того, как они хотят видеть дальнейшую внешнюю и внутреннюю стратегию своего развития, а также высокие амбиции в отношении своих учащихся [28, р. 11–14].

В 1998 г. средняя школа имени Д. Лафборо в Лондоне также получила статус финансируемой государством. Ею управляли представители, исповедующие протестантизм. В последующие три года еще две иудейские школы обрели государственное финансирование [9]. В целом, следует отметить, что в период первой легислатуры Т. Блэра политика межкультурного взаимодействия в области школьного образования протекала в русле предоставления государственных льгот и субсидий школам, выражающим интересы этнических меньшинств Великобритании (мусульмане, индусы, евреи и др.).

Во время второго срока правления Т. Блэра политика по расширению роли религиозного компонента в системе школьного образования Великобритании продолжалась. В Белой книге «Школы достигают успеха» (School achieving success) было зафиксировано, что религиозные школы в структуре британского образования будут стремиться к сотрудничеству с частными корпорациями, а также привлекаться к управлению школами в неблагополучных районах Соединенного Королевства [25, р. 68]. Впрочем, вскоре политика мультикультурализма в стране начала давать первые сбои. В декабре 2001 г. по инициативе правительства был опубликован доклад директора городского совета [мэра – *прим. авт.*] Ноттингема Т. Кантла

¹ В Великобритании данная организация, основанная в 1992 г., представляла собой сеть школьных учреждений на начальной и средней ступени получения образования. Она способствовала проведению различных конференций и круглых столов по актуальным проблемам исламоведения, обмену опытом между педагогами, организации межшкольных спортивных соревнований и т. п. В наши дни в Соединенном Королевстве насчитывается около 130 мусульманских школ, находящихся под патронажем данной организации.

² Бюро по стандартам в области образования и услуг для детей является подотчетным парламенту образовательным органом власти. В его компетенцию входило инспектирование и контроль учебных заведений (главным образом государственные и частные школы). Результаты проведенных проверок Офстед публиковал в виде онлайн-отчетов на своем официальном сайте. Это делалось с целью повышения общего уровня образования в стране.

под названием «Сплоченность общества» о беспорядках, вызванных этническими и религиозными разногласиями, которые произошли летом в северных городах Великобритании [33]. Для расследования этнических столкновений учреждалась специальная комиссия, перед которой была поставлена задача не только выявить причины, но и разработать комплекс мер с целью недопущения подобных эксцессов в будущем [29, р. 11].

Комиссия посетила ряд городов, в которых имели место столкновения между коренными британцами и иммигрантами-мусульманами: Олдем, Бернли, Брэдфорд, Саутхолл, Бирмингем, Лестер и Шеффилд. Ее участники пришли к выводу, что ситуация в них схожая: иммигрантские общины сосредоточены в определенных городских кварталах, где, как правило, невозможно обнаружить коренных британцев [29, р. 13]. Существенное препятствие на пути к мультикультурности в области школьного образования Т. Кантл видел в существовании монокультурных школ, поэтому решить данную проблему он предлагал за счет лимита на зачисление представителей одной этнической группы в светские и религиозные школы. Впрочем, такая политика правящей партии столкнулась с широкой критикой со стороны британской общественности. Опрос общественного мнения, который провело интернет-агентство «Ваше правительство» (You government), показал, что из 6000 опрошенных около 80 % скептически относятся к действиям властей [34].

В ходе конференции «Ассоциации учителей и лекторов» (Association teacher's and lecturer's) в Кардиффе в марте 2002 г. часть ее участников потребовала от правительства отказаться от инициативы по увеличению количества религиозных школ, что являлось продолжением дискуссии относительно дальнейшего развития религиозного образования в стране [36]. В то время, как одна часть делегатов выразила обеспокоенность, что рост количества религиозных школ «приведет к еще большему разобщению британского общества», другая не согласилась с подобной риторикой своих коллег. Критика религиозных школ, по их мнению, являлась глубоко дискриминационной, поскольку «дети происходили из семей, где их вера уже устоялась» [36].

В 2004 г. исследователи из Бристольского университета под руководством профессора С. Берджесса пришли к выводу, что с увеличением числа различных типов монокультурных школ детские площадки в центре Англии становятся монокультурными зонами и, следовательно, питательной средой для нетерпимости и расизма. Сегрегация, по мнению С. Берджесса, особенно высока среди учащихся из южно-азиатского региона (главным образом, Индии, Пакистана, Бангладеш). Именно они подвергаются сегрегации. Исследование показало, что районы особенно высокой сегрегации учащихся из Южной Азии почти точно совпадали с местами самых серьезных беспорядков во время массовых волнений 2001 г. [37].

Причину этого С. Берджесс видел в неспособности местных и центральных органов власти решить проблему дискриминации по расовому признаку.

Мусульманские ученые и педагоги обращали внимание на то, что британское государственное образование не отвечает потребностям учеников-мусульман, требуя специальных исламских предметов, мольельных комнат в средних школах и распространения раздельного образования [38]. Позднее данный вопрос был взят на контроль главным инспектором Бюро по стандартам в области образования Д. Беллом. Выступая в январе 2005 г. на одном из заседаний Хансардского общества¹ (Hansard society), он заявил: «Меня беспокоит то, что многие учащиеся получают образование в религиозных школах, мало осознавая свои более широкие обязанности и обязательства перед британским обществом [39]. Правительство должно тщательно, но чутко контролировать рост числа религиозных школ, чтобы гарантировать, что ученики во всех школах получают понимание не только своей собственной веры, но и других религий.

Теракты, совершенные исламскими фундаменталистами в лондонском метро 7 июля 2005 г., существенно повлияли на отношение британцев к политике мультикультурализма. Как подчеркивал журнал «The Economist», после этих трагических событий слово «мультикультурализм» прочно вошло в британский политический лексикон, но при этом приобрело негативный оттенок [13].

В целом, в период 2005–2007 гг. основным аргументом против религиозных школ было то, что они разделяют общины. Премьер-министр Шотландии Д. МакКоннелл потребовал объединить в поворотимы римско-католические и светские школы в попытке преодолеть сектантские разногласия в стране [9].

Продолжившиеся в период пребывания у власти Г. Брауна общественные беспокойства относительно увеличения численности религиозных школ привели к появлению доклада «Вера в систему [школьного образования – *И. М.*]» [26]. Данный документ касался таких образовательных аспектов, как процедура зачисления и отчисления учащихся, роль религиозных школ в общественно-политической жизни Соединенного Королевства, в процессе взаимоотношений родителей учащихся с администрацией школ, учебно-воспитательном процессе. Подчеркивалось, что правительство по-прежнему привержено созданию новых школ, в том числе религиозными организациями, но лишь в тех случаях, когда этого хотят и родители, и общество, когда большее разнообразие поможет повысить образовательные стандарты [26, р. 4].

Анализ процесса развития поликультурных школ в Соединенном Королевстве в период нахождения у власти «новых лейбористов» позволяет сделать вывод, что деятельность правительств Блэра и Брауна в отношении

¹ Источник независимых исследований и рекомендаций по социально-политическим проблемам развития британского общества, основанный в 1944 г. Включает в себя такие направления работы, как привлечение зарубежных учащихся на обучение в британских школах и вузах, разработка рекомендаций по улучшению парламентских и законодательных процессов путем политических анализов последних.

религиозных школ прошла несколько этапов. Первый этап, продолжающийся с 1998 по 2001 г., заключался в становлении политики по расширению религиозных школ и в целом толерантном отношении британцев к подобным мероприятиям. После прокатившихся волнений 2001 г., а также июльских терактов 2005 г. отношение британцев к иммигрантам (главным образом, выходящим из мусульманских стран) и к политике по расширению таких школ стало меняться. Продолжавшаяся в британском обществе дискуссия относительно мультикультурной политики показала, что ее британская модель неспособна полностью утвердиться в стране.

Список использованных источников

1. *Kymlicka, W.* Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka. – New York: Oxford University Press, 2007. – 374 p.
2. *Allen, C.* Islamophobia and the Crises of Europe's Multiculturalism / C. Allen // New multicultural identities in Europe: religion and ethnicity in secular societies: Current issues in Islam / Eds. E. Toguslu, J. Leman, İ. M. Sezgin. – Leuven, 2014. – Ch. 11. – P. 213–228.
3. *Latour, V.* 'Muscular Liberalism: Surviving Multiculturalism? A Historical and Political Context of David Cameron's Munich Speech [Electronic resource] / V. Latour // Observatoire de la société britannique. – 2012 – № 12. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/osb/1355#ftn18>. – Date of access: 21.04.23.
4. *Modood, T.* Multiculturalism: A Civic Idea / T. Modood. – Second edition. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 243 p.
5. *Muchowiecka, L.* The End of Multiculturalism? Immigration and Integration in Germany and the United Kingdom [Electronic resource] / L. Muchowiecka // Inquiries journal. – 2013. – Vol. 5, № 6. – Mode of access: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/735/the-end-of-multiculturalism-immigration-and-integration-in-germany-and-the-united-kingdom>. – Date of access: 07.04.2023.
6. *Mathieu, F.* The Failure of State Multiculturalism in the UK? An Analysis of the UK's Multicultural Policy for 2000–2015 / F. Mathieu // Ethnicities. – 2017. – Vol. 18, iss. 1. – P. 43–69.
7. *Jupp, J.* Shifting dilemmas. Multiculturalism and integration policies in Europe / J. Jupp // Migration and integration in Europe, Southeast Asia, and Australia: a comparative perspective / Eds. J. Pietsch, M. Clark. – Amsterdam, 2015. – Ch. 4. – P. 57–74.
8. *Bevelander, P.* The Twilight of Multiculturalism? Findings from across Europe / P. Bevelander, R. Taras // Challenging Multiculturalism European Models of Diversity / ed. R. Taras. – Maryland, 2013. – Ch. 1. – P. 3–24.
9. *Gillard, D.* Tony Blair and New Labour [Electronic resource] / D. Gillard // Education in England: a brief history. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/history/chapter17.html>. – Date of access: 15.04.2023
10. *Веретевская, А. В.* Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств: монография / А. В. Веретевская. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 182 с.
11. *Громыко, А. А.* Мусульманская диаспора: сложность интеграции / А. А. Громыко, Г. С. Остапенко // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / А. А. Громыко [и др.]; под ред. А. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Ананьевой. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2014. – Гл. 13. – С. 221–260.

12. *Мамедова, Л. К.* Мультикультурализм в государственной политике Великобритании: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Л. К. Мамедова. – М., 2013. – 198 л.
13. *Кондратьева, Т. С.* Великобритания в ловушке мультикультурализма [Электронный ресурс] / Т. С. Кондратьева // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – 2011. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/srez/etnos/velikobritanija_v_lovushke_multikulturalizma_2011-10-07.htm. – Дата доступа: 04.04.2021.
14. *Плецунов, Ф. О.* Британская политика мультикультурализма и радикализация мусульманской молодежи страны / Ф. О. Плецунов // Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность. – 2009. – № 1. – С. 100–108.
15. *Плецунов, Ф. О.* Мусульманские школы Великобритании: борьба за государственное финансирование / Ф. О. Плецунов // Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность. – 2008. – № 1. – С. 74–82.
16. Дилеммы Британии. Поиск путей развития / А. А. Громыко [и др.]; под общ. ред. А. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Ананьевой. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2014. – 462 с.
17. *Игнатович, А. Е.* Мусульманская община Великобритании (конец XX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. Е. Игнатович. – Могилев, 2018. – 158 л.
18. *Игнатович, А. Е.* Мусульманская община и кризис британского мультикультурализма в начале XXI в. / А. Е. Игнатович // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2017. – № 4. – С. 82–88.
19. *Моисеева, Е. И.* Политика мультикультурализма в Великобритании в период правления М. Тэтчер / Е. И. Моисеева // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 354–367.
20. *Моисеева, Е. И.* Политика мультикультурализма в Великобритании в сфере образования (1979–1997 гг.) / Е. И. Моисеева // Педагогические и психологические вопросы поликультурного воспитания учащейся молодежи: сб. материалов конф. по поликультурн. образованию (Минск, 20 дек. 2018 г.) / редкол.: О. С. Попова [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 87–93.
21. *Сурма, А. А.* Социальная политика правительств Д. Кэмерона: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. А. Сурма. – Минск, 2021. – 264 л.
22. School Standart's and Framework Act 1998 [Electronic resource] / Education in England: a brief history. – 303 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1998-school-standards-framework-act>. – Date of access: 28.04.2023.
23. Education Act 1996 [Electronic resource] / Education in England: a brief history. – 557 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1996-education-act.html>. – Date of access: 28.04.2023.
24. White Paper: Excellence in Schools (1997) [Electronic resource] / Education in England: a brief history. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/wp1997/excellence-in-schools.html>. – Date of access: 09.06.2022.
25. White Paper Schools Achieving Success [Electronic resource] / Great Britain: Department for education and skills. – 2001. – 78 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2001-schools-achieving-success.pdf>. – Date of access: 15.11.2021.
26. Faith in the System. The Role of Schools with a Religious Character in English Education and Society [Electronic resource] / Great Britain: Department for children, education and

society. – 24 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2007-faith-in-system.pdf>. – Date of access: 03.05.2023.

27. Inspection Report Al-Furqan Primary School [Electronic resource] / by N. Moss – Great Britain: Birmingham. – 2001. – 12 p. – Mode of access: <https://files.ofsted.gov.uk/v1/file/779577>. – Date of access: 02.05.2023.

28. Inspection Report Al-Islamiya Primary School [Electronic resource] / by L. Brackstone. – Great Britain: London. – 2000. – 37 p. – Mode of access: <https://files.ofsted.gov.uk/v1/file/775373>. – Date of access: 02.03.2023.

29. Community Cohesion: Report of the Independent Review Team [Electronic resource] / by T. Cante. – Great Britain: Home Office Building. – 2001. – 80 p. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/239466847_Community_Cohesion_a_Report_of_the_Independent_Review_Team. – Date of access: 01.05.2023.

30. House of Commons Parliamentary Hansard Debates 06.02. 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmhansrd/vo020206/halltext/20206h02.htm>. – Date of access: 02.03.2023.

31. House of Commons Parliamentary Hansard Debates 13.03.2002 [Electronic resource]. – Mode of access: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/2002/mar/13/engagements#column_887. – Date of access: 29.04.2023.

32. House of Commons Parliamentary Hansard Debates 08.02.2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://hansard.parliament.uk/commons/2002-02-08/debates/c510f11d-7e23-49d3-ae65-ffc778adb6c0/HouseOfCommons>. – Date of access: 29.04.2023.

33. T. Cante. Key Points of the Cante Report [Electronic resource] / Stuff and agencies // «The Guardian». – 2001. – December, 11. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk/2001/dec/11/race.world5>. – Date of access: 01.05.2023.

34. Government Agrees to Fund Muslim Schools [Electronic resource] / BBC News. – 1998. – January, 9. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/46069.stm. – Date of access: 01.05.2023.

35. Judd, J. Muslim Schools Win Historic Fight for State Funding [Electronic resource] / J. Judd // The Independent. – 1998. – January, 10. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/muslim-schools-win-historic-fight-for-state-funding-1137679.html>. – Date of access: 30.04.2023.

36. Woodward, W. No More Faith Schools, Says Union [Electronic resource] / W. Woodward // The Guardian. – 2002. – March, 27. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk/2002/mar/27/schools.religion>. – Date of access: 28.04.2023.

37. Denny, S. Tensions that Start in Background Union [Electronic resource] / S. Denny // The Guardian. – 2004. – April, 1. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk/2004/apr/01/race.racineducation>. – Date of access: 28.04.2023.

38. Ward, L. State Schools Must do Better for Muslims [Electronic resource] / L. Ward // The Guardian. – 2004. – June, 8. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk/2004/jun/08/politics.race>. – Date of access: 28.04.2023.

39. Smithers, R. Anger at Muslim Attacks. Claims by Education Chiefs' Democracy [Electronic resource] / R. Smithers // The Guardian. – 2005. – January, 18. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk/2005/jan/18/schools.faithschools>. – Date of access: 01.05.2023.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

Л. І. Масейчук

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

L. Maseichuk

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 94(476):94(470)

**ФАРМИРАВАННЕ МАДЭЛІ КІРАВАННЯ
БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭТАМ
У ПЕРШЫЯ ГАДЫ ЯГО ПРАЦЫ**

**FORMATION OF THE MANAGEMENT MODEL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY
IN THE FIRST YEARS OF WORK**

Артыкул прысвечаны фарміраванню мадэлі кіравання Беларускаім дзяржаўным універсітэтам у першыя дзесяцігоддзі яго працы. На падставе праведзенага аналізу нарматыўна-прававой дакументацыі былі выдзелены два этапы станаўлення адміністрацыйнага ўладкавання БДУ. Вызначана, што да канца 1930-х гг. структура кіравання ўніверсітэтам была сфарміравана і адпавядала патрабаванням пануючай ідэалагічнай мадэлі ў краіне.

Ключавыя словы: вышэйшая адукацыя; універсітэт; кіраванне; адміністрацыйная структура; студэнты; палітыка; факультэт.

The article is devoted to the formation of the management model of the Belarusian State University in the first decades of its work. On the basis of the analysis of regulatory and legal documentation, two stages of formation of the administrative arrangement of BSU were identified. It was determined that by the end of the 1930s. the management structure of the Belarusian University was formed and met the requirements of the prevailing ideological model in the country.

Keywords: higher education; university; management; administrative structure; students; policy; faculty.

Асноўным адміністрацыйна-кіруючым органам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей – БДУ), які пачаў сваю працу 30 кастрычніка 1921 г., было Праўленне. У склад Праўлення БДУ ўваходзілі: рэктар, два яго намеснікі і па аднаму прадстаўніку ад выкладчыкаў і студэнтаў (разам 5 чалавек). Першапачаткова ўсе пасады былі выбарнымі. Але пачынаючы з сярэдзіны 1920-х гг. члены Праўлення назначаліся загадам Наркамасветы БССР тэрмінам на адзін год. У кампетэнцыі Праўлення знаходзіліся пытанні вучэбна-навуковай і гаспадарча-адміністрацыйнай дзейнасці ўніверсітэта [1, арк. 187]. Праўленне БДУ працавала ў цесным кантакце з усімі мясцовымі ўрадавымі органамі і найперш з СНК БССР.

Агульнае кіраўніцтва вышэйшай навучальнай установай ускладалася на Савет БДУ. Узначальваў Савет рэктар, які ў той жа час быў і старшынёй Праўлення ўніверсітэта. Першым рэктарам і старшынёй Праўлення БДУ стаў У. І. Пічэта (1921–1930).

Пасяджэнні Савета праходзілі адзін раз у тры месяцы. У Савет БДУ ўваходзіла па 5 прадстаўнікоў ад прафесараў, выкладчыкаў, навуковых супрацоўнікаў і студэнтаў універсітэта, што ў агульнай колькасці складала 20 чалавек. Акрамя таго, у пасяджэннях Савета БДУ прымалі ўдзел прадстаўнікі наркаматаў і прафесійных арганізацый Беларусі: Саўпрафбела, Прафсаюза працаўнікоў асветы і Медыкасанпрацы, мясцама ўніверсітэта, Саўнаркама, Наркамасветы, Наркамздрава, Наркамфіна, Саўнаргаса, Цэнтрабелсаюза і Мінскага гарвыканкама [2, с. 162].

У кампетэнцыі Савета БДУ знаходзіліся пытанні навуковай і навукова-адукацыйнай дзейнасці, супрацоўніцтва з іншымі навучальнымі ўстановамі і навукова-даследчымі інстытутамі, у тым ліку і міжнароднымі.

На Савеце абмяркоўваліся прапановы аб удасканаленні структуры ўніверсітэта, абіраліся кіраўнікі прэзідыумаў факультэтаў, разглядаліся заявы аб прызначэнні пенсій, матэрыяльных кампенсацый і іншых грашовых выплат работнікам, заслухоўваліся справаздачы рэктара БДУ, прарэктараў і дэканаў аб выкананні планаў работы ўніверсітэта і яго структурных падраздзяленняў, аб выніках гаспадарчай дзейнасці і інш. У першыя гады дзейнасці ўніверсітэта на пасяджэннях Савета абіралася Праўленне БДУ. Пазней – вылучаліся кандыдаты ў Праўленне.

Рашэнні Савета БДУ афармляліся пратаколам і ўступалі ў юрыдычную сілу пасля падпісання рэктарам. Такія пастановы былі абавязковымі для ўсіх структурных падраздзяленняў універсітэта.

Такім чынам, выканаўчая ўлада належыла зацверджанаму Наркамсаветай БССР калегіяльнаму органу кіравання – Праўленню, членам і старшынёй якога быў рэктар. Кантралюючым органам з’яўляўся Савет, у які ўваходзілі прадстаўнікі ўніверсітэцкай грамадскасці.

Як і любая іншая савецкая вышэйшая навучальная ўстанова, БДУ падзяляўся на факультэты, на чале якіх стаяў дэкан. Дэкан аднаасобна адказваў перад Праўленнем БДУ за ўсё, што адбывалася на факультэце [1, арк. 17].

Справы, якія тычыліся толькі факультэтаў, былі выключна ў юрысдыкцыі Прэзідыумаў факультэтаў пад агульным кантролем Праўлення ўніверсітэта. Прэзідыумы факультэтаў кіравалі ўсёй адміністрацыйнай, навучальнай, навуковай і фінансавай дзейнасцю падраздзялення. Таксама ў іх абавязкі ўваходзіў кантроль за правядзеннем уступных іспытаў. У склад Прэзідыума факультэта ўваходзілі дэкан і два члены Прэзідыума (адзін прадстаўнік з ліку навуковых работнікаў, другі – са студэнцкай моладзі), якія назначаліся Праўленнем.

Прэзідыум факультэта меў права ствараць новыя факультэцкія аддзяленні. На чале такіх аддзяленняў стаялі Саветы, у склад якіх уваходзілі прадстаўнікі навукова-педагагічных работнікаў і студэнцкія дэлегаты. Прэзідыум Савета аддзялення абіраўся шляхам адкрытага галасавання і зацвярджаўся Праўленнем БДУ.

Такім чынам, кіруючымі органамі факультэта з’яўляліся Прэзідыум і Савет факультэта.

Пытанні, якія тычыліся адной або некалькіх роднасных дысцыплін, што выкладаліся ў БДУ, знаходзіліся ў юрысдыкцыі Прадметных камісій пад агульным кантролем і кіраўніцтвам Прэзідыума факультэта. Колькасць прадметных камісій вызначалася Прэзідыумам факультэта і зацвярджалася Праўленнем універсітэта [1, арк. 18 зв.].

У склад Прадметнай камісіі ўваходзілі ўсе навуковыя работнікі, аб'яднаныя роднаснымі дысцыплінамі, а таксама прадстаўнікі студэнтаў. Колькасць прадстаўнікоў студэнцтва была роўнай палове навуковых работнікаў. З прафесараў абіраўся старшыня прадметнай камісіі, а таксама яго намеснік і сакратар. Яны складалі бюро прадметнай камісіі, склад якога зацвярджала Праўленне БДУ.

Сярод мноства пытанняў, якія разглядаліся на пасяджэннях камісій, можна вылучыць некалькі вялікіх груп: першая – кадравыя пытанні: фарміраванне штатаў, прыём на працу і перавод супрацоўнікаў факультэта, камандзіраванне (у тым ліку за мяжу) выкладчыкаў і асістэнтаў, звальненні, узнагароджанні, прэміраванне і інш.; другая – праблемы, звязаныя са студэнцкім кантынгентам: залічэнне, заахвочванне/пакаранне, камандзіраванне, адлічэнне і г. д.; трэцяя – задачы фінансавана-гаспадарчага забеспячэння факультэта, фарміраванне бібліятэчнага фонду, размеркаванне вучэбных аўдыторый і жылых памяшканняў [3, арк. 10–21 зв.] і інш.

Неабходна падкрэсліць, што праца Саветаў факультэтаў і Прадметных камісій была накіравана, перш за ўсё, на вырашэнне адукацыйных задач. Таму цалкам натуральна, што ў кампетэнцыі прадметных камісій знаходзіліся пытанні, звязаныя з арганізацыяй навучальнага працэсу, зацвярджэннем вучэбных планаў і праграм курсаў па спецыяльнасцях, фарміраваннем метадычных камісій і арганізацыяй прыёмнай кампаніі, размеркаваннем вучэбнай нагрукі, падрыхтоўкай вучэбнага раскладу па спецыяльнасцях і курсах. За імі было замацавана права падбору кандыдатаў на прафесарскія і выкладчыцкія пасады [4, арк. 27–34, 50–57 зв.].

У. І. Пічэта (першы рэктар БДУ) у 1924/1925 навучальным годзе адзначыў, што Прадметныя камісіі па гістарычных дысцыплінах «былі тым месцам, дзе чыталіся даклады і абараняліся працы, аўтары якіх прэтэндавалі на атрыманне звання выкладчыкаў у Беларускай дзяржаўнай універсітэце» [5, арк. 12].

Аднак, як паказала практыка, Прэзідыумы факультэтаў і Прадметных камісій не спраўляліся з ускладненымі на іх задачамі. Выкладчыкі, як і прадстаўнікі студэнцтва, нярэдка прапускалі пасяджэнні Прэзідыумаў і Прадметных камісій, у выніку іх праца перастала насіць сістэматычны характар.

Да канца 1920-х гг. унутраная дзяржаўная палітыка узяла курс на паскораную індустрыялізацыю краіны. Разам з гэтым змянілася і адміністрацыйная мадэль вышэйшай школы.

У маі 1929 г. на чарговай рэктарскай нарадзе ў г. Маскве было прынята рашэнне аб неабходнасці карэннага перагляду кіравання вышэйшымі

навучальнымі ўстановамі СССР. Летам 1929 г. пры Наркамасветы РСФСР была створана камісія па падрыхтоўцы новага Палажэння аб вышэйшай адукацыі. Гэты дакумент быў ухвалены на ўсесаюзнай нарадзе кіруючых работнікаў вышэйшай школы, якая праходзіла з 8 да 14 студзеня 1930 г. [6].

Згодна з зацверджаным палажэннем, у БДУ былі скасаваны Праўленні і Прэзідыумы, ліквідаваны Прадметныя камісіі [6]. Адмянялася не толькі выбарнасць рэктара (яго сталі называць дырэктар), але і дэканаў факультэтаў (афіцыйна з гэтага часу яны сталі называцца загадчыкамі). Саветы факультэтаў скасоўваліся, а студэнцкія прадстаўнікі былі адкліканы з праўленняў і дэканатаў [7, с. 126].

У выніку сістэма кіравання стала вельмі складанай і забытанай. Адсутнічаў выразны падзел працы і адказнасці за якасць і вынікі дзейнасці. Адзіначалле абвешчалася толькі на паперы. БДУ знаходзіўся ў стане поўнай адміністрацыйнай разрухі.

У гэты ж час у рамках рэалізацыі сумеснай пастановы ЦВК і СНК СССР «Аб рэарганізацыі ВНУ, тэхнікумаў і рабфакаў» ад 23 ліпеня 1930 г. [8] і рашэння СНК РСФСР «Аб рэарганізацыі сістэмы падрыхтоўкі ўрачэбных кадраў» ад 19 чэрвеня 1930 г. [8] калегіяй СНК БССР са складу БДУ быў выведзены шэраг факультэтаў, на базе якіх былі заснаваны самастойныя інстытуты.

У выніку пераўтварэнняў на базе медыцынскага факультэта быў створаны медыцынскі інстытут. Факультэт гаспадаркі і права стаў асновай для планава-эканамічнага, фінансава-эканамічнага інстытутаў і інстытута спажывецкай кааперацыі (з 1933 г. інстытут народнай гаспадаркі). На базе факультэта права і савецкага будаўніцтва адкрылі інстытут савецкага будаўніцтва і права. Два аддзяленні педагагічнага факультэта (сацыяльна-гістарычнае і літаратурна-лінгвістычнае) былі пераўтвораны ў Вышэйшы педагагічны інстытут.

Ва ўмовах, што склаліся ў той час, неабходнасць рэарганізацыі адміністрацыйнай структуры ўніверсітэта была відавочнай.

19 верасня 1932 г. ЦВК СССР прыняў рашэнне «Аб навучальных праграмах і рэжыме ў вышэйшых школах і тэхнікумах» [8], якое істотна змяніла структуру ўнутранага кіравання ўніверсітэтам.

Згодна з пастановай пасада рэктара была ліквідавана. На чале БДУ стаяў дырэктар, які нёс адказнасць за кіраўніцтва навучальнай устаноў перад Наркамасветы БССР, арганізацыю вучэбнага працэсу, падрыхтоўку савецкіх спецыялістаў, навукова-выдавецкую дзейнасць і адміністрацыйна-гаспадарчую працу. Пад яго старшынствам быў арганізаваны Савет БДУ, у склад якога ўваходзілі намеснікі дырэктара па вучэбнай і навукавай працы, памочнік па адміністрацыйна-гаспадарчай частцы, дэканы факультэтаў, дырэктары навукова-даследчых устаноў БДУ, загадчыкі кафедраў. Па прадстаўленні дырэктара ў яго маглі ўключацца дырэктар бібліятэкі і прадстаўнікі партыйнай, камсамольскай і прафсаюзнай арганізацый універсітэта.

Была дакладна вызначана роля кафедраў і факультэтаў як асноўных вучэбных і навуковых падраздзяленняў універсітэта. Загадчык кафедры аднаасобна адказваў за яе працу, за якасць і своечасовасць падрыхтоўкі праграмы заняткаў, за метады вучэбнай работы, за падбор выкладчыкаў і іх працу.

У выніку рэарганізацыі ўніверсітэт набыў новае аблічча. Згодна з рашэннем СНК БССР «Аб рабоце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» ад 24 мая 1934 г. яго галоўнай задачай стала падрыхтоўка спецыялістаў, якія добра валодаюць асновамі фундаментальных навук для вышэйшых навучальных устаноў [9, с. 49]. Дзеля гэтага да пачатку 1936/1937 навучальнага года ва ўніверсітэце было арганізавана пяць факультэтаў і рабфак, адкрыты 23 кафедры.

Сур'ёзным стрымліваючым фактарам развіцця ўніверсітэта стала рэпрэсіўная палітыка дзяржавы ў дачыненні да прафесарска-выкладчыцкага складу, супрацоўнікаў і студэнтаў БДУ. Абвастрэнне ідэалагічнага супрацьстаяння ва ўніверсітэце ў межах разглядаемага перыяду развівалася па ўзыходзячай.

Склаўшаяся мадэль упраўлення БДУ была зацверджана пастановай СНК СССР і ЦК ВКП(б) ад 23 чэрвеня 1936 г. «Аб рабоце вышэйшых навучальных устаноў і аб кіраўніцтве вышэйшай школай». Дакументам падкрэслівалася, што «ва ўмовах перамогі сацыялізму, <...> да вышэйшых навучальных устаноў павінны быць прад'яўлены новыя, больш высокія патрабаванні, якія забяспечваюць падрыхтоўку высокакваліфікаваных, палітычна выхаваных, усебакова адукаваных і культурных кадраў» [8]. Асабліва падкрэслівалася, што адзінаначалле дырэктараў вышэйшых навучальных устаноў не павінна парушацца «адміністраваннем з боку грамадскіх арганізацый», а дырэктарам, у сваю чаргу, забаранялася «перадаваць шэраг асноўных функцый кіравання другарадным асобам» [8]. Дакумент таксама вызначаў патрабаванні да кандыдатаў на асноўныя кіруючыя пасады ў вышэйшых навучальных установах.

Згодна з пастановай на чале БДУ стаяў дырэктар. Дырэктар павінен быў мець закончаную вышэйшую адукацыю і досвед навукова-педагагічнай і/ці вытворчай працы. Зацвярджаў і вызваляў дырэктара СНК БССР па прадстаўленні Наркамсветы БССР або ЦК КП(б)Б, якія, у сваю чаргу, мелі права накладаць адміністрацыйныя спагнанні на кіраўніка ўніверсітэта. Штогод дырэктар БДУ выступаў са справаздачным дакладам аб дзейнасці ўніверсітэта на пасяджэнні Наркамсветы БССР, дзе давалася афіцыйная ацэнка вынікам яго працы [10, арк. 26–27].

Намеснік дырэктара па вучэбнай і навуковай рабоце абіраўся з ліку найбольш кваліфікаваных прафесараў БДУ. Вылучэнне кандыдатаў на гэтую пасаду магло адбывацца па ініцыятыве дырэктара ўніверсітэта, партыйнай арганізацыі БДУ і/альбо па распараджэнні Наркамсветы БССР. Права канчатковага зацвярджэння і зняцця з пасады намесніка дырэктара было толькі ў Наркамсветы БССР.

Суіскальнікі на пасаду дэкана факультэта зацвярджаліся начальнікам упраўлення навучальных устаноў Наркамсветы БССР па прадстаўленні дырэктара БДУ. Дэканы ажыццяўлялі аднаасобнае кіраўніцтва вучэбнай і навуковай працай факультэта.

На пасаду загадчыка кафедры маглі прэтэндаваць асобы, якія мелі званне прафесара або вучоную ступень доктара навук. Кандыдаты па прадстаўленні дырэктара БДУ зацвярджаліся ўпраўленнем навучальных устаноў Наркамсветы БССР [11, арк. 7 зв.].

Такім чынам, пастанова здымала многія структурныя і кадравыя пытанні, але разам з тым залішне дэталізаваная рэгламентацыя ўсёй дзейнасці ўніверсітэта пазбаўляла ўніверсітэцкую адміністрацыю свабоды дзеянняў і самастойнасці.

5 верасня 1938 г. СНК СССР зацвердзіў «Тыпавы статут ВУ» [12]. З гэтага моманту «Статут БДУ» быў асноўным юрыдычным дакументам, у якім фіксаваліся прававая падстава ўзнікнення і дата арганізацыі БДУ, ведамасная прыналежнасць, пералік спецыяльнасцей, па якіх вялася падрыхтоўка спецыялістаў, формы навучання, асноўныя прынцыпы прыёму ў ВУ, наменклатура пасадаў прафесарска-выкладчыцкага складу і парадак іх замяшчэння, вызначаліся правы і абавязкі ўніверсітэцкай адміністрацыі, рэгламентаваліся паўнамоцтвы ўніверсітэцкага Савета і інш. [13].

Статутам 1938 г. была канчаткова замацавана мадэль кіравання Беларускамі дзяржаўнымі ўніверсітэтамі.

Такім чынам, мадэль кіравання БДУ ў 1920–1930-х гг. мянялася разам са зменамі ў сістэме кіравання ўсёй вышэйшай школай СССР і праходзіла ў некалькі этапаў.

З 1921 да 1929 г. адбылася закладка падмурка кіруючай структуры ўніверсітэта, пашырылася кола рэгуляваных дзяржавай адміністрацыйных прызначэнняў, з’явіўся новы рэгламентуючы дакумент – «Палажэнне аб вышэйшых навучальных установах». Гэты перыяд характарызуецца больш аўтаномным развіццём БДУ (выбарнасць рэктара і дэканаў), магчымасцю вядзення самастойнай эканамічнай дзейнасці, дэмакратычным падыходам да прыняцця рашэнняў (дыскусіі, адкрытае галасаванне і інш.).

Пачынаючы з мая 1929 г. і да чэрвеня 1941 г. адзначаецца ўзмацненне дзяржаўнага ўздзеяння на вышэйшую адукацыю. У гэты час узрастае колькасць нарматыўна-прававых актаў, змест якіх становіцца сістэмным. Адбываецца ліквідацыя ўніверсітэцкай аўтаноміі. У БДУ было ўведзена адзіначалле і адменена выбарнасць адміністрацыі. Прызначэнне кандыдатур на заняцце адміністрацыйных пасадаў ва ўніверсітэце ўзгадняецца з партарганізацыяй і Наркамсветы БССР. Уся структура кіравання строга рэгламентуецца вышэйстаячымі кіраўнічымі органамі Беларусі і СНК СССР.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 124.
2. Яноўскі, А. А. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / А. А. Яноўскі, С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 383 с.

3. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 42.

4. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 72.

5. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 178.

6. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 373.

7. *Карпачев, М. Д.* Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) // М. Д. Карпачев / Новое прошлое. – 2016. – № 2. – С. 121–136.

8. Законы о вузах и техникумах. 1930–1938 гг. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmeposqx.xn--p1ai/node/13995> – Дата доступа: 30.10.2019.

9. *Яноўскі, А. А.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. – Мінск: БДУ, 2001. – 320 с.

10. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 636.

11. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 670.

12. Типовой устав высшего учебного заведения. Утв. СНК СССР 5 сентября 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 41, ст. 237) [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/24010>. – Дата доступа: 10.11.2019.

13. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 716.

(Дата падачы: 23.02.2024 г.)

E. H. Mox

Академия образования, Минск

E. Moxh

Academy of Education, Minsk

УДК 373.1(476)(091)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПЕДАГОГИКИ В БССР

DEVELOPMENT OF THE RESEARCH INSTITUTE OF PEDAGOGY IN THE BSSR

В статье рассматривается развитие научно-исследовательского института (НИИ) педагогики в БССР. Автором акцентируется внимание на то, что НИИ педагогики являлся центром развития педагогической мысли и образовательной практики, выполнял особую роль в восстановлении и развитии системы образования в послевоенный период.

Ключевые слова: научно-исследовательский институт педагогики; Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь; научно-методическое обеспечение образовательного процесса.

The article examines the development of the research institute of pedagogy in the BSSR. The author focuses on the fact that the research institute was the center for the development of pedagogical thought and educational practice, and played a decisive role in the restoration and development of the education system in the post-war period.

Keywords: research Institute of Pedagogy; National Institute of Education of the Ministry of Education of the Republic of Belarus; scientific and methodological support of the educational process.

История научно-исследовательского института (НИИ) педагогики в БССР неразрывно связана с событиями: созданием системы народного образования в БССР, восстановлением и развитием системы образования после Великой Отечественной войны, становлением Республики Беларусь как независимого государства.

В 1929 г. был создан Научно-исследовательский институт (НИИ) педагогики и педологии. Институт неоднократно менял свое название (в 1931–1934 гг. – НИИ коммунистического воспитания; в 1934–1939-м – НИИ школьной педагогики; в 1939–1951-м – НИИ школ Народного комиссариата просвещения БССР; в 1951–1990-м – НИИ педагогики; в 1990–1993-м – БелНИИ образования; в 1993–2002-м – Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь. В 2002 г. институт получил название – Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь.

В разное время институтом руководили А. И. Кравцов; кандидат педагогических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, профессор С. А. Умрейко; кандидат филологических наук П. С. Солнцев; действительный член АПН СССР, доктор филологических наук В. В. Ивашин; доктор филологических наук, профессор, академик АПН СССР М. А. Лазарук; доктор педагогических наук, профессор В. Ф. Володько; кандидат педагогических наук Б. Н. Крайко; доктор педагогических наук, профессор В. П. Пархоменко; доктор педагогических наук, профессор Г. В. Пальчик; кандидат педагогических наук Р. С. Сидоренко; кандидат филологических наук, доцент С. А. Важник; кандидат педагогических наук В. В. Гинчук.

Открытие института было вызвано необходимостью разработки актуальных педагогических проблем развития национальной системы образования: изучения, обобщения и распространения педагогического опыта, разработки практических рекомендаций для учителей по насущным вопросам обучения и воспитания. За основу для формирования структуры и определения направлений деятельности научно-исследовательского института педагогики и педологии было взято «Положение о научно-исследовательских педагогических институтах», утвержденное в 1921 г. научно-педагогической секцией Государственного ученого совета РСФСР [1, с. 15 – 22].

Великая Отечественная война почти на 4 года приостановила деятельность НИИ школ. Уже в начале 1945 г. в соответствии с постановлением Правительства БССР «О возобновлении деятельности Научно-исследовательского института школ Наркомпроса БССР» институт снова начал работать. В первые послевоенные годы все силы научных сотрудников были направлены на оказание помощи руководителям, учителям, воспитателям в налаживании образовательно-воспитательного процесса в восстановленных учреждениях образования.

В 1950-е гг. на Институт возлагались функции: внедрения результатов деятельности его сотрудников в педагогическую практику; оказания методической помощи школам, детским домам и дошкольным учреждениям в деле воспитания и обучения детей; осуществления координационной деятельности при разработке актуальных проблем педагогической науки и создания широкой научно-корреспондентской сети творческих педагогов.

Так, в 1946 г. под руководством директора А. И. Кравцова сотрудниками Института было разработано «Положение о научных корреспондентах Научно-исследовательского Института школ Министерства просвещения Белорусской ССР», утвержденное Министром просвещения БССР Е. Ураловой. Согласно этому документу научными корреспондентами могли становиться «учителя, заведующие учебной частью, и директора школ, методисты, инспектора, преподаватели педучилищ, преподаватели и научные сотрудники пединститутов, учительских институтов и институтов усовершенствования учителей, работники районных методических кабинетов и другие лица, работающие в области педагогики и отдельных методик» [2, л. 8].

В 1950 г. состоялась научно-практическая конференция «Пути и средства повышения успеваемости учащихся по русскому и белорусскому языкам в школах БССР». Управлением школ Министерства просвещения БССР и институтом были подготовлены и изданы методическое письмо «О преподавании белорусского языка в V–VI классах семилетней и средней школы» (1951) и сборник статей «О преподавании языка в школе» (1955) [3, с. 14–15]. В перспективном плане исследований института на 1956–1960 гг. большое внимание уделялось совершенствованию методики преподавания, оказанию практической помощи и органам народного образования.

14 января 1951 г. постановлением Совета Министров БССР Научно-исследовательский институт школ переименован в Научно-исследовательский институт педагогики Министерства просвещения БССР [4, л. 18–21]. Согласно штатному расписанию института, утвержденному Государственной штатной комиссией, было 15 единиц (директор института, заместитель директора по научной части, заведующие кабинетами (4 единицы), старшие научные сотрудники (6 единиц), заведующий библиотекой, старший бухгалтер, кассир, заведующий хозяйством) [5, л. 4–8].

XIX съезд Коммунистической партии определил новые задачи в области народного образования, указал на необходимость дальнейшего совершенствования учебно-воспитательного процесса, введения в школах политехнического обучения и трудового воспитания. 8 апреля 1959 г. Верховный Совет БССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Белорусской ССР». Закон предусматривал введение всеобщего обязательного восьмилетнего обучения, преобразование средних школ с десятилетним сроком обучения в средние одиннадцатилетние трудовые политехнические школы с произ-

водственным обучением, расширение сети вечерних и заочных школ. НИИ педагогики провел значительную работу по созданию учебных планов, программ, учебников для школ и учителей.

Большой интерес представляли работы: «Уроки русского языка в V классе белорусских школ» Т. А. Ржевусской и Е. П. Панковец, учебник по географии БССР О. Ф. Якушко и В. А. Жучкевича, учебное пособие по истории БССР М. П. Барановой и Н. Г. Павловой, Л. С. Абецедарским.

Значительным событием в истории Института и всей системы образования страны была организация выставки «Народное образование в БССР» в г. Женева (Швейцария). Тематико-экспозиционный план выставки 1962 г., разработанный Институтом, включал 12 стендов. Материалы экспозиции демонстрировали достижения системы образования во всех областях (дошкольное воспитание, школьное обучение, внешкольная работа, пионерские организации, высшие учебные заведения) и стали ярким свидетельством прогресса народного образования в БССР [6, л. 270 – 291].

Выставка «Народное образование в БССР» в г. Женева (Швейцария) // Белорусский Государственный архив научно-технической документации. – Ф. 147. Оп. 1. Д. 125. Л. 270–291.

Пути дальнейшего поступательного развития педагогической науки в начале 1970-х гг. определены решениями XXIV съезда КПСС «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» (1972). В целях осуществления комплексных программ научных исследований, улучшения координации и внедрения результатов научной работы в практику возникла необходимость внести изменения в существующую структуру института.

Так, в июле 1970 г. были созданы три отдела:

1. Отдел гуманитарного образования.
2. Отдел естественно-математического образования.

3. Отдел начального обучения.

4. Лаборатория трудового обучения и профориентации.

На основании приказа института № 18 от 2 марта 1972 г., отдел теории обучения и коммунистического воспитания преобразован с 1 марта 1972 г. в отдел теории воспитания с проблемной лабораторией по формированию научного мировоззрения [7, л. 15]. А по приказу № 124 от 27 августа 1973 г. был создан отдел профтехобразования, а отдел гуманитарного образования был преобразован в 3 отдела (методики обучения русскому языку, методики обучения белорусскому языку, методики обучения литературе). Приказом института № 129 от 17 сентября 1973 г. в отделе теории воспитания создается лаборатория нравственного воспитания школьников [8, л. 52].

В 1970-е гг. много было сделано по созданию новых программ для начальной школы, для вечерних школ, по белорусской литературе для IV–X классов, по природоведению для II–IV классов, изобразительному искусству, музыке и пению. Главное внимание при подготовке новых программ уделялось совершенствованию структуры учебных предметов, повышению их научно-теоретического уровня. По заданию Министерства просвещения БССР институтом были разработаны нормативные документы, способствующие улучшению организации работы учителей, упорядочению критериев оценки деятельности учащихся в учебной работе: «Единые критерии оценок знаний, умений и навыков учащихся по русскому и белорусскому языкам» (IV–X классы), «Единые требования к устной и письменной речи учащихся по языкам и математике».

1980-е гг. выделяются подготовкой и проведением школьной реформы, задуманной как решающий поворот в системе образования к достижению высокого качества преподавания через серьезное расширение и углубление связей школы с потребностями жизни. В этот период НИИ педагогики обеспечивал развитие следующих направлений педагогической науки: идейное, нравственное, правовое, семейное, эстетическое воспитание школьников; активизация самостоятельной деятельности учащихся при изучении школьных предметов; совершенствование методики изучения белорусского и русского языка и литературы; проведение эксперимента по обучению детей 6-летнего возраста с 5-дневной неделей; определение содержания и форм работы в школах и группах продленного дня; трудовое обучение и воспитание (подготовка учащихся к выбору профессии) и др.

Проведена была большая работа по созданию новых и совершенствованию действующих учебников. Особое внимание уделялось оптимальному отбору теоретического и практического материала, углублению его идейно-теоретического содержания. Так, например, в букваре нарастание слоговых трудностей подавалось с учетом частотности детской лексики, использованы эффективные приемы обучения чтению на художественных текстах. Разработанные сотрудниками института в первой половине 1980-х гг. учебники были награждены медалями ВДНГ СССР: учебник «Белорусский язык. V–VI классы» (авторы В. К. Андреенко и М. С. Явнев-

вич) получил серебряную медаль ВДНГ СССР, учебник «Белорусская литература. VIII класс» (авторы В. В. Ивашин и М. А. Лазарук) – бронзовую медаль.

28 декабря 1979 г. коллегией Министерства просвещения БССР утверждено новое положение о НИИ педагогики Министерства просвещения БССР, которое определило задачи и функции института. Основными задачами являлись: проведение научных исследований (теория и практика народного образования); изучение, научное обобщение и пропаганда передового педагогического опыта; разработка прогноза развития основных направлений педагогической науки и перспектив развития народного образования; координация основных научно-педагогических исследований, проводимых в научных учреждениях и высших учебных заведениях.

В 1980 г. в институте была утверждена новая структура (руководство, отделы дидактики, коммунистического воспитания, начального обучения, методики обучения белорусскому языку, литературе, русскому языку, отдел естественно-математического образования, лаборатория экономики народного образования, отдел трудового обучения и профориентации, отдел координации педагогических исследований и информации, отдел дошкольного воспитания).

1990-е гг. стали определяющими в формировании белорусской государственности. В связи с ликвидацией АПН СССР все теоретико-методологические и научно-методические проблемы, связанные с созданием национальной системы образования и воспитания, необходимо было решать непосредственно в нашей стране. В новых социокультурных условиях на Институт была возложена ответственность за разработку социально-экономических и научно-педагогических прогнозов и перспектив развития образования, исследование теоретических основ становления национальной системы непрерывного образования, научно-методическое обеспечение непрерывного образования в Республике Беларусь.

На институт была возложена ответственная задача по научному обоснованию и разработке для системы дошкольного, общего среднего и специального образования Республики Беларусь образовательных концепций, стандартов, учебных программ, проектов учебных планов, примерного календарно-тематического планирования, дидактических, диагностических материалов, методических рекомендаций по организации образовательного процесса, методик и технологий воспитания в учреждениях дошкольного, общего среднего и специального образования и др. [9, с. 12–18].

Таким образом деятельность института в первую очередь определялась социальным заказом общества, продиктованными требованиями государства к системе образования и задачами, которые необходимо было решать. НИИ педагогики на протяжении всей истории своего существования сохранял свою главную миссию – быть научно-методическим центром, центром повышения квалификации, поддержки педагогических инициатив и распространения эффективного педагогического опыта.

Список использованных источников

1. *Ершова, О. И.* Создание и развитие научно-исследовательского института педагогики в БССР (1929–1941 гг.) / О. И. Ершова // *Веснік адукацыі*. – 2019. – № 11. – С. 15–22.
2. Положение о научных корреспондентах Научно-исследовательского Института школ Министерства просвещения Белорусской ССР // *Белорусский Государственный архив научно-технической документации (БГАНТД)*. – Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
3. Научно-исследовательский институт педагогики Белорусской ССР (1929–1979) / Министерство просвещения БССР, М. А. Лазарук (отв. ред). – Минск: Народная асвета, 1979. – 78 с.
4. Постановление Совета Министров БССР 14.01.1951 о переименовании Научно-исследовательского института школ в Научно-исследовательский институт педагогики Министерства просвещения БССР // *Национальный архив Республики Беларусь*. – Ф. 4. Оп. 4. Д. 5. Л. 18–21.
5. Штатное расписание НИИ педагогики Министерства просвещения БССР // *БГАНТД*. – Ф. 147. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–8.
6. Выставка «Народное образование в БССР» в г. Женева (Швейцария) // *БГАНТД*. – Ф. 147. Оп. 1. Д. 125. Л. 270–291.
7. Приказа института № 18 от 02.03.1972 // *БГАНТД*. – Ф. 147. Оп. 5. Д. 158. Л. 15.
8. Приказ института № 129 от 17 сентября 1973 года // *БГАНТД*. – Ф. 147. Оп. 5. Д. 160. Л. 52.
9. *Гинчук, В. В.* Центр развития педагогической мысли и образовательной практики (к 90-летию Национального института образования) / В. В. Гинчук, О. В. Зеленко, В. Ф. Русецкий // *Веснік адукацыі*. – 2019. – № 11. – С. 12–18.

(Дата подачи: 22.02.2024 г.)

А. М. Нароўская

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Минск

A. Narouskaya

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 398.34:[001.89:39]

МЕТОДЫКА ПАЛЯВЫХ ЭТНАГРАФІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ТРАДЫЦЫЙНАГА ЖЫЛЛЯ БЕЛАРУСАЎ

METHODOLOGY FOR FIELD ETHNOGRAPHIC RESEARCH OF THE TRADITIONAL DWELLING OF BELARUSIANS

У артыкуле разглядаецца методыка падрыхтоўкі і правядзення этнаграфічных экспедыцый навуковымі супрацоўнікамі музеяў. Прыводзяцца матэрыялы аб этнаграфічных экспедыцыях на тэрыторыі Беларусі, якія захоўваюцца ў архіве Расійскага этнаграфічнага музея і архіве Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту. Выяўляецца парадак і сістэма выяўлення традыцыйнага жытця ў час этнаграфічных экспедыцый. Разглядаюцца асноўныя метады, якія выкарыстоўваюць этнографы пры даследаванні традыцыйнага жытця ў час палявых экспедыцый.

Ключавыя словы: этнаграфія; методыка; этнаграфічныя экспедыцыі; этнаграфічныя крыніцы; традыцыйныя жыллё.

The article discusses the methodology for preparing and conducting ethnographic expeditions of museum researchers. The materials of ethnographic expeditions on the territory of Belarus are presented, which are stored in the archives of the Russian Ethnographic Museum and the archives of the Belarusian State Museum of Folk Architecture and Life. The order and system for identifying traditional housing during ethnographic expeditions is revealed. The main methods used by ethnographers when studying traditional housing during field expeditions are considered.

Keywords: ethnography; methodology; ethnographic expeditions; ethnographic sources; traditional dwelling.

Пэратварэнне этнаграфіі ў гістарычную навуку, якая вывучае не толькі асаблівасці жыцця народа, але і заканамернасці гістарычнага развіцця этнасаў, асаблівасці іх культуры і побыту, значна пашырыла ў XIX ст. базу гістарычных крыніц.

Даследчыкі распрацоўваюць новыя прыёмы, метады назіранняў, апрацоўваюць іх вынікі (методыка апісанняў, правілы запісу этнаграфічных матэрыялаў і г. д.). Палявыя матэрыялы становяцца асноўнай крыніцай даследавання традыцыйнай культуры са сваімі метадамі атрымання неабходных звестак.

Пры падрыхтоўцы публікацыі былі выкарыстаны архівы Расійскага этнаграфічнага музея (далей – РЭМ) і Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту (далей – БДМНАП): палявыя вопісы, дзённікі, справаздачы этнографіі і архітэктараў, а таксама матэрыялы асабістага архіва аўтара. Пры напісанні артыкула былі прааналізаваны даследаванні Г. Г. Громава, С. П. Жлоба, Т. А. Наваградскага, якія прысвяцілі шэраг работ метадыцы правядзення этнаграфічных экспедыцый. У працах разглядаюцца асноўныя патрабаванні да навуковай, метадычнай і тэхнічнай падрыхтоўкі экспедыцый, методыка і парадак даследавання, практычныя прыёмы этнаграфічнага вывучэння традыцыйнай культуры і побыту.

Першыя праграмы з метадычнымі распрацоўкамі па даследаванні традыцыйнай культуры з’явіліся яшчэ ў XIX ст. Гэта было выклікана павышаным інтарэсам да гісторыі і культуры свайго народа.

Сістэматычны і мэтанакіраваны збор этнаграфічных матэрыялаў пачынаецца з заснавання ў 1845 г. Рускага геаграфічнага таварыства (далей – РГТ). Дзейнасць таварыства адыграла важную ролю ў вывучэнні культуры і побыту беларусаў. Далейшая актывізацыя дзейнасці РГТ звязана з адкрыццём Паўночна-Заходняга (1867) аддзела гэтага таварыства. У выніку дзякуючы гэтым праграмам і анкетам былі атрыманы шматлікія матэрыялы, у тым ліку па традыцыйнаму жыллю беларусаў.

Перыядычны друк адыграў важную ролю ў папулярызацыі праграм, навуковай метадыцы па зборы матэрыялаў. Так, у «Гродзенскіх губернскіх ведамасцях» была надрукавана праграма па зборы этнаграфічных звестак і фальклору Г. Кулжынскага [1].

Цікавасць уяўляе «Кароткая праграма для збірання этнаграфічных прадметаў у Беларусі» А. К. Сержпутоўскага, якая знаходзіцца ў архіве РЭМ [2, арк. 2]. У гэтай праграме даюцца рэкамендацыі па даследаванні беларускага традыцыйнага жылля. Этнограф пералічвае розныя тыпы паселішчаў, віды жылля і гаспадарчых пабудоў, на якія ў час этнаграфічных экспедыцый трэба звярнуць увагу: «...Селішчы: мястэчка, сяло, вёска, выселак, пасёлак, хутар і т. п. Планы вуліц, дарог і размяшчэнне двароў, а таксама гумнаў, стагоў хлеба, сена і саломы. Ізба (хата), святліца, курнік, клець, варыўня, свіран, гумно, хлеў, свінух, загон, паветка, шопа, стадола, курань, склеп... бані (лазні)... веснічкі, завалеі і т. п.» [2, Арк. 5–6].

У праграме А. К. Сержпутоўскі звяртае ўвагу на важнасць выяўлення адметнасцяў беларускага жылля. Этнограф адзначае, што пажадана, па «магчымасці рабіць планы, чарцяжы, мадэлі пабудоў і іншых збудаванняў і даваць самае падрабязнае апісанне з усімі ... павер'ямі па выбару месца, спосабу і тэхніцы ўзвядзення той ці іншай пабудовы». А. К. Сержпутоўскі дае таксама парады па набыцці прадметаў інтэр'еру і ўнутранага ўбрання: павінны быць набыты характэрныя часткі з разьбой, малюнкамі, творамі народнага мастацтва, а таксама прадметы ўнутранага ўбрання хаты і іншых будынкаў [2, арк. 6].

У этнаграфічных справаздачах А. К. Сержпутоўскага, В. К. Косткі і Е. Р. Раманава адзначаецца, што этнографы замаўлялі ў час экспедыцый на Беларусі мадэлі жыллых і гаспадарчых пабудоў. У архіве РЭМ ёсць дакументы па замове і вырабе ў мясцовых беларускіх майстроў мадэляў традыцыйнага жылля і гаспадарчых пабудоў. Так, знойдзена заява ў Савет Этнаграфічнага аддзела Рускага музея Імператара Аляксандра III за подпісам В. К. Косткі. У заяве адзначаецца, што падчас камандзіроўкі ў Мінскую губерню ў 1905 г. была замоўлена мадэль сялянскага дома столяру ў 1/10 натуральнай велічыні [3, арк. 39].

Беларускі этнограф Е. Р. Раманаў, які супрацоўнічаў з Этнаграфічным аддзелам Рускага музея (з 1902 па 1910 г.), таксама перадаў музею серыю мадэляў жылля, гаспадарчых і вытворчых будынкаў [4, арк. 1]. Мадэлі не захаваліся, але іх падрабязнае апісанне ўяўляе пэўную навуковую каштоўнасць. Аўтар дае падрабязнае апісанне сялянскага двара Сенненскага павета Магілёўскай губерні. У справе 676 адзначаецца, што Е. Р. Раманаў набыў за сродкі Этнаграфічнага аддзела (1906 г.) мадэль сялянскага двара з в. Кішкі Сенненскага павета Магілёўскай губерні. Этнограф дае падрабязнае апісанне жыллага памяшкання і яго канструктыўных дэталей: «Хата пабудавана з круглага хваёвага бярэвення. Бярэвенне ссечана ў простыя вуглы і шчыльна прыгнана адно да другога, а шчыліны паміж імі заканапачаны мохам. Столь з дошак, пакладзеных на бэлькі. Дзверы адчыняюцца ў сенцы. Тры вакны: адно на вуліцу, а два ў панадворак. Вокны затуляюцца саламянымі матамі. Коміна няма, а дым з печы выходзіць у адчыненыя дзверы ці зробленую ў столі адтуліну. Такую хату завуць «курною»».

Па словах навуковых супрацоўнікаў аддзела этнаграфіі Усходняй, Паўднёва-Усходняй і Цэнтральнай Еўропы РЭМ, мадэлі жылых і гаспадарчых пабудоў не захаваліся ў сувязі з павадкам, які быў у 1920-х гг., і Другой сусветнай вайной.

У 1930-х гг. збіральніцкая дзейнасць навуковых супрацоўнікаў РЭМ у Беларусі прыпынілася. Этнаграфічныя экспедыцыі аднавіліся ў 1960–1980-я гг. і спыніліся на пачатку 1990-х гг. у сувязі з распадам СССР.

Асабліва актуальнай для беларускіх этнографіаў стала авалоданне метадыкай па збору этнаграфічных прадметаў пасля 9 снежня 1976 г., калі Савет Міністраў БССР прыняў Пастанову аб стварэнні Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту. Была створана Рабочая група па стварэнні Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту, у склад якой увайшлі архітэктары і этнографы. Ужо ў 1977 г. навуковыя супрацоўнікі будучага музея пачалі актыўна прымаць удзел у этнаграфічных экспедыцыях, аб чым сведчаць архіўныя матэрыялы музея [5].

Для ўкамплектавання музея патрабавалася некалькі дзясяткаў тысяч разнастайных музейных прадметаў, а таксама сотні жылых і гаспадарчых пабудоў для стварэння экспазіцыі музея пад адкрытым небам.

Сектар этнаграфіі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР актыўна супрацоўнічаў з музеем пад адкрытым небам. Навуковыя супрацоўнікі сектара этнаграфіі распрацавалі метадыку выяўлення, апісання і збірання помнікаў этнаграфіі [6]. Даследчыкамі сектара У. С. Гурковым, С. Ф. Цярохіным і дырэктарам музея, архітэктарам С. А. Сергачовым былі вылучаны асноўныя крытэры, якімі трэба было кіравацца пры выбары жыллой ці гаспадарчай пабудовы для будучага музея. Былі прапанаваны наступныя метадычныя парадзы: звяртаць увагу на тыповасць архітэктурных пабудоў для дадзенай мясцовасці, разам з тым неабходна было памятаць, што чым больш старажытны музейны аб'ект ці прадмет, тым больш каштоўны ён для музея і навукі.

Навуковым супрацоўнікам сектара этнаграфіі ІМЭФ В. С. Цітовым была распрацавана канцэпцыя гісторыка-этнаграфічнага раяніравання матэрыяльнай культуры на тэрыторыі Беларусі [7]. Было вылучана 6 гісторыка-этнаграфічных рэгіёну: Цэнтральная Беларусь, Панямонне, Падняпроўе, Паазер'е, Заходняе і Усходняе Палессе. Пры правядзенні этнаграфічных экспедыцый навуковыя супрацоўнікі музея пад адкрытым небам праводзілі даследаванне помнікаў драўлянай архітэктуры і збор музейных прадметаў згодна з выдзеленымі рэгіёнамі.

Асноўнай структурна-планіровачнай адзінкай музея павінна была стаць сялянская сядзіба з традыцыйным комплексам жылых і гаспадарчых пабудоў, інтэр'еры неабходна было абсталяваць усімі неабходнымі прадметамі хатняга ўжытку канца XIX – пачатку XX ст.

Для выканання пастаўленай задачы па збору інфармацыі аб традыцыйным жыцці і гаспадарчых пабудовах кіраўніцтвам музея былі арганізаваны сотні этнаграфічных экспедыцый ва ўсе вылучаныя рэгіёны краіны.

Пры вывучэнні жылля найбольш прымяняліся маршрутныя экспедыцыі. Такія экспедыцыі дазвалялі ахапіць абследаваннем вялікую колькасць вёсак і правесці масавае выяўленне традыцыйных пабудоў. Напрыклад, у справаздачы аб экспедыцыі ў Шчучынскі і Мастоўскі раёны Гродзенскай вобласці (11.10. – 22.10. 1979 г.) адзначаецца, што за гэты перыяд было абследавана 53 вёскі [8, арк. 71].

Вывучэнне жылля і гаспадарчых пабудоў, згодна з прапанаванай метадыкай, трэба было пачынаць з вызначэння жыллага комплексу. Каб сабраць пра яго найбольш поўныя звесткі, архітэктары і этнографы выкарыстоўвалі адначасова некалькіх відаў палявой работы: апытанне насельніцтва, апісанне жылля, фотаздымкі, абмеры пабудоў і вычэрчванне іх планаў, замалёўкі і капіраванне архітэктурных упрыгожванняў.

Палявая праца ў этнаграфічнай экспедыцыі заўсёды вельмі разнастайная. У адзін і той жа дзень этнографу нярэдка даводзіцца проста разглядаць і выбіраць жылля альбо гаспадарчыя пабудовы, якія, на яго думку, найбольш тыповыя для арэала даследавання, браць інтэрв'ю, гутарыць з мясцовымі жыхарамі і фатаграфаваль, апісваць тэма і іншыя з'явы, замалёўваць разнастайныя прадметы і да г. д.

Такім чынам, у ходзе экспедыцый этнографы прымянялі наступныя метады даследавання: 1) назіранне; 2) апытанне, інтэрв'ю, анкетаванне; 3) выяўленне і фіксацыя рэчавых крыніц; 4) выяўленне і апрацоўка дакументальных матэрыялаў. Вынікі назіранняў этнографы фіксуюць у палявым дзённіку ў форме апісання ўбачанага. Для фіксацыі назіраемых з'яў даследчыкі вельмі часта выкарыстоўвалі фотаапараты.

Пры правядзенні даследавання этнографу неабходна дакладна сфармуляваць мэту апытання, правільна выбраць інфарматараў. Для гэтага існуе мноства крытэрыяў, абумоўленых тэматыкай даследавання: этнічная і канфесійная прыналежнасць, узрост (год нараджэння), месца нараджэння, пол, адукацыя, прафесія і інш. Для традыцыйных этнаграфічных тэм, напрыклад, такіх як жыллё, будаўнічая абраднасць, важнае значэнне маюць узрост, пол і этнічная прыналежнасць.

Як паказаў аналіз справаздач, што захоўваюцца ў архіве музея пад адкрытым небам, усе жылля і гаспадарчыя помнікі маюць анатацыі – кароткае апісанне, звесткі аб паходжанні, выкарыстанні, канструкцыях і выглядзе. Пры афармленні анатацыі навуковыя супрацоўнікі музея, згодна з распрацаванай метадыкай, праводзілі апытанне па наступных пунктах: 1) вёска альбо іншае паселішча; 2) прадмет даследавання; 3) уладальнік дома альбо прадмета; 4) час вырабу; 5) кім зроблены; 6) матэрыял, з якога зроблены прадмет; 8) форма; 9) спосаб і тэхніка вырабу і інш. [6, с. 5].

Пры даследаванні традыцыйнага жылля архітэктары і этнографы ўдзялялі ўвагу наступным асаблівасцям традыцыйных забудоў: 1) двор з пабудовамі абাপал вуліцы ці аднарадная забудова; 2) аднакамернае, двухці трохкамернае жыллё; 3) канструкцыі; 5) фундамент; 6) вугал у чашку, просты замок ці ў каню; 9) форма страхі; 10) пакрыццё страхі: саломы, дра-

ка, гонт, дошкі; 11) форма вільчыка; 12) франтон; 13) вокны; 14) дзверы. Дадатковую інфармацыю аб архітэктурных аб'ектах, канструктыўных дэталях і этнаграфічных прадметах можна ўбачыць у фагаздымках, малюнках і чарцяжах, якія прыкладаюцца да справаздач.

Як ужо адзначалася, асноўным крытэрыем, якім кіраваліся даследчыкі пры выбары аб'екта, была тыповасць. Кожная жылая ці гаспадарчая пабудова, якая была тыповай, гэты значыць мела шэраг характэрных канструктыўна-будаўнічых асаблівасцей для арэала ці рэгіёна, скрупулёзна даследавалася і вылучалася. Напрыклад, у Пінскім, Іванаўскім, Столінскім раёнах Брэсцкай вобласці больш распаўсюджана двухкамерная хата (хата + сенцы), а значыць, яна больш тыповая [9, арк. 50]. У іншых раёнах больш распаўсюджана трохкамерная хата (хата + сенцы + камора або хата + сенцы + хата).

Асобую ўвагу даследчыкі звярталі на вывучэнне планіроўкі двара. Пры гэтым абмяжоўваліся складаннем прыкладнай схемы размяшчэння пабудоў на двары, але найчасцей складалі дакладны план усяго двара, вымяраючы адлегласць паміж пабудовамі і памеры саміх пабудоў з дапамогай рулеткі. Як паказалі даследаванні, планіроўкі сядзібы і планіроўкі вёсак мелі яшчэ агульныя рысы, так і рэгіянальныя асаблівасці. Напрыклад, у справаздачы аб экспедыцыі ў Гомельскую вобласць (Рэчыцкі, Гомельскі, Буда-Кашалеўскі, Веткаўскі, Добрушскі раёны) адзначаецца, што для даследуемых раёнаў характэрны замкнёны двор з варотамі і стрэшкай на іх [10, арк. 27]. У справаздачы аб экспедыцыі ў Нараўлянскі, Брагінскі, Хойніцкі раёны Гомельскай вобласці (1978 г.) адзначаецца, што для гэтых раёнаў характэрна планіроўка сядзіб з незвязанымі пабудова, больш рэдка сустракаюцца невялікія пагонныя двары [11, арк. 7]. У той час як у в. Амговічы і в. Сарогі Слуцкага раёна Мінскай вобласці характэрным быў пагонны тып забудовы.

У час экспедыцыі вызначалася месца размяшчэння сялянскага двара ў селішчы: высвятлялася, як зарыентавана пабудова па баках свету, да вуліцы ці да ракі. Напрыклад, у справаздачы аб экспедыцыі ў Іўеўскі раён Гродзенскай вобласці адзначаецца, што «хаты выходзяць на вуліцу, як у мястэчку. Забудова вулічная, двухрадная, шчыльная. Хаты стаяць адна каля другой» [12, арк. 57 адв.]. У в. Пагост Жыткавіцкага раёна сустракаецца аднарадная забудова жылля ўздоўж рэчкі.

Пры даследаванні жылля, па магчымасці, выяўлялі сацыяльнае становішча яго жыхароў. Так, напрыклад, у час этнаграфічнай экспедыцыі ў в. Мохры Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці (1978 г.) зафіксавана былое жыллё мясцовага войта (хата + сені + хата). На дзень экспедыцыі засталася толькі хата + сені, а другая хата пры падзеле маёмасці паміж братамі перанесена ў іншае месца [9, арк. 49]. Адзначаецца, што абмер і складанне планаў – асноўны прыём фіксацыі матэрыялаў па жыллі. На гэтым плане прастаўляюцца звесткі аб гаспадарых жылля, аб часе яго ўзвядзення, якія праводзіліся пераробкі, запісваюцца назвы асобных частак і г. д.

Упрыгожванні жылля фіксуюць асобна. Адзначаюць месцы іх размяшчэння, характар, кім выкананы і як, якой тэхнікай. Разьбяныя ўпрыгожванні фатаграфуюць або змалёўваюць. Так, у справаздачы аб экспедыцыі ў Гомельскі раён (1979 г.) адзначаецца, што ёсць вёскі, у якіх хаты з разьбянымі ліштвамі на вокнах і па франтону. Асабліва адзначаюцца в. Рудня Целяшкоўскага с/с і в. Цыкуны Бабавіцкага с/с Гомельскага раёна. Да справаздачы прыкладаюцца фотаздымкі жылля, фасадаў, ліштваў [13, арк. 2].

Мэбля звычайна на планах не адзначаецца, калі толькі яна не з'яўляецца часткай пабудовы. Аднак, калі гэта неабходна, на плане можна паказаць размяшчэнне мэблі, карыстаючыся ўмоўнымі пазначэннямі. Іншыя асаблівасці інтэр'еру паказваюцца ў апісанні або фіксуюцца на фотаздымках. Напрыклад, у справаздачы аб камандзіроўцы ў Брэсцкую вобласць адзначаецца, што ў Махнюк Вольгі Фёдараўны (в. Марозавічы, Пінскі раён Брэсцкай вобласці) зафіксаваны «куфар сіняга колеру з двума мядзведзямі». А ў Кудзеліч Валянціны Сямёнаўны (в. Марозавічы) знаходзіцца «кованы куфар (канец XIX ст.)» [9, арк. 51], а «ў хаце Аўдзейчука Навума Ігнатавіча знаходзіцца куфар на чатырох ножках» (в. Хойна, Пінскі раён) [9, арк. 54]. Для фатаграфавання інтэр'еру карыстаюцца адмысловымі шырокавугольнымі аб'ектывамі ці робяць «панарамны» здымак звычайным аб'ектывам.

Як і ўсякі іншы элемент традыцыйнай культуры, жыллё вывучаюць у яго развіцці. Безумоўна, у час экспедыцый трэба вызначыць узрост пабудовы. Звычайна гэта ўдаецца зрабіць па матэрыялах распытаў або па афіцыйных дакументах. Так, у экспедыцыі ў в. Амговічы Слуцкага раёна быў зафіксаваны жылы дом Стром Арыны Фёдараўны 1899 г. Аб гэтым сведчыць надпіс пад бэлькай «1899 год. Намаляваны крыж 23 марта» – дата асвяшчэння жылля.

Этнограф заўсёды павінен мець на ўвазе, што больш архаічныя будаўнічыя прыёмы ўжываюцца пры збудаванні будынкаў і пабудоў часавага характару або дапаможных памяшканняў (будуюць буданы, курныя хаткі, лазні), якія выйшлі з ужытку.

Выбар будаўнічых матэрыялаў і само будаўніцтва ў значнай ступені залежаць ад геаграфічных умоў. У цеснай залежнасці ад матэрыялаў, якія выкарыстоўваюцца ў будаўніцтве, знаходзіцца і канструкцыя пабудоў. Так, у лясной зоне распаўсюджаны зрубныя пабудовы. Знаёмячыся з будаўнічымі матэрыяламі, этнограф павінен апісаць спосабы іх здабычы і падрыхтоўкі, зафіксаваць цікавыя прыклады, прылады, з дапамогай якіх нарыхтоўваюць гэтыя матэрыялы. Канструкцыі жылля фіксуюць, робячы маштабныя абмеры і складаючы чарцяжы, фатаграфуючы стадыі ўзвядзення пабудовы.

Апісанне канструкцый пабудоў, згодна з метадыкай даследавання, лепш весці адначасова, напрыклад, знізу ўверх, гэта значыць пачынаючы з будаўніцтва падмурка і заканчваючы ўладкаваннем даху. Напрыклад, у справаздачы аб экспедыцыі ў Зельвенскі раён Гродзенскай вобласці адзнача-

ещца, што ў в. Падбалоцце Зельвенскага раёна быў зафіксаваны жылы дом на сохах, які належыў Ю. П. Грышкевічу [14, арк. 65].

Калі вывучаецца гісторыя жылля, асабліваю ўвагу звяртаюць на абрады і павер'і, якія з ім звязаны. Напрыклад, у час экспедыцыі ў в. Пагост Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці інфарматар Панчэня Кацярыны Аляксеўны (1941 г. н.) распавяла аб мясцовых будаўнічых абрадах: «лепш было будаваць хату на бацькоўскім пляцы». Былі атрыманы цікавыя звесткі і аб пераходзінах («улазінах») у новы дом. Паводле звестак інфарматара (Кузьміч Марыі Дзмітрыеўны, жыхаркі в. Пагост, 1944 г. н.), перш чым перайсці ў новую хату, «пускалі ката, які быў у хазяйстве». Па словах К. А. Панчэні, «пускалі трохмасцівага ката. А калі не было ката такой масці, то пускалі іншага, але толькі “свайго” ката, бо ён сем’янін») [15].

У час экспедыцыі фіксуюцца ўсе звесткі, звязаныя з жылымі і гаспадарчымі пабудовамі. Так, у в. Мохра Іванаўскага раёна праўнук уладара дома перадаў музею ў дар манету 1861 г., якая была закладзена на покуці «ў чырвоны кут» гэтай хаты. Асобныя моманты будаўнічых прац нярэдка суправаджаюцца адмысловымі абрадамі. Матэрыялы аб гэтым, як і тэрміналогія элементаў жылля, могуць паказаць шмат цікавага аб мінулым прызначэнні асобных частак жылля, мінулай планіроўкі і г. д.

Такім чынам, асноўнымі фактычнымі дадзенымі па традыцыйнаму жыллю беларусаў з’яўляліся на ўсіх этапах яго вывучэння палявыя этнаграфічныя матэрыялы. Палявая праца для этнографа – важнейшы шлях атрымання першаснай інфармацыі аб культуры этнаса і адзін з асноўных спосабаў камплектавання музейнага збору. Асноўнымі метадамі работы этнографа з’яўляюцца назіранне, апытанне, інтэрв’ю, фатаграфаванне, замалёўкі. Звесткі, атрыманыя ва ўмовах непасрэднага кантакту этнографа з вывучаемым народам, заўсёды будуць больш рэпрэзентатыўнымі, чым тыя, якія даследчык атрымлівае з пісьмовых або выяўленчых крыніц.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Кулжинский, Г.* Об этнографических сведениях касательно Западной России / Г. Кулжинский // Гродненские губернские ведомости. – 1866. – № 41; 1867. – № 21.
2. *Архіў Расійскага этнаграфічнага музея (далей – АРЭМ).* – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 573.
3. *АРЭМ.* – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 351.
4. *АРЭМ.* – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 547.
5. *Архіў Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту (далей – БДМНАП).* – Справаздача аб экспедыцыі ў Магілёўскую, Віцебскую і Мінскую вобласці (перыяд 20.09 – 05.10.1977).
6. *Помнікі этнаграфіі: Методыка выяўлення, апісання і збірання / Беларус. Добрааховот. Т-ва аховы помнікаў гісторыі і культуры. Сектар этнаграфіі Ін-та мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР; пад рэд. В. К. Бандарчыка.* – Мінск: Навука і тэхніка. – 150 с.
7. *Титов, В. С.* Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в. / В. С. Титов. – Минск: Наука и техника, 1983. – 152 с.

8. Архіў БДМНАП. – Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па РБ (24.08–30.11.1979 г.). – Справаздача аб камандзіроўцы ў Шчучынскі і Мастоўскі раёны Гродзенскай вобласці (11.10–22.1.1979 г.).

9. Архіў БДМНАП. – Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па РБ (14.01–27.05.1978). – Справаздача ў Брэсцкую вобласць, Пінскі, Іванаўскі і Столінскі раёны 27.03–01.04.1978. Арк. 50.

10. Архіў БДМНАП. – Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па РБ (14.01 – 27.05.1978). – Справаздача аб камандзіроўцы ў Гомельскую вобласць (13.03 –18.03.1978).

11. Архіў БДМНАП. – Справаздачы ў навуковыя камандзіроўкі (10.07–05.08.1978 г.). – Справаздача ў Гомельскую вобласць Нараўлянскі, Брагінскі, Хойніцкі раёны (04.07–10.07.1978 г.).

12. Архіў БДМНАП. – Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па РБ (31.03–28.04.1979 г.). – Справаздача аб камандзіроўцы ў Іўеўскі раён Гродзенскай вобласці (23.04–29.04.1979 г.).

13. Архіў БДМНАП. – Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па РБ (22.01–03.02.1979 г.). – Этнаграфічная справаздача аб камандзіроўцы ў Гомельскі раён Гомельскай вобл. (22.01–27.01.1979 г.).

14. Архіў БДМНАП. – Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па РБ (22.01–03.02.1979 г.). – Справаздача аб камандзіроўцы ў Зельвенскі раён Гродзенскай вобласці (29.01–03.02.1979 г.).

15. Асабісты архіў аўтара. – Экспедыцыя ў в. Пагост Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці. – 2024.

(Дата падачы: 12.02.2024 г.)

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 947 “1794/1874”

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК НАКАЗАНИЕ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ПОХИЩЕНИЕМ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1794–1874 ГГ.)

RECRUITMENT AS A PUNISHMENT IN THE FIGHT AGAINST CRIMES RELATED TO THE THEFT OF SOMEONE ELSE’S PROPERTY IN THE BELARUSIAN GOVERNORATES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1794–1874)

В Российской империи служба в вооруженных силах использовалась в качестве наказания за совершение целого ряда преступлений. К ним относилась группа преступлений, связанная с похищением чужого имущества. На протяжении 1794–1874 гг. политика

правительства по привлечению подобной категории преступников к военной службе претерпевала существенные изменения. С одной стороны, российская армия искала возможные источники пополнения вооруженных сил. С другой стороны, преступный элемент снижал уровень дисциплины в войсках.

Ключевые слова: кража, воровство; Российская империя; вооруженные силы; рекрутская повинность; перевоспитание.

Military service in the armed forces was used as punishment for committing a number of crimes in the Russian Empire. Such crimes included a group of crimes related to the theft of someone else's property. The government's policy to attract this category of criminals to the military service underwent significant changes throughout 1794–1874. On the one hand, the Russian army was looking for possible sources of replenishment of its armed forces. On the other hand, the criminal element reduced the level of discipline in the troops.

Keywords: Theft; stealing; Russian Empire; armed forces; recruitment; reeducation.

Система комплектования вооруженных сил Российской империи на протяжении конца XVIII–XIX в. претерпевала существенную эволюцию. Главным направлением изменений в этот период стал постепенный переход от рекрутской системы пополнения вооруженных сил к всеобщей воинской повинности. Данный переход представлял из себя комплексную проблему и включал множество преобразований, одним из которых являлся вопрос о выполнении армией функции пенитенциарного учреждения. Причин существования подобного явления было несколько. Во-первых, рекрутская система пополнения не позволяла устранить некомплект в вооруженных силах, поэтому правительству приходилось искать дополнительные источники комплектования войск. Во-вторых, отсутствие в Российской империи развитых государственных институтов исполнения наказаний привело к тому, что с начала XVIII в. в вооруженные силы страны «на перевоспитание» массово направлялись криминальные элементы. Одним из основных видов преступлений, за которые полагалось наказание в виде отправки в солдаты, было похищение чужого имущества.

Целью данной статьи является раскрытие механизма привлечения лиц, совершивших похищение чужого имущества, к несению рекрутской повинности в качестве меры наказания на примере белорусских губерний Российской империи. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена распространением рекрутской повинности на белорусские губернии в 1794 г. Верхняя граница исследования связана с введением в Российской империи всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Похищение чужого имущества до сих пор не было предметом отдельных исследований в историографии. Данная проблема лишь частично затрагивалась в трудах Л. Е. Вакуловой и Ф. Н. Иванова [1; 2]. Под похищением чужого имущества в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» (далее – Уложение 1845 г.) понималась совокупность преступлений, связанных с разбоем, грабежом, воровством-кражей и воровством-мошенничеством [3, Т. 20, № 19283, § 2128].

Особенность правовой системы Российской империи заключалась в том, что за совершение преступлений (в том числе и за хищение чужого имущества) преступник мог быть отправлен на военную службу в качестве меры наказания как в судебном, так и в несудебном порядке. Согласно сложившейся практике, окончательно закрепленной и детально прописанной в «Высочайше утвержденном уставе рекрутском» 1831 г.» (далее – Устав 1831 г.), помещики, общества крестьян (государственных, удельных, вольных хлебопашцев), а также мещан имели право отдавать в зачет будущих рекрутских наборов членов общины за совершенные проступки. К таким проступкам относились неуплата налогов, бродяжничество, кражи и т. д.

Согласно Уставу 1831 г., помещики могли отдать своего крепостного в рекруты в зачет будущих наборов по своему усмотрению (за исключением недавно приобретенных крестьян, а также людей, «отыскивающих свободы»). Общества других категорий крестьян, а также мещан могли досрочно направить в рекруты члена общины, совершившего проступки, по приговору добросовестных домохозяев, не состоявших на рекрутской очереди. При этом общественный приговор должен был быть утвержден местными государственными органами исполнительной власти: городской думой (общества мещан) или казенной палатой (общества крестьян), а затем гражданским губернатором [3, Т. 20, № 19283, ст. 325–329]. Получалось, что в случае совершения мелкой кражи основная ответственность перекладывалась на деятельность помещиков и органов местного самоуправления. Органы исполнительной власти в подобной ситуации выполняли контролирующую функцию. Следует отметить, что в исследуемый период подобная практика не претерпела серьезных изменений и фактически сохранялась до отмены рекрутской повинности в 1874 г. Если же речь шла о совершении более тяжких преступлений в сфере похищения чужого имущества, то тогда виновных направляли на военную службу по приговору суда.

К сожалению, в историографии отсутствуют сведения, позволяющие судить о том, какое количество преступников поступало на военную службу по приговору суда. Например, в 1828 г. из Витебской губернии на военную службу за совершенные преступления было направлено 25 чел., из них 18 – за кражу и воровство. В том же году из Могилевской губернии на военную службу поступило 24 чел., из них 13 – за кражу и воровство [4, л. 15]. Получалось, что пять белорусских губерний по приговору суда ежегодно поставляли в российскую армию около сотни преступников, значительная часть которых составляли похитители чужого имущества.

В политике российских властей по привлечению на военную службу лиц, совершивших похищение чужого имущества, можно условно выделить несколько основных этапов. Для первого этапа характерно становление военной службы как наказания за похищение чужого имущества (1794–1799 гг.). На протяжении второго этапа наблюдается значительное расширение использования военной службы как меры наказания за похищение чужого имущества (1799–1845 гг.). Для третьего этапа характерно широкое

использование военной службы в качестве замещающего наказания на основании положений Уложения 1845 г. (1845–1860 гг.). Наконец, на заключительном, четвертом, этапе происходит постепенный отказ от использования военной службы как меры судебного наказания за совершение всех преступлений, включая похищение чужого имущества (1860–1874 г.).

Итак, введение в 1794 г. рекрутской повинности в белорусских губерниях не означало автоматического распространения на эти территории всего комплекса законодательства, связанного с отбыванием этой тягостной для населения повинности. При проведении рекрутского набора 1794 г. российские помещики, получившие во владение земли в белорусских губерниях и знавшие все тонкости российского законодательства, столкнулись с проблемой отдачи белорусских крестьян за мелкие преступления в зачет будущих наборов. Лишь 15 ноября 1794 г. соответствующий сенатский указ предоставил им подобное право [5, Т. 23, № 17268]. На прочие категории населения, отбывавшие рекрутскую повинность, подобная практика была официально распространена сенатским указом от 16 апреля 1796 г., позволявшим принимать рекрут в зачет будущих наборов [5, Т. 23, № 17454].

Что касается уголовного законодательства, то на данном этапе российская правовая система исключала военную службу как меру наказания за похищение имущества. За подобные преступления, в зависимости от рода кражи, стоимости украденного имущества, а также рецидивов преступления, согласно именному, данному Сенату указу от 3 апреля 1781 г., полагались наказания в виде денежной компенсации, телесных наказаний, направления в рабочий дом и на каторгу [5, Т. 21, № 15147]. Если принесенный ущерб был относительно невелик, то после того, как преступник компенсировал его деньгами либо же трудом в рабочем доме, он получал возможность вернуться к полноценной жизни в общество, к которому он был приписан.

Тем не менее подобная система просуществовала недолго. Уже в 1799 г. российский законодатель ввел практику направления на военную службу за кражу чужого имущества по приговору суда. Причиной стал отнюдь не комплект в вооруженных силах. По мнению правительства, многие молодые люди, которые по рекрутской очереди должны были быть направлены на военную службу, сознательно совершали кражу чужого имущества, предпочитая отправиться в рабочий дом или даже на каторгу, чем стать солдатом. В связи с этим законодатель стал связывать рост числа преступлений, связанных с похищением имущества, с массовым уклонением от несения рекрутской повинности. Согласно сенатскому указу от 31 июля 1799 г. за кражу имущества стоимостью 20 руб. и выше полагалось телесное наказание, а затем отдача в солдаты для тех, кто был годен к военной службе, а для остальных – ссылка в Сибирь на поселение [5, Т. 25, № 19059]. Наказание в виде военной службы не распространялось на евреев. В случае похищения чужого имущества все евреи подлежали ссылке в Сибирь [5, Т. 26, № 19273].

Опыт нескольких лет позволил законодателю убедиться в ошибочности логики указа 31 июля 1799 г., так как количество преступлений, связанных с кражей чужого имущества, в Российской империи не уменьшилось. Кроме того, столь жестокое наказание, как отправка в солдаты и ссылка в Сибирь на поселение, привело к разорению множества семейств в государстве. Уже в 1802 г. именным, данным сенату указом от 14 мая за первую совершенную кражу в размере от 20 до 100 руб. отныне полагалось только телесное наказание. При повтором совершении подобного преступления, а также при совершении кражи свыше 100 руб. следовало поступать в соответствии с указом от 31 июля 1799 г. [5, Т. 27, № 20263].

Указ от 14 мая 1802 г. получил свое дальнейшее развитие в именном указе от 5 июля 1811 г. Согласно данному документу, все преступления разделялись на три разряда, при этом каждому разряду соответствовали определенные наказания. Отдача в солдаты соответствовала второму разряду преступлений, который включал в себя кражу свыше 100 руб. и неоднократное воровство [5, Т. 31, № 24707; 6, ст. 711].

Многолетний опыт применения военной службы в качестве наказания показал, что во многих случаях данная мера не является действенной. В связи с этим в Уложении 1845 г. военная служба стала использоваться в качестве замещающего наказания [7, с. 1103]. Наказания в виде ссылки в Сибирь на поселение (ст. 78 в отношении лиц, изъятых от телесного наказания), а также исключение из государственной службы (ст. 92) могли быть заменены отдачей в солдаты. При этом ст. 78 предусматривала, что лица, которым назначали подобное наказание, направлялись на военную службу без выслуги. В свою очередь ст. 92 содержала лишь формулировку «отдача в солдаты» [3, Т. 20, № 19283]. Обстоятельства применения военной службы в качестве замещающего наказания могли зависеть от конкретной потребности вооруженных сил в новобранцах, а также личностных качеств самого преступника, его желания и способности к несению военной службы.

В Уложении 1845 г. из четырех видов преступлений против имущества (разбой, грабеж, воровство-кража и воровство-мошеничество) военная служба как наказание в принципе не могла применяться лишь в отношении действий, связанных с совершением разбоя (так как это преступление было сопряжено с применением насильственных действий, угрожавших жизни потерпевшего). При совершении грабежа (сопряжен с применением насилия без угрозы для жизни или же с открытым похищением имущества) без отягчающих обстоятельств (совершение преступления в церкви, при пожаре, в составе группы лиц, с использованием оружия) военная служба могла быть применена в качестве замещающего наказания [3, Т. 20, № 19283, ст. 2144–2145].

Крайне широко военная служба могла распространяться на лиц, совершивших воровство-кражу (похищение чужого имущества, совершенного в тайне, без применения насилия). Лишь ст. 2164 из этого отдела не подразумевала замещения наказания, в остальных же случаях (ст. 2147–2165,

2169) подобная практика была предусмотрена [3, Т. 20, № 19283, ст. 2147–2169]. Такая же ситуация наблюдалась с преступлениями, связанными с воровством-мошеничеством (похищение чужой собственности посредством обмана). Лишь ст. 2175 и 2176 из соответствующего отдела не предусматривали возможность замены наказания военной службой [3, Т. 20, № 19283, ст. 2173–2185].

Несмотря на достаточно гибкий подход, предложенный в Уложении 1845 г., к концу 1850-х гг. в высших эшелонах власти стал всерьез обсуждаться вопрос о свертывании практики массового направления преступников на военную службу в качестве наказания. Разложение дисциплины в войсках ввиду наплыва преступного элемента стало очевидным явлением. Кроме того, в военном руководстве утвердилась мысль о необходимости повышения статуса военной службы, которая в массовом сознании все чаще ассоциировалась с исправительными учреждениями, а не с государственным институтом, призванным защищать государство от внешних и внутренних угроз. Назрела объективная необходимость в пересмотре источников пополнения вооруженных сил государства.

Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 30 марта 1860 г., были внесены поправки в законы, связанные с отдачей преступников на военную службу. Отныне практика замены наказания на военную службу не распространялась на непривилегированные сословия. Теперь на военную службу могли быть направлены лишь несовершеннолетние лица, принадлежавшие к сословиям дворян, христианского духовенства, купцов первых двух гильдий, а также окончивших курс в высших и средних учебных заведениях. Тем не менее, подобная практика не распространялась на преступления, которые «доказывают развращенность виновного и отсутствие в нем чувства чести, нанося ему в общем мнении справедливый позор и унижение». К таковым относились, в том числе все преступления, связанные с похищением чужого имущества [3, Т. 35, № 35588]. При этом сохранялась внесудебная практика направления на военную службу по общественному приговору за совершение мелких хищений.

Таким образом, в рассматриваемый период военная служба являлась распространенным наказанием в отношении лиц, совершивших похищение чужого имущества. Данное наказание применялось как в судебном, так и в несудебном порядке. Несмотря на понимание правительством того, что привлечение воров и грабителей несет угрозу дисциплине и законности в вооруженных силах, на протяжении 1794–1874 гг. российское правительство массово принимало в несудебном порядке на военную службу лиц, совершивших мелкие хищения. При этом практика привлечения на военную службу данной категории правонарушителей в судебном порядке претерпевала постоянные изменения и в 1860 г. была окончательно отменена. К 1874 г. российское правительство подошло с пониманием того, что массовое привлечение преступников на военную службу несовместимо с высокой миссией защитника Отечества.

Список использованных источников

1. Вакулова, Л. Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист наук: 07.00.02 / Л. Е. Вакулова. – Тамбов, 2007. – 219 л.
2. Иванов, Ф. Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист наук: 07.00.02 / Ф. Н. Иванов. – Сыктывкар, 2006. – 220 л.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Оп. 1. № 2447. Дело по отношению статс-секретаря Муравьева о доставлении сведений о заключенных, содержащихся в городах Витебской и Могилевской губерний и назначенных в солдаты. – 14.10.1827–13.11.1828. – 54 л.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
6. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции / Н. С. Таганцев. – СПб.: Гос. тип., 1902. – Т. 2. – 655 с.
7. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т.: 1832 г. – СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. – Т. 15: Свод законов уголовных. 1832. – 569 с.

(Дата подачи: 09.02.2024 г.)

Д. В. Низович

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. Nizovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 322.22 (34.047)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

MAIN DIRECTIONS OF SOCIAL SERVICE OF THE ORTHODOX CHURCH IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Статья посвящена изучению генезиса и становлению системы социального служения Православной Церкви в Беларуси. Определены механизмы взаимодействия Церкви и заинтересованных в сотрудничестве государственных органов. Проанализированы основные направления деятельности церковных подразделений в организации социальной работы. Установлены промежуточные результаты работы в области реабилитации, адаптации и информационного просвещения.

Ключевые слова: государство; церковь; социокультурная деятельность; Русская Православная церковь; общество; социальная работа.

The article is devoted to the study of the genesis and formation of the social service system. The mechanisms of interaction between the Church and government agencies interested in cooperation have been identified. The main directions of activity of church units in the organization of social work are analyzed. Intermediate results of work in the field of rehabilitation, adaptation and information education have been established.

Keywords: state; church; socio-cultural activities; Russian Orthodox Church; society; social work.

В настоящее время Православная церковь включена в социально-культурную сферу белорусского общества на правах государственного партнера. Влияние Православной церкви на социальные процессы, формирование духовно-нравственных аспектов социума и укрепление традиционных ценностей существенно. Институт Церкви можно классифицировать как одного из акторов современной действительности белорусского государства. Это обуславливает актуальность данного вопроса, особенно, в части определения приоритетных направлений социальной деятельности для решения задач, стоящих перед современными реалиями.

Современными Российскими исследователями тема социальной работы Церкви не раз подвергалась системному анализу. Например, такие авторы, как И. В. Забаев, Д. А. Орешина, Е. В. Пруцкова, характеризуют церковную социальную деятельность в России и определяют ее специфику по отношению к профессиональной социальной работе [1]. Исследователи И. Г. Шарков, Л. Б. Томилина и К. В. Воденко сконцентрировали свое внимание на масштабе и содержании церковного служения в России [2]. Они, как и выше упомянутые авторы, делают вывод, что социальное служение Русской православной церкви не однородно и не укладывается в рамки понимания полноценной социальной работы как профессиональной поддержки нуждающихся слоев населения. Региональную специфику рассматривает в своей статье Е. А. Сипягина на примере Костромской епархии [3].

Некоторые аспекты вопроса рассматривают и отечественные авторы. Описывает благотворительную и просветительскую деятельность православных братств на территории Беларуси в исторической ретроспективе Н. Ю. Андрущенко [4]. На современном этапе анализирует деятельность братств и сестричеств Белорусской православной церкви в своей статье С. А. Мудров [5].

Однако исследователями в области истории еще не был оценен масштаб и не выделены основные направления социальной работы Белорусской православной церкви в настоящее время. Анализ данной проблематики позволит определить, на каком уровне находится социальная работа Церкви в нашем государстве, что повысит эффективность дальнейшего взаимодействия органов государственной власти и Церкви в социальной сфере.

Согласно Основам социальной концепции Русской православной церкви, социальное служение всегда было приоритетным направлением деятельности Православной церкви. «Церковь призвана принимать участие

в устройении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, и объединять соответствующие усилия с представителями светской власти» [6, с. 12].

По мере развития государственно-церковных отношений в Беларуси развивалась и социальная деятельность Церкви. На основании соглашения, заключенного между государством и Православной церковью в 2003 г., и в целях дальнейшего развития сотрудничества были заключены отдельные программы с различными государственными ведомостями, в том числе и с Министерством труда и социальной защиты населения в 2004 г. «Сфера социального служения в Церкви рассматривается как одно из основных направлений пастырской работы, ибо помогать страждущим – богоугодное дело. В Православной церкви накоплен богатый опыт социальной работы, социальное служение остается традиционной сферой деятельности приходских сестричеств и братств» [7].

Программа сотрудничества содержала в себе огромный пласт совместных мероприятий, направленных на улучшение социальных условий для развития граждан. Проведя анализ этих мероприятий, мы можем выделить три основных направления социального служения Церкви: информационно-просветительская, реабилитационная и адаптационная деятельности.

Информационно-просветительское направление социальной работы Церкви состоит из мероприятий, сосредоточенных на предупреждении различных форм деструктивного поведения у подрастающих поколений и предупреждении различных форм насилия в обществе [8].

Реабилитационное направление представляет собой реальную помощь лицам, страдающим от алкогольной и наркотической зависимостей; воспитательную и материальную помощь детям-сиротам, детям, находящимся в социальных приютах; поддержку лиц с ограниченными возможностями и лиц, пострадавших от насилия, а также попечительство о лицах, освободившихся из мест лишения свободы [8].

Адаптационное направление социальной работы представляет собой помощь в оказании социальных услуг пожилым людям, инвалидам и ветеранам ВОВ, сбор и предоставление гуманитарной помощи нуждающимся слоям населения, а также содействие к адаптации лиц, находящихся в стационарных лечебных заведениях [8].

Согласно соглашению, государство со своей стороны содействует учреждению молитвенных помещений в стационарных учреждениях социального обслуживания и предоставляет нормативные правовые акты в сфере социальной работы представителям Церкви, которые ведут активную социальную работу. В свою очередь Церковь, структурирует, координирует и контролирует социальную работу своих специально подготовленных социальных служб и специалистов, а также соблюдает нормы действующего законодательства.

Установлено, что еще до заключения соглашения о сотрудничестве с белорусским государством существовали различные социальные проекты

Церкви, например, такие как Православное общество милосердия святой праведной Софии Слуцкой, созданное в 1988 г. Согласно отчету Минской епархии за 1996 г., в обществе работало 62 сестры милосердия, которые обслуживали 5 минских больниц, 14 сестер опекали более 30 недееспособных человек на дому. Упомянуты еще 16 сестричеств, действующих при храмах Минской епархии. «Сестры городских и сельских сестричеств работают в больницах области и помогаю больным и престарелым по месту жительства» [9, с. 17].

Известно также о таком социальном проекте Церкви, как медицинский центр «Самарянин». Центр оказывал помощь всем обращающимся и, в основном, специализировался на пациентах с различными психологическими проблемами и алкогольной зависимостью. Медицинский центр принял участие в создании Комиссии по проблемам просвещения по алкогольной и наркотической зависимости. Упомянется сестричество во имя святых Марфы и Марии, приоритетной помощью которого являлось попечение о детях больных онкологией и их семьях в Республиканском онкологическом центре для детей, НИИ онкологии и гематологическом отделении 1-й городской клинической больницы. Сестричество помимо традиционной социальной деятельности проводило миссионерские встречи с учащимися минских школ и гимназий. Подобного рода деятельностью на территории Минской епархии занимались 10 братств и 23 сестричества, основная форма социального служения которых были патронажное обслуживание местных престарелых, инвалидов и больных всех возрастов [10].

В 1992 г. было создано Братство Святых Виленских Мучеников, их деятельность осуществлялась в 6 направлениях: издательская, информационная, международная, просветительская, приходская и социальная. Социальная деятельность братства заключалась в реализации проектов диаконического агентства «Круглый стол» по межцерковной помощи Республики Беларусь. Их социальная деятельность выполнялась по следующим направлениям: просвещение и образование, помощь пострадавшим от аварии на ЧАЭС, социальная реабилитация и медицинская помощь бездомным и нуждающимся людям [10, с. 76]. Однако в тот период времени отмечалось, что из-за отсутствия отчетности о деятельности братств и сестричеств сложно было отследить и оценить масштаб их социальной работы.

После заключения программы сотрудничества между государством и Церковью социальное служение Церкви стало вестись системно в обязательном порядке на различных уровнях: общецерковном, епархиальном, благочинническом, приходском и отдельно в монастырях. Это способствовало созданию специализированных церковных институтов – социальных отделов при епархиях: диаконических центров, специализированных сестричеств и братств, миссионерских организаций при православных приходах. Все эти подразделения обязаны предоставлять ежегодную отчетность о проделанной работе епархиальным управлениям. Отдельным пунктом

в этих отчетах выступает взаимодействие с государственными и общественными учреждениями социальной направленности «в целях более продуктивной и целенаправленной помощи лицам, нуждающимся в заботе и попечении» [11, с. 18].

К примеру, в годовом отчете Витебской епархии за 2004 г. в названном пункте отражается работа Диаконического центра, созданного еще в 2000 г. Центр работает с детскими школами-интернатами, приютами, детскими домами, приемниками-распределителями и домами ребенка, расположенными на территории Витебской епархии. Их деятельность заключается в духовно-нравственной помощи (духовное окормление) и социальной (помощь медикаментами, школьно-письменными принадлежностями, чистящими и моющими средствами). Также сестры Диаконического центра посещают больницы, дом престарелых, оказывают помощь по уходу за лежачими больными [12].

Согласно отчету за 2005 г., в Гомеле Молодежное братство в честь Святых Царственных Страстотерпцев курирует детский дом, организует паломнические поездки для молодежи. Реабилитационная деятельность проводится в больницах – 43 прихода систематически оказывают помощь лежачим в стационаре. Сестричество милосердия «Прихода храма иконы Божьей матери «Всех скорбящих Радость» совместно с Молодежным братством в честь Святых Царственных Страстотерпцев регулярно оказывают помощь болящим, проводят миссионерские беседы, подготавливают к церковным таинствам [13, с. 28].

Большой пласт в социальном служении Православной церкви занимает адаптационное направление социальной работы, а именно – благотворительность. Традиционно во всех епархиях Белорусского Экзархата ежегодно ко дню празднования основных церковных праздников – Рождества и Пасхи раздаются подарочные наборы лицам, находящимся на попечении церковных социальных служб. В 2005 г. в пределах Брестской епархии в рамках социального проекта «Самаритянский кошелек» было распространено 2170 детских подарочных наборов. Ко дню празднования Пасхи Диаконическим центром было роздано 41 продуктовый пакет для многодетных семей, 12 комплектов постельного белья для детей инвалидов-колясочников, 127 комплексов витаминов для детей с онкологией. В Бобруйской епархии всем нуждающимся и малоимущим прихожанам регулярно оказывается помощь вещами, подарками и даже финансами на приходах [14].

Информационно-просветительское направление социального служения заключается в основном в предупреждении девиантного поведения у подрастающих поколений путем информирования о пагубных последствиях зависимостей, абортов и деструктивного образа жизни. Так, в 2005 г. «Христианским молодежным обществом в честь преподобномученика Афанасия, игумена Брестского» были подготовлены лекции и видеоматериалы «О вреде аборта» и «Профилактика СПИД» и проведены лекции в семи школах г. Бреста. Для каждой встречи были привлечены врач-

психолог и священнослужитель. После данного мероприятия еще 11 учебных заведений изъявили желание провести мероприятия такого рода [14].

Некоторые авторы утверждают, что есть принципиально разное значение социальной работы в понимании государства и социального служения Церкви. Е. В. Горолева в своей статье описывает основные аспекты различий социальной работы государства и Церкви. Разница прослеживается изначально с определения цели социальной работы как у государства, так и у Института церкви. «Самостоятельной цели церковного социального служения нет, так как оно подчинено общецерковным целям, которые сводятся к главной – спасение человечества в целом и отдельных людей – в частности. Главной целью социальной работы государственных учреждений является обеспечение достойных условий жизни, помощь в социальной адаптации, оптимизации механизмов социального функционирования индивида или социальной группы» [15, с. 48]. Стоит согласиться с данным автором, что наряду с материальной и реальной помощью в социальном служении Церкви на первом месте стоит духовное попечение, так как спасение души человека в православном учении стоит на первом месте. Однако совместные усилия белорусского государства и Православной церкви в этой сфере взаимодополняемы и имеют высокую необходимость для более эффективной и всесторонней помощи гражданам. Следовательно, первостепенный аспект воспитания и духовной нравственности обуславливает еще один критерий специфики социального служения Церкви.

Таким образом, после 2004 г., благодаря заключению сотрудничества с Министерством труда и социальной защиты населения, Белорусская православная церковь смогла реализовывать систематическое социальное служение по трем основным направлениям: информационно-просветительское, реабилитационное и адаптационное. Церковные структуры, осуществляющие социальную работу по этим направлениям – диаконические центры, сестричества, братства. Главными формами реализации этих направлений выступают: благотворительность, продовольственная и гуманитарная помощь нуждающимся различных категорий, помощь медикаментами, патронаж, просветительские беседы и лекции, организация паломничеств и лагерей, трудоустройство. Специфика социального служения Церкви главным образом отличается от государственной социальной работы, однако в то же время она нравственно обогащает ее и создает все условия для формирования лучших условий жизни и духовного совершенствования. Специфика сотрудничества в белорусском регионе заключается в четко слаженной системе взаимодействия государства и Церкви. Эффективные результаты данного сотрудничества стали возможны благодаря заинтересованности государством в потенциале Церкви, структуризации социальной работы, выполнению плана совместных мероприятий, подробной отчетности и высокой вовлеченности участников совместных мероприятий государства и церкви в русле социального партнерства.

Список использованных источников

1. *Забаев, И. В.* Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви: проблема концептуализации / И. В. Забаев, Д. А. Орешина, Е. В. Пруцкова // Журнал исследований социальной политики – 2013. – Т. 11, № 3 – С. 355–368.
2. *Шарков, И. Г.* Социальное служение и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви: истоки и современность: монография / И. Г. Шарков, Л. Б. Томилина, К. В. Воденко. – М.: Русайнс, 2019. – 108 с.
3. *Сипягина, Е. А.* Социальное служение Русской православной церкви в конце XX – начале XXI вв. (на примере Костромской епархии) / Е. А. Сипягина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 165–175.
4. *Андрущенко, Н. Ю.* Просветительская и благотворительная деятельность православных братств на Беларуси / Н. Ю. Андрущенко // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры: сб. докладов XXIV междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета; С. И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла – 2019. – С. 182–185.
5. *Мудров, С. А.* Православные братства и сестричества в контексте социальной миссии Белорусской Православной Церкви / С. А. Мудров // Новые коммуникативные технологии и современное белорусское общество: электрон. сб. ст. II Междунар. науч. конф, Новополоцк, 22–23 апр. 2021 г. / Полоц. гос. ун-т; под общ. ред. С. О. Шидловского. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2022. – С. 26–35.
6. Основы социальной концепции Русской православной церкви / под ред. А. Макарова. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата ОВЦС МП, 2008. – 174 с.
7. Слово Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета при подписании Программы сотрудничества Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0442/Page0451.html>.
8. Программа сотрудничества между Министерством труда и Социальной защиты и Белорусской Православной Церковью 2004 г.
9. Отчетные данные по Минской епархии за 1996 г. // Архив МЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. О. – 1996.
10. Отчетные данные по Минской епархии за 1997 г. // Архив МЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. О. – 1997
11. Отчетные данные по Новогрудской епархии за 2006 г. // Архив МЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. О. – 2006.
12. Отчетные данные по Витебской епархии за 2004 г. // Архив МЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. О. – 2004.
13. Отчетные данные по Гомельской епархии за 2005 г. // Архив МЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. О. – 2005.
14. Отчетные данные по Брестской епархии за 2005 г. // Архив МЕУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. О. – 2005.

15. Горолёва, Е. В. Сравнительный анализ теоретических аспектов социальной работы в Белорусской православной церкви и в системе государственного социального обслуживания населения Беларуси / Е. В. Горолёва. // Молодой ученый. – 2022. – № 1 (396). – С. 47–50.

16. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/>.

(Дата подачи: 12.02.2024 г.)

А. А. Огородников

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
Полоцк

A. Ogorodnikov

Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Polotsk

УДК 94:281.2(476)“1945/1954”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ПОЛОЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1954 ГГ.

ACTIVITIES OF THE AUTHORIZED COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE POLOTSK REGION IN 1945–1954

В статье анализируются деятельность, условия и роль уполномоченного представителя Совета по делам Русской православной церкви по Полоцкой области в русле взаимоотношения государства и церкви в 1945–1954 гг. В этот период высшее партийное руководство страны и лично И. В. Сталин оказывали особое внимание православию, непосредственно учитывая патриотическую позицию церкви в недавней войне. Трансформация государственно-церковных отношений в СССР, вместе с тем принципов и методов работы СДРПЦ, как и уполномоченных Совета на местах, началась после смерти И. В. Сталина и избрания Н. С. Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Совет по делам Русской православной церкви; уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви; Полоцкая область; государственно-церковные отношения.

The article analyzes the activities, conditions and role of the authorized representative of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Polotsk region in line with the relationship between the state and the church in 1945–1954. During this period, the top party leadership of the country and personally I. V. Stalin paid special attention to Orthodoxy, directly considering the patriotic position of the church in the recent war. The transformation of state-church relations in the USSR, along with the principles and methods of work of the CAROC, as well as those authorized by the Council on the ground, began after the death of I. V. Stalin and the election of N. S. Khrushchev as First Secretary of the CPSU Central Committee.

Keywords: Russian Orthodox Church; Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church; authorized representative of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church; Polotsk region; state-church relations.

Полоцк издревле являлся культурным и религиозным центром региона. Однако после революции и установления советской власти в стране, большевики начали активную борьбу с религией во всех ее проявлениях, молодое советское государство объявлялось атеистическим и свободным от «религиозного дурмана». Такая целенаправленная политика органов власти привела к тому, что в конце 1930-х гг. вся религиозная жизнь в СССР была фактически ликвидирована, а культовые здания претерпели десакрализацию.

Оживление религиозной жизни в Советском Союзе произошло после Великой Отечественной войны. Отношение государства к церкви, в первую очередь к Русской православной, в СССР стало более лояльным, а не исключительно враждебным, как было ранее. Изменение государственно-церковных отношений было обусловлено активной благотворительной деятельностью церкви (опека госпиталей, помощь красноармейцам-инвалидам) [1 с. 335], а также патриотической позицией во время войны – поддержкой Русской православной церковью борьбы с нацистской оккупацией [2, л. 38]. Такая политика также обуславливалась необходимостью обеспечения лояльности верующих граждан по отношению к советской власти на освобожденных от оккупации территориях, особенно недавно присоединенных западных территорий СССР.

В связи с изменениями государственно-церковных отношений возникла необходимость создания особого общесоюзного органа, который явился бы связующим звеном между правительством СССР и Русской православной церковью. Таким органом, проводящим в жизнь политику государства в отношении РПЦ, явился созданный в соответствии с постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. «Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР» (СДРПЦ). Тем же постановлением был утвержден председатель Совета, им стал Г. Г. Карпов. Для осуществления работы на местах – в административно-территориальных единицах, создавался аппарат уполномоченных Совета в областях, краях и союзных республиках СССР [3, с. 48]. Предполагалось, что через Совет РПЦ получит возможность обращаться к правительству для получения необходимых консультаций и разъяснений по текущим религиозным и хозяйственным вопросам. Факт возникновения отдельного ведомства, которое должно было специализироваться исключительно на вопросах Русской православной церкви, говорил о том, что именно православие государство и лично И. В. Сталин уделяли особое внимание.

Об особом интересе к Русской православной церкви в 1945–1954 гг. со стороны высшего госаппарата свидетельствовал дополнительный значительный факт. Так, Совет по делам религиозных культов (СДРК), который занимался всеми религиозными течениями, кроме православия, на террито-

рии СССР (мусульманскими, иудейскими, буддийскими вероисповеданиями, армяно-григорианской, старообрядческой, грекокатолической, католической и лютеранской церквями) появился позже (19 мая 1944 г.) [4, л. 3], нежели Совет по делам Русской православной церкви.

Однако разработка нормативной документации Совета по делам Русской православной церкви и подбор кадров затянулись. Это было обусловлено объективным фактором – продолжавшейся войной и концентрацией государственно-административного ресурса в первую очередь на достижение скорейшей и полномасштабной победы над врагом. Только в течение осени 1944 г. смогли полностью укомплектовать должностной состав центрального аппарата СДРПЦ. В БССР личный состав уполномоченных был сформирован к концу зимы 1945 г. При правительственном аппарате БССР учредили должности республиканского уполномоченного, его заместителя, структурный административный аппарат [3, с. 49]. Должности уполномоченных Совета также были учреждены при всех областных исполнительных комитетах республики.

Административно, уполномоченные в областях подчинялись и были подотчетны непосредственно уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви по БССР [5, с. 24]. Связь уполномоченных по областям с республиканским руководством, а также местными партийными органами власти осуществлялась посредством предоставления справок и отчетно-информационных докладов по текущим вопросам (регистрации новых общин и духовенства, общего наблюдения за деятельностью церкви, рассмотрения поступивших жалоб и заявлений верующих). Вместе с тем уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви не имели самостоятельности в принятии решений и обязаны были руководствоваться разъяснениями и указаниями как со стороны СДРПЦ [6, л. 11], так и органов советской власти.

В Полоцкой области, которая была организована в сентябре 1944 г. [7, с. 192] и просуществовала как административно-территориальная единица в составе БССР с 20 сентября 1944 г. по 8 января 1954 г. [8, с. 140; 9, с. 530], уполномоченным по делам Русской православной церкви с 1945 г. был назначен Л. К. Марковский [10, л. 14]. В своей работе уполномоченные на местах встретились с объективными трудностями послевоенного времени. Не являлась исключением и Полоцкая область. Трудности были продиктованы как банальной нехваткой канцелярских принадлежностей и отсутствием транспортных средств, так и более глобальной проблемой – отсутствием в городе Полоцке подходящего здания для размещения, уполномоченного представителя по делам РПЦ по области.

Такое положение дел было связано с тем, что во время войны Полоцк пережил огромные разрушения. Полному уничтожению в городе подверглось более 42 % городских строений, основную часть разрушенных построек из этого количества составил частный жилой фонд (71,4 % от довоенного показателя) [11, л. 5], который преимущественно был из дерева и попросту

выгорел. В итоге уполномоченный по делам Русской православной церкви по Полоцкой области (Л. К. Марковский) вынужден был разместиться не в Полоцке как административном центре области, а в городе Глубокое [12, л. 50], который в достаточной мере сохранился после войны и обладал капитальным строением для размещения уполномоченного представителя Совета.

Безусловно, отдаленное размещение уполномоченного от областного центра (расстояние от города Глубокое до Полоцка по трассе составляло порядка 85 км) усложняло коммуникацию Л. К. Марковского с областным исполнительным комитетом и тем самым вносило существенные коррективы в его работу. Такая ситуация сохранялась до марта 1950 г., к этому времени Полоцк был уже в значительной мере восстановлен и «... тов. Марковский был перемещен из райцентра г. Глубокое в областной центр г. Полоцк и размещен в здании облисполкома. Ему была выделена служебная комната размером 12 м. кв., которая оборудована необходимым инвентарем, установлен телефон» [10, л. 18]. Разумеется, существенное улучшение материально-технической базы, а также возможность более тесной и своевременной коммуникации с облисполкомом и обкома КП(б)Б [10, л. 20] положительным образом сказались на работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Полоцкой области.

В 1945–1954 гг. число действующих церквей в Полоцкой области практически не изменялось и находилось в диапазоне 50–54 храма (1945 г. – 51 [13, л. 2], 1948 г. – 50 [14, л. 5], 1950 г. – 50 [15, л. 3], 1952 г. – 54 [16, л. 29], 1954 г. – 52 [17, л. 44]). При этом необходимо отметить важную особенность религиозной жизни области – это крайний дисбаланс действующих культовых зданий в западных и восточных районах. Из пятнадцати районов Полоцкой области в двух (Ветринском и Дрисенском) действовали по одной церкви на район, а в четырех районах (Освейском, Полоцком, Россонском, Ушачском) действующих церквей не было вообще. В свою очередь в западных районах Полоцкой области ситуация с функционирующими церквями была кардинально иной. Из 54 действующих храмов (в период 1952–1953 гг.) 52 церкви находились в западных районах области. Так, церквей в Браславском районе было 2, Видзовском – 3, Глубокском, Дисненском, Докшитском по 7 на каждый район, Дуниловичском – 4, Миорском – 6, Плисском – 11, Шарковщинском районе – 5 [18, л. 45]. В самом же Полоцке действовало единственное религиозное учреждение – Спасо-Евфросиниевский женский монастырь [19, л. 43], иных церквей не имелось вовсе. В свою очередь Спасо-Евфросиниевский монастырь продолжал оставаться своеобразным «центром паломничества» православных верующих региона [17, л. 17], разумеется с согласия и под чутким надзором местных властей и непосредственно уполномоченного Совета по Полоцкой области.

Дисбаланс в локализации церквей в западных и восточных районах был обусловлен относительно недавним вхождением (сентябрь 1939 г.) в состав

СССР западных регионов Украины и Беларуси, где не была окончательно ликвидирована и продолжала функционировать хорошо организованная епархиально-приходская структура православной церкви. Также необходимо отметить достаточно сильные позиции католической церкви в западных районах Полоцкой области [12, л. 56], что вытекало из ограниченного положения данных белорусских земель и продолжительного социально-культурного контакта с преимущественно католическим зарубежьем. В свою очередь советская власть с подозрением относилась к католическим верующим и священникам, считая их «западными пособниками и предателями» из-за позиции католической церкви во время войны. В православии советская власть видела «меньше противоречий» нежели в католицизме, признавая определенный исторический и культурный путь развития православного культа на русских землях, а также учитывая патриотическую позицию в недавней войне, тем самым поддерживая шаткий баланс между атеистическим государством и существованием православной религии в стране в 1945–1954 гг.

Практическая реализация демократизации в отношении православной церкви началась еще в 1945 г., когда церкви и монастыри были освобождены от уплаты налога со строений, а также от земельной ренты [20, л. 5]. Юридически закреплялись находившиеся в их пользовании земельные участки, которые теперь запрещалось изымать или урезать без специального разрешения Совета [20, л. 35]. Духовенство, в том числе рядовое монашество, соблюдавшее обет безбрачия, освобождалось от уплаты налога на холостяков [20, л. 5]. Кроме того, в этот период церковным общинам было предоставлено право «ограниченного юридического лица», в частности, такой статус позволял производить как церковную утварь, так и различные предметы религиозного культа, а также самостоятельно заниматься реализацией (продажей) данных изделий общинам верующих [12, л. 12]. Это было огромным послаблением, так как ранее церковь была полностью лишена возможности заниматься какой-либо коммерческой деятельностью. В конце 1948 г. был окончательно урегулирован вопрос назначения пенсионных выплат «церковникам», как по инвалидности, так и по достижению пенсионного возраста [21, л. 5], приравняв духовенство к служащим [22, с. 347]. Такие законодательные акты свидетельствовали о желании советской власти в значительной мере либерализовать взаимоотношения государства и православной церкви. Разумеется, за непосредственную реализацию данных положений по Полоцкой области отвечал уполномоченный представитель Совета по делам РПЦ по области – Л. К. Марковский.

Для повышения квалификации и получения необходимых теоретико-методических знаний, среди прочих уполномоченных представителей Совета по делам Русской православной церкви по областям БССР, в феврале 1948 г. Л. К. Марковский был направлен в Москву на семинар-совещание [12, л. 57]. Программа семинара была обширной и включала выступления

с докладами представителей центрального аппарата СДРПЦ при СНК СССР, в том числе, председателя Совета Г. Г. Карпова и его заместителя С. К. Бельшева [12, л. 58]. Кроме того, в целях конкретизации и упрощения статистических данных, к началу 1950 г. вводилась обязательная стандартизированная форма отчетности (количество церквей, монастырей, прихожан, регистрация новых церковных общин и духовенства и т. п.) для уполномоченных Совета по областям [10, л. 1]. Это свидетельствовало, как о постоянной методической работе с уполномоченными Совета по областям, так и непрерывном контроле их деятельности со стороны непосредственного руководства.

Формальные взаимоотношения государства и церкви в 1945–1954 гг. достигли такого масштаба, что в Москве с 8 по 18 июля 1948 г. с участием высшего партийного аппарата, руководства СДРПЦ, а также представителей патриархата состоялись торжества, посвященные 500-летию автокефалии Русской православной церкви. Помимо праздничной части, в процессе встречи был обсужден ряд общецерковных вопросов и приняты необходимые согласования по ним [23, л. 17]. Кроме того, 21 декабря 1949 г. «...епископ Минский Пителирим дал телеграфное указание всем благочестивым о проведении торжественного богослужения» в честь 70-летия И. В. Сталина [24, л. 34]. Таким образом, православная церковь выказывала всестороннее одобрение правительственного курса в 1945–1954 гг. по существенному сближению и взаимодействию государства и церкви.

Трансформация государственно-церковных отношений в СССР, разумеется, и задач Совета по делам Русской православной церкви, как и уполномоченных представителей на местах, началась после смерти И. В. Сталина и избрания Н. С. Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС. При этом, невзирая на подготовку в стране очередного этапа наступления на религию, СДРПЦ первоначально удавалось поддерживать прежний баланс между интересами церкви и указаниями органов государственной власти. СДРПЦ через своих уполномоченных представителей на местах по-прежнему старался не допускать прямого вмешательства партийных органов в административную, хозяйственную и каноническую жизнь православной церкви. Разумеется, сдерживание такого рода вмешательства могло сохраняться только в начальные годы руководства партией Н. С. Хрущёвым, когда он вел внутреннюю борьбу и продолжал укрепляться во власти, в последующем же взаимоотношения государства и церкви претерпят коренные изменения в сторону полномасштабной борьбы с религией.

Таким образом, коренные изменения принципов и методов работы уполномоченных СДРПЦ в СССР и непосредственно в административно-территориальных единицах республик, в том числе и в БССР, начались в 1958 г. В этот период в СССР приступили к активной реализации в жизнь нового курса в отношении РПЦ и религиозной жизни в целом, направленного на полную ликвидацию религии как социокультурной составляющей в стране.

Список использованных источников

1. Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. Сост. Беате Фицелер и Роджер Д. Марквик. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – С. 383.
2. Зональный государственный архив г. Полоцка (ЗГАП). – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 1.
3. *Гераськин, Ю. В.* Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А. И. Филимонова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 464.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1.
5. *Мандрик, С. В.* Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в БССР в начальный период его существования (1944–1958) / С. В. Мандрик, А. О. Горанский // Веснік БДУ. Серыя 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 2. – С. 23–26.
6. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 1.
7. *Борисёнок, Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисёнок. – М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 352 с.
8. *Елизаров, С. А.* Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 222 с.
9. Полацкая вобласць // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 530.
10. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 9.
11. ЗГАП. – Ф. 666. Оп. 1. Д. 10.
12. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 3.
13. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 2.
14. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 6.
15. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 10.
16. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 12.
17. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 16.
18. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 13.
19. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 15.
20. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 1.
21. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 7.
22. *Одинцов, М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М. И. Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 421.
23. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 5.
24. ЗГАП. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 8.

(Дата подачи: 02.02.2024 г.)

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(55)(093)

АТ-ТАБАРИ И СИНТЕЗ АРИЙСКОЙ И АВРААМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ О ЗМЕЕ ДАХАКЕ)

AT-TABARI AND ARYAN TRADITION AGAINST THE ABRAHAMIC ONE (THE CASE OF AL-AZDAHĀQ)

Настоящая статья посвящена месту немусульманских иранских легенд и их роли в коранической истории прошлого. В статье рассматривается рассказ об Аль-Аздахаке из «Истории пророков и царей» («Тарих аль-умам ва-ль-мулук») ат-Табари. Результаты исследования показывают, что история представляет собой чистую «персидскую линию». «Кораническая линия» не кажется столь целостной. При этом все эти сюжеты перекликаются с древними арийскими реалиями. «История пророков и царей» ат-Табари позволяет нам увидеть доисламское прошлое, политические и социальные реалии в той форме, которую оставили нам их носители.

Ключевые слова: Аль-Аздахак; ат-Табари; «История пророков и царей»; персидская линия; кораническая линия; доисламские реалии.

The present paper is about such case: construction of non-Muslim Iranian legends within the Quranic story of the past. The paper reviews the story about Al-Azdahāq of at-Tabari's "History of the Prophets and Kings" (Tārīkh al-Rusul wa al-Mulūk). The research shows that the story is a pure "Persian line". The "Quranic line" does not seem to be so holistic. It also shows us Aryan ancient realities. All the revised points allow us to conclude, that at-Tabari in his "History of the Prophets and Kings" shows us the pre-Islamic political and social realities in the form their bearers had left for us.

Keywords: Al-Azdahāq; at-Tabari; "History of the Prophets and Kings"; Persian line; Quranic line; pre-Islamic realities.

Общеизвестно, что Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ибн Язид аль-Табари (839 г. н. э. (224 г.х.) – 923 г. н. э. (310 г.х.)), более известный как аль-Табари, был мусульманским историком и ученым из г. Амоль в Табаристане. Среди наиболее выдающихся деятелей Золотого века ислама ат-Табари прославился своими историческими работами и своим опытом толкования Корана на арабском языке «Тафсир ат-Табари». Наряду с этим он был известен как весьма эрудированный во многих областях человек, который писал по самым разным темам, включая всемирную историю, поэзию, лексикографию, грамматику, этику, математику и медицину. Наиболее влиятельными и наиболее известными работами ат-Табари являются не только уже упомянутые комментарии к Корану, но и его историческая хроника под названием «История пророков и царей» («Тарих аль-русул ва-ль-мулук»),

которую часто называют просто «Тарих ат-Табари» («История ат-Табари») (далее – История). Последняя представляет собой обширное собрание множества преданий, историй, легенд, хроник и повестей.

Конечно, главной целью ат-Табари была история ислама. Однако ее сведения о доисламском Ближнем и Среднем Востоке иногда имеют сравнимое с ней значение. История Ат-Табари предшествует Шахнаме и дает нам много подробностей предыдущих лет, которые мы больше нигде найти не можем.

Одним из наиболее существенных аспектов творчества ат-Табари является его подход к изображению этого прошлого. Никто не сомневается, что он был мусульманином и приверженцем Корана. Однако серьезное внимание к прошлому Ирана также оказало на его мировоззрение значительное влияние. Это видно по его подробным рассказам об иранских предводителях, князьях и царях далекого прошлого. Это означает, что для него было важной и краеугольной задачей объединение сильных и глубоко укоренившихся в людях доисламских иранских традиций, в основном зороастрийского происхождения, с исламским мировоззрением.

Настоящая статья посвящена решению одной из таких задач: встраиванию немусульманских иранских легенд внутри коранической истории прошлого. Самой большой задачей для самого ат-Табари, как представляется, было не само конструирование этого легендарного прошлого в рамках мусульманских воззрений, а обращение к прошлому известного из Корана зороастрийца, которого мы, во многом, можем считать обычным арийцем.

Рассказы об Аль-Аздахаке (в более поздней традиции известном как Заххак [2, 217]) открывают вторую книгу «Истории пророков и царей» ат-Табари. Она начинается с происхождения этого героя и его имени. Что касается названия, то автор считает его иранским (История 201-203) [10, с. 1–3]. Разумеется, ат-Табари был прав, поскольку Аль-Аздахак, как неоднократно доказано, – это арабизированная форма авестийского *ažay dahāka* («змея Дахака, змеев Дахака»), неоднократно упоминаемый в Авесте, и чьим местом действия в этом памятнике указывается *varəna* (Варэна):

Видевдат I, 17 [11]

(перевод с авестийского О.В. Перзашкевича)

a) caθrudasəm. asaŋhəmса. šōiθraŋəmса.

Четырнадцать из мест и обителей

b) vahīštəm. frāθβərəsəm. azəm.

лучших предопределил я,

c) уō. ahurō. mazdā.

который Ахура Мазда,

d) varənəm. yim. caθru.gaošəm.

Варэну, что четвероухий,

e) yahmāi. zayata.1 θraētaonō.2

к которому идет Траетаона,

- f) jaṇta. aḥōiš. dahākāi
убивающий Змеева Дахаку.
g) āat. ahe. paityāgəm. frākəṅṅatə.
Затем, конечно, враждебностью произвел
h) aṅrō. mainyuš. pouru.mahrkō.
Анхро Манью – много смерти –
i) araḥḥyāsa. daxšta.
и неподобающий образ жизни,
j) anairyāsa. daiṅḥuš.aiβišṭāra.3
и неарийской земли правление.

В русскоязычной литературе это имя чаще всего передаётся как Ажи-Дахака – выступающий как посланник Анхро Манью, который захватил власть над землей Варэна, а в дальнейшем этот дракон стал воплощаться в разных правителях-узурпаторах [3, с. 41]. Известен этот литературный герой также и в армянской мифологии, под именем Аждахак [1, с. 40–41].

Имя Ажи-Дахака само по себе интересно. Его первая часть очевидна: *ažay* на авестийском означает «змея или дракон». Однако *dahāka* обычно не имеет никакого перевода и реализуется как личное имя царя-демона из-за понимания *dahāka* как производного от *dahaka* «демон» [7, ст. 704]. Уже в Яштах Дахака имеет три головы, т. е. выступает как трехглавый змей [см. 5, с. 180].

Демонизм Дахаки вполне возможен, однако ни к нескольким головам, ни даже к числу «три» он не имеет никакого отношения. Если расширить авестийскую традицию до арийской и принять во внимание санскритское словосочетание *daśa + aka*, то получим «десять бед», что вполне логично и понимаемо в авестийском.

Разумеется, у нас нет никаких реальных оснований ожидать каких-либо прямых индийских заимствований, но как показано ниже, такой вариант понимания имени *dahāka* вполне возможен.

Относительно еще одного его имени, которое называет ат-Табари – *bīwarasb* – очевидно, соответствующего персидскому *bēwar asp* – можно с уверенностью сказать, что оно означает «(обладатель) множества лошадей». Довольно обычное персидское имя для благородного человека. Кроме того, оно отсылает нас к жертвоприношению 1000 лошадей, принесенному Ажи-Дахакой Анахите [10, с. 1].

Рассматривая происхождение имени и образа Аль-Аздахака в рамках более общей, всемирной, истории, в основе которой, конечно, лежит Коран, ат-Табари сообщает, что йеменцы утверждали, что этот человек по происхождению принадлежит к их народу, т. е. является одним из них, и сами йеменцы считали его старшим современником Моисея (История 202) [10, с. 2]. Это дает нам первый пример попытки поместить историю аль-Аздахака в коранический контекст, при том, что персы утверждали, что аль-Аздахак был иранцем (История 201–203) [10, с. 1–2].

Через несколько строк после этого мы видим второй способ включить Аль-Аздахака в кораническую литературную традицию. Речь идет об упо-

минании истории, в которой он рассматривался как Нимрод (История 205) [10, с. 4–5], потомок Ноя согласно Бытию X, 1+6-8 [см. 9], а еще дальше автор указывает, что Нимрод был чиновником Аль-Аздахака (История 253, 324) [10, с. 48–50, 109–110].

Змеиная и демоническая природа Аль-Аздахака, судя по его тексту, несоменна и для самого аг-Табари, и автор усиливает эти представления деталями тела аль-Аздахака и его внешнего вида (История 204, 206) [10, с. 3–6].

Все действия Аль-Аздахака демонстрируют его злую природу (например, убийство собственного отца, распятие и нанесение увечий) с упоминанием злых колдовских навыков (История 204, 206, 208–209) [10, с. 3–9]. Он считал себя повстанцем, узурпировавшим власть истинных царей, происходивших от Йимы (создателя человеческого общества и мирового порядка для людей [4, с. 490–491]), с помощью колдовства и обмана (История 206) [10, с. 5–6].

Конец правления Аль-Аздахака стал результатом массового восстания народа, который больше уже не мог терпеть. Это событие происходило в два этапа. Сначала у угнетенных народов появился лидер, который приходил к правителю на глазах у остальных и просил его распространить свой гнев на всех в его царстве (а это была вся Земля), а не только на персов. Правитель согласился, но, в конце концов, его жестокость стала невыносимой, и люди подняли оружие под предводительством героя, называемого обычно *аввуйана* (Атвьяна), т. е. потомком *аввуа* (Атвья) (второго человека, выжавшего священную хаому). Этот Атвьяна был также известен как упоминаемый в Авесте (см. выше) *враѣтаона* (Траэтаона), которого нередко отождествляют с Траитаной [6, с. 993–994].

Решающая их битва закончилась поражением и заключением аль-Аздахака на горе Данбаванд, его родине, где его заковали в железо, и Бог дал ему семь голов после того, как он оставил все свое зло. Его дурное и кровавое правление было уничтожено, и народ вернулся к правлению истинных царей династии Йимы (История 206, 226, 229) [10, с. 6, 23–24, 26].

Это была, по сути, чистая «персидская линия». «Кораническая линия» не кажется столь целостной. Связь Аль-Аздахака с Нимрудом основана только на его титуле правителя всех стран (История 204, 254) [10, с. 3, 50]. Тождество Траэтаоны с Моисеем основано на том факте, что Моисей освободил людей от злого правителя (История 414) [10, с. 185]. Ассоциация Аль-Аздахака с сыном Иафета Гомером происходит из указания на продление правления на 1000 лет (Бытие X, 1-3, I Паралипоменон I, 5-6) (История 210) [10, с. 9]. Даже сам факт заключения Аль-Аздахака в тюрьму Траэтаонной, по всей видимости, не принадлежит коранической традиции. Ни гора, ни железные оковы, ни железная булава, ни навершие этой булавы в виде быка (История 206, 229) [10, с. 5, 26] не указывают ни на одну из коранических реалий. Однако это достаточно очевидно связано с древними арийскими реалиями. Вот несколько примеров из Ригведы о битве Индры со змеем или драконоподобными демонами за освобождение

Солнца и восстановление мирового порядка, которые представляются очень схожими, с указанием на те соображения, которые соответствуют тексту ат-Табари.

Ригведа I 52, 8 [8, т. 2, с. 174]

(здесь и далее перевод с ведийского О.В. Перзашкевича)

jaghanvām u haribhiḥ sambhrtakratav **indra vṛtram** manuṣe gātuyann apāḥ |
ayachathā bāhvor **vajram** āyasam adhārayo divy ā **sūryam** dṛṣe ||

*Убивающий ведь золотыми, о собравший премудрости **Индра**, **Вритру**,
для человека обеспечивающий прохождение вод; ты держал в руках
ваджру айасовую, ты установил в небе **Сурью**, чтобы стал виден.*

Фрагмент указывает на то, что Индра предоставляет богам доступ к жертве, победив Вритру, который препятствовал прохождению жертвы. Восход Сурьи, видимо, ассоциируется с сомой, доставленной по назначению.

Ригведа I 56, 3 [8, т. 2, с. 188]

sa turvaṇir mahām areṇu paṁsye **girer bhrṣṭir** na bhrājate tujā śavaḥ |
yena **śuṣṇam māyīnam āyaso** made dudhra ābhūṣu rāmayan ni **dāmani** ||

*Он победительный величием, незамутненный, независимости,
горы вершина словно, сияет вспышкой сила; которой **Шушну** чародея,
айасовой в опьянении сокрушающий среди существ, да успокоил бы путами.*

Текст, определяет *Ayasa*, как представляется, как свойство силы (*zavas*) Индры, соотнесенное с чародеем (*mAyin*) Шушной и путами (*dAma*). Речь снова идет о победе Индры над тем, кто препятствовал прохождению жертвы.

Ригведа I 80, 12 [8, т. 2, с. 258]

na vepasā na tanyatendram **vṛtro** vi bībhayat |

abhy enaṁ **vajra** āyasaḥ sahasrabhrṣṭir āyatārcann anu svarājam ||

*Ни тряской, ни громом **Индру** **Вритра** не напугал; его **ваджра** айасовая,
имеющая тысячу лезвий, прошла, **воспевающая** вослед свое царство.*

Здесь, как представляется, с помощью особого оружия – ваджры – (*vajra*) Индра победил Вритру и восстановил свою самодержавную власть (*svarājya*).

Ригведа II 20, 8 [8, т. 4, с. 974]

tasmai tavasyam anu dāyi satrendrāya devebhir arṇasātau |

prati yad asya **vajram** bāhvor dhur **hatvī dasyūn** pura āyasir ni tārit ||

*Этому величие дано, подношение **Индре** с богами в битве за потоки;
когда ему **ваджру** в руки да вложили, **убивающий (многих) дасью**,
твердыни **айасовые** преодолел.*

В этом фрагменте Индра побеждает врагов-демонов (*dasyūn*) и преодолевает препятствие, преграждающее доступ к жертве, получая тем самым предназначенное ему (сому) и предоставляя доступ к этому другим богам. Таким образом, речь, очевидно, идет о защите жертвы от врагов.

Ригведа II 24, 3 [8, т. 4, с. 988]

tad devānām devatamāya kartvam aśrathnan dṛdhāvradata vīditā |
ud gā ājad **abhinad** brahmaṇā **valam** agūhat tamo vy acakṣayat **svaḥ** ||

*Это из богов для божественнейшего дело, освободились спутанные,
обмякли прочные, выгнал он коров, **разбил брахманом Валу,**
рассеял тьму, сделал видимым солнце.*

Текст содержит указание на миф Вала, следовательно, здесь Божественнейший (*devatamāya*) победил Валу и создал космос. Как было показано выше, по другой версии мифа это сделал Индра с помощью ваджры. Таким образом, здесь мы снова имеем дело с той же самой идеей освобождения мира от злого правления и восстановления исходного мирового порядка.

Подведем некоторые итоги.

1. Сама история Аль-Аздахака определенно имеет иранские или даже индоиранские корни, и ее связь с коранической или даже авраамической традициями не очевидна.

2. Повествование ат-Табари об Аль-Аздахаке демонстрирует тенденцию поместить все прошлое в рамки коранического мировоззрения. Однако, несмотря на очевидные попытки, его стремление к точности не позволило ему это сделать сколько-нибудь убедительно.

3. История Аль-Аздахака демонстрирует множество некоранических и неавраамических черт и идей, в числе которых:

- борьба со змеем или драконоподобным демоном, приносящим беспорядок и страдания;
- герой, борющийся за общие ценности с помощью железных уз, булавы с наверху в виде быка;
- помещение врага на гору (святое место), чтобы надежно удерживать его в заточении (как и вознесение самой жертвы);
- восстановление прежнего порядка и истинного царства, разрушенного демонами.

Все эти соображения дают нам достаточно прочное основание для следующего вывода – несмотря на фундаментальные исламские взгляды ат-Табари в его «Истории пророков и царей», его стремление к точности и объективности позволили нам довольно четко увидеть доисламскую эпоху, в том числе и политические и социальные реалии в той форме, которую оставили нам сами их носители.

Список использованных источников

1. Арутюнян, С. Б. Аждахак [Электронный ресурс] / С. Б. Арутюнян // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. – М.: Советская энциклопедия, 2008. – С. 40–41. – Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf.

2. Брагинский, И. С. Захак / И. С. Брагинский // Мифологический словарь. – М.: СЭ, 1990. – С. 217.

3. Лелеков, Л. А. Ажи-Дахака [Электронный ресурс] / Л. А. Лелеков // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. – М.: Советская энциклопедия, 2008. – С. 41. – Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf. – Дата доступа: 20.01.2024.

4. Лелеков, Л. А. Йима [Электронный ресурс] / Л. А. Лелеков // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. – М.: Советская энциклопедия, 2008. – С. 490–491. – Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf. – Дата доступа: 20.01.2024.

5. Рак, И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана / И. В. Рак. – СПб.; М.: Журнал «Нева» – Летний сад, 1998. – 560 с.

6. Топоров, В. Н. Траэаона [Электронный ресурс] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. – М.: Советская энциклопедия, 2008. – С. 993–994. – Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf. – Дата доступа: 20.01.2024.

7. *Bartholomae, Ch.* Altiranisches Wörterbuch / Ch. Bartholomae. – Strassburg: Verlag von Karl Trübner, 1904. – 2000 S.

8. Rgveda SaMhitA: 13 vol. / Eng. transl. by Svami Satya Prakash Sarasvati, Satyakam Vidyalankar. – New Delhi: Veda Pratishthana, 1977–1995. – 13 vol.

9. Russian Synodal Text of the Bible [Electronic resource] // BibleWorks for Windows 4.0. – Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996 – 1998. – 1 CD-Rom.

10. The History of al-Ṭabarī (Tārīkh al-rusul wa-al-mulūk) [An Annotated Translation] (Bibliotheca Persica) (SUNY series in Near Eastern studies): Vol. 2: Prophets and Patriarchs / Translated and annotated by William M. Brinner. – NY: SUNY Press, 1987. – 207 p.

11. TITUS Avestan Corpus. Part No. 95. Vidēvdād. Chapter 1. – TITUS, 2002. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/airan/avesta/avest.htm> – Date of access: 20.01.2024.

(Дата подачи: 24.02.2024 г.)

Г. А. Петаченко

Белорусский государственный университет, Минск

G. Petachenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 378.014(47+57)(091)“1920/1930”(043.3)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СССР В 1920-Х – НАЧ. 1930 ГГ.

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF TRAINING SCIENTIFIC SPECIALISTS IN THE USSR IN THE 1920S – BEGINNING 1930

В статье рассматривается процесс трансформации подготовки научных кадров советской высшей школы в 1920-е – нач. 1930 гг. Выявляется степень влияния различных факторов, как экономических, так и идеологических, на подготовку кадров новых, идейно убежденных специалистов. Раскрывается роль научно-исследовательских институтов при университетах и институтов красной профессуры как основных направлений по под-

готовке молодых ученых и создание на их основе аспирантуры как единого института подготовки с типовыми правилами отбора и приема кандидатов.

Ключевые слова: высшая школа; студенчество; аспирантура; диссертация; учебный процесс; образование; профессорско-преподавательский состав.

The article examines the process of transformation of the training of scientific personnel in Soviet higher education in the early 1920s. 1930s The degree of influence of various factors, both economic and ideological, on the training of new, ideologically convinced specialists is revealed. The role of research institutes at universities and institutes of red professorships as the main directions for training young scientists and the creation on their basis of graduate school as a single training institute with standard rules for the selection and admission of candidates is revealed.

Keywords: higher school; students; graduate school; thesis; educational process; education; teaching staff.

В дореволюционной российской высшей школе подготовка научно-педагогических кадров осуществлялась в университетах через институт профессорских стипендиатов. Лица, желавшие после окончания университета заниматься педагогической деятельностью, по выбору и рекомендации профессора зачислялись на 2–3 года профессорскими стипендиатами. В течение этого времени они должны были сдать магистерские экзамены, а затем подготовить и защитить магистерскую диссертацию. Кандидаты на профессорские должности защищали еще и докторские диссертации по избранной специальности. Срок работы над магистерской диссертацией составлял обычно 5–7 лет, а над докторской – 10–12 [1, с. 50].

Однако эта система подготовки не соответствовала принципам новой советской высшей школы, которая стремилась создать пролетарскую интеллигенцию, способную являться опорой и ретранслятором идеологии власти в обществе. Советская власть не имела достаточного числа подготовленных научных кадров из среды пролетарской молодежи, так как многие из них участвовали в Гражданской войне. Но с переходом к мирной жизни, с начала 1920-х гг. пристальное внимание со стороны власти стало уделяться подготовке научных кадров в гуманитарных науках, поскольку эта сфера считалась наиболее опасной. М. Н. Покровским был разработан проект подготовки преподавателей высшей школы, в котором первостепенное значение придавалось подготовке преподавательского состава для факультетов общественных наук. Согласно положениям проекта, набор научных работников мог осуществляться из числа студентов последних курсов вузов. Для подбора наиболее подготовленных проводился контроль успеваемости, и наиболее успешным студентам предоставлялось право участвовать в конкурсах по замещению вакантных должностей данного вуза. Однако отличная успеваемость студента не гарантировала ему возможность заниматься научно-преподавательской деятельностью, учитывалось и его социальное происхождение. В этой связи В. Н. Покровский однозначно заявил тезис, что «дальнейшее рекрутирование

профессоров общественных наук из буржуазной молодежи следует прекратить» [13, л. 24].

Одновременно предлагалось приступить к систематическому отбору научных сотрудников по общественным наукам из числа партийной молодежи. Так как многие из них не имели даже законченного высшего образования, организовывались ускоренные курсы в 1–2 года, которые и стали готовить новый преподавательский состав обществоведов. Для чтения лекций на этих курсах привлекались все члены партии, способные преподавать, но, как отмечалось, «кафедру по общественным наукам представитель буржуазной идеологии занимать не может» [13, л. 25]. И все же такая форма не могла решить вопрос острой нехватки преподавателей-коммунистов по общественным наукам. СНК РСФСР 11 февраля 1921 г. принял решение, что подготовкой научных сотрудников должны заняться Институты красной профессуры (ИКП). Они создавались в Москве и Петрограде с целью подготовки преподавательского состава для преподавания в вузах политминимума, теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм новейшей истории и советского строительства. Но даже в Институты красной профессуры были вынуждены приглашать преподавателей не коммунистов [14, л. 26].

В соответствии с решением партийного совещания по вопросам народного образования (декабрь 1920 г. – январь 1921 г.) при университетах создавались специальные научно-исследовательские институты (НИИ) для подготовки молодых ученых [9, с. 96]. Наличие подобной параллельной системы подготовки давало партийным органам возможность распределять молодых ученых по двум направлениям: одни определялись в ИКП для подготовки будущей партийной номенклатуры, другие – для продолжения научной и преподавательской деятельности в научно-исследовательских институтах при университетах. Анализ партийного состава слушателей ИКП и НИИ показывает, что процент членов партии в ИКП был значительно выше, чем в НИИ при университетах. Среди слушателей комвузов 1923/24 уч. г. рабочие составляли 47 %, члены РКП(б) – 73,2 %, комсомольцы – 21 %. В ИКП число рабочих с 1924 г. по 1928 г. выросло с 21,7 до 39,7 % [6, с. 16].

Идеологическая составляющая в учебном процессе в обеих формах имела серьезное значение. В университетских НИИ в работе по подготовке будущих ученых активное участие принимала старая профессура, что не могло не вызывать беспокойство партийного руководства из-за ее политических взглядов. А. В. Луначарский отмечал, что «молодежь – наше будущее, и контрреволюционную пропаганду среди нее мы допустить не можем, самый маленький перевес может склонить гири не в нашу пользу, а потому мы берем на себя роль цензора. В марксистских науках мы хотим, чтобы звучал голос марксистской науки» [5, с. 7].

Осенью 1922 г. Агитпропотдел ЦК РКП (б) провел ряд совещаний с представителями красной профессуры, на которых обсуждался вопрос о мерах

снижения или нейтрализации идеологического влияния старой профессуры на подготовку научных кадров. В развернувшейся дискуссии высказывались предложения о ликвидации университетских НИИ и сосредоточении подготовки ученых только в ИКП. Однако М. Н. Покровский, В. П. Волгин, Д. А. Магеровский и др. отстаивали необходимость НИИ при университетах, признавая при этом необходимость их реорганизации [3, с. 89]. Важные решения в процессе реорганизации научно-исследовательских институтов были приняты комиссией при Агитпропотделе ЦК РКП(б) 14 ноября 1922 г. [12, л. 11]. В ходе работы комиссии, по предложению Д. А. Магеровского, опиравшегося на практику Института советского права и Института истории права, было принято решение обратить особое внимание на отбор научных сотрудников. В их число рекомендовалось принимать «исключительно членов РКП и беспартийных марксистов». До января 1923 г. необходимо было провести проверку и реорганизовать институты по общественным наукам в Москве, Петрограде и провинции. Признали необходимым переподчинить руководству Государственного ученого совета (ГУС) институты, существовавшие при различных государственных учреждениях РСФСР, а также с его участием предлагалось обсудить перспективы научно-исследовательских институтов при комвузах. В ходе реорганизации, проводимой научно-политической секцией ГУС при Наркомпросе РСФСР и Агитпропотделом ЦК РКП(б), НИИ при университетах объединялись в ассоциации (в июне 1924 г. был создан РАНИОН).

Для более широкого использования потенциала выпускников вузов президиум ГУС 24 апреля 1923 г. утвердил положение о порядке их оставления в вузах, где не было НИИ. В положении указывалось, что предназначенные для подготовки к научной деятельности лица, как правило, командировются в существовавшие в РСФСР НИИ в качестве научного сотрудника второго разряда по соответствующей специальности [2, л. 63]. Следующим шагом стало проведение приема слушателей, основанного на принципах классового отбора с учетом социального происхождения и лояльного отношения к советской власти.

В подготовке новых научно-педагогических кадров Наркомпрос РСФСР до середины 1920-х гг. не смог создать единого механизма, которым можно было бы заменить дореволюционную систему. Наличие нескольких способов подготовки научных работников – ИКП и университетские НИИ – создавало сложности организационного и методического плана в силу немногочисленности кадрового запаса из числа «красной интеллигенции». Поэтому создаваемая в начале 1920-х гг. сеть комуниверситетов и НИИ при университетах не была укомплектована научно-педагогическими кадрами. Особенно остро стоял вопрос об отсутствии необходимого резерва кандидатов из числа пролетарской молодежи и, как следствие, нового поколения научных работников. Первые выпуски из университетов нового, пролетарского контингента специалистов начались лишь с середины 1920-х гг. Подготовка новых кадров шла медленнее, чем предполагалось, и явно начинала

отставать от темпов экономического развития страны. В газете «Правда» от 4 ноября 1924 г. вышла коллективная статья «Воспроизводство научной рабочей силы». Ее авторами были Л. Н. Крицман, Д. В. Кузовков, А. К. Тимирязев. В статье выражалась озабоченность проблемой подготовки научных кадров. В частности, указывалось, что с 1914 г. в России при недостатке научных сил почти прекратилось их воспроизводство. Масштабы современной подготовки кадров, по утверждению авторов, невелики. Предлагалось расширить подготовку кадров университетских преподавателей и материально поддержать молодых научных работников [4, с. 2].

По предварительным расчетам Госплана, проведенных в 1925 г., к началу 1930-х гг. в системе высшего образования СССР должен был образоваться дефицит профессорско-преподавательского состава (около 6 тыс. чел.). К примеру, в конце 1925/26 уч. г. в вузах РСФСР имелось 47 вакансий, заведующих кафедрами, а с учетом того, что многие профессора совмещали руководство на нескольких кафедрах одновременно, то это еще более подчеркивало проблему нехватки специалистов [6, с. 17].

Формирование новых научно-педагогических кадров, способных осуществить реорганизацию высшей школы и воспитать марксистских специалистов, приобрело значение особо важной политической задачи после того, как на XIV съезде партии был провозглашен курс на индустриализацию страны. В феврале 1925 г. при Агитпропотделе ЦК ВКП(б) была создана комиссия по подготовке научных работников. В ее состав вошли К. А. Попов (от АПО), М. Н. Покровский, О. Ю. Шмидт, Н. И. Челябинов, В. П. Волгин, Д. В. Кузовков (от Наркомпроса РСФСР), Н. И. Лобода (от СНР), Н. А. Семашко (от Наркомздрава). В материалах работы комиссии можно проследить, как обсуждались различные варианты темпов и масштабы подготовки, вопросы руководства всей системой подготовки и состав будущих научных работников. В итоге была выработана общая позиция: нормой единовременной подготовки научных работников признали 2 тыс., а нормой выпуска – 600 чел. [3, с. 90].

С 3 июля 1925 г. начала работать созданная при ГУС комиссия по подготовке научных работников, руководителем которой стал М. Н. Покровский. Комиссия осуществляла общий контроль за подготовкой аспирантов, также был разработан ряд нормативных актов: инструкция о подготовке научных сотрудников по общественным дисциплинам, циркуляры о руководстве подготовкой научных работников в социально-экономических вузах, в вузах и научных институтах по прикладным, точным и естественным наукам. Формирование кадров по социально-экономическим и политическим дисциплинам в 1925/26 уч. г. осуществлялось только в московских и ленинградских НИИ. Комиссия создала и механизм контроля за подготовкой молодых ученых, заключавшийся в систематической проверке отчетов аспирантов и оценке этих отчетов экспертами. В компетенцию комиссии входил широкий круг вопросов: распределение финансирования, утверждение списков аспирантов, рассмотрение их отчетов. По окончании

аспирантуры должна была защищаться диссертация. Кроме того, комиссия рекомендовала для представителей точных, естественных и медицинских наук дополнить аспирантуру обязательной заграничной командировкой [11, с. 4].

Срок обучения в аспирантуре устанавливался не более трех лет. Начиная со второго года обучения, вводилась обязательная ассистентская практика под руководством профессора. Программа научной и педагогической работы аспирантов, списки тем, материалов, практические задания по специальности составлялись предметными комиссиями вузов. В результате принятых усилий произошли изменения в количественном и социальном составе аспирантуры. Общее количество аспирантов в 1925/26 уч. г. составило 1279 чел., в 1926/27 уч. г. – 1802. Их социальный и партийный состав, тем не менее, не отличался «по-настоящему» пролетарскими показателями: рабочих – 8 %, крестьян 21 %, интеллигенции и служащих – 50 %, не дали сведений о своем социальном статусе – 21 %, членов ВКП(б) и ВЛКСМ – 16 % [10, с. 64].

Подобная ситуация никоим образом не могла соответствовать плану формирования пролетарских по происхождению и убеждениям кадров высшей школы. Однако партийно-государственным органам приходилось исходить из реального положения вещей: вузовские кафедры могли занимать по-настоящему квалифицированные специалисты. Поэтому даже в 1929/1930 уч. г. при приеме аспирантов была поставлена задача довести число коммунистов в их рядах всего лишь до 40 % [8, с. 314]. В целях усиления идеологической подготовки в аспирантуре вводилась обязательная сдача экзамена по политминимуму, лица, не сдавшие данный экзамен, подлежали исключению из состава аспирантуры [7, л. 144].

Итогом преобразований в организации подготовки научных кадров стало создание единого механизма подготовки научной смены, одного из важнейших элементов высшей школы. На протяжении 1920-х гг. практикой двух путей подготовки ученых, наметившихся с 1921 г. (ИКП и университетские НИИ), удалось в течение 3–5 лет разработать программу и методику обучения и воспитания молодых научных работников. Это позволило к концу 1920-х гг. ввести единый институт аспирантуры с типовыми правилами отбора и приема кандидатов. Созданный механизм подготовки научной смены продолжал развиваться и совершенствоваться на протяжении последующих 1930-х гг.

Список использованных источников

1. *Галкин, К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К. Т. Галкин; под ред. Н. А. Константинова. – М.: Советская наука, 1958. – 176 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1565. Оп. 1. Д. 2. Дело Поставления ВЦИК и СНК по вопросам профессионального образования.
3. *Иванова, Л. В.* У истоков советской исторической науки. (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 г.) / И. В. Иванова. – М.: Мысль, 1968. – 197 с.

4. Крицман, Л. Н. Воспроизводство научной рабочей силы / Л. Н. Крицман, Д. В. Кузовков, А. К. Тимирязев // Правда. – 1924. – С. 2.
5. Луначарский, А. В. Речь на всероссийской конференции вузов / А. В. Луначарский // Народное просвещение. – 1921. – № 82. – С. 6–8.
6. М. Аспиранты / М // Красное студенчество. – 1926. – № 11. – С. 16–17.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 272. Справозадача аб працы аспірантаў БДУ за 1928/29 акадэмічны год.
8. О научных кадрах (Постановление ЦК ВКП(б) от 26/VI 1929) / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Ин-т планирования и организации нар. образ. – 3-е изд., пересм. и доп. – Л.; М.: Народный ком. прос. РСФСР – Огиз, 1931. – под ред. И.Д. Давыдова. – С. 314.
9. О реформе высшей школы / Резолюции партийного совещания по вопросам народного образования / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. – Л.; М.: Народный ком. прос. РСФСР – Транспечать, 1929. – С. 96.
10. Общий состав аспирантов на 1 января 1927 // Красное студенчество. – 1927. – № 4. – С. 64.
11. Покровский, М. Н. Подготовка научных работников / М. Н. Покровский // Научный работник. – 1926. – № 2. – С. 4.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 60. Д. 162. Протоколы заседания комиссии Агитпропотдела ЦК РКП(б).
13. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Политическая работа в высшей школе. Тезисы М. Н. Покровского.
14. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Политическая работа в высшей школе. Тезисы О. Ю. Шмидта.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

Д. Н. Пинчук

Белорусский государственный университет, Минск

Dz. Pinchuk

Belarusian State University, Minsk

УДК 271.22(476)-726.25-788-9”1731/1760”

НАЗНАЧЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЦКИХ АРХИМАНДРИТОВ В 1732–1760 ГГ.

APPOINTMENT AND ACTIVITIES OF SLUTSK ARCHIMDRITES IN IN 1732–1760

Исследуется влияние права патроната на назначение и деятельность слуцких архимандритов в 1732–1760 гг. Работа сквозь призму коммуникации слуцкого князя Иеронима Флориана Радзивилла и слуцких архимандритов раскрывает малоизвестные широкому кругу исследователей факты о Слуцкой архимандрии, необходимые для изучения функционирования одного из важнейших религиозных центров в истории православия на землях Беларуси в XVIII веке.

Ключевые слова: Слуцкая архимандрия; слуцкий архимандрит; право патроната; Иероним Флориан Радзивилл.

The influence of patronage rights on the appointment and activities of Slutsk archimandrites in 1732–1760 is explored. The work through the prism of communication between the Slutsk prince Hieronymus Florian Radziwill and the slutsk archimandrites reveals little-known facts about the Slutsk Archimandry to the public, necessary for studying the activity of one of the main centers of the history of Orthodoxy in the lands of Belarus in the 18th century.

Keywords: Slutsk Archimandry; Slutsk Archimandrite; right of patronage; Hieronim Florian Radziwill.

Троицкий монастырь в Слуцке был одним из значимых православных центров ВКЛ. Возглавлял обитель слуцкий архимандрит, наместник киевского епископа, глава Слуцкой архимандрии, в подчинении у которого находился ряд приписных монастырей и протопопий [1, с. 405]. Кандидатуру слуцкого архимандрита требовалось согласовать со слуцким князем по праву патроната ВКЛ, согласно которому шляхта утверждала кандидата на ведущие церковные должности, а также вела судопроизводство относительно духовенства [2, с. 199]. При этом ктитория не имели возможности самовольно закрывать монастыри или присваивать церковное имущество. Напротив, они должны были защищать в суде, а также материально поддерживать патронируемое церковное учреждение.

Цель исследования – показать влияние права патроната на назначение и деятельность слуцких архимандритов. В начале 30-х гг. XVIII в. слуцким князем и патроном Троицкого монастыря стал Иероним Флориан Радзивилл [3], в период ктитория которого слуцкими архимандритами были поочередно Иосиф (Оранский), Михаил (Козачинский), Давид (Нашинский) и Досифей (Голяховский).

Хронологические рамки: 1732–1760 г. (годы деятельности слуцких архимандритов под патронатом князя Иеронима Флориана Радзивила).

Работа опирается на документы и научные работы ряда исследователей. Национальный исторический архив Беларуси располагает обширным фондом фамильных документов Радзивиллов. В контексте исследования особую ценность представляют документы имущественно-хозяйственного характера, пожалования и привелегии слуцких князей [4–6]. К примеру, права и привелегии слуцкому Преображенскому братству, которые объясняют значимость братчиков при выборе слуцких архимандритов в бытность Иеронима Флориана Радзивилла, патроном Слуцкой архимандрии [5].

Множество информации было найдено в двух первых частях сборника документов «Памятники православия и русской народности», а также в 7-м томе Археографического сборника документов [7–9]. Собрания содержат многочисленную корреспонденцию слуцких князей и архимандритов, раскрывая дополнительные аспекты построения диалога между духовенством и патроном.

Сущность права патроната подробно раскрыли в своих работах такие исследователи, как Е. Г. Денисова и С. Ф. Веремеев [10, 2]. Работы К. А. Кочегарова, в свою очередь, показали множество аспектов, сопряженных с избранием архимандритами Михаила Козачинского и Давида Нащинского [11; 12].

Данные документы и исследования позволили основательно подойти к написанию научной работы с учетом существующей общецерковной православной практики и законодательных реалий Речи Посполитой.

6 февраля 1732 г. князем Иеронимом Флорианом Радзивиллом был утвержден новый слуцкий архимандрит Иосиф (Оранский) [7, с. 249]. Глава Слуцкой архимандрии получил «презенту» – документ, в системе права патроната, предназначенный для рекомендации кандидатов на церковные должности со стороны ктитора [2, с. 197]. Отношения между слуцким архимандритом и патроном складывались непросто. 25 января 1733 г. архимандрит получил письмо от Иеронима Флориана Радзивилла, с повелением документально подтвердить древние фундуши, данные архимандрии князьями Олельковичами. Такая постановка вопроса ставила под сомнение ряд прав и привилегий слуцкого архимандрита. Парадокс в том, что, по мнению главы Слуцкой архимандрии, документы находились не в монастыре, а в княжеском архиве Радзивиллов [7, с. 271]. Вероятно, вопрос решили путем отправки послов в Киев, где хранились экземпляры, подтверждающие права и привилегии Слуцкой архимандрии. Иероним Радзивилл постепенно входил в роль полноправного владельца Слуцкого княжества. Процесс предусматривал упорядочивание архива. Нам известно, что вопрос был точно закрыт, так как требуемые патроном документы фигурировали в контексте отправки Иеронимом Радзивиллом посольства в Киев в 1748 г. [11, с. 73].

Отношения между слуцким князем и архимандритом Иосифом (Оранским) носили строго деловой характер. Иероним Радзивилл держал дистанцию, делая шаги как навстречу архимандрии, так и в обратном направлении. К примеру, в 1734 г. в г. Слуцке расположился королевский региментарь Вишневецкий со свитой, пребывание которого омрачили насильственные действия военных в отношении монашествующих женского Ильинского монастыря в Слуцке, который входил в юрисдикции Слуцкой архимандрии. Войсковой комиссар Сипович и полковник Ермалович разграбили женский монастырь, разогнав монахинь [9, с. 180]. Иероним Радзивилл частично компенсировал последствия содержания людей Вишневецкого. Князь позволил слуцкому архимандриту свободно заниматься производством и реализацией спиртных напитков [9, с. 181]. Не вступая в прямую конфронтацию, Иероним Радзивилл сохранил благоприятные отношения с королевским двором и в некоторой степени удовлетворил жалобы духовенства Слуцкой архимандрии.

Сложности в коммуникации патрона и архимандрита имели место в вопросе починки и строительства церквей. 25 июня 1739 г. виленский бискуп

Михаил (Зенкович) добился на законодательном уровне запрета для православных Слуцка заниматься ремонтом и строительством храмов [7, с. 339]. Иероним Флориан Радзивилл придерживался запрета. В 1741 г. он потребовал остановить постройку каменной церкви в Троицком монастыре г. Слуцка [7, с. 359]. Тем не менее в письме киевскому митрополиту Рафаилу (Заборовскому) Иероним Радзивилл отрицал обвинения в том, что он запрещал православным строительные работы. Патрон в свое оправдание указывал на разрешение слуцкому архимандриту вывозить лес из Радзивилловских владений для починки и строительства православных храмов [9, с. 307]. Иероним Радзивилл пояснял некоторые запреты сугубо практическими мерами. Восстановление деревянной Церкви в Слуцком замке было остановлено ввиду потенциальной пожароопасности постройки. Место, по мнению князя, оптимально было использовать для укрепления крепости [9, с. 307]. Князь действительно не являлся автором запрета на починку и ремонт храмов, однако на деле неохотно поступался запретом Михаила (Зенковича) от 25 июня 1739 г. Иероним Радзивилл был в первую очередь политиком, а потом патроном Слуцкой архимандрии, который стремился сохранить отношения как с виленским бискупом, так и с киевским митрополитом.

В 1748 г. Иосифа (Оранского) перевели на должность архимандрита Киево-Печерской лавры. Несмотря на трудности, сопряженные с работой в Слуцке, Иосиф (Оранский) в письме Иерониму Радзивиллу выразил благодарность за благоприятное отношение. В подарок, зная о любви слуцкого князя к охоте, бывший слуцкий архимандрит выслал фузею – гладкоствольное ружье с кремневым замком [11, с. 83], [6].

Внезапный отъезд слуцкого архимандрита, без ведома Иеронима Радзивилла, означивал начало конфронтации между Киевской духовной консисторией и патроном Слуцкой архимандрии. Иероним Радзивилл в письме Ивану Ржичевскому, секретарю российской посольской миссии в Варшаве, выразил недовольство несогласованной сменой архимандрита [11, с. 72]. Наследственный владелец Слуцка послал в киевскую духовную консисторию доверенное лицо, удостоверяя свою позицию подтверждающими документами [11, с. 73]. Коллегия иностранных дел Российской империи сделала замечание Святейшему синоду и в приказном порядке призвала не нарушать права слуцкого князя [11, с. 73].

Кандидатуру Михаила (Казачинского) согласовали в феврале 1749 г. [11, с. 79]. Иероним Радзивилл поддержал номинанта, дабы не обострять конфликт со Святейшим правительствующим синодом, потому что был заинтересован в благоприятных отношениях с российским императорским двором. В свою очередь Российская империя, будучи в постоянном поиске союзников в ВКЛ, была обоюдно настроена по отношению к слуцкому князю.

В то же время Иероним Радзивилл, вступая в конфликт со священноначалием Российской православной Церкви, поддерживал претензии шляхты ВКЛ накануне сейма, суть которых заключалась в недовольстве действиями

России, направленными на вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой. Речь, в частности, о возобновлении работы Варшавской комиссии в 1746 г. по рассмотрению жалоб, поступающих от исповедующих православию [11, с. 72].

Михаил (Козачинский) остался доволен знакомством с князем, о чем он писал 2 августа 1749 г. киевскому митрополиту Тимофею (Щербатскому) [8, с. 575]. Прошло полгода после вступления в должность, которые, вероятно, позволили сделать первые благоприятные выводы о патроне. Сотрудничество Иеронима Радзивилла и архимандрита Михаила (Козачинского) было наиболее продуктивным. Во многом благодаря тому, что контакты между князем и духовным лицом покинули область «строго делового» измерения и приняли более неформальный и дружеский оттенок.

Слуцкий князь в 1749 г. подтвердил привилегии Слуцкой архимандрии. Публично разрешил возобновить строительство каменного храма в Троицком монастыре г. Слуцка. Напомню, в 1741 г. он приказал разобрать каменную постройку [7, с. 359]. Конструктивный диалог Иеронима Радзивилла с архимандритом Михаилом (Козачинским) помог урегулировать судебную тяжбу с иезуитами по вопросу принадлежности поселения Тройчаны в пользу Слуцкой архимандрии [9, с. 215]. О степени близости слуцкого архимандрита и патрона говорит просьба Михаила (Козачинского) представить князя к ордену святого Андрея Первозванного (высшей награде Российской империи) [11, с. 80]. Некоторое время ходили слухи, что в Белой, княжеской резиденции Радзивиллов, для Михаила (Козачинского) строили архимандричьи покои [11, с. 81].

Спектр вопросов, обсуждаемых Иеронимом Флорианом Радзивиллом и Михаилом (Козачинским) был разносторонним и обширным. Слуцкий архимандрит писал князю как по поводу освобождения некоторых заключенных из Слуцкой крепости, так и по поводу введения запрета христианам наниматься на работу к представителям еврейской диаспоры [9, с. 228]. В мае 1755 г. стало возможным перенесение мощей христианского святого Гавриила (Заблудовского) в пределы Троицкого монастыря г. Слуцка. Несомненно, такая знаковая акция не могла быть осуществлена без разрешения Иеронима Флориана Радзивилла [1, с. 406].

Новость о смерти Михаила (Козачинского), полученная 20 августа 1755 г., расстроила патрона, о чем он писал в письме коменданту слуцкой крепости Людвигу фон Мильбе. Иннокентий (Болдышевский) как наместник слуцкого архимандрита, выразив волю покойного, назвал имена предполагаемых приемников: Манассию (Максимовича), архимандрита Киево-Печерского монастыря, и Давида (Нащинского), префекта Киевской академии [12, с. 119].

Процесс избрания настоятеля Троицкого монастыря омрачил обострившийся конфликт Преображенского братства г. Слуцка и Слуцкой архимандрии. Иннокентий (Болдышевский), наместник слуцкого архимандрита, не допускал братчиков к ревизии имущества Троицкого монастыря. Вероят-

но, корнем возникших трений являлись непогашенные долговые обязательства Преображенского братства перед Слуцкой архимандрией. Иероним Радзивилл поддержал братства, приказав повелением от 27 августа 1755 г. допустить братчиков к учету имущества Троицкого монастыря [12, с. 118].

Скорее всего, данный шаг являлся напоминанием Киевской духовной консистории, в предверии выборов нового архимандрита, кто истинный хозяин в Слуцком княжестве. До особого княжеского распоряжения запрещалось отправлять в Киевскую духовную консисторию монастырскую делегацию с вестью о смерти Михаила (Козачинского). В этот раз именно братчики, а не братья монастыря, должны были согласовать имя нового архимандрита. Иероним (Радзивилл) хотел лично убедиться, что митрополит Тимофей (Щербацкий) отправит к нему за «презентой» лица, указанные в завещании архимандрита Михаила (Козачинского) [9, с. 258].

Согласно воле покойного, слуцким архимандритом в марте 1756 г. стал Давид (Нащинский). Он дважды отказывался от должности, но вынужден был подчиниться воле киевского митрополита [12, с. 128]. Вероятно, у нового архимандрита отсутствовала всякое желание продолжать дело Михаила (Козачинского), потому что он так и не сумел выстроить конструктивные отношения с Радзивиллами и Преображенским братством. Монашество слуцкого монастыря свидетельствовало, что архимандрит не справлялся с поставленной задачей ввиду проблем со здоровьем. Архимандрит испытывал постоянную слабость и непрекращающийся шум в голове. 2 июля 1758 года Давида (Нащинского) перевели в Киев [8, с. 1062]. Не понятно до конца, имело ли данное свидетельство что-то общее с действительностью, иначе непоследовательным выглядит дальнейшее назначение такового на пост ректора киевской духовной академии. Скорее виной всему «инертность» на новой должности Давида (Нащинского), качество не совместимое с ролью киевского наместника в пределах ВКЛ, ввиду постоянных вызовов, с которыми сталкивалась православная Церковь в Речи Посполитой.

Весной 1759 г. киевский митрополит Арсений (Могилянский) за «презентой» отправляет нового кандидата Досифея (Голяховского) [8, с. 1759]. Новый настоятель Троицкого монастыря строил отношения с Иеронимом Радзивиллом, основываясь на опыте предшественников, Михаила (Козачинского) и Иосифа (Оранского). 23 января 1760 года Досифей отслужил молебен по случаю возвращения Радзивилла из путешествия в присутствии всего магистрата Слуцка [9, с. 269]. В свою очередь Радзивилл стал активно использовать время архимандрита в своих целях. Уже 25 января 1760 г. новый архимандрит отправился в Варшаву по поручению Иеронима Флориана, а после, видимо, в пределы Российской империи. Там помимо контактов внутрицерковного характера он способствовал распространению сведений о репутации патрона как защитника православия на землях ВКЛ [9, с. 270]. В мае 1760 г. Иероним Флориан Радзивилл умер. Благоприятные отношения, завязавшиеся между слуцким князем и архимандритом, не получили развития.

Слуцкая архимандрия не являлась предметом первостепенного и пристального внимания слущкого князя. Однако Иероним Флориан Радзивилл требовал, чтобы его мнение учитывалось при выборе нового слущкого архимандрита. Попытки киевской духовной консистории идти вопреки воле патрона привели к противодействию со стороны князя. Оно выразалось, к примеру, в поддержке Преображенского братства г. Слуцка, которое имело доступ к инвентаризации Троицкого монастыря г. Слуцка и тем самым предупреждало злоупотребления со стороны слущких архимандритов.

Исследуемый период омрачен внутрицерковной конфронтацией братства и архимандрии и рядом проблем, сопряженных с восстановлением церковной инфраструктуры. Такое положение дел хорошо иллюстрирует сложившаяся конфессиональная конъюнктура на землях Речи Посполитой, которая предусматривала ведущую роль католической конфессии. Необходимо учитывать и политическую ситуацию, сложившуюся в Речи Посполитой, которая требовала от князя гибкости в принятии решений. С одной стороны, Иероним Флориан Радзивилл заботится о личном реноме в императорских кругах России как человека, покровительствующего православию. С другой стороны, он учитывал настроения шляхты Речи Посполитой, фактически, закрывая глаза на преступления, которые позволили в отношении Ильинского женского монастыря в Слуцке люди королевского региментаря князя Вишневецкого.

При этом ктиторовство Иеронима Радзивилла для Слуцкой архимандрии во многом получилось конструктивным. В Слуцк прибыли мощи Гавриила (Заблудовского), а слущкий архимандрит получил возможность восстановить кафедральный собор Троицкого монастыря. При поддержке слущкого князя в долгой судебной тяжбе с иезуитами удалось отстоять поселение Тройчаны. Все эти события имели место в бытность архимандритом Михаила (Козачинского), с которым у Иеронима Радзивилла выстроились наиболее благоприятные отношения и которому позволялось гораздо больше, чем, к примеру, предшественнику Иосифу (Оранскому). Именно взаимное уважение и конструктивные отношения между патроном и слущкими архимандритами приводили к наиболее благоприятным условиям развития Слуцкой архимандрии и православной конфессии во владениях Радзивиллов.

Список использованных источников

1. *Пинчук, Д. Н.* Доходы монастырей слущкой архимандрии от богослужебной деятельности во второй половине XVIII века. / Д. Н. Пинчук // Пічэтаўскія чытанні. – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: А. Г. Кахановіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2022. – С. 404–407.

2. *Веремеев, С. Ф.* К вопросу об институте патроната в Киевской митрополии в XIV веке и его значении / С. Ф. Веремеев // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной академии Русской Православной Церкви. – Санкт-Петербург, 2022. – № 3. – С. 195–206.

3. *Lesinski, J. Spora o dobra neuburskie / J. Lesinski // Miscellanea historico-archivistica. – Warszawa, 1996. – Т. 6. – S. 95–132.*
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 1. Д. 106.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 4. Т. 1. Д. 658-2.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 1. Д. 417.
7. Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв. Т. 1. Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII–XVIII вв. Ч. 1 / под ред. Ф. Титова. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1905. – 528 с.
8. Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв. Т. 1. Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII–XVIII вв. Ч. 2 / под ред. Ф. Титова. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1905. – 1136 с.
9. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / Предисл. П. Гильтебрандт. – Вильна: Печ. А. Сыркина, 1867–1904. – Т. 7. – 1867. – 376 с.
10. *Дзянісава, А. Р. Права патранату ў прававым становішчы праваслаўнай царквы беларускіх зямель ў канцы XV–XVI ст. / А. Р. Дзянісава // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. – Минск, 2008. Вып. 1. – С. 163–172.*
11. *Кочегаров К. А. Назначение Михаила Козачинского слудским архимандритом в 1748–1749 гг. / К. А. Кочегаров // Roczniki humanistyczne. – Т. LXX. – № 2. – 2022. – С. 69–84.*
12. *Кочегаров, К. А. Киевская митрополия, князь Иероним Радзивилл, и назначение слудским архимандритом Давида Нащинского в 1755 г. / К. А. Кочегаров // Исторический вестник. – № 33. – 2020. – С. 110–1344.*

(Дата подачи: 01.02.2024 г.)

К. А. Платонов

Белорусский государственный университет, Минск

K. Platonov

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1939”

НАСТРОЕНИЯ СОЛДАТ БЕЛОРУССКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ПОХОДА 1939 Г.

THE SENTIMENTS OF SOLDIERS OF THE BELARUSIAN SPECIAL MILITARY DISTRICT ON THE EVE OF THE LIBERATION CAMPAIGN OF 1939

В статье представлен анализ общественных настроений солдат Белорусского особого военного округа в преддверии освободительного похода Красной Армии в Западную Беларусь. Рассматриваются действия советского руководства по обеспечению эффективной пропагандистской работы среди красноармейцев. Показан ряд проблем, связанных с недочетами в проведении мобилизации, с идеологической работой политуправления,

недостатком времени для полномасштабного информационного сопровождения компании.

Ключевые слова: советская пропаганда; общественные настроения; мобилизация; Красная Армия.

The article analyzes the public sentiment of soldiers of the Belarussian Special Military District on the eve of the liberation campaign of the Red Army in Western Belarus. The author examines the actions of the Soviet leadership to ensure effective propaganda work among the Red Army. Particular attention is given to a number of problems related to shortcomings in the mobilization, with the ideological work of the political apparatus, lack of time for full-scale information support of the company.

Keywords: soviet propaganda; public sentiments; mobilization; Red Army.

Современные события и множество исторических примеров демонстрируют, что одним из важнейших факторов, которые определяют способность той или иной армии решать поставленные перед ней задачи, выступает боевой дух, а необходимым условием победы – морально-психологическое превосходство над врагом. Кроме того, солдаты являются проводниками идеологии и политики воюющей стороны, первыми наяву транслируя пропагандистские послылы военным, гражданскому населению противника. Поэтому от их понимания целей и задач кампании напрямую зависит эффективность работы в данном направлении.

Актуальность исследования настроений солдат Белорусского особого военного округа в преддверии освободительного похода Красной Армии в Западную Беларусь заключается в том, что они отражают социальную историю предвоенного времени, демонстрируя взаимодействие между военными и гражданскими структурами, а также влияние идеологии, пропаганды и культуры на сознание и поведение военнослужащих. Кроме того, они помогают понять эффективность идеологической работы в советской армии, факторы, которые влияли на боевой дух, мораль, дисциплину и боеспособность красноармейцев, их способность вести эффективную пропагандистскую работу среди местного населения Западной Беларуси. Данный опыт может быть учтен в планировании и осуществлении информационной составляющей воспитательной деятельности в современной белорусской армии.

Военно-политический кризис, разгоревшийся в Европе летом 1939 г., вынуждал советское руководство принимать определенные шаги по обеспечению собственной безопасности, а также подготовке к возможным территориальным изменениям, которые были предусмотрены секретным протоколом к германо-советскому договору о ненападении. Так, реакцией на складывающуюся ситуацию стало решение о проведении частичной мобилизации Красной Армии. Для предотвращения международного скандала и внутренних волнений мобилизация проводилась под видом больших учебных сборов. Ее начало было положено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1939 г. В соответствии с ним в БОВО на месяц

задерживались подлежащие увольнению со службы красноармейцы и младшие командиры, на учебные сборы сроком на один месяц поднимался приписной состав частей воздушного наблюдения, оповещения и связи, а также в Минске призывалась часть приписного состава зенитных и прожекторных частей, подлежала мобилизации часть приписанных к ним лошадей и транспорта. 6 сентября округ получил директиву Народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова о начале больших учебных сборов [1, с. 517].

Запасников заверяли в том, что их призывают на «сборы». Было запрещено употреблять само слово «мобилизация». Однако, учитывая всю серьезность и масштаб складывающейся обстановки, скрыть военные мероприятия не представлялось возможным. Многим было понятно, что происходящие события явно отличаются от рядовых учебных сборов, что налицо что-то более значительное. В то же время ошибки допускались даже военными кадрами, ответственными за политическую работу. Так, например, военком части 4437 старший политрук Давыдов по согласованию с командиром части майором Денисовым провел митинг, на котором сообщил, что объявлена мобилизация. Политуправление округа стремилось контролировать ситуацию в этом вопросе, для предотвращения подобных ошибок проводились собрания политруков, которым разъяснялось как надо понимать и выполнять директивные указания Военного Совета БОВО.

Командование частей предупреждалось о недопущении пользования документами с грифом «М» в тех случаях, когда существовала возможность разглашения военной тайны. Однако предотвратить подобных эксцессов не удалось. В части 4582 были заготовлены и выданы на руки талоны для мытья в бане с пометкой «М-2». Начальник продфуражного довольствия части направил завскладом на табачную фабрику также с ордером, на котором гриф «По мобилизации» [2].

Среди военнослужащих БОВО была широко развернута партийно-политическая работа по разъяснению международного положения, материалов 4-й внеочередной Сессии Верховного Совета СССР, задач и значения больших учебных сборов, военной присяги и закона об измене Родине. В частях были созданы столы справок и выделены кадры пропагандистов. В большинстве частей к 13 сентября были созданы группы политзанятий. Для призывников организовывались политинформации, беседы, читки газет, распространялись боевые листки, было развернуто соцсоревнование. 16 сентября политотделами были распределены по частям для выступлений с воспоминаниями о боевых подвигах Красной Армии орденосцы и участники гражданской войны [3]. Особое значение для морально-психологического состояния призывников и пропагандистской работы политорганов стало торжественное принятие военной присяги. Данная акция была хорошо подготовлена в информационном и идеологическом плане, что способствовало усилению патриотических чувств. Так, например, красноармеец приписного состава склада № 93 Сухоруков после принятия присяги

заявил перед всем составом следующее: «Я никогда не забуду прочитанных мною сегодня слов. Я так все выполню, как здесь написано, и так буду умело бить врагов, как наши товарищи били их на озере Хасан». Основной масса прописного состава к 16 сентября присягу приняла. К недостаткам работы в сфере пропаганды следует отнести отсутствие у многих политработников плана работы, перебои в снабжении газетами, проблемы в организации досуговой деятельности военных. Партийно-комсомольская прослойка среди приписного состава, прибывшего на большие учебные сборы, была низкой. По данным 4 соединений, всего прибыло 18 148 чел., из них коммунистов 310 чел. (1,7 %), комсомольцев 212 чел. (1,2 %) [2].

Показательные речи призывников в целом полностью соответствовали тезисам официальной советской идеологии. Основным лейтмотивом в них выступала абсолютная поддержка действий государства и лично И. В. Сталина. Характерным является следующее выступление: «Мудрая политика Советского правительства и партии Ленина-Сталина не дала и не даст втянуть СССР в войну, но если эти твердолобые не поняли серьезного предупреждения товарищей Сталина и Молотова и попытаются напасть на СССР, то от них останется только одно грустное воспоминание. Мы все отдадим для того, чтобы уничтожить врага». Однако патриотический порыв иногда переходил некоторые грани. Так, например, лейтенант части 4868 Шаранович заявил: «Если партия и правительство прикажут выступить, это будет счастливейший для меня день. Ехать на фронт, окруженным бойцами, это лучше, чем ехать в отпуск» [2]. Вместе с тем следует отметить, что в армии существовала подпольная, скрытая от официального руководства жизнь. Данный факт был известен управлению БОВО: «Красноармейцы с утра до вечера обсуждают все то, что им заблагорассудится, часто обсуждают не то, но никто об этом не знает: не знает ни командир, ни комиссар, ни полторганы» [4, с. 143].

На настроения приписного и кадрового состава отрицательно сказывались проблемы в организации учебных сборов: очереди в военкоматах, неорганизованная погрузка призывников на эшелоны, призыв с производства без возможности зайти домой, перебои в продовольственном снабжении, недостатки в материальном обеспечении частей, плохая подготовка к приему большой массы людей и т. д. В некоторых случаях данные недочеты приводили к серьезным политическим казусам. Командир части 4986 при прибытии на сбор личного состава растерялся и высказал следующую мысль: «При таких порядках не только воевать и работать, а лучше застрелиться, да неудобно это сделать» [2].

Негативное влияние на настроения части призывников оказывали некоторые отрицательные стороны советской жизни, характерные для того периода. Среди прописного состава отмечалось значительное количество жалоб на материальное обеспечение оставшихся без кормильца семей. Особенно выделялась проблема, связанная с переселением крестьян из хуторов в деревню, когда дома были разобраны и семьи оставались без помощи

по их восстановлению на новом месте. Недовольство также вызывало увеличение срока службы в РККА, новый закон о сельскохозяйственном налоге и т. д.

Среди прописного состава были представители различных социальных слоев и статусов. Данный факт отражался на военнослужащих, что способствовало появлению высказываний, пагубно отражающихся на проведении политуправлением эффективной пропагандистской работы. Так, например, командир запаса старший лейтенант Борисов (соединение 4976) выразил недовольство оплатой в период сборов, так как считал, что его как учителя нельзя приравнивать к колхозникам, семьи которых наиболее обеспечены. Некоторые колхозники, в свою очередь, выражали недовольство тем, что в армию мобилизовали людей, лошадей и транспорт в то время, когда в колхозах шла уборочная кампания [2].

Важное значение для морально-психологического состояния военнослужащих имеет атмосфера внутри семьи. Для уверенности в правильности своих убеждений и действий солдатам необходима поддержка близких родственников, в особенности жен и детей. Однако пропагандистская работа в связи с большими учебными сборами среди семей начосостава была поставлена плохо. Здесь были отмечены случаи распространения различных провокационных слухов. Яркой иллюстрацией тезиса может считаться задокументированное 13 сентября 1939 г. распространение следующего слуха: «Идет война, противник занял Минск и наступает на Оршу» [2]. Для предотвращения подобных неблагоприятных явлений во многих частях БОВО были проведены собрания семей комначсостава (в том числе детей школьного возраста), на которых сделаны доклады о международном положении, где особое внимание уделялось усилению классово-бдительности, сохранению военной тайны и недопущению паники.

В целом, несмотря на масштаб развернутой идеологической кампании среди военнослужащих, следует констатировать тот факт, что солдаты в большинстве случаев рассматривали в качестве основного внешнеполитического противника нацистскую Германию. Об этом свидетельствуют вопросы красноармейцев следующего характера: «Будет ли Советский Союз помогать Польше?», «Как поступит СССР, если Польша попросит помощи?», «Будем ли принимать на свою территорию польские войска?», «Какова будет политика СССР, если Польша попросит помощи?», «Заклучили договор с Германией, а зачем же нас призывают на сбор?». Еще 16 сентября характерным можно считать мнение: «Панов лупят, это хорошо, пусть они знают, как не принимать нашу помощь, но то, что Гитлер приближается к нам, это плохо. Сейчас надо следить, как никогда за международной обстановкой, а то они могут сговориться и пойти войной на нас» [2]. Данная ситуация объясняется тем, что на протяжении долгого периода времени до заключения германо-советского договора о ненападении одним из основных образов внешнего врага, конструируемого советской пропагандой, была нацистская Германия.

Сложно переоценить влияние на настроения красноармейцев периодической печати. Это хорошо понимало советское руководство, поэтому 9 сентября 1939 г. под грифом совершенно секретно был издан приказ Народного Комиссара Обороны СССР, где политуправлению Белорусского особого военного округа поручалась организация выпуска газет в поезд-типографии ежедневно на русском языке – «Красноармейская правда» тиражом 100 тыс., на белорусском – «Белорусская звезда» тиражом 30 тыс., на польском – «Голос солдата» тиражом 15 тыс., а также в походных типографиях – в Минской армейской группе на русском языке «Знамя Советов», на белорусском – «Звезда», в Витебской на русском языке «Боевое знамя», на белорусском языке «Свободная Белоруссия», в Бобруйской армейской группе на русском – «Часовой Родины», на белорусском «Белорусский пахарь», все тиражом 15 тыс. [5, с. 48]. Однако до выхода 14 сентября 1939 г. в газете «Правда» статьи А. А. Жданова «О внутренних причинах военного поражения Польши» польской тематике внимания уделялось крайне мало [6, с. 1]. Появляются репортажи о красноармейцах-пограничниках, предотвращающих проникновение на территорию СССР шпионов иностранных разведок, прошедших специальную школу перед тем, как попытаться проникнуть в Советский Союз, о пограничных колхозах, помогающих защищать государственные границы. Публикуются фото пограничников, охраняющих с собаками северо-западную границу Союза [7; 8].

В директиве Политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии от 15 сентября, адресованной политорганам шести военных округов, где проводились учебные сборы, Л. З. Мехлис предписывал немедленно поместить передовицу газеты «Правда» во всех окружных, армейских и дивизионных газетах, а также переиздать ее в виде отдельного бюллетеня. Необходимо было «развернуть массовую разъяснительную работу» вокруг статьи «О внутренних причинах военного поражения Польши», сделав последнюю «достоянием каждого командира, политработника и красноармейца», провести соответствующие политинформации. Политработники и командный состав нацеливались «на разъяснение положения белорусского и украинского крестьянства панской Польши», на использование газетного материала о начавшихся крестьянских «выступлениях и восстаниях». В разъяснительной работе рекомендовалось сопоставить положение украинцев и белорусов, проживавших в БССР и УССР, с положением представителей этих же народов в Польше, подчеркивая «расцвет украинской и белорусской литературы, печати и искусства» на советских территориях. На основе данной статьи, согласно директиве Политического управления РККА, должны были проводиться лекции [9, с. 74–75].

14 сентября 1939 г. в газете республиканского уровня «Советская Белоруссия» на первой странице была напечатана статья, в которой указывалось на неоднократное нарушение польскими военными самолетами советской границы, а также акцентировалось внимание на том, что нарушители стремились проникнуть вглубь территории СССР. В рубрике «За рубежом» по-

является первое упоминание о Западной Беларуси с самого начала войны. С ссылкой на Германское агентство Трансоцеан в «Советской Белоруссии» вышла статья под названием «Антипольское движение в Восточной Галиции и Западной Белоруссии». В ней указывалось, что «в районах Пинска и Барановичей белорусское население выражает сильное недовольство. Белорусы отказываются вступать в польскую армию и требуют создания независимой республики» [10].

Образ врага в лице панской Польши хоть и не был чужд для советских военных, но активно начал внедряться в общественное сознание слишком поздно. За несколько дней провести эффективную и качественную работу среди военнослужащих в данном направлении было крайне сложно. Окончательное оформление соответствующего образа произошло лишь вечером 16 сентября, когда во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях и командах был зачитан приказ командующего войсками Белорусского фронта командарма 2-го ранга М. П. Ковалева и членов Военного Совета Белорусского фронта. В нем утверждалось, что на территории Западной Беларуси и Украины вспыхнули восстания и выступления белорусов и украинцев, а пролетариат и крестьянство Польши объединяются, чтобы «свернуть шею своим кровавым угнетателям». Повторяя за статьей А. А. Жданова, приказ указывал на то, что именно национальный гнет и порабощение трудящихся стало основной причиной военного поражения Польши, так как «белым террором, полевыми судами, карательными экспедициями они подавляют революционное движение, насаждают национальный гнет и эксплуатацию, сеют разорение и опустошение». Поэтому «революционной обязанностью» является помощь западным белорусам и украинцам [5, с. 52–53].

С получением боевого приказа о переходе границы во всех частях были проведены короткие партийные собрания с повесткой дня – авангардная роль коммунистов в бою. Докладчиками, как правило, были представители политотдела или военкомы частей. Собрания проходили с большим патристическим подъемом. Официальные высказывания солдат, характеризовались исключительным выражением гордости за свою страну и предвкушением скорых побед: «Я прошу командование послать меня со взводом на переднюю линию боя. Я с честью, с великой радостью выполню любую поставленную боевую задачу. Вот мое обязательство перед партией и своей родиной в ответ на приказ» [3]. Большое влияние на формирование данных настроений оказали десятилетия напряженных отношений между Советским Союзом и Польшей, а также понимание красноармейцами своей сопричастности к делу исторического масштаба – освобождения Западной Беларуси.

Руководство СССР уделяло большое внимание морально-психологическому состоянию военнослужащих. В ходе освободительного похода Красной Армии в Западную Беларусь на солдат была возложена задача ведения пропагандистской и агитационной работы среди местного населения. Для осуществления данной задачи военнослужащие должны были быть

полностью уверены в своих действиях и беспрекословно преданы советской Родине. Сам образ советского война-освободителя должен был продемонстрировать западным белорусам благополучие и богатство Советского Союза, его экономическую, политическую, социальную стабильность и силу. Однако в данном направлении в начале сентября 1939 г. возникло ряд серьезнейших проблем, связанных с недочетами в проведении мобилизации, с идеологической работой политаппарата, недостатком времени для проведения информационной кампании. Допущенные просчеты впоследствии негативно сказались на пропагандистской работе красноармейцев среди населения Западной Беларуси.

Список использованных источников

1. *Тягур, М. И.* «Большие учебные сборы» 1939 г.: скрытая мобилизация и трудности ее проведения / М. И. Тягур // Военная история России XIX–XX веков: материалы XII Междунар. воен.-ист. конф., Санкт-Петербург, 22–23 нояб. 2019 г. / Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; редкол.: Д. Ю. Алексеев, А. В. Аранович, В. А. Мосунов. – СПб., 2019. – С. 516–538.

2. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 9. Оп. 36т.2. Д. 3358 (ч1).

3. РГВА. – Ф. 9. Оп. 29. Д. 505.

4. *Петровская, О. В.* «Не евши стрелять не буду»: о настроениях участников похода в Западную Беларусь в сентябре 1939 г. / О. В. Петровская // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, Брест, 24–25 сентября 2009 г. / Брестский государственный технический университет; редкол.: Н. Н. Ковалева, Л. Ю. Малыгина. – Брест, 2009. – С. 143–149.

5. *Ладусеў, У. Ф.* Беларуская нацыя: уз’яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дакументаў і матэрыялаў / У. Ф. Ладусеў. – Мінск.: БДУ, 2004. – 199 с.

6. Правда // Москва. – 1939. – 18 сент.

7. Советская Белоруссия / Минск. – 1939. – 11 сент.

8. Советская Белоруссия / Минск. – 1939. – 12 сент.

9. *Невежин, В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. / В. А. Невежин. – М.: АИРО–XX, 1997. – 288 с.

10. Советская Белоруссия / Минск. – 1939. – 14 сент.

(Дата подачи: 01.02.2024 г.)

А. А. Приборович

Белорусский государственный университет, Минск

A. Priborovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ САЙТОВ РЕСПУБЛИКАНСКИХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ В ПОМОЩЬ РАБОТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ

INFORMATION POSSIBILITIES OF SITES OF THE REPUBLICAN ARCHIVES OF BELARUS TO HELP THE WORK OF HISTORICAL RESEARCHERS

В статье дается характеристика сайтов республиканских архивов Республики Беларусь с целью выяснения их информационных возможностей для исследователей истории. Подробно рассматривается содержание открытых электронных материалов указанных сайтов.

Ключевые слова: сайт архива; республиканские архивы Беларуси; цифровые копии; архивные документы; история Беларуси.

The article describes the websites of the republican archives of the Republic of Belarus in order to clarify their information capabilities for historical researchers. The content of open electronic materials of these sites is examined in detail.

Keywords: archive website; republican archives of Belarus; digital copies; archival documents; history of Belarus.

В Беларуси основным нормативным правовым актом, регламентирующим работу архивов в стране, является Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве». Закон регулирует отношения, связанные с деятельностью государственных органов, иных организаций, а также физлиц по обеспечению накопления, хранения, учета и использования документов, а также отношения, связанные с созданием и деятельностью архивов. Под архивом в законе понимается – учреждение или структурное подразделение учреждения, осуществляющее прием, хранение, учет и использование архивных документов.

Предложенное выше определение архива дает общее представление об архиве как учреждении, что выполняет три основные функции: организация надежного хранения документов, содействие в обеспечении ответов на запросы и осуществление доступа к документам. Но чем же архивы интересны исследователям истории? Традиционно архивы являются местом сосредоточивания ценных исторических источников, анализ которых позволяет объединить информационный потенциал архивного документа с научным мнением историка (исследователя). Продуктом такой творческой

работы является научный дискурс, который дополняет общее представление об истории нашей страны [1].

Выдающийся советский и российский историк С. О. Шмидт в одной из своих работ отметил, что «возрастающий интерес к богатствам архивов – это залог возрастания роли архивов в формировании общественного сознания, исторической памяти народа» [2]. В Беларуси уделяется особое внимание исторической памяти народа. Например, Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2022 г. № 1 2022 г. в стране был объявлен «Годом исторической памяти». В указанный год в республике был проведен цикл мероприятий по популяризации истории страны и в том числе за счет широкого охвата вновь опубликованных архивных документов. Кроме этого в январе 2021 г. Советом Министров Республики Беларусь было принято Постановление «О Государственной программе “Культура Беларуси”» на 2021–2025 гг. Указанная программа в купе с другими государственными программами дали начало новому циклу научных исследований и практических работ, которые связаны с историей Беларуси, а именно с оцифровкой фондов архивов, музеев, библиотек, кинофонда и объектов нематериального культурного наследия. Отметим, что данные государственные мероприятия по популяризации и сохранению историко-культурного наследия носили отнюдь не формально-эпизодический характер, а скорее они стали толчком нового периода развития наших научных, образовательных и архивных учреждений.

Указом Главы белорусского государства А. Г. Лукашенко № 375 «Об объявлении 2024 года Годом качества» предусмотрено, что в этом году государственные учреждения и предприятия должны улучшить свою работу в области качества. Так, белорусские государственные архивы, согласно portalу «Архивы Беларуси», выбрали следующие основные направления улучшения своей работы:

- бережное сохранение документов национального архивного фонда;
- предоставление качественных услуг по научно-технической обработке информации, принимаемой в архивы на постоянное хранение;
- поиск новых эффективных форм и механизмов идеологического сопровождения учебной, научной и воспитательной работы, направленной на сохранение исторической памяти, воспитание духовности и нравственности в обществе;
- создание максимально комфортной среды для исследователей в работе с информацией архивов;
- предоставление всё большего спектра услуг по доступу к архивной информации и к цифровым копиям документов в режиме on-line [3].

Последние два пункта интересны нам в качестве основных признаков определения актуальности заявленной темы научной статьи. Но что же следует понимать под спектром услуг архива по доступу информации или созданию максимально комфортной среды для исследователей в работе с информацией?

В последние годы в Беларуси наблюдается ажиотажный интерес среди населения к архивным документам, что потребовало от архивов поиска новых средств по удовлетворению возросшего спроса с учетом нехватки квалифицированных специалистов и ограниченности посадочных мест в читальных залах. Например, архивы чаще стали предоставлять на своих сайтах в электронном варианте описи архивных фондов, что в не далеком прошлом было редкостью. Кроме этого ряд архивов ввели в практику возможность отправки электронных заказов на получение в читальном зале архивных документов.

Что же касается предоставления online-доступа к архивной информации и к цифровым копиям документов, то перевод исторических источников в цифровой вид уже не является чем-то новым на 2024 г. На протяжении последних трех десятилетий архивы, музеи и библиотеки Беларуси проводили работу по сохранению историко-культурного фонда республики путем оцифровки хранимых материалов. Отметим, что на постоянном хранении в архивах Беларуси находится более 13,5 миллиона дел – это около 13 миллионов единиц хранения на бумажной основе, около 55 тысяч единиц хранения кинодокументов, свыше 270 тысяч фотодокументов и др. [4]. Работа по оцифровке документов в государственных архивах носит плановый характер и является одним из основных показателей выполнения государственных программ по сохранению историко-культурного наследия. Общее количество дел, имеющих цифровые копии, составляет около 60 тысяч дел. Однако, эта работа, как правило, носит выборочный характер и выполняется по ряду причин: угроза утраты информации с носителя из-за предшествующих нарушений условий его хранения; особой ценности для национальной культуры отдельных документов; защита от разрушения наиболее востребованных документов.

Справедливо отметить, что оцифровываются не только документы, но и научно-справочный аппарат – описи (путеводители, указатели, перечни и др.), которые затем в электронном виде размещаются в открытом доступе, что позволяет работать с ними дистанционно. Но если доступ к оцифрованным описям на сайтах архивов есть, то возможность просмотра оцифрованных документов ограничена. Решением этой проблемы в Беларуси стала разработка единых интернет-ресурсов (проектов) по свободному предоставлению пользователям доступа к оцифрованным документам и материалам архивно-справочного характера. Так, с 2012 г. в открытом доступе представлена информация Государственного фондового каталога (сайт «Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь»), интерес к которой постоянно растет. Также в последнее десятилетие архивы очень активно работают над виртуальными выставками, благодаря которым на их сайтах (социальных сетях) ежегодно размещаются несколько сотен цифровых копий документов с соответствующей научной информацией. Но для того чтобы понять, насколько «крупные» республиканские архивы Беларуси способны улучшить условия по доступу к архивной информации,

нам следует проанализировать сайты этих учреждений, так как стремительная цифровизация белорусского общества диктует именно дистанционный способ оказания информационных услуг в качестве основного.

Согласно Положению о Национальном архивном фонде Республики Беларусь и иным актам в нашей стране на 2024 г. существует разветвленная сеть архивов [5]. Так, государственные архивы делятся на следующие группы: республиканские, областные, зональные и городские архивы. К числу республиканских архивов относят: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ); Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ); Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно); Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (БГАКФФД); Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ); Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). В фондах перечисленных архивов расположено около 25 % единиц хранения от общего количества Национального архивного фонда. Каждый республиканский архив имеет свой официальный сайт, на котором помимо общих сведений об архиве есть информация, представляющая интерес для исследователей истории Беларуси.

В качестве методики выявления информационного потенциала архивных сайтов воспользуемся мнением российского исследователя Бобровой Елены Викторовны, которое она выразила на страницах журнала «Отечественные архивы» [6]. Основой написания Е. Н. Бобровой статьи послужила оценка результатов опроса пользователей на крупнейшем архивном российском портале «Архивы России». Результаты такого опроса интересны также и для Беларуси, так как аналогичное обследование в нашей стране не проводилось, а пути развития архивной отрасли двух стран очень схожи и соответственно репрезентация выводов по развитию информационных возможностей сайтов архивов России может оказаться ценным и для нас. Отметим, что в историографическом поле проблемы научной статьи имеются и другие пути анализа интернет-ресурсов (сайтов, социальных сетей, БД и др.) архивов и архивных учреждений. Значительных успехов в исследовании проблем, связанных с работой сайтов и электронных ресурсов архивов, добились ряд отечественных и зарубежных ученых: Л. И. Бородин, А. Ю. Володин, И. М. Гарскова, Е. А. Макаренко, С. Н. Копырина, Е. Н. Малышева, В. Л. Носевич, Ю. Ю. Юмашева и др.

Сравнительный анализ сайтов республиканских архивов проводился по таким критериям как: возможность поиска по всем разделам сайта, логичность построения системы навигации, доступ к научно-справочным материалам и оцифрованным документам, возможность обратной связи и адаптивность сайта для мобильных устройств.

Сайт НАРБ (narb.by), по мнению автора статьи, оказался удачным в вопросе юзабилити (удобства). На главной странице сайта архива отдельно для пользователей вынесены ссылки на разделы, которые обычно интересуют посетителей архива – фонды архива, научно-справочный аппарат,

читальный зал, виртуальные выставки. В разделе «Научно-справочный аппарат» (НСА) предоставляется информация об описях, каталогах и вспомогательных справочных картотеках, путеводителях, указателях и обзорах, тематических перечнях документов, тематических базах данных архива. Однако информация об элементах НСА на сайте архива имеет в основном аннотированный характер и не предполагает глубокого его изучения. В открытом доступе раздела пользователю предоставляются в электронном виде описи архива и сведения из уникальной БД «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны», созданной в 2012 г. Отметим, что БД представляет собой географический указатель сожженных деревень с указанием их современной и военной административно-территориальной принадлежности. Интерес представляет также вторая часть БД, которая состоит из цифровых копий архивных документов, фотографий, записей воспоминаний и других материалов, которые дают возможность рассказать о трагедии каждой деревни.

В разделе сайта НАРБ «Виртуальные выставки» размещены сведения о 30 выставках, посвященных празднованию юбилейных событий истории нашей страны и памяти исторических личностей. Каждая виртуальная выставка содержит подробную научную справку о целях ее организации и сопровождается рядом уникальных оцифрованных документов. В разделе «Читальный зал» пользователю подробно изыясняются возможности работы с документами в архиве, а также предоставлена возможность электронного заказа на выдачу дел. Из недостатков информационного наполнения и юзабилити сайта можно отметить: некорректную работу режима «поиск по сайту», отсутствие англоязычного режима просмотра сайта, отсутствие возможности разработки персональных кабинетов для индивидуального обслуживания посетителей сайта, дублирование информации, малое количество в открытом доступе оцифрованных документов, наличие неформатных водяных знаков на оцифрованных документах, отсутствие виртуальных выставок по наиболее востребованным посетителями материалам архива, запутанность информирования об оказании платных услуг.

Сайт НИАБ (niab.by) грамотно построен с точки зрения юзабилити: навигация по сайту продумана, работает режим «поиск», есть возможность выбрать язык текста (русский, белорусский, английский). На первой странице сайта пользователю предоставлена конкретная информация по работе в архиве без «информационной мишуры», а также в разделе «Фонды архива» предложены оцифрованные описи архива с дополнительным описанием содержания всех фондов Национального исторического архива.

Научный интерес на сайте НИА Беларуси представляет раздел «Выставки», в котором размещены более 50 коллекций оцифрованных документов с подробным их научным описанием. В купе с публикациями научных сотрудников архива, размещенных в открытом доступе на сайте, корпус документов виртуальных выставок обладает научным и образовательным потенциалом. Из недостатков информационного наполнения и юзабилити

сайта НИАБ можно отметить отсутствие удобного перехода в список фондов архива с последующим просмотром описей.

Сайт БГАКФФД (bgakffd.by) был создан относительно недавно (2023 г.), поэтому часть разделов сайта находится на этапе доработки. Однако следует отметить, что сам архив достаточно уникальный в вопросе комплектования, поэтому разработка сайта была необходима для посетителей архива. На момент написания статьи на сайте архива выложена коллекция оцифрованных документов, представляющих значительный интерес в изучении истории Беларуси. Вместе с тем архиву предстоит большая работа по настройке юзабилити сайта, особенно, что касается скорости загрузки интернет-страниц.

Сайт БГАМЛИ содержит подробную информацию о научно-справочном аппарате архива, в том числе практический полный корпус оцифрованных описей с коллекцией оцифрованных документов, размещенных тематически в более чем 30 виртуальных выставках. Сайт удобен в вопросе навигации, есть возможность создать персональный кабинет пользователя, а также подробно изложена информации об услугах архива.

Сайты НИАБ в г. Гродно (niab-grodno.by) и БГАНТД (bdantd.by) не сильно отличаются от предыдущих сайтов. Из недостатков информационного наполнения и юзабилити этих сайтов можно отметить: малое количество в открытом доступе оцифрованных документов, недостаточная адаптация дизайна сайта к возможности его просмотра на мобильном устройстве.

Подводя итог статьи, отметим, что автор статьи не пытался составить рейтинг сайтов республиканских архивов Беларуси, так как для такой работы необходимо было провести сравнение по большему количеству критериев с привлечением широкой аудитории независимых экспертов (пользователей). Основная идея статьи заключалась в том, что расширение интереса общества к историко-культурному наследию невозможно без обращения к архивным документам.

Нехватка в архивах сотрудников, а также ограниченность приема посетителей в читальных залах требует расширения информационных возможностей сайтов архивов – размещение в свободном доступе элементов НСА, цифровых копий архивных документов и др.

Однако на 2024 г. доля оцифрованных архивных документов Национального архивного фонда Беларуси составляет менее 0,5 %. При этом доступ к оцифрованным документам затруднен как по техническим, так и финансово-юридическим причинам. На сайтах вышеперечисленных архивов в свободном доступе можно просмотреть около 1500 документов, что является лишь малой частью от общего оцифрованного корпуса архивных материалов.

Автор статьи убежден, что подымаемая в статье проблема в ближайшие годы будет решена. Это в свою очередь увеличит интерес к истории Беларуси со стороны белорусского общества, которое как наследник историко-культурного наследия должно осознавать, что архивные документы становятся историческими источниками только после их исследования.

Список используемых источников

1. Сидорцов, В. Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 192 с.

2. Шмидт, С. О. Архивы и историки-любители / С. О. Шмидт // Памятники письменности в культуре познания истории России. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. 2. – К. 1. – С. 93.

3. О годе качестве [Электронный ресурс] // Сайт «Архивы Беларуси». – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/god-kachestva>. – Дата доступа: 13.02.2024.

4. Рублевская, Л. Материализованная связь поколений. Как живут белорусские архивы? [Электронный ресурс] / Л. Рублевская // сайт газеты «Звязда». – Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20220426/1650959398-materializovannaya-svyaz-pokoleniy-kak-zhivut-belorusskie-arhivy#>. – Дата доступа: 13.02.2024.

5. Архивная служба Беларуси отметит свое 100-летие [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <https://soyuz.by/obshchestvo/arhivnaya-sluzhba-belarusi-otmetit-svoe-100-letie>. – Дата доступа: 13.02.2024.

6. Боброва, Е. В. Архивные информационные ресурсы: результаты опроса пользователей / Е. В. Боброва // Отечественные архивы. – 2022. – № 4. – С. 35–45.

(Дата подачи: 20.02.2024)

A. P. Raюk
Минск

A. Rayuk
Minsk

УДК 323.31(476)(043.3)+947.6«1806/1921»

НАРАЎЛЯНСКІ МАЁНТАК ДВАРАН ГОРВАТАЎ: АД ЛАТЫФУНДЫІ ДА ФАБРЫЧНАГА ЦЭНТРУ

THE GORVATT FAMILY'S NAROWLYA ESTATE: FROM THE LATIFUNDIA TO THE FACTORY CENTER

У артыкуле прасочваецца эвалюцыя нараўлянскага маёнтка дваран Горватаў другой трэці XIX – пачатку XX ст. ад латыфундыі да фабрычнага цэнтру, што было рэалізавана дзякуючы прадпрымальніцкім здольнасцям уладальнікаў.

Ключавыя словы: эканамічная гісторыя Беларусі; латыфундыя; прамысловая рэвалюцыя ў Беларусі; Нароўля; Горваты; Эдвард Вайніловіч; Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі.

The article traces the evolution of the noble Gorvatt family's Narowlya estate in the second third of the XIX – early XX century from the latifundia to the factory center, which was realized thanks to the entrepreneurial abilities of the owners.

Keywords: economic history of Belarus; latifundia; industrial revolution in Belarus; Narowlya; the Gorvatt family; Edward Voinilovich; Minsk agricultural society.

Нараўлянскі маёнтак каталіцкіх дваран Горватаў у паўднёва-ўсходнім кутку беларускіх губерняў Расійскай імперыі прадстаўляў сабой у XIX – пачатку XX ст. значную латыфундыю, гісторыя якой толькі часткова атры-мала сваё апісанне ў навуковых працах, якія ў асобных аспектах нават утрымліваюць недакладнасці, што патрабуе ад гісторыка новага звароту да гэтай тэмы.

Першым, хто сцісла апісаў гісторыю мястэчка Нароўля, быў Аляксандр Ельскі, які ў 1885 г. у артыкуле ў «Геаграфічным слоўніку Польскага каралеўства» адзначыў, што Горваты набылі Нароўлю ў першай палове XIX ст. і маёнтак у 1880-я гг. меў абшар 19 210 дзесяцін зямлі (пераважна лясоў і балот), шыкоўны мураваны палац, каталіцкую капліцу, бровар, значны прыбытак з прапінацыі, млыноў і рыбалоўства [1]. Антоні Урбанскі ў 1928 г. не канкрэтызаваў ні асобу, ні год куплі Горватамі Нароўлі, а пра Барбароўскі маёнтак напісаў, што першым з Горватаў там асеў мазырскі гродскі суддзя Ігнат Тадэвушавіч Горват [2, с. 113]. Раман Афтанызы ў 1991 г. шырокім дыяпазінам адзначыў, што ў 1810–1820-я гг. Нароўлю купіў Аляксандр Ігнатавіч Горват, а пасля падзяліў паміж сваімі чатырма сынамі сваю латыфундыю, зрабіўшы пачатак чатыром значным дваранскім маёнткам – Барбарову, Нароўлі, Галоўчыцам і Хабну [3, с. 105]. Аднак Аляксандр Горват не меў чатырох сыноў і гісторыя была некалькі іншай.

У 2010 г. Святлана Адамовіч у сваім артыкуле, не пазначаючы крыніцы інфармацыі, указала, што маёнтак Нароўля (з належнымі вёскамі, вінакурнямі і інш.) быў куплены Ігнатам Тадэвушавічам Горватам у спадчынную ўласнасць 1 верасня 1816 г. за суму 242 650 рублёў срэбрам ад дваран фон Гольстаў [4]. І дадала, што Ігнат Горват памёр у 1820 г., а ўся яго латыфундыя перайшла да яго чатырох сыноў (Аляксандра, Станіслава, Атона і Даніэля), тры з якіх не былі паўналетнімі, таму знаходзіліся пад апекай старэйшага – Аляксандра [4]. С. Адамовіч указала, што ў 1825 г. (пасля падзелу бацькавай зямельнай спадчыны) уласнікам нараўлянскага маёнтка стаў Даніэль Ігнатавіч Горват, які пры жыцці ў 1864 г. перадаў вотчыннае права на ўсю нерухомасць сваім сынам – Маўрыцыю і Артуру, з якіх Артур атрымаў маёнтак Нароўля, кошт якога вызначаўся сумай 110 тыс. рублёў срэбрам [4]. А сам Артур Даніэлевіч Горват, паводле даследавання С. Адамовіч, 20 ліпеня 1898 г. перадаў сваё права валодання нараўлянскім маёнткам свайму сыну Эдварду Артуравічу Горвату [4].

У дадзеным артыкуле мы з дапамогай адшуканай у архіўных дакументах і статыстычных выданнях інфармацыі ўдакладнім і прасочым зямельна-эканамічную эвалюцыю Нараўлянскага маёнтка ва ўласнасці Горватаў.

Свае вылізныя ўладанні на Нараўляншчыне Ян Мікалай Аскерка ў актах Мазырскага гродскага суда ў 1784 г. называў «Нараўлянскім графствам», а двор у мястэчку Нароўля – «Нараўлянскім замкам» [5, арк. 585, 586]. Пасля канфіскацыі нараўлянскіх маёнткаў Яна Мікалая Аскеркі расійскай уладай у 1794 г. яны адразу сталі па распараджэнні Кацярыны II спадчынай уласнасцю расійскага графа Якава Сіверса (1731–1808), налічвалі

1396 рэвізскіх душ і цэнтрам мелі ўжо мястэчка Барбароў [6, с. 33]. 11 студзеня 1806 г. упамінаецца, што расійскі дваранін Андрэй Мацвеевіч фон Гольст (каля 1768 – каля 1816) трымаў у Рэчыцкім павеце ў арэндзе маёнтак Барбароў (разам з Нароўляй) ад Якава Сіверса [7, арк. 29]. 8 верасня 1807 г. арандатар Андрэй фон Гольст паведаміў з Барбарова архіепіскапу Мінскаму і Літоўскаму Іову, што ў мястэчку Нароўля ён пабудаваў новую праваслаўную царкву Іаана Багаслова, і прасіў асабіста асвяціць яе вадой 26 верасня 1807 г., аднак Іоў даручыў гэта рэчыцкаму протаіерэю Льву Мясеедаву, што апошні зрабіў у згаданы дзень, а 24 чэрвеня 1808 г. дадаткова асвяціў бакавыя прыдзелы [8, арк. 1–7]. Сам жа Андрэй фон Гольст у Рэчыцкім павеце меў у спадчынным валоданні маёнтак Кажушкі, дзе ў 1808 г. мелася 396 рэвізскіх душ, і трымаў таксама ў арэндзе з 1802 г. тэрмінам на 12 год дзяржаўны маёнтак Мухаеды. Пасля смерці Сіверса яго нашчадкі прадалі ў 1808 г. вялізны маёнтак Барбароў (разам з Нароўляй) Андрэю фон Гольсту. У снежні 1811 г. за Андрэем фон Гольстам у вялізным спадчынным маёнтку Барбароў мелася 2580 рэвізскіх душ [9, арк. 4], а ў арэндным ад скарбу маёнтку Мухаеды – 331 душа [9, арк. 2, 392].

Ігнат Тадэвушавіч Горват (1764 – каля 1820), дэпутат дваранства (ываводы дэпутат) Рэчыцкага павета ў 1795–1801 гг., валодаў спадчынным маёнткам Карані (у Рэчыцкім павеце), дзе ў 1808 г. было 956 рэвізскіх душ сялян, а ў 1811 г. – 1010 душ: вёскі Карані, Нябыта (ці іначай – Ліпаў), Пырхі, Многавершы, Хамічы, Косетаў, Мартынавічы, Карпавічы, Ператок, Раковіч, Рудня Яўтушкавіцкая, Марморычы, Зарэчча і Жэрэдзі [10, арк. 393 адв.]. У 1811 г. ён купіў у Рэчыцкім павеце вёску Грады (Града – у цяперашнім Хойніцкім раёне Беларусі) у Андрэя Мацвеевіча фон Гольста (з яго маёнтка Барбароў) у вечнае і спадчыннае валоданне – 70 душ [10, арк. 350], таму ў Ігната Горвата ў 1814 г. сукупна мелася 1078 душ [11, арк. 179 адв.].

Мы не знайшлі архіўных крыніц аб куплі ў 1816 г. Ігнатам Горватам усяго вялікага маёнтка Барбароў (ці, прынамсі, яго часткі – мястэчка Нароўлі з навакольнымі вёскамі). Паводле рэвізіі 1816 г., Ігнат Горват меў у Рэчыцкім павеце маёнтак Карані (з належнымі вёскамі) – 831 рэвізская душа (237 двароў) [12, арк. 8–12 адв.], а маёнткам Барбароў (2127 душ, 896 двароў) валодалі сыны Андрэя фон Гольста – Якаў, Карл і Роберт [12, арк. 8–12 адв.]. У спісе ключвойтаўстваў Рэчыцкага павета ад 1823 г., за якімі замацавана пачарговае адбыванне стойкавай павіннасці памешчыцкімі сялянамі пры ніжнім земскім судзе, у Нароўлянскім ключы адказнымі асобамі пазначаны маянткоўцы Карл і Роберт фон Гольсты, а ў Даманавіцкім – маянткоўцы Ігнат Горват і Максім Апапеус (1748–1822), які памёр у Франкфурце-на-Майне [13, арк. 58]. Хутчэй за ўсё, інфармацыя ў дакумент ад 1823 г. аўтаматычна перанеслі з папярэдніх спісаў мясцовых маянткоўцаў, калі Ігнат Горват і Максім Апапеус былі жывымі.

Хутчэй за ўсё, Ігнат Тадэвушавіч Горват сапраўды памёр каля 1820 г., бо з архіўных крыніц бачна, што з 1822 г. усімі маёмаснымі справамі распараджаюцца яго сыны. 13 снежня 1822 г. рэчыцкі павятовы харунжы

(1820–1823) Аляксандр Ігнатавіч Горват (каля 1800–1888) аддаў губернскаму сакратару двараніну Вінцэнту Маеўскаму ў заставу на тры гады 28 рэвізскіх душ Мартынавічы (якая адносілася да горватаўскага маёнтка Карані ў Рэчыцкім павеце) пад суму 10 000 рублёў асігнацыямі [12, арк. 2]. А 22 студзеня 1823 г. была зроблена інтрамісія (гэта значыць увод у валоданне) двараніна Рамана Вяржбіцкага, гранічнага суддзі Ігуменскага павета, да фальварка Грады (таго самага, які ў 1811 г. быў куплены Ігнатам Горватам у Андрэя фон Гольста), бо Аляксандр Ігнатавіч Горват і Станіслаў Ігнатавіч Горват («годы паўналетнія маючыя») яго прадалі Вяржбіцкаму за суму 6000 рублёў срэбрам [12, арк. 2].

Нарэшце, захавалася архіўная інфармацыя, што 1 мая 1826 г. Вільгеміна фон Гольст (удава Андрэя фон Гольста) і яе дзеці (Якуб, Карл і Роберт фон Гольсты і іх замужняя сястра Вільгеміна Андрэеўна Бруер (Brutier)) прадалі свой вялікі маёнтак Барбароў «з усімі прыналежнасцямі» (у тым ліку маёнтак Кажушкі) за суму 242 тыс. 650 рублёў срэбрам «спадчыннікам Ігната Горвата», гэта значыць родным братам Аляксандру, Станіславу, Атону і Даніэлю Ігнатавічам Горватам, а таксама іх замужнім сёстрам – падкаморыні Бабруйскага павета Францішцы Ігнатаўне Быкоўскай, маршалковай Мазырскага павета Марыяне Ігнатаўне Яленскай, харунжай Мазырскага павета Кацярыне Ігнатаўне Кеневіч і Філіпіне Ігнатаўне Горват (незамужняя сястры, якая пазней выйшла замуж за Ануфрыя Янавіча Венцлавіча) [12, арк. 7]. Факт продажу быў спачатку зафіксаваны ў Галоўным судзе Ліфляндскай губерні (куды, верагодна, пераехалі спадчыннікі Андрэя фон Гольста), а пазней «з аплатай вячыхтых пошлін» актываваны ў II дэпартаменце Галоўнага суда Мінскай губерні, і была прызнана інтрамісія [12, арк. 7]. Адсюль можна зрабіць выснову, што мястэчка Нароўля не было куплена ў 1816 г. Ігнатам Горватам, а ўваходзіла ў склад вялікага маёнтка Барбароў, купленага ў 1826 г. сям’ёй Горватаў, на чале якой стаяў старэйшы сын памерлага Ігната Горвата Аляксандр. Калі і меў Ігнат Горват намер купіць маёнтак Барбароў у фон Гольстаў, то ажыццявілі гэта толькі яго дзеці.

У спісе дваран Рэчыцкага павета, якія мелі права ўдзельнічаць у дваранскіх выбарах у 1826 г., значацца паўналетнія браты Аляксандр і Станіслаў Ігнатавічы Горваты, а іх супольнымі, яшчэ не падзеленымі з іншымі братамі і сёстрамі ўладаннямі – буйныя маёнткі Ліпаў (указана замест ранейшага цэнтра – Каранёў) і Барбароў – з 2958 рэвізскімі душамаі сялян (1133 двароў), з якіх сплывалася падаткаў 20 173 рублі 56 капеек асігнацыямі ў год [12, арк. 8–12 адв., 20 адв.].

Падзелчы акт зямельнай спадчыны паміж братамі быў зроблены 31 сакавіка 1828 г. [14, арк. 1] і яўлены 10 ліпеня 1829 г. у Рэчыцкім павятовым судзе [15, арк. 2–2 адв.]. Аляксандр Ігнатавіч Горват (каля 1800–1888) атрымаў маёнтак Барбароў, Станіслаў Ігнатавіч Горват (1804–1884) – маёнтак Галоўчыцы, Атон Ігнатавіч Горват (1809–1894) – маёнтак Ліпаў, Даніэль Ігнатавіч Горват (1810–1868) – маёнтак Нароўля, а іх сёстры (Марыя,

Францішка, Філіпіна і Кацярына) атрымалі грашовыя фундушы. У тым жа 1829 г. землемерам Садольскім быў зроблены план адмежавання маёнтка Нароўля: 33 942 дзесяціны і 1217 сажняў зямлі [15, арк. 2–2 адв.]. Так мястэчка Нароўля стала цэнтрам асобнай латыфундыі, якая належала Даніэлю Горвату, яго сыну і ўнуку да 1917 г.

У 1834 г. у маёнтку Нароўля налічвалася 648 душ мужчынскага і 711 душ жаночага полу прыгонных сялян: мястэчка Нароўля, вёскі Кныроўка (Кнураўка, цяперашняя Калінічы), Цешкаў, Карпавічы, Рудня Цешкаўская, Вязічы (Вязішча), Ламачы, Кажушкі, Перцы (Персаў), слабада Тартакі (Гамерня) і авульс (засценак) Фізінкі [15, арк. 2–2 адв., 34–43 адв.]. 24 студзеня 1841 г. Даніэль Горват купіў у Канстанцыі Казіміраўны Скірмунт (1808–1845) з роду Сулістроўскіх суседні маёнтак Каралін (цяперашні горад Ельск і наваколле) Мазырскага павета, дзе ў 1834 г. мелася 567 душ мужчынскага полу і 596 жаночага і, паводле вымярэння землемерам Ігнатам Шамбургскім ад 21 мая 1829 г., 22 697 дзесяцін і 1956 сажняў зямлі (ці, паводле «літоўскай меры», 1144 валокі, 5 моргаў і 186 пругоў) [15, арк. 6–7; 16, арк. 2 адв.]. Афіцыйна пакупная на маёнтак Каралін была складзена толькі 15 снежня 1849 г. [15, арк. 6–7].

Агульны прыбытак з маёнтка Нароўля ў 1834 г. складаў 15 684 рублі срэбрам: з продажу азімага і яравога хлеба, у прыватнасці вінакурэння – 8000 рублёў; з вырабу смалы і іншых лясных прадуктаў – 4200; з вышынку «гарачага віна» (гарэлкі) – 1209; з млына – 125; з продажу жывёлы, кармлёнай на бардзе (гэта значыць адходаў працэсу вінакурэння), – 950; з рыбнай лоўлі – 1200 [15, арк. 37]. А з маёнтка Каралін у 1834 г. – 12 550 рублёў срэбрам: з продажу азімага і яравога хлеба, у прыватнасці вінакурэння – 7600 рублёў; з вырабу смалы і іншых лясных прадуктаў – 3000; з вышынку «гарачага віна» – 900; з млына – 90; з продажу жывёлы, кармлёнай на бардзе, – 900 [15, арк. 42]. Гэта была тыповая спецыялізацыя феадальнай прыгонніцкай гаспадаркі буйных маёнткаў Мазырскага і Рэчыцкага паветаў у першай палове XIX ст.

У 1850 г. маёнтак Нароўля налічваў 645 душ мужчынскага полу і 33 942 дзесяціны 1217 сажняў абмеранай зямлі, а маёнтак Каралін – 567 душ і 21 977 дзесяцін 1326,5 сажняў (мястэчка Каралін, вёскі Багуцічы, Шарын, Вішэнкі, Дабрынь, Каралінская Буда (Данілаўка), Усохі і слабада Ілін) [15, арк. 19; 17, арк. 2–3]. Кошт маёнтка Нароўля ацэньваўся ў 60 тыс. рублёў срэбрам, а Караліна – 50 тыс. [17, арк. 2–3]. Даніэль Горват валодаў таксама невялікім маёнткам Арцохі ў Мінскім павеце. У 1850 г. набыў маёнтак Прыборск і скончыў будаўніцтва ў Нароўлі новага мураванага палаца (у стылі позняга класіцызму), які стаў адной з самых шыкоўных і значных сядзіб ва ўсёй Мінскай губерні. У 1858 г. Даніэль Горват валодаў у Рэчыцкім павеце маёнткам Нароўля (388 рэвізскіх (мужчынскіх) душ і 500 жаночых душ), у Мазырскім павеце маёнткам Каралін (502 мужчынскія душы і 518 жаночых), у Радамысльскім павеце Кіеўскай губерні маёнткам Прыборск (949 рэвізскіх душ – Прыборск, Сукачы, Русакі, Даманаўка

(Даманайск), Піраговічы, Балотня (Балотні), Варапаеўка, Вахоўка) [15, арк. 19; 18, арк. 1].

2 кастрычніка 1862 г. маёнтак Нароўля Даніэля Горвата налічваў 391 мужчынскую душу былых прыгонных сялян і 21 000 дзесяцін незаселенай зямлі [19, арк. 330]. Па слабасці здароўля Даніэль Горват у 1864–1865 гг. падзельным запісам аддаў кіраванне Нароўляй (33 942 дзесяціны) Артуру і Караліна (21 977) Маўрыцыю, а сабе пакінуў Прыборск і каштоўнасці, срэбра і мэблю з Нароўлі. Сыны мусілі выплаціць даўгі бацькі прыватным асобам (20 тыс. рублёў срэбрам) і займы ў Санкт-Пецярбургскім апякунчым савеце за Нароўлю (35 630 рублёў) і Каралін (39 690) [17, арк. 1–3]. Пасля сялянскай рэформы 1861 г. выкупны акт, напрыклад, Нараўлянскага сельскага таварыства (мястэчка Нароўля, вёскі Кныроўка і Ласка) быў падпісаны 31 ліпеня 1866 г., а ўводны ліст у валоданне зямлі сялянамі (2298 дзесяцін 1959 сажняў прыдатнай і непрыдатнай зямлі – за пазыковыя 24 518 рублёў 44 капейкі) – 17 сакавіка 1870 г. [20, арк. 167–168]. Пасля адмежавання сялянскіх надзелаў у нараўлянскім і каралінскім маёнтках Горвата заставалася каля 30 тыс. дзесяцін прыдатнай зямлі [17, арк. 2–3].

Даніэль Горват памёр 8 ліпеня 1868 г. у палацы дваран Хлапоўскіх – у вёсцы Чырвоная Вёсь (у Пазнанскай правінцыі Усходняй Прусіі), дзе жыла са сваім мужам Мацеям Хлапоўскім (1837–1883) яго дачка Марыя. Яшчэ ў лютым 1868 г., пасля прадстаўленага Даніэлем Горватам дазволу, пад кіраўніцтвам Станіслава Горвата (1804–1884) адбыўся падзел маёнткаў Даніэля Горвата паміж яго дзецьмі: Артур Даніэлевіч Горват (1831–1903) атрымаў маёнтак Нароўля, Маўрыцый Даніэлевіч Горват (1838–1903) атрымаў маёнтак Прыборск (які ён пазней прадаў рускаму двараніну Пацёмкіну), а пасля смерці Станіслава Горвата ў 1884 г. атрымаў яго маёнткі Галоўчыцы і Дудзічы, а Марыя Даніэлеўна Хлапоўская (1844–1906) атрымала маёнтак Каралін, які яна ў 1870 г. прадала рускаму двараніну Івану Пятровічу Анзельму [21, арк. 1–2]. Першая жонка Артура Горвата (Гелена Войніч-Сянажэцкая) заўчасна памерла, але паспела нарадзіць двух дзяцей – Льва і Гелену. Таму яе маці (Леакадзія Львоўна Войніч-Сянажэцкая), каб не дзяліць свой маёнтак Дукора, вылучыла грашмыма належны пасаж на імя свайго ўнука (Льва Артуравіча Горвата) – заёмны ліст на суму 50 тыс. рублёў срэбрам прадставіла ў 1856 г. у Мазырскім павятовым судзе [22, арк. 1–2].

У пачатку 1870-х гг. новы абмер нараўлянскага маёнтка выявіў няўлічаныя раней 74 % плошчы (балоты, балотны лес і інш.) і паказаў 44 495,54 дзесяціны [23, с. 171]. 10 жніўня 1876 г. у Пінску быў падпісаны кантракт, якім Артур Даніэлевіч Горват аддаваў двараніну Пінскага павета Францішку Юліянавічу Кеневічу свой маёнтак Нароўля (паша, вінакурня, цагельня і г. д.) у арэнду з 1 красавіка 1877 г. па 1 красавіка 1889 г.: Кеневіч штогадова павінен быў плаціць 3 тыс. рублёў срэбрам – 1 красавіка і 1 кастрычніка па 1500 рублёў [24, арк. 1–2]. Аднак арэнда ў 1877 г. была датэрмінова скончана [23, с. 171].

Пасля падачы просьбітамі афіцыйнага звароту 24 лютага 1884 г. расійскі імператар звольніў з расійскага падданства жыхара Варшавы двараніна Артура Горвата, яго жонку Караліну (Шарлоту), дачку Францішку і Габрыэлю, ім было выдана пасведчанне на заўсёднае перасяленне ў Германію [25, арк. 4]. У другой палове 1884 г. знаходзячыся за мяжой Расійскай імперыі, Артур Горват прыняў аўстрыйскае падданства, 23 снежня 1884 г. атрымаў аўстрыйскі пашпарт, а ў лютым 1885 г. вярнуўся ў свой маёнтак Нароўля [25, арк. 1]. У 1890-я гг. ён падпісваў у Познані даверанасць кіраваць нараўлянскім маёнткам свайму пленіпатэнту Юзафу Андрэевічу Ляневічу, а 24 красавіка 1901 г. у Познані падпісаў даверанасць кіраваць маёнткам Вітальду Юзафавічу Зяновічу [26, арк. 1; 27, арк. 165]. Артурам Горватам у верасні і снежні 1901 г. былі куплены для нараўлянскага маёнтка адпаведна паравы кацёл і медныя трубы [28, арк. 10, 13].

Эдвард Артуравіч Горват (1866–1935) скончыў у 1889 г. Рыжскае палітэхнічнае вучылішча са ступенню агранома, у 1890 г. стаў членам Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (МТСГ), у 1897–1901 гг. быў дэпутатам дваранства Мазырскага, у 1901–1917 гг. – Рэчыцкага павета, а ў 1903 г. атрымаў у спадчыну нараўлянскі маёнтак [29, арк. 81–82; 30, арк. 1 адв.–3]. Яшчэ пры жыцці свайго бацькі Эдвард Горват у 1890-я гг. правёў новыя будаўнічыя мерапрыемствы па ўпрыгожванні палаца ў Нароўлі, а асабліва маштабныя пераўтварэнні ў маёнтку праводзіліся ў 1902–1914 гг. У 1909–1910 гг. Эдвард Горват прадаў звыш 16 862 дзесяцін (лесу і ворных зямель) са свайго нараўлянскага маёнтка [31, арк.1–63, 101–102]. Паводле фармулярнага спіса аб службе за 1914 г., нараўлянскі маёнтак Эдварда Горвата налічваў 28 тыс. дзесяцін зямлі [30, арк. 1 адв.–3], а паводле календара «Над Свіслаччу» (1914) – 16 678 дзесяцін зямлі, абкладзенай земскім падаткам [32, с. 107].

Менавіта Эдвард Горват сваімі прадпрымальніцкімі здольнасцямі і шыракой погляду канчаткова ператварыў маёнтак Нароўля з былой феадальнай латыфундыі ў значны капіталістычны індустрыяльны цэнтр Мінскай губерні: меўся завод па вырабу пагашу, дзэгцю, цэгля, шклозавод, малатарня, млынарня, валоўня, Міхнаўскі сенапрасавальны завод, конезавод, лесапілня, прадпрыемства па вырабу сокаў і варэння, прыватная лінія чыгункі для вывазу лесу, прыстань на транспартнай магістралі – рацэ Прыпяць; выраблялі гарэлку, каўбасы, сыры, рыхтавалі вяндрліну. У 1913 г. каля свайго нараўлянскага палаца Эдвард Горват пабудаваў кандытарскую фабрыку (выраблялі мармелад, карамель, пасцілу, павідла, джэм і сочыва), а ў 1914 г. у Расійскай імперыі была зарэгістравана гандлёвая марка «Горват». На прадпрыемствах Горвата за грошы працавалі як мясцовыя наёмныя работнікі, так і замежныя спецыялісты (немцы) [33]. Паводле Мечыслава Ялавецкага, найбліжэйшымі супрацоўнікамі кіраўніка МТСГ Эдварда Вайніловіча былі Раман Скірмунт, Караль Незабытоўскі, Міхал Ленскі, Яўстах Любанскі, Ежы Чапскі, Ігнат Віткевіч, Міхал Валовіч, Эдвард Горват, Пётр Ваньковіч, Вільгельм Ельскі і Караль Свяцкі [34]. У 1917–1920 гг.

зямельныя ўладанні і палацы Горватаў у Мінскай і Кіеўскай губернях былі нацыяналізаваны савецкай уладай без кампенсацыі былым уласнікам.

Такім чынам, нараўлянскі маёнтак стаў прыкладам эвалюцыйнага пераўтварэння феадальнай латыфундыі ў значны капіталістычны маёнтак з развітай спецыялізацыяй, дзе побач з традыцыйнымі галінамі (земляробства, жывёлагадоўля, рыбаловства, вінакурэнне, нарыхтоўка драўніны, паташу, дзёгцю, вырабу руды і шкла) на працягу XIX – пачатку XX ст. засноўваліся мануфактурныя і фабрычныя прадпрыемствы, што было рэалізавана дзякуючы сучаснай адукацыі, крэдыту, продажу лішкаў зямлі і прадпрымальніцкім здольнасцям уладальнікаў. Менавіта такія эканамічныя цэнтры ў многім вызначалі шляхі капіталістычнай мадэрнізацыі эканомікі Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Jelski, A. Narowla / A. Jelski // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego. – T. VI: Malczyce – Netreba. – Warszawa, 1885. – S. 917.*
2. *Urbański, A. Podzwonne na zgliszczach Litwy i Rusi / A. Urbański. – Warszawa: St. Niemiry Syn, 1928. – 161 s.*
3. *Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: w 11 t. / R. Aftanazy. – 2-e wyd. – Wrocław [etc.]: Ossolineum, 1991. – Cz. 1. – T. 1. – 352 s.*
4. *Адамович, С. Дворец в Наровле: история и реалии / С. Адамович // Архитектура и строительство. – 2010. – № 2. – С. 58–61.*
5. Нацыянальны гістарычны архіў у г. Мінску (далей – НГАБ). – Ф. 1728. Воп. 1. Спр. 24.
6. *Радзюк, А. П. Пад скіпетрам Расійскай імперыі: рэпрэсіўная палітыка царызму на землях Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / А. П. Радзюк. – Гародня-Кракаў, 2017. – 196 с.*
7. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 62.
8. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 1946.
9. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 9. Спр. 262.
10. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 9. Спр. 261.
11. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 2. Спр. 13.
12. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 76.
13. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 48.
14. НГАБ. – Ф. 146. Воп. 2. Спр. 3542.
15. НГАБ. – Ф. 146. Воп. 2. Спр. 1119.
16. НГАБ. – Ф. 146. Воп. 2. Спр. 3412.
17. НГАБ. – Ф. 146. Воп. 2. Спр. 2673.
18. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 28.
19. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 3. Спр. 135.
20. НГАБ. – Ф. 707. Воп. 1. Спр. 2.
21. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 33.
22. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 53.
23. *Кохнович, В. А. Хозяйство в имениях на Полесье в 1861–1914 гг. / В. А. Кохнович. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. – 358 с.*
24. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 45.

25. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 8729.
26. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 50.
27. НГАБ. – Ф. 1071. Воп. 1. Спр. 1.
28. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 54.
29. НГАБ. – Ф. 1043. Воп. 1. Спр. 3.
30. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 3. Спр. 1051.
31. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 4. Спр. 14234.
32. «Nad Świsłoczą»: kalendarz miński informacyjny na rok 1914 / pod red. W. Dworzaczka. – Wilno: Znicz, 1914. – 130 s.
33. НГАБ. – Ф. 986. Воп. 1. Спр. 79–216.
34. *Jałowiecki, M.* U Edwarda Woyniłłowicza / M. Jałowiecki // *Wiadomości*. – Londyn, 1958. – № 18. – S. 2.

(Дата падачы: 21.02.2024 г.)

D. O. Rubisov

Белорусский государственный университет;
Национальный исторический архив Беларуси, Минск

D. Rubisov

Belarusian State University; National Historical Archives of Belarus, Minsk

УДК 94(474/476):27

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ
И КАТОЛИЧЕСКОЙ КОНФЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XV В.:
РОЛЬ СОБОРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ К УНИИ**

**THE RELATIONSHIP BETWEEN ORTHODOX
AND CATHOLIC CONFESSIONS IN THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA IN THE 15TH CENTURY:
THE ROLE OF THE CATHEDRAL MOVEMENT
IN RELATION TO THE UNIA**

В статье уделяется внимание взаимоотношениям Киевской митрополии с римской курией, влиянию общеевропейских церковных и политических проблем на взаимоотношения христианских конфессий в Великом княжестве Литовском в XV в., общеевропейских вопросов церковного объединения на политику монархов Великого княжества Литовского в отношении церковной унии, отношению Католической церкви на территории княжества к проблеме церковного объединения на фоне концилиаристского (соборного) движения в Католической церкви.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Киевская митрополия; церковная уния; Ягеллоны; духовная иерархия Великого Княжества Литовского; соборное движение; Православная церковь; церковная история; Ферраро-Флорентийский собор; великий князь литовский.

The article pays attention to the relations between the Kiev Metropolitanate and the Roman Curia, the influence of pan-European ecclesiastical and political problems on the relations of Christian confessions in the Grand Duchy of Lithuania in the XV century. The problem of pan-European issues of church unification on the policy of the monarchs of the Grand Duchy of Lithuania in relation to the church union, the attitude of the Catholic Church in the territory of the principality to the problem of church unification against the background of the clerical (council) movement in the Catholic Church is considered.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Kyiv Metropolitanate; Church Unia; Jagiellonians; spiritual hierarchy of the Grand Duchy of Lithuania; cathedral movement; Orthodox Church; church history; Council of Florence; Grand Duke of Lithuania.

В 1414–1418 гг. католический церковный собор, проходивший в городе Констанц, положил конец кризису института папства в Католической церкви, проявившегося в одновременном существовании в Западной Европе в конце XIV – начале XV в. трех враждующих за первенство понтификов. Однако одновременно, как указывает в своей работе «Рим. Константинополь. Москва: Исторические и богословские исследования» И. Мейендорф, Констанцкий собор сделал вполне реальным проектом реформ вопрос соборного ограничения папской власти. Продолжением принятых на соборе в Констанце постановлений, превращавших сам собор в постоянный действующий орган, собирающийся без предварительного созыва его понтификом, а также ограничивающих пап, поставив институт соборов на первое место в решениях вопросов реформ и вероучения, стал Базельский собор, собранный в 1431 г. [4].

Собранию высших церковных иерархов в Базеле не удалось развить идеи соборного управления церковью, что, более того, стало началом нового церковного кризиса в Западной Европе, разделившего церковных иерархов и в некотором смысле светских монархов на сторонников папы Евгения IV и приверженцев соборного движения (движения «концилиаризма» от латинского «*concilium*» – собор). Отдельным аспектом в истории противостояния двух враждующих сил стала политика каждой из сторон в отношении унии с восточно-христианскими церквями, окончившейся победой папской стороны на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1442 гг.), действующем параллельно с Базельским (1431–1449 гг.).

Стоит отметить, что уникальность региона Великого княжества Литовского нашла свое отражение в наличии на этих землях обеих проблем общецерковной истории первой половины XV в., как проблемы заключения и распространения церковной унии между западно- и восточно-христианскими церквями, так и влияния соборного движения в Католической церкви, что делает актуальным изучение данной темы. Более того, особое внимание в данном контексте приобретают отношения сторонников Базельского собора с представителями папской власти, проявившиеся в конфликте между киевским православным митрополитом Исидором и виленским католическим епископом Матеем из Трок в 1441 г. в Вильно.

Анализ проблематики конфликта соборного движения и Флорентийской унии на территории Великого княжества Литовского достаточно широко представлен в российской историографии начиная с XIX в. до настоящего времени. В частности, данный вопрос поднимается в контексте общецерковной истории с позиций высших церковных иерархов в работах Е. Е. Голубинского, М. С. Грушевского, а также более широко в работах Б. Н. Флори. Однако больший интерес представляет проблематика отношения великокняжеской и польской высшей церковной иерархии, а также монархов Королевства Польского и Великого княжества Литовского в отношении соборного движения и Ферраро-флорентийской унии. Некоторые аспекты данной проблематики поднимались в трудах А. Левицкого (A. Lewicki), О. Халецкого (O. Halecki), Т. Граффа (T. Graff), А. В. Любого.

Стоит отметить, что проблематика конфликта виленского бискуп Матея и киевского митрополита Исидора, еще в дореволюционной российской историографии XIX в. рассматривалась больше как конфликт представителя соборного движения с папским легатом. Однако позже Б. Н. Флоря отмечал, что для официальных документов периода конца XIV – первой половины XV в., выходявших в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, характерна определенная терминология, когда православных именовали «схизматиками», а их храмы «синагогами» и противопоставлялись католическим «христианам», «крещеным». Кроме того, для перехода из Православия в Католичество церковные иерархи западно-христианской церкви требовали повторного крещения в Великом княжестве Литовском, в то время как сама римская курия, как правило, признавала законность этого обряда в Православии. В связи с этим исследователь отмечал, что причину непринятия Флорентийской унии великокняжеской католической иерархией в 1440 г. стоит связывать не только с проблемой концилиаристского движения в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском, но и с проблемой непризнания греческого обряда, который по заключению церковной унии во Флоренции 1439 г. должен был сохраняться [6].

Однако данный конфликт возможно рассмотреть не только в контексте «неприязни» великокняжеской католической церковной иерархии крещения восточного обряда, но в контексте проблематики общецерковной истории, сравнения политики церковной иерархии Польского королевства и монархов в отношении как унии, так и соборного движения.

Стоит отметить, что после смерти митрополита Фотия в 1431 г., а также митрополита литовского Герасима в 1435 г. общим митрополитом для Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского, стал митрополит Исидор, поставленный константинопольским патриархом. В 1439 г. во Флоренции он подписал акт церковной унии не только как представитель своей кафедры, но и как «заместитель апостольского престола святейшего Патриарха Антиохийского», поставил свою подпись с одним из первых после константинопольского императора и добавил к своей подписи два слова, подчеркивавших его искреннее согласие [8; с. 49].

Таким образом, Киевская митрополия, в лице предстоящего во главе ее митрополита Исидора, стала одной из участниц флорентийской церковной унии. Как отмечает О. Халецкий, участие «русских» земель в состоявшемся во Флоренции событии подчеркивало и то, что свою подпись в акте унии поставил, находящийся в делегации киевского митрополита епископ Суздальский Авраам, несмотря на оказанное на него давление со стороны Исидора, который 18 декабря 1439 г. был возведен в сан кардинала Католической церкви вместе с архиепископом Никейским Виссарионом [8].

Обратный путь из Рима в Москву митрополита Исидора был проложен через земли Королевства Польского и Великого княжества Литовского, где ему предстояло встретиться и с некоторыми сторонниками Базельского собора среди представителей католической иерархией. По мнению О. Халецкого, киевскому митрополиту не был известен в полной мере тот факт, что польская католическая иерархия и богословы Краковского университета выступали в поддержку собора в Базеле [8; s. 57]. Однако и сама позиция польских иерархов не была однозначно категоричной в отношении флорентийской унии и папы. Выступить решительно против папы Евгения IV польским сторонникам концилиаризма мешал вопрос принятия Владиславом III короны Венгрии. Как отмечает Т. Графф, и сам Владислав III колебался в выборе между поддержкой папы или Базельского собора, поскольку и та и другая сторона тянули с признанием его нового титула венгерского короля. В связи с этим на поместном синоде католической церкви в гнезненской митрополии в Ленчице (Łęczusa), который проходил 8 мая 1441 г. и который больше можно считать про-базельски настроенным, официально было объявлено о нейтралитете польских церковных иерархов, которые ориентировались на подобные постановления, принятые в соседних государствах, как католический синод 1439 г. в Майнце, а также на синоды, проходившие ранее во Франкфурте и Бурже [7].

В 1440 г. митрополит Исидор встретился с бискупом краковским Збигневом Олесницким, который, по мнению О. Халецкого, в принципе приветствовал Базельский собор, но не был против заключения унии Восточной и Западной Церквей, как сам Базельский собор [8; s. 57]. Вместе с тем Олесницкий, вероятно, не мог одобрить Флорентийскую унию как свидетельство политических достижений Евгения IV, однако вскоре после своего прибытия, 25 марта 1440 г., Исидору было разрешено отслужить мессу по восточному обряду в Кракове. Позже митрополит Киевский продолжил свое путешествие из столицы Польши в ее восточные земли, в Русское воеводство, где он должен был впервые встретиться со своей паствой.

Следующим католическим иерархом, с которым митрополиту Исидору пришлось встретиться после Збигнева Олесницкого, стал бискуп Иоанн во Львове. В 1375 г. Львов стал центром новой католической епархии, а кроме того, как отмечает О. Халецкий, этот город стал центром и Галичской митрополии вместо самого Галича, подчинявшейся в период заключения флорентийской унии митрополиту Исидору [8; s. 59]. Летом 1440 г. папский

легат, митрополит Исидор, прибыл во Львов. Как отмечает Т. Графф, бискуп львовского Иоанна в этот момент стоит относить наоборот к сторонникам папы Евгения IV [7; s. 295]. Вместе с тем О. Халецкий отмечает, что архиепископ львовский симпатизировал Базельскому собору, но принял сторону папы под влиянием Исидора, в результате переговоров, получив разрешение провозгласить Флорентийскую унию в местном кафедральном соборе [8; s. 59].

Однако именно отпор со стороны про-базельски настроенной католической иерархии митрополит Исидор встретил в Вильно со стороны епископа Матея из Трок, который был хорошо осведомлен о действиях папы Евгения IV, поскольку еще в 1439 г. иерархи Базельского собора направили виленскому епископу послание, где подчеркивали законность собора в Базеле, а также отмечали, что церковь может ждать разорения и бедствия, если собор не буде контролировать действия пап. В частности, в послании епископу Матею от 27 сентября 1439 г. говорилось, что неконтролируемый папа, если захочет, может даже изменить веру, что повлечет за собой осуждение всей Вселенской Церкви. Как раз, в этом отношении, примером является поведение Габриэля, извергнутого из сана папы Евгения IV, пошедшего на союз с греками во Флоренции: «*Nec ipsam devocionem tuam ac aliorum quorumcunque a prosecucione prefate iusticie et veritatis retrahant cautele supradicti Gabrielis, qui sub umbra untonis et reductionis Grecorum sua facta cooperire' conatur et reformacionem evitare atque hanc sanctam synodum et decreta eius prosternere. Satis enim potest cognoscere universus orbis, quibus artibus Grecos ipsos ad se traxit et impedit, ne cum hac sancta synodo convenirent, sicut fuerat cum eis concordatum magnumque scisma in orbe posuit, ut ipsos ad se traheret, mittens oratores et galeas in Constantinopolim in contrarium illorum, qui mittebantur ex parte huius sancte synodi et de facto aliud pretensum concilium in Ferraria erigens, ubi ipsa reductio Grecorum cum unione et bona pace Ecclesie nostre fieri poterat, si ipse non talia obiecisset impedimenta*» [9; s. 177–178].

Как отмечает Т. Графф, возможно киевский митрополит предполагал, что в вопросах распространения церковной унии он мог рассчитывать на поддержку со стороны виленского епископа Матея, поскольку последний интересовался вопросами церковного союза. Единственным, что в действительности могло стать препятствием в развитии добрых отношений с католическим иерархом, так это только практический вопрос о церковной десятине, которую ранее православные выплачивали епископу Вильни, а также вопрос о необходимости повторного крещения [7; s. 289].

Однако прибывшему в 1440 г. посланнику папы Евгения IV кардиналу Исидору в Вильню католический епископ запретил проводить какие-либо богослужения на территории своей епархии и провозглашать акт заключения флорентийской унии. О непризнании епископом Матеем папы Евгения IV, его инициативы в форме флорентийской церковной унии, а также противостоянии деятельности митрополита Исидора говорят и сведения с заседания Базельского собора. В частности, 9 мая 1442 г. на соборе

в Базеле были зачитаны письма от епископа Матфея и великого князя Казимира, в которых говорилось, что виленский епископ признает законным только собор в Базеле: «Parte vero dicti episcopi Mathiae retulit, quod Ysidorus, abbas unus ex tribus primis oratoribus Grecorum nominatus sessione XIX, factus postea archiepiscopus, iam pretendens se cardinalem et legatum Gabriellis, ingressus dyocesim suam requisierat, permetteretur uti legatione sua, ut reassumeretur ritus ecclesie Grece cum iam erat unita Latina affirmans eiusmodi unionem in concilio Florentino factam extitisse. Sed episcopus, qui famosus in theologia magister erat, illi respondisset nunquam scivisse aliud concilium quam Basiliense, et quod sibi de hac re nichil notificauerat. Ideo, donec illud consultaret, nichil facere posset, maxime, quia iam ipse olim Eugenius, cuius se didicebat legatum fuerat per concilium condemnatus» [7; s. 289–290].

Возможно отметить, что, вероятно, виленский епископ не был противником самого объединения Православия с Католичеством, но видел заключение церковной унии не с папой Евгением IV, а в рамках Базельского Собора. По мнению Стефана Кучиньского (Stefan Maria Kuczyński) одним из посредников переговоров князя Свидригайло и митрополита Герасима с Базельским собором мог являться епископ Матей [10; 11].

Сразу после встречи киевского митрополита с епископом Матеем, первый отбыл в Москву, где его ждала не менее неприятная встреча с великим князем Василием Васильевичем, скорое осуждение и заточение. В то же время вопрос соборного движения на территории Великого Княжества Литовского нашел свое продолжение в первой половине 1440-х гг. Как отмечает К. Левицкий, на поместном католическом соборе 1442 г. виленский епископ еще раз объявил о своем отрицательном отношении к митрополиту Исидору, подчеркнув, что запретил легату, осужденного Гавриила (Евгения IV) проводить какие-либо действия в подчиненной ему епархии [11].

Переломным же моментом в истории соборного движения в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском стало объявление после смерти Владислава III королем Польши его брата, великого князя литовского Казимира. Важно отметить, что изначально великого князя самого можно было отнести к сторонникам соборного движения. Кроме того, в среде самой польской католической иерархии продолжали развиваться идеи концилиаризма, несмотря на то, что в 1444 г. Владислав III уже окончательно стал позиционировать себя как последователя папы Евгения IV. Стоит отметить, что позиция церковных иерархов в этом отношении не менялась в связи с отсутствием монарха Владислава Варненчика в стране [7].

Взойдя на престол в 1447 г., новый король Польши Казимир Ягеллончик, хотя, как отмечалось выше, с 1442 г. был официальным сторонником собора в Базеле, достаточно скоро, в первый год своего правления, решил признать законным главой Католической Церкви папу Николая V, ставшего новым понтификом после скончавшегося Евгения IV, что возможно оценить как весьма своевременное решение, поскольку уже к 1449 г. собор, собранный в Базеле, был вынужден капитулировать. Вероятно, вслед за Казимиром

Ягелончиком признать Николая V законным главой церкви был вынужден и виленский епископ Матей.

О признании виленским католическим епископом папой Николая V, в частности, свидетельствует и продолжение конфликта с митрополитом Исидором, которому ранее удалось бежать из заточения в Москве и добраться до Рима. Вероятнее всего, именно в конце 1440-х гг. кардинал Исидор начал судебное разбирательство против епископа Матея, обвиняя его в провале Флорентийской унии на территории земель Великого княжества Литовского, а также в подстрекательстве православных князей против церковного обвинения.

На основе проанализированных источников и исследований, можно сделать некоторые выводы относительно проблематики соборного движения и флорентийской унии на территории Великого княжества Литовского первой половины XV в. Конфликт виленского епископа Матея из Трок, сторонника соборного движения в Католической церкви и противника папы Евгения VI, и киевского митрополита Исидора, принявшего в 1439 г. церковную унию во Флоренции и получившего от папы новые титулы и привилегии, невозможно не рассматривать в контексте общецерковной, но и локальной восточноевропейской истории. Сравнивая взаимоотношения церковной иерархии и монарха Королевства Польского и их отношения к проблеме соборного/униатского вопроса, стоит отметить ориентации политики церковной иерархии на политики монарха, заставивших сторонников Базельского собора принять сторону нейтралитета. В этом отношении действия виленского епископа продиктованы не только его приверженностью к соборному движению, проинформированностью о извержении папы Евгения IV из сана, но и ориентацией на собственного монарха, не имеющего в отличие от короля польского до 1447 г. прямой заинтересованности поддерживать папский престол, позволили епископу Матею из Трок проводить самостоятельную политику в отношении церковной унии.

Список использованных источников

1. *Голубинский, Е. Е.* История Русской Церкви. Том 2. Часть 2: Период второй. Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно / Е. Е. Голубинский – М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. университете. – 1911. – 624 с.
2. *Грушевський, М. С.* Історія України-Руси. Том V. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в Українсько-руських землях XIV–XVII в. / М. С. Грушевський – Київ: Наукова думка, 1991 – 704 с.
3. *Любы, А. У.* Улада і канфесіі на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ў перыяд падрыхтоўкі і заключэння Фларэнтыйскай уніі / А. У. Любы // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2008. – Вып. 6, ч. 1. – С. 193–202.
4. *Мейендорф, И.* Рим. Константинополь. Москва: Исторические и богословские исследования / И. Мейендорф – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 320 с.

5. *Флоря, Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря – М.: ЦНЦ Православная Энциклопедия, 2007. – 436 с.

6. *Флоря, Б. Н.* Привилей короля Владислава III Православной Церкви на территории Польского Королевства / Б. Н. Флоря // Роль церкви в истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, Москва, 15–16 июня 1993 г. / Институт славяноведения и балканистики РАН. – М., 1993 – С. 32–42.

7. *Graff, T.* Episkopat monarchii jagiellońskiej w dobie soborów powszechnych XV wieku / T. Graff – Kraków: Towarzystwa Naukowego ‘Societas Vistulana’, 2008 – 368 s.

8. *Halecki, O.* From Florence to Brest (1439–1596) / O. Halecki – Rome, 1958. – 444 s.

9. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskie T. 1., zeszyt 1 (1387–1468) / wydali ks. Jan Fijałek i Władysław Semkowicz. – Kraków: Komisja Historyczna Polskiej Akademii Umiejętności, 1932. – 290 s.

10. *Kuczyński, S. M.* Maciej z Trok / S. M. Kuczyński // Polski słownik biograficzny. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd-wo PAN, 1974 – T. 19. – S. 10–12.

11. *Lewicki, A.* Unia florencka w Polsce / A. Lewicki – Krakow: Nakładem Akademii Umiejętności, 1899. – 70 s.

(Дата подачи: 23.02.2024 г.)

Т. И. Рыжко

Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла, Белорусский государственный университет, Минск

T. Ryzhko

Saints Methodius and Cyril Institute of Theology, Belarusian State University, Minsk

УДК 271.22(470+571)(476)-662.3:613.81

БОРЬБА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА С ПЬЯНСТВОМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE STRUGGLE OF THE ORTHODOX CLERGY AGAINST DRUNKENNESS IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE MIDDLE OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

В статье рассматриваются виды деятельности, которые предпринимались православным духовенством для борьбы с пьянством на белорусских землях в середине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: православное духовенство; пьянство; общества трезвости.

The article examines some types of activities that were used by the Orthodox clergy to struggle of against drunkenness in the Belarusian lands at the end of the XIX – early XX century.

Keywords: orthodox clergy; drunkenness; society of sobriety.

Пьянство сопровождает человека на протяжении всей истории его существования. Отношение к данному явлению в разные эпохи было неоднозначным. В XIX в. на территории Российской империи были осуществлены несколько попыток борьбы с народным пьянством как со стороны государства, так и со стороны христианских церквей.

В Российской империи в XIX в. существовала система регулирования продажи и употребления алкоголя. Сначала это была система откупа, потом акцизная и в итоге к концу века установилась система государственной монополии. Система откупа была отменена в 1863 г. Причиной этому послужило мощное антиалкогольное движение (1859–1861 гг.), начавшееся в Ковенской губернии и перешедшее вскоре на территорию белорусских губерний [1, с. 55]. Следующая, акцизная система разрешала торговлю спиртом и водкой только при покупке патента у государства и тем самым обеспечивала контроль за продажей спиртных напитков. Акцизная система регулирования продажи алкогольных напитков принесла в государственную казну существенный доход, хотя количество употребляемой водки на душу населения в империи несколько снизилось [2, с. 85].

Несмотря на контроль государства, оставался большой нелегальный (тайные корчмы) рынок торговли алкоголем. Возможно поэтому официальная статистика показывала снижение уровня употребления крепких напитков [2, с. 85]. По результатам деятельности Ковенской, Виленской и Могилевской питейных комиссий было установлено, что количество беспатентных питейных заведений более чем в 2 раза превышает патентные (11 133 на 4503 соответственно). «...в каждой деревне, на всех перекрестках, на постоянных дворах, в лесных местностях, ... производится беспатентная продажа питей» [2, с. 86]. Это приводило к страшным злоупотреблениям: водка могла продаваться за вещи, продукты, в долг, по ночам. Кроме очевидного роста пьянства такое положение дел привело к замедлению роста доходов государства в данной отрасли [3]. Результатом стало введение системы государственной винной монополии.

Вводилась монополия на территории Российской империи поэтапно. В июле 1894 г. монополия была введена в нескольких восточных губерниях Российской империи [2, с. 470]. В северо-западных и Смоленской губернии монополия была введена только в июле 1897 г. [2, с. 188].

Одним из последствий введения государственной «винной» монополии стала организация попечительств о народной трезвости, в состав которых обязательно входили представители епархиального и местного духовенства. Целью данных организаций был контроль над осуществлением реформы, призыв населения к умеренному употреблению алкоголя и организация здорового свободного времени [3, с. 13–15].

Однако впервые на территории Российской империи попытка организовать общество трезвости и начать движение за трезвый образ жизни была осуществлена еще в 1836 г. в Лифляндской губернии со стороны протестантской церкви [4, с. 972]. Но не нашла поддержки у местного губерна-

тора и даже столкнулась с запретом вести агитацию против употребления крепкого алкоголя. Тогда движение трезвости перекинулось на литовско-белорусские губернии. В 1859 г. в нем участвовало около 475 тысяч человек на территории Виленской, Витебской, Минской и Гродненской губерний [1, с. 55]. В результате местные католические священники стали организовывать общества трезвости. По свидетельству Н. Д. Извекова в 50-е гг. XIX в. православным духовенством были также созданы общества трезвости в подражание или в противовес католикам [5, с. 484–485]. Печально, но официальные власти выступили против организации как католических, так и православных обществ трезвости. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) высказался о том, что сама идея трезвости хороша, но официальная организация нарушает принцип добровольности и свободы, а товарищества трезвости могут привести к нарушению в одной из основных отраслей государственного дохода [5, с. 487]. Таким образом, православное движение за трезвый образ жизни в середине XIX в. сошло на нет из-за отсутствия поддержки со стороны государства и официальной церковной власти. Католические общества трезвости прекратили свое существование после восстания 1863–1864 гг. по причине изданного генерал-губернатором М. Н. Муравьевым циркуляра, в котором они были названы нелегальными организациями, за участие в которых была предусмотрена уголовная ответственность [5, с. 488].

Следующий этап борьбы с пьянством начался в конце XIX в. Общество и Православная церковь столкнувшись с ростом народного пьянства и его последствиями, отреагировало выпуском антиалкогольной литературы, широким освещением в прессе, организацией обществ трезвости и другими мероприятиями.

Мерами борьбы церкви с народным пьянством были: 1) проповедь, 2) пример трезвости в среде духовенства, 3) распространение образования, 4) распространение бесед и чтений, 5) чайные и столовые, где за небольшую цену предлагаются хорошего качества чай и пища, 7) «зарок» (Православная церковь стала одной из родоначальниц современного психиатрического «кодирования» от пьянства), 8) общества трезвости.

Проповедь.

Особенно процветало пьянство в праздники, большинство из которых были церковными. Проповедь была инструментом, который мог уничтожить связь праздника с пьянством. В проповеди священнослужители говорили о смысле праздников и о способах их проведения, о необходимости молитвы и духовных упражнений в праздничные дни, а также о христианских праздниках как днях отдыха от работы. Проведение праздничных дней в состоянии алкогольного опьянения сводило на нет всю их «духовную» пользу. В проповеди священнослужители предлагали другие виды праздничного времяпровождения: прием лучшей пищи, умеренного питания, приятной, полезной, веселой беседы в кругу семьи, соседей и т. д. Главной целью проповеди было воспитание в народе привычки использовать такого

рода «утешения» в праздничные дни, вместо разгульных кабацких посиделок. Проповедью поддерживали дух людей, отказавшихся от спиртного в дни церковных праздников и постов.

Одним из самых острых вопросов, поднимаемых на проповеди, была борьба с пьянством во время крестин, свадеб и поминок. В проповеди священнослужители разъясняли то, что пьянство заглушает и оскверняет действительную радость этих событий. Особенно проповедь восставала против пьянства на похоронах и поминках, которые могли превратиться в разгульные посиделки: похоронная печаль несовместима с пьянством, лучше вообще не устраивать поминки, чем устраивать «пьянственные» поминки, потому что покойникам нет пользы от поминок, оскверняемых пьянством [6, с. 315–316]. В июне 1909 г. был издан определение Святейшего Синода, которое призывало «православное духовенство стать на борьбу с народным пьянством» и воздействовать на прихожан живой проповедью и беседами о вреде пьянства и о необходимости борьбы с ним [7, с. 242]. Позднее, в 1914 г., во время начавшейся I Мировой войны, было опубликовано Послание Святейшего Синода о борьбе с пороком пьянства [8], в котором все духовенство, от епископов до священников, призывалось участвовать в борьбе с пьянством.

Пример трезвости в среде духовенства.

Духовенство в середине XIX – начале XX в. являлось, как и сейчас является, частью того общества, которому проповедовало, и также было подвержено болезни пьянства. Так, на примере небольшого исследования исторических архивных документов очевидно, что часть священно- и церковнослужителей подвергались церковным взысканиям из-за злоупотребления алкоголем. «Из общего количества рассмотренных дел 19 (более 40 %) свидетельствуют о пьянстве и нерадении по службе. Например: «Дело об исключении дьячка Копаткевичской Покровской церкви Минского у. Ф. Конопасевича из духовного звания за пьянство и нерадение по службе» [9, с. 230]. Для возрастания авторитета и результативности в борьбе с пьянством представителям православного духовенства необходимо было бы стать примером трезвого сословия в российском обществе. В упоминавшемся определении Святейшего Синода от 1909 г. духовенству предлагалось быть примером трезвого образа жизни для своей паствы [7].

В августе 1912 г. в Москве состоялся II Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с пьянством, в котором представители духовенства белорусских епархий принимали активное участие. В резолюции, принятой на съезде и опубликованной на страницах некоторых Епархиальных ведомостей, перечислялись требования, выдвигаемые к православному духовенству:

1. Исключить случаи совершения богослужения в нетрезвом виде. Такие случаи были причиной соблазна для прихожан. Исходя из этого, обязанностью духовенства было добрым светом удерживать своих «слабых братьев» от такого соблазна.

2. Устранять пьяный разгул, который народ может видеть на собраниях духовенства, например, на храмовые праздники.

3. Воздерживаться от поступков, которые поощряют народное пьянство. Например, от участия приходского притча в попойках на крестинах, свадьбах, поминках у своих прихожан.

4. Отречение от водочных приношений или подарков, сопутствующих некоторым требам. От такого дохода легко отказаться ввиду высшего интереса, т. е. устранение соблазна.

5. Устранение таких пожертвований на церковь, которые исходят от кабаков. Долгом приходских священнослужителей было устранять такие пожертвования, которые исходят из источников, оскорбляющих святость храма. Также не допускать устройства питейных заведений на землях, принадлежащим церквям и монастырям.

Распространение образования.

Церковноприходские школы, полностью находившиеся в ведении Православной церкви, делились на одноклассные (срок обучения: 2 года) и двухклассные (срок обучения: 4 года). В них преподавался закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо. Преподавали в таких школах священно- и церковнослужители, а также приглашали учителей. Так, духовенство Могилевской епархии еще в 1890 г. отмечало, что «...главнейшая и единственно важная мера к возвышению среди простого народа нравственности и если не к окончательному, то, по крайней мере, значительному ослаблению излишнего употребления спиртных напитков – возможно большее открытие церковно-приходских школ и возможно – лучшая их постановка, при безмездной раздаче не только учащимся, но и вообще грамотным, книг религиозно-нравственного содержания» [10].

Действуя всеми средствами на взрослых, духовенство особенно старалось оказать влияние на молодое поколение. В школах законоучителя на уроках и после уроков объясняли детям о вреде употребления спиртных напитков. Приводили примеры из житий святых, а в начале XX в. выдержки из исследований ученых. Для большей убедительности и наглядности использовались картины, изображающие пораженные алкоголем внутренние органы человека.

Для распространения образования необходимо было также распространение бесед и чтений. Они были созданы с целью просвещения народа о вреде и последствии пьянства. Стали устраиваться пункты для народных чтений, бесплатно раздаваться специальные издания против пьянства – листки, брошюры и книги. Предлагались чтения по истории, гигиене, естествоведению. Главная функция чтений и бесед – это отвлечение народа от дурных дел [11].

Чайные и столовые, где за небольшую цену предлагаются хорошего качества чай и пища.

Из всех учреждений попечительств о народной трезвости одно из центральных по значимости мест занимали чайные. Со временем они должны

были стать для крестьян народными клубами, где люди могли выпить чашку чая, почитать книгу или газету.

Также намеревались поощрять пиво и мед, от которого меньше вреда, чем от водки [11]

«Зарок».

Православная церковь стала одной из родоначальниц современного психиатрического «кодирования» от пьянства, их механизмы в чем-то похожи. Зарок давался пьющим человеком в храме, перед святыней: иконой, Священным писанием, святыми мощами и т. д. И основывался на глубоких религиозных чувствах человека.

Эффективными способами в этом деле стали: эмоциональная проповедь, добровольное принятие зарок не употреблять спиртного на определенной срок. Взявшие «зарок» записывались в определенную книгу и им давался «билет» вместе с предупреждением о том, что многие нарушившие свое обещание перед иконой «слепли, калечились и страдали от различных болезней» [12, с. 148].

Общества трезвости.

В 80-е гг. XIX в. на приходах при активной поддержке священнослужителей стали вновь открываться общества трезвости [1, с. 83]. Так, в Могилевской епархии в 1889 г. были открыты две организации трезвенников: в приходе Вылевской церкви Гомельского уезда и при Березковской церкви Климовичского уезда. При открытии в первое общество записалось 67, а во второе – 70 человек. 7 января 1890 г. было открыто общество трезвости в селе Брашевичи Кобринского уезда Гродненской губернии. В этот день 30 человек дали обет трезвости не употреблять спиртных напитков в течение года [13]. В 1913 г. было опубликовано предложение епископа Могилевского и Мстиславского Константина об открытии во всех приходах обществ трезвости, деятельность которых должна была носить не канцелярский и формальный, а практически полезный характер. Обществам трезвости рекомендовалось устраивать праздники трезвости, паломничества, крестные ходы с привлечением жителей соседних сел, бесплатно раздавать и продавать соответствующую литературу. Для проведения вечерних чтений рекомендовалось выписывать в каждый приход на церковные или школьные деньги один из следующих журналов: «К свету», «Вестник трезвости», «Трезвая жизнь» [14].

Деятельность обществ трезвости имела большое значение в борьбе с пьянством. Это была среда, в которой алкоголики находили поддержку и сочувствие, также пастырскую, молитвенную помощь, а иногда и разрешение конкретных житейских проблем. Особенностью существования обществ трезвости на территории Беларуси было небольшое количество их и их участников по сравнению с другими регионами Российской империи [15, с. 109].

Таким образом, в деле борьбы православного духовенства с народным пьянством использовался ряд приемов и средств: проповедь как профессиональный инструмент духовенства; пример трезвости в среде самого

духовенства как авторитетной части социума; распространение образования как основания для трезвого образа жизни, бесед и чтений как трезвого времяпровождения; чайных и столовых как культурного способа времяпровождения; «зарока» – механизма, основанного на религиозных чувствах людей; участие в деятельности обществ трезвости и приходских попечительств трезвости. Период борьбы с пьянством и утверждения трезвого образа жизни в конце XIX – начале XX в. проходил при одобрении и под контролем государства и руководства Православной церкви. В результате было охвачено значимое количество людей, страдавших недугом пьянства, в общественном сознании укреплялась мысль о недопустимости пьянства и были показаны пути его преодоления. Вместе с тем во втором десятилетии XX в. Российская империя вступила в войну и столкнулась с необходимостью максимально увеличить приток денег в казну, что привело к сворачиванию массового движения за трезвость. Тем не менее результаты деятельности и опыт, полученный православным духовенством в борьбе с пьянством, остались и могут быть полезны современникам.

Список использованных источников

1. *Протьюко, Т. С.* В борьбе за трезвость / Т. С. Протьюко; под ред. М. О. Бича. – Минск: Наука и техника, 1988. – 162 с.
2. *Фридман, М. И.* Винная монополия: винная монополия в России / М. И. Фридман. – СПб., 1916. – Т. 2. – 627 с.
3. Казенная продажа вина / изд. Гл. Упр. Неоклад. Сборов и казен. продажи питей. – СПб., 1900. – 228, [252] с.
4. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (Санкт-Петербург, 28 декабря 1909 – 6 января 1910 г.). – СПб., 1910. – 1603 с.
5. *Извеков, Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. / Н. Д. Извеков. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 522 с.
6. Чем и насколько духовенство может помочь правительству и обществу в занимающем их теперь вопросе об уменьшении пьянства в народе // Минские епархиальные ведомости. – 1882. – № 12. – С. 315–323.
7. От Святейшего Правительствующаго Синода о борьбе с пьянством в народе // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1909. – № 24. – С. 242–245.
8. Послание Святейшего Синода // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1914. – № 31. – С. 366–369.
9. *Рыжко, Т. И.* Материалы НИАБ как источник сведений о приходском православном духовенстве второй половины XIX века / Т. И. Рыжко // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апр. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 229–232.
10. О мерах к искоренению пьянства в народе Могилевской епархии // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1890. – № 3. – С. 85–89.

11. Чем и насколько духовенство может помочь правительству и обществу в занимающемся их теперь вопросе об уменьшении пьянства в народе (окончание) // Минские епархиальные ведомости. – 1882. – № 13. – С. 349–355.

12. Григорьев, А. Д. Очерки истории социальной работы на Беларуси / А. Д. Григорьев. – Минск: БГПУ, 1998. – 291 с.

13. Попытки учреждения общества трезвости // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1890. – № 28. – С. 906–908.

14. Могилевские епархиальные ведомости. – 1913. – № 18. – С. 277–278.

15. Мянбчэня, С. В. Станаўленне таварыстваў цвярозасці на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стст. / С. В. Мянбчэня. – Пінск: ПолесГУ, 2018. – С. 105–110.

16. Восович, С. М. Роль православного духовенства в утверждении трезвого образа жизни в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века / С. М. Восович // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 9–11.

17. Ганчар, А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.): монография / А. И. Гончар. – Гродно: ПГАУ, 2008. – 276 с.

(Дата подачы: 28.02.2024 г.)

А. Ф. Самусік

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. Samusik

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)“15/16”

АДАСАБЛЕННЕ КАНФЕСІЙНЫХ СІСТЭМ АДУКАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ 1580-Х – ПАЧАТКУ 1600-Х ГАДОЎ

SEPARATION OF CONFESSIONAL EDUCATION SYSTEMS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE LATE 1580S – EARLY 1600S

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі праблеме адасаблення канфесійных сістэм адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1580-х – пачатку 1600-х гг. Прааналізавана стаўленне Жыгімонта III Вазы да асветніцкіх ініцыятыў пратэстантаў, прываслаўных і ўніятаў. Вызначаны прычыны часовага прыпынення адукацыйнай актыўнасці езуіцкага ордэна. Адзначана, што ў дадзены перыяд школьныя сеткі асобных канфесій пачалі набываць сістэмны характар – у іх з’явіліся кіруючыя органы, адзінае вучэбна-метадычнае забеспячэнне, афіцыйныя дазволы на дзейнасць з боку дзяржаўных улад.

Ключавыя словы: адукацыя; Жыгімонт III Ваза; езуіты; пратэстанцкія вучылішчы; прываслаўныя брацкія школы ў Брэсце, Мінску і Магілёве; уніяцкія семінары ў Брэсце і Вільні.

The scientific article is devoted to the undeveloped in historiography problem of separation of confessional education systems on the territory of Belarus in the late 1580s – early 1600s. The attitude of Zhigimont III Vasa to the educational initiatives of Protestants, Orthodox and Unionists is analyzed. The reasons for the temporary suspension of the educational activity of the Jesuit order have been determined. It is noted that in this period, school networks of individual denominations began to acquire a systemic character – they had governing bodies, unified educational and methodological support, and official permits for their activities from the state authorities.

Keywords: education; Zhigimont III Vasa; Jesuits; Protestant schools; Orthodox brotherhood schools in Brest, Minsk and Mogilev; union seminaries in Brest and Vilno.

Правал у часы праўлення Стэфана Баторыя (1576–1586) ідэі аб арганізацыі агульнадзяржаўнай сістэмы адукацыі шмат у чым быў выкліканы імкненнем розных хрысціянскіх канфесій да арганізацыі ўласных школ. Прычым найперш яны адрозніваліся адна ад адной зместам духоўнага выхавання. У рэшце рэшт, зразумеў немагчымасць пераадолення рэлігійных супярэчнасцяў у краіне і сам кароль. Фактычна ён зняў перашкоды на асветніцкую дзейнасць пратэстантаў, а праваслаўным увогуле дазволіў паўсюдна адкрываць свае навучальныя ўстановы [1, с. 181–182]. Гэтым Стэфан Баторый стварыў спрыяльныя ўмовы для афармлення асобных канфесійных сістэм адукацыі, што і стала адметнай рысай эвалюцыі айчынай школьнай справы ў наступныя дзесяцігоддзі.

На жаль, менавіта дадзены перыяд (канец 1580-х – пачатак 1600-х гг.) не знайшоў належнага асвятлення ў айчынай гістарыяграфіі з пункту гледжання комплекснага аналізу поліканфесійнай спецыфікі развіцця адукацыі на тэрыторыі Беларусі. Азначанаму часу прысвечаны толькі даследаванні, дзе вывучалася станаўленне праваслаўных брацкіх школ [2, с. 70–74], а таксама спробы ўнятаў перахапіць у іх асветніцкую ініцыятыву [3, с. 87–90]. У выніку па-за межамі навуковага інтарэсу засталіся пытанні, звязаныя з вызначэннем прычын часовага прыпынення актыўнасці езуітаў і наданнем пратэстанцкай адукацыі арганізацыйнага характару.

Пры гэтым неабходна ўлічваць, што пасля смерці Стэфана Баторыя пачаўся перыяд бескаралеўя, які разам з першымі гадамі праўлення Жыгімонта III Вазы (1587–1588) адметны значным палітычным крызісам. Каталіцкая групойка магнатаў і шляхты на чале з кн. М. Кр. Радзівілам Сіроткай выступала за абранне аўстрыйскага эрцгерцага Максіміліяна Габсбурга, але той прайграў і ў 1589 г. адмовіўся ад прэтэнзій на трон Рэчы Паспалітай. Гэта спрыяла ўзмацненню ў ВКЛ пратэстантаў, якіх пасля смерці ў 1584 г. кн. М. Радзівіла Рудага ўзначаліў яго сын – гетман польны ВКЛ кн. Кр. Радзівіл Пярун. Ён шмат увагі надаваў развіццю адукацыі і акрамя падтрымкі існуючых навучальных устаноў (Віленскай кальвінскай школы) у 1591 г. узвёў збор, школу і шпіталь у Беліцы Лідскага павета [4, арк. 32].

Яго прыкладу прытрымліваліся і іншыя заможныя пратэстанты. Віленскі кашталян Я. Кішка ў 1589 г. заклаў кальвінскі збор, школу, друкарню

і шпіталь у Любчы Навагрудскага павета [4, с. 34]. Збор са школай у Заслаўі былі створаны на сродкі кашталяна мінскага і ваяводы троцкага Я. Я. Глябовіча, у тастаменце якога ад 28 ліпеня 1590 г. адзначалася: «Міністар добрага бакалаўра мусіць наняць дзеля добрага і праўдзівага дзетак навучанія» [5, с. 60]. У Варнянах Ашмянскага павета ваявода смаленскі Я. Абрамовіч у канцы XVI ст. утрымліваў вучылішча, дзе бясплатна вучылася 12 збяднелых юнакоў [6, с. 304].

У цэлым у 1590-я гг. на абшарах ВКЛ існавала 189 збораў і амаль пры кожным з іх працавала школа. Кіраваў імі рэгулярна збіраемы Сінод, па ініцыятыве якога ўсе яны былі падзелены на 6 дыстрыктаў: Віленскі (Вільня, Трокі, Ашмяны, Варняны, Беліца, Браслаў, Ліда і інш.), Панёманскі (Навагрудскі; Навагрудак, Ваўкавыск, Любча, Мазыр, Рэчыца, Слуцк і інш.), Завілейскі (Вількамір, Упіта, Коўна і інш.), Падляшскі (Заблудаў, Брэст, Гродна, Пінск, Слонім і інш.), Жмудскі (Кейданы і інш.) і Беларускі (Мінск, Віцебск, Заслаўе, Койданава, Мсціслаў, Орша, Полацк і інш.). На чале дыстрыктаў стаялі сеньёры і іх намеснікі кансеньёры, якія абіраліся з апекуноў асобных школ, былых рэктараў і настаўнікаў [7, с. 148–151].

Лютэранскага веравызнання ў ВКЛ, пераважна, прытрымліваліся пражываючыя тут немцы. У пачатку XVII ст. у Вільні яны ўтварылі ўласную асветніцкую пляцоўку. Прычым улады афіцыйна дазволілі ўтрымліваць тут «містраў школьных», а будынак вучылішча вызваліўся ад вайсковых пастояў. Лепшыя мясцовыя выхаванцы адпраўляліся на вучобу ў Кенігсбергскі ўніверсітэт, дзе на іх утрыманне штогод выдзялялася некалькі стыпендый [8, с. 21, 46, 59].

Езуіты, у сваю чаргу, здолелі вярнуць сабе прыхільнасць Жыгімонта III Вазы – ён нават даў згоду на прысутнасць пры двары асобнай місіі ордэна з 10 манахаў і суперыёра. Духоўнікам і адным з бліжэйшых дарадцаў караля ў 1588–1612 гг. быў П. Скарга, якога той цаніў за шчырасць веры, красамоўства і разважлівасць [9, с. 46, 48]. Пры гэтым, аднак, пасля заснавання Нясвіжскага калегіума ў 1584–1585 гг. новых асветніцкіх пляцовак у Рэчы Паспалітай езуіты не стваралі ажно 20 год. Чарговыя ордэнскія навучальныя ўстановы ўзніклі на каронных землях у Торуні (1605), Луцку (1608) і Львове (1608). Яшчэ даўжэй ніяк не праяўлялася іх адукацыйная ініцыятыва на тэрыторыі ВКЛ, дзе толькі ў 1616 г. быў адкрыты калегіум у Кражах на Жмудзі [10, с. 563–565, 591–592, 675–693, 931–935, 1002–1004].

Можна меркаваць, што прычын падобнага развіцця падзей некалькі. Папершае, стварэння да сярэдзіны 1580-х гг. калегіумы ўзнікалі па ініцыятыве біскупаў і заможных магнатаў-католікаў, якія апасаліся перамогі ў краіне Рэфармацыі. Надалей гэтая пагроза знікла і яны больш не спяшаліся з уласнымі ахвяраваннямі. Па-другое, згаданая «паўза» была выклікана вострым дэфіцытам выкладчыкаў, якіх нехапала нават на закрышчэ ўжо існуючых вакансій. Так, у Нясвіжы курсы паэтыкі і рыторыкі з’явіліся толькі ў другой палове 1590-х гг. [11, с. 72]. У Полацку клас сінтаксісу быў

адкрыты ў 1593/1594 навучальным годзе, паэтыкі – у 1595/1596 навучальным годзе, а рыторыкі – у 1605/1606 навучальным годзе [12, с. 55].

Заняліся ордэнскія ўлады і ўдасканаленнем адміністрацыйнага дзялення Польскай правінцыі, у складзе якой у 1597 г. была сфарміравана асобная Літоўская віцэправінцыя. Гэта было першым крокам па надані ёй статусу правінцыі, які яна атрымала ў 1608 г. У той час ордэн яшчэ не страціў надзеі ўзяць пад уласны кантроль Кракаўскую акадэмію, а таму імкнуўся стварыць у Рэчы Паспалітай дзве прыблізна раўнаваартасныя па навукова-педагагічным патэнцыяле адміністратыўныя адзінкі. Вынікам падобнай палітыкі стала далучэнне да Літоўскай правінцыі Варміі, Мазовіі, Падляшша, Інфлянтаў і Курляндыі – акрамя Вільні, Полацка і Нясвіжа ў яе складзе апынуліся калегіумы ў Брунсбергу, Варшаве, Пултуску, Плоцку, Драгічыне, Ломжы, Рызе і Дзерпце [13, с. 40–41].

Трэба таксама адзначыць, што менавіта ў азначаны час завяршылася справа кадыфікацыі нарматыўнай базы, якая рэгулявала функцыянаванне езуіцкіх навучальных устаноў. 8 студзеня 1594 г. V Генеральная кангрэгацыя ордэна зацвердзіла «Змест і асноўныя прынцыпы навучання», апублікаваны першы раз у 1599 г. Згодна яму стваралася дакладная сістэма кіраўніцтва школьнай справай, былі выпрацаваны адзіныя падыходы для правядзення заняткаў і ўжывання вучэбнай літаратуры, вызначаліся абавязкі настаўнікаў ды іх вучняў [14, с. 59–67].

Скарысталіся ўразлівасцю пазіцыі Жыгімонта III Вазы і праваслаўныя. Для атрымання падтрымкі магнатаў, належачых да гэтай канфесіі, кароль сярод іншага задавальняў хадайніцтва айчынных брацтваў наконт адкрыцця імі ўласных школ. Так, 21 ліпеня 1589 г. ён зацвердзіў статут Віленскага праваслаўнага брацтва, у якім асобна адзначалася: «В школе теж братской детей братии уписное и убогих сирот езика и писма руского, греческого, латынского и польского накладом братским дармо учить повинны... Также и людей вписме учоных особ духовных и светских для науки школьное... ховати мают...» [15, с. 10].

У наступныя гады манарху востра патрабаваліся саюзнікі на соймах, а таму ён задаволіў цэлы шэраг падобных хадайніцтваў, пададзеных яму сенатарамі і дэпутатамі праваслаўнага веравызнання (К.(В.) К. Астрожскі, Ф. Скумін-Тышкевіч і інш.). Так, 28 студзеня 1591 г. ён пацвердзіў дазвол епіскапа ўладзімірскага і брэсцкага М. Храптовіча (дадзены 6 ліпеня 1590 г.) на адкрыццё брацкай школы ў Брэсце – вызваліў яе «от всяких платов наших господарских и местских... так теж от стоянья всякого стану людей...» і асобна падкрэсліў: «Мы господарь видечи в том чоломбитье их слушное, и тот порядок их в збудованью школы и старанью о науку и цвиченье детем малым народу хрестиянского не только к доброму и пожиточному того места Берестейского, але и всей речи посполитой учинений...» [16, с. 38–39]. 11 верасня 1592 г. паводле каралеўскага прывілея мінчане атрымалі права «для науки деток малых школу мети и бакаляра в ней ховати, и там детей писма Греческого и Русского учить давати» [16, с. 54]. 21 сакавіка 1597 г.

Жыгімонт III Вазы ўхваліў статут Магілёўскага брацтва пры Спаскім манастыры – між іншага яму дазвалялася трымаць школу «к оздобе і помножэнню хвалы Божое і порядков слушных захованья», у якой «детей братья уписной и убогих сирот языка и письма Словенского, Русского, Греческого, Латинского и Польского накладом братским дармо учить повинны... также и людей в письме ученых, особ духовных и светских... до проповеди слова Божого до науки детей и до спеванья... ховати маем» [16, с. 172].

Неабходна адзначыць, што брацкія школы таксама паступова набывалі выгляд адзінай структуры. Пастановамі царкоўных Сабораў у Брэсце ад 22 чэрвеня 1590 г. і 27 кастрычніка 1591 г. брацкія школы ў Львове і Вільне прызначаліся саборнымі з манопольным правам на адукацыйную дзейнасць ва ўласных гарадах і кантролем над іншымі аналагічнымі навучальнымі ўстановамі. Пры гэтым апошнія павінны былі кіравацца іх школьнымі статутамі: «везде одинакие Братства будут» [17, с. 19–21]. Разам з тым віленскі «Чин» 1584 г. больш увагі ўдзяляў арганізацыі саміх брацтваў, а таму ў сферы праваслаўнай адукацыі пашыраўся львоўскі «Школьны парадак» 1586 г., які больш падрабязна распісваў пабудову вучэбна-выхаваўчага працэсу. Вядома, што менавіта ён быў пераняты ў Брэсце – у каралеўскім прывілеі ад 28 студзеня 1591 г. мелася наступнае ўдакладненне: «Позволили есьмо им... братство духовное, прикладом места нашего Львовского мети...» [16, с. 38–39]. У красавіку 1597 г. копіі нарматыўных дакументаў са Львова былі дасланы і ў Магілёў, дзе мясцовыя мяшчане «взявши, ведлуг в них описаних порядков, свое братство Могилевское справовали...» [18, с. 57–58].

Разам з тым у далейшым кароль спыніў падтрымку айчынных брацкіх школ, бо ўніяцкая царква распачала стварэнне ўласнай адукацыйнай справы. Прычым яе іерархі лічылі цалкам законным рабіць гэта праз перахоп кантролю над ужо існуючымі праваслаўнымі навучальнымі ўстановамі. Улады аказвалі ім у гэтым падтрымку. 26 чэрвеня 1597 г. Жыгімонт III Ваза выдаў прывілей аб перадачы епіскапу ўладзімірскаму і брэсцкаму І. Пацею вучылішчных будынкаў у Брэсце: «Абы в школе Руской... лепший порядок и наука быти могла» [16, с. 175–176]. Выкладаць у ёй даў згоду ўраджэнец в. Корфу і выхаванец Рымскай Грэчаскай калегіі П. Аркудый, якому каралеўскім рашэннем ад 23 жніўня 1599 г. перадавалася в. Таракань пад Драгічынам: «на содержание во время отправления учительской должности в Брестской школе». Гэтая вёска давалася яму: «До живота своего, не будучи повинен нам и никому иному жадной повинности с того села полнити, опроч, кгда коллегиум альбо семинариум для науки людей молодых религии Греческой там заложено будет... повинен будет научати их, ведучи до добрых обычаев и веры старожитной Греческой, под послушеством костела повшехного Римского» [16, с. 195–196].

Аднак справа да адкрыцця ўніяцкага вучылішча ў Брэсце так і не дайшла. І. Пацей у 1599 г. стаў кіеўскім мітрапалітам, што прымусіла яго

клапаціцца аб дабрабыце ўсёй царквы. У выніку ён вырашыў сканцэнтравана на стварэнні буйнага асветнага асяродка ў Вільні, бо такім чынам спадзяваўся пры дапамозе мясцовых езуітаў знішчыць сталічную праваслаўную брацкую школу. Доказам такой змены прыярытэтаў стала грамата Жыгімонта III Ваза ад 20 снежня 1613 г., у якой адзначалася, што І. Пацей «упросил был у нас село Тороканы, в повете Пинском лежащее, на школу Берестейскую, которое-то школы не заложивши с сего света зшол». Па гэтай прычыне загадвалася: «тым селом подперти» Віленскі Троіцкі манастыр, бо «в оном значне прибывает людей законных, в побожности и в науках вызволенных поступающих...» [19, с. 10–11].

Уніяцкая семінарыя ў Вільні распачала працу ў 1601 г. Яе рэктарам («старшым») быў прызначаны «прыдворны духоўнік» мітрапаліта П. Федаровіч-Сурамятнікаў [20, арк. 4]. Аднак у 1602 г. ён раптоўна памёр і на першы план выйшаў І. В. Руцкі – ураджэнец м. Рута пад Навагрудкам, выхаванец Віленскай кальвінскай гімназіі, Пражскай акадэміі, універсітэта ў Вюрцбург і Грэчаскай калегіі ў Рыме. Менавіта ён здолеў пераўтварыць гэтую навучальную ўстанову ў буйны асветны цэнтр. Па словах яго біёграфа Ф. Турука, «то силой благотиваго слова, то примером своих добродетелей, собирает около себя значительный отряд знатных юношей (вучылася тут каля 100 юнакоў, сярод якіх быў і І. Кунцэвіч. – А. С.)» [21, с. 22, 25–26].

Пры гэтым трэба адзначыць, што дзейнасць Віленскай уніяцкай семінарыі не перашкодзіла сталічным праваслаўным братчыкам працягваць уласную адукацыйную дзейнасць. Па суседству з адабраным у іх дэкрэтам Жыгімонта III Вазы ад 22 мая 1596 г. Троіцкім манастыры яны ўзвялі Свята-Духаўскую абіцель, якая стала новым месцам знаходжання брацкай школы. Прычым знішчыць яе не рашыўся нават канцлер ВКЛ кн. Л. Сапега, бо апасаўся значных хваляванняў сярод гараджан [22, с. 304–306].

Калі ж улічыць, што непадалёк ад уніяцкай і праваслаўнай навучальных устаноў дзейнічалі таксама езуіцкая акадэмія з калегіўмам, кальвінская гімназія і лютэранскае вучылішча, то можна цалкам правамоцна ўспрымаць сталіцу ВКЛ у пачатку XVII ст. яскравым увасабленнем поліканфесійнага характару ўсёй тагачаснай айчынай адукацыйнай справы.

У цэлым не выклікае сумненняў тое, што адукацыйная дзейнасць розных хрысціянскіх канфесій у азначаны перыяд істотна актывізавалася. Езуіты на дадзены момант яшчэ не прэтэндавалі на дамінуючае месца ў айчынай школьнай справе, але іх рэлігійныя супернікі адчувалі нарастаючую пагрозу і імкнуліся максімальна засцерагчы адзінаверцаў ад уплыву ордэна. Зрабіць гэта было магчыма толькі прадаставіўшы маладому пакаленню альтэрнатыўнае езуіцкаму выхаванне ва ўласных навучальных установах. Улады прытрымліваліся на той момант тактыкі «рэлігійнага міру» і не перашкаджалі падобным асветніцкім ініцыятывам. У выніку менавіта ў канцы 1580-х – пачатку 1600-х гг. канфесійныя школьныя сеткі на тэрыторыі Беларусі пачалі набываць сістэмны характар, які вызначыў далейшы шматвектарны напрамак развіцця айчынай адукацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Самусік, А. Ф.* Адукацыйная справа на тэрыторыі Беларусі ў часы праўлення караля Стэфана Баторыя (1576–1586 гг.) / А. Ф. Самусік // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 4 ч. / под ред. В. А. Гайсёнка [и др.]. – Минск: РИВШ, 2022. – Вып. 22, ч. 2. – С. 176–184.
2. *Березкина, Н. Ю.* Просветительская деятельность православных братств в XVI–XVII вв. / Н. Ю. Березкина // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. – 2018. – Вып. 21. – С. 69–78.
3. *Марозава, С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С. В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.
4. Літоўская нацыянальная бібліятэка імя М. Мажвідаса. Адрэзаны рэдкіх кніг і рукапісаў (ЛНБММ АРКІР). – Ф. 93. Спр. 5.
5. Тастамент Яна Глябовіча, ваяводы троцкага / перакл. А. Унучака // Спадчына. – 2003. – № 1. – С. 58–66.
6. *Соколов, И. И.* Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках / И. И. Соколов. – М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. – 450 с.
7. *Bem, K.* Ustroje kościołów ewangelicko reformowanych w Rzeczypospolitej Obojga Narodów na przełomie XVI i XVII wieku / K. Bem // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – 2013. – Т. 57. – S. 123–153.
8. *Adamowicz, A. F.* Kościół Augsburgski w Wilnie: kronika zebrana na obchód trzechwiekowego istnienia Kościoła w roku 1855 w dzień Ś. Jana Chrzcziciela / A. F. Adamowicz. – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1855. – 70 s.
9. *Mariani, A.* Aktywność jezuickich kapelanów nadwornych prowincji litewskiej. Między ustawodawstwem zakonnym a praktyką / A. Mariani // Rocznik Lituanistyczny. – 2015. – Vol. 1. – S. 37–82.
10. *Zaleski, S.* Jezuiści w Polsce: w 5 t. / S. Zaleski. – Lwow; Krakow: Druk. W. Anczyca i Spolki, 1900–1906. – Т. 4: Dzieje 153 kolegiów i domów Jezuitów w Polsce. – Cz. 2: Kolegia i domy założone w pierwszej dobie rządów Zygmunta III 1588–1608. – 1905. – S. 483–1019 s.
11. *Харлампович, К.* Западнорусския православныя школы XVI и начала XVII века / К. Харлампович. – Казань: Типо-литография Имп. Университета, 1898. – 586 с.
12. *Блинова, Т. Б.* Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.
13. *Natoński, B.* Szkolnictwo jezuickie w Polsce w dobie Kontreformacji / B. Natoński // Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce: Wybór artykułów / oprac. J. Paszenda. – Kraków: Wyd-wo WAM-Księża Jezuiści, 1994. – S. 34–62.
14. *Górecki, A.* O jezuickiej ratio studiorum / A. Górecki // Christianitas. – 2014. – № 58. – S. 58–69.
15. Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам = Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast: Wilna, Kowna, Trok, prawosławnych monasterów, cerkwi i w różnych sprawach: в 2 ч. – Вильно: Тип. А. Марциновского, 1843. – Ч. 2. – 208 с.
16. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632 гг. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. – VIII, 529 с.

17. *Mironowicz, A.* Bractwa cerkiewne Rzeczypospolitej / *A. Mironowicz.* – Białystok: Bractwo Prawosławne Sw.Sw. Cyryla i Metodego, 2003. – 214 s.

18. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильно, 1867–1904. – Т. 2. – Вильно: Печатня Губернского правления, 1867. – XV, 258 с.

19. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 5: 1633–1699 гг. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. – VII, 288 с.

20. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 249.

21. *Турук, Ф.* Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613–1637) и его значение в истории униатской западной русской церкви / *Ф. Турук.* – Петроград: Сенатская типография, 1916. – 41 с.

22. *Жукович, П.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / *П. Жукович.* – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1901. – 594 с.

(Дата падачы: 16.02.2024 г.)

О. И. Сенькевич

Белорусский государственный университет физической культуры, Минск

A. Siankevich

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 94:323.1(476):706.034.2"192/193"

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1920–1930 ГГ.

STATE POLICY IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN 1920–1930

Статья посвящена изучению процесса становления государственной системы управления физической культурой и спортом в период модернизации общества 1920–1930 гг. Выделены основные направления государственной политики в указанной сфере. Проанализированы конкретные мероприятия, осуществленные Высшим советом физической культуры БССР. Отмечено стремление создать концепцию «пролетарской физической культуры» и противопоставить ее «буржуазному спорту».

Ключевые слова: Высший совет физической культуры; коллектив физической культуры; милитаризация физического воспитания; добровольное спортивное общество.

The article is devoted to the study of the process of formation of the state system of management of physical culture and sports during the period of modernization of society in 1920–1930. The main directions of state policy in this area are highlighted. Specific activities carried out by the Supreme Council of Physical Culture of the BSSR are analyzed. The desire

to create the concept of "proletarian physical culture" and contrast it with "bourgeois sports" is noted.

Keywords: Supreme Council of Physical Culture; physical culture team; militarization of physical education; voluntary sports society.

В 20–30-е гг. XX в. – период становления советской власти. В это время разные направления культуры воспринимаются государством как средство формирования и перевоспитания личности, необходимой для построения нового социалистического общества. Создавалась вертикаль соответствующих учреждений для руководства и контроля над процессом решения поставленных государством задач. В первую очередь физическое воспитание должно было способствовать подготовке военного резерва. Также в условиях ускорившихся урбанизации и роста промышленного производства занятия физической культурой содействовали укреплению здоровья и повышению работоспособности советских граждан. Также физическую культуру рассматривали как средство идеологического воспитания: развития чувства коллективизма и привычки полезных форм досуга. Для решения этих важных для государства задач требовалось массовое участие граждан в физкультурных организациях.

Созданный в апреле 1918 г. Всевобуч (Главное управление всеобщего военного обучения) организовывал военно-спортивные клубы, которые функционировали не только как призывные пункты, но и как учреждения, обучавшие военно-прикладным навыкам, а также пропагандировали различные виды спорта. Участники таких клубов выступали с публичными лекциями, проводили показательные парады и выступления допризывников, а также спортивные соревнования (1-я губернская олимпиада в Витебске, соревнования по легкой атлетике в Минске, первый розыгрыш первенства БССР по футболу в 1922 г. среди клубов Всевобуча). В 1919 г. клубы при Всевобуче действовали в Гомеле, Могилеве и Витебске, а в 1920 г. в Бобруйске, Борисове, Орше, Минске, Полоцке, Невеле. Однако большинство таких клубов действовали в период гражданской и советско-польской войны. Так как государство ставило задачу развития массовой физической культуры среди работников промышленности и села, возникла необходимость создания гражданского органа управления и контроля – Высшего совета физической культуры (9 ноября 1920 г.). Высшему совету были подчинены Окружные советы ФК, а они в свою очередь управляли городскими и уездными советами. В городах предполагалось создать «Образцовые классы физической культуры», а в уездах – «простые классы» для жителей села [1, с. 18]. Под «классами» подразумевались кружки, которые добровольно будут посещать местное население. Такие планы столкнулись с рядом сложностей. Не хватало спортивной инфраструктуры и инвентаря, а также квалифицированных специалистов, способных организовать подобные классы. Первые инструкторы столкнулись с непониманием целесообразности таких занятий среди населения.

Некоторые спортивные общества, возникшие до Первой мировой войны, пробовали восстановить свою деятельность в начале 20-х гг. (еврейское спортивное общество «Макаби», Гимнастическое общество «Польский сокол»). Однако эти общества были обвинены в «буржуазном, националистическом подходе», а их работу сочли недопустимой для советского государства [1, с. 23–24]. Финансировать общества за счет членских взносов и меценатских пожертвований было невозможно. Связи с зарубежными спортивными организациями и желание участвовать в международном буржуазном спортивном движении также не приветствовались. С 1924 г. спортивные организации, не прошедшие государственную регистрацию, вовсе утратили право проводить свою деятельность. Однако их инфраструктура и многие алгоритмы оздоровительной и краеведческой работы, продолжали использоваться новыми советскими организациями.

27 июня 1923 г. был образован Высший Совет физической культуры БССР (ВСФК БССР). В отличие от других советских республик, совет был создан не при ЦИК, а при СНК. Первоначально в него входило 3 человека. Он был ограничен в своих полномочиях и реализовывал решения, принимаемые в Москве. После укрупнения территории БССР состав ВСФК увеличился до 6 человек, и в 1925 г. для полноты понимания предстоящей работы Совет организовал инспекцию окружных советов ФК, в ходе которой выяснилось, что во многих городах и селах физкультурно-спортивная работа на самом деле не началась. Ряд местных советов ФК, в состав которых входили КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, наркомздрава, женсоветов и т. д., интереса к спорту по факту не проявляли и организационной работой не занимались [2, с. 10].

Несмотря на небольшой штат сотрудников, ВСФК БССР разворачивает активную деятельность по организации физического воспитания в школах и агитации физической культуры. «Бюллетень высшего совета физической культуры», начавший выходить в 1925 г., содержал не только отчетные данные о работе совета и сведения о спортивных мероприятиях, но и значительное количество методических рекомендаций для организаторов кружков физической культуры. В газете «Чырвоная змена» по воскресеньям публиковалась страничка, посвященная физкультурному движению. С начала 1926 г. она переросла в самостоятельный журнал «Физкультурник» [3, с. 1].

К началу 1925/1926 учебного года ВСФК издает «Памятку учителям по проведению физической культуры в деревенских школах», которая представляла собой учебную программу и методические рекомендации [4, с. 4].

В период белорусизации проводилась работа по переводу спортивной терминологии на все государственные языки, а также переподготовка специалистов для работы с разными национальными группами. Однако от этой деятельности решили отказаться. При работе на национальных языках, в некоторых кружках появилась практика разделения занимающихся по национальным группам [1, с. 34]. Однако еще пару лет назад государство инициировало ликвидацию довоенных спортивных обществ, обвинив их в национализме.

По инициативе ВСФК БССР с июня 1925 г. начали регулярно проводиться недели физкультурника, а также конкурсы на лучший спортивный кружок.

Для того чтобы деятельность кружков физкультурников не носила формальный характер, необходимо было значительное количество специалистов, способных работать с контингентом разных возрастов и уровней физической подготовки. В 1927/1928 учебном году в Минске был проведен набор слушателей на республиканские («Центральные», «Всебелорусские») курсы по физической культуре и спорту на 288 учебных часов. После согласования со всеми заинтересованными сторонами 2 сентября 1929 г. было принято решение «О комплектовании физкультурного техникума в г. Минске», Несмотря на наличие специалистов в самой республике, а также активное развитие науки и системы образования в период проведения политики «белоруссизации», учебные программы, планы и методические материалы для техникума были направлены из Москвы, Ленинграда, а также Сталинградского техникума физкультуры.

На первый план государство ставило задачу массового участия советских граждан в физкультурных организациях. 23 сентября 1929 г. ЦК ВКП(б) принял «Постановление о физкультурном движении», в котором речь шла о дальнейшей централизации управления физической культурой и спортом, а также усилении физкультурной работы на селе и расширении массовости. По сути, на официальном уровне был признан тот факт, что при всей проведенной агитации заниматься в кружки физической культуры приходили в основном молодые люди до 20 лет и преимущественно в городах. Такое развитие физкультурного движения не решало поставленные государством задачи. Было принято решение полностью изменить подход к организации физкультурной работы с населением: больше не ожидать массового прихода в спортивные кружки, а наоборот организовать такие кружки там, где население уже организовано, т. е. на рабочих местах.

10–15 ноября 1930 г. прошла Всебелорусская конференция профсоюзов по физкультуре, которая и приняла решение «о переходе от клубно-территориального принципа образования спортивных обществ к производственному». Коллективы физической культуры создавались в любых учреждениях, на каждом промышленном предприятии или колхозе. Рост количества коллективов и их участников прописывался в пятилетних планах развития народного хозяйства.

Для тех, кто интересовался спортом и имел хорошую физическую форму, общеразвивающих занятий в коллективах физкультурников явно не хватало. В августе 1923 г. было создано добровольно спортивное общество «Динамо», объединившее военнотружущих, сотрудников органов внутренних дел, госбезопасности и членов их семей. В 1924 г. возникло белорусское отделение Всесоюзного спортивного общества «Динамо». В 1935 г. создается добровольное спортивное общество (ДСО) «Спартак» с одним из филиалов в Минске. В 1937 г. было организовано 14 ДСО профсоюзов

по отраслевому принципу («Темп», «Мукомол», «Красное знамя» и др.). Большинство из них прекратят деятельность в годы Великой Отечественной войны. Часть инструкторов войдет в 1943 г. в новое ДСО «Трудовые резервы».

Для поддержания массового интереса к спортивным мероприятиям с 1929 г. стали ежегодно проводиться Всебелорусские физкультурные праздники (летние и зимние), Всебелорусские спартакиады (I Всебелорусская спартакиада, I Всебелорусская пионерская спартакиада, I Всебелорусская сельская спартакиада).

Массовые спортивные, танцевально-гимнастические праздники стали неотъемлемой частью чествования важных для советского государства исторических дат. Сюжетная линия выступления выстраивалась в соответствии со значением отмечаемой даты и содержанием исторического события. К примеру Всесоюзный парад физкультурников в Москве в 1937 г. был приурочен к 20-й годовщине октябрьской революции. Выступление учащихся минского техникума физической культуры на этом параде было посвящено гражданской войне и называлось «Граница на замке» [5, с. 94]. Успешное публичное выступление на крупном всесоюзном мероприятии стало одной из причин решения реорганизовать Минский техникум физической культуры в институт.

В марте 1931 г. был утвержден комплекс нормативов «Готов к труду и обороне» ГТО 1-й степени (15 видов упражнений и знание основ советского физкультурного и военного дела, а также участие в ударничестве). Работа по подготовке к сдаче норм ГТО стала для государства основной формой организации массовой физической культуры, а также формой воспитательной работы с молодежью. В начале 30-х гг. XX в. БССР была лидером среди других республик СССР (на то время их было 6) по количеству участников в сдаче норм ГТО. В 1932 г. ВСФК ввел II ступень ГТО с более высокими нормативами и 24 видами упражнений. В 1934 г. была введена ступень «Будь готов к труду и обороне СССР» (БГТО) с двумя возрастными группами: 13–14 и 15–16 лет. Перед Великой Отечественной войной комплекс ГТО был дополнен военно-прикладными видами деятельности, такими как оказание первой медицинской помощи, вязание плотов и организация переправы, ориентирование на местности, умение собрать винтовку, а также плавать с вытянутой рукой, держа гранату над водой. Появление комплекса ГТО, а также развитие движения на приобретение второй военной профессии, определили цели массовой физкультурной работы. ВСФК БССР в своих отчетах указывал на десятки тысяч молодых людей, подготовленных к сдаче нормативов ГТО. Рост их количества стал основным критерием успешности работы как коллективов физической культуры, так и самого ВСФК.

В это же время для участников ДСО, показывавших значительные спортивные результаты, в 1935–1937 гг. были введены нормы Единой Всесоюзной спортивной классификации, согласно которой присваивались спор-

тивные разряды. Нормативы классификации представляли собой перечень технических приемов и нормативов по каждому виду спорта и позволяли не только определить уровень спортивных навыков, но и, в виде исключения, установить размер оплаты за отдельных спортсменов.

Получение заработной платы за спортивную деятельность в целом воспринималось отрицательно. Официально декларировалось, что эта особенность характерна для зарубежного, буржуазного спорта, где «любительство» могло себе позволить лишь незначительное число обеспеченных людей, а спортсмены профессионалы вынуждены были продавать свои физические качества и достижения. Подчеркивалось, что советский спорт организован принципиально иным образом. Советские граждане массово тренируются с целью физического самосовершенствования, укрепления здоровья и повышения работоспособности и обороноспособности страны. Государство же приняло на себя все финансовые затраты, связанные с материальным обеспечением этого процесса. К 30-м гг. XX в. в официальной прессе, а также на спортивных и агитационных мероприятиях избегают употреблять слово «спорт», заменяя его понятием «физическая культура» и «физкультурник». Это еще раз подчеркивало идеологические различия между зарубежным спортом и советской физической культурой, направленной на массовое физическое воспитание граждан.

Государство взяло на себя управление международными спортивными контактами. В чемпионатах Европы, мировых соревнованиях и играх Олимпиад советские спортсмены принципиально не принимали участие. В то же время в Советский союз приглашались спортсмены из-за рубежа. Это были в основном любительские команды, организованные профсоюзам или социалистическими партиями [6, с. 3].

В августе 1928 г. в Москве состоялась I Всесоюзная спартакиада. Она представляла собой комплексное массовое спортивное мероприятие, включавшее соревнования по 21 виду спорта. Спортивное мероприятие, сопоставимое с Олимпийскими играми, должно было продемонстрировать мощь и достижения СССР на мировой арене. Участвовало 18 команд из СССР и 12 иностранных. Делегация физкультурников БССР, в состав которой вошло 185 сильнейших спортсменов республики, заняла на спартакиаде 3-е место. Спортивные соревнования длились две недели. Им предшествовали отборочные соревнования как в СССР, так и за границей.

Советское руководство проводило Спартакиаду как альтернативу играм Олимпиад, проходившим в том же году в Антверпене. Коммунистический спортивный интернационал, воодушевленный результатами 1928 г., начал готовиться к следующей Спартакиаде в Берлине, приурочив ее к десятилетнему юбилею своей организации в 1931 г. Однако традиции Спартакиады народов СССР с правом международного участия продолжатся уже в послевоенное время и только на территории СССР.

В 20–30 гг. XX в. стало очевидно стремление государства контролировать и регулировать культуру так же, как и другие сферы общественно-

экономической жизни. Через специально созданные органы управления государство стремилось сделать физическую культуру массовой и направлять на решение таких задач, как подготовка военного резерва и идеологическое воспитание. Безусловно, с помощью административного и экономического ресурса, государство смогло добиться явных успехов по увеличению влияния физической культуры и спорта на повседневную культуру граждан, вовлечению их в спортивные организации. Однако дальнейшее развитие физической культуры и спорта было возможно только в направлениях, определенных государством. Отклонение от принципов и задач, декларируемых государством, преследовалось. Занятия физической культурой должны были стать органичной частью общей культуры человека новой формации.

Список использованных источников

1. *Могильный, Н. В.* Физическая культура и спорт в Белоруссии за годы советской власти / Н. В. Могильный. – Минск: Белгосуниверситет им. В. И. Ленина, 1958. – 98 с.
2. *Задорин.* О работе в Минском округе / Задорин // Бюллетень Высшего совета физической культуры. – Минск, 1925. – № 1–2. – С. 9–11.
3. Продолжаем начатое дело // Физкультурник. – 1926. – № 5. – С. 1.
4. *Закревский.* Дайте руководителя спорт-кружком / Закревский // Чырвоная змена. – 1925. – 9 кастрычніка.
5. Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / Белорус, гос. ун-т физ. культуры; под общ. ред. М. Е. Кобринского. – Минск: БГУФК, 2007. – 398 с.
6. Резолюция по докладу спортинтерна // Чырвоная змена. – 1925. – 22 ліст. – С. 3.

(Дата подачі: 28.02.2024 г.)

С. О. Сидорова

Белорусский государственный университет физической культуры, Минск

S. Sidorova

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 658.8(091)«18/19»(476)

ПОЧТОВЫЕ СТАНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 80-Е ГГ. XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.: ВИДЫ И СПОСОБЫ СОДЕРЖАНИЯ

POSTAL STATIONS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 80S OF THE 19TH CENTURY – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: TYPES AND SYSTEMS OF MATERIAL MAINTENANCE

На основе архивных и статистических источников рассмотрены виды почтовых станций на территории Беларуси в 80-е гг. XIX в. – начале XX в. В статье дана характеристика основных систем содержания почтовых станций, проанализированы требо-

вания, предъявляемые к данным учреждениям и их служащим. Выявлены особенности развития почтовых станций в белорусских губерниях в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова: почтовая станция; почтосодержатель; ямщик; почтовый тракт; корреспонденция.

The types of postal station on the territory of Belarus in the 80s of the XIX century – the beginning of the XX century are considered on the basis of archival and statistical sources. The article examines the features of the postal station maintenance systems, characterizes and analyzes the requirements imposed on them and on the staff of these institutions in the Belarusian provinces in the 80s of the 19th century – the beginning of the 20th century.

Keywords: post office; post holder; coachman; postal tract; correspondence.

Модернизационные процессы, которые проходили в белорусском обществе во второй половине XIX в. – начале XX в., привели к росту деловой активности и, как следствие, к увеличению спроса на почтовые услуги. Одним из распространенных способов пересылки корреспонденции в 80-х гг. XIX в. на территории Беларуси являлась почтовая гоньба, т. е. доставка почтовых сообщений с помощью гужевого транспорта. Достаточно быстро передавать корреспонденцию на дальние расстояния позволяла развитая сеть почтовых станций, которые располагались вдоль почтовых дорог (трактов). Почтовые станции располагались в государственных помещениях и зачастую выполняли роль постоянного двора, где ямщики и сопровождающие почту почтово-телеграфные чиновники могли отдохнуть или переночевать.

В 80-е гг. XIX в. – начале XX в. в белорусских губерниях функционировали казенные и вольные конные почтовые станции, а также станции с содержанием лошадей исключительно для перевозки почт и эстафет (срочной почтовой корреспонденции).

Казенные почтовые станции правительство отдавало на содержание частным лицам на определенный срок, который варьировался от 3 до 12 лет. За это они получали сумму на содержание заранее оговоренного количества лошадей при станции. Количество лошадей строго регламентировалось, и использовались они только для перевозки почт, эстафет или частных лиц. В связи с тем, что расходы зачастую были выше дохода, правительство платило почтосодержателям своего рода пособие, назначаемое для каждой станции отдельно (содержание станций по оценочной системе) [1, с. 317].

Помимо почтосодержателя при станции должен был быть писарь, который помогал ему заведовать. Штат станции с более чем 12 лошадьми предусматривал должность старосты, в круг обязанностей которого входил надзор за станцией и ямщиками, перевозившими корреспонденцию. Ямщиков набирали из лиц не моложе 17 лет и желательно без вредных привычек. Почтосодержатель обязывался вести на станции три книги: одну летнюю – для записи перевозок почт, эстафет и проезжих, вторую – для жалоб проезжающих, третью – для записи всех ямщиков, лошадей, повозок и почтового имущества. Почтосодержатель или его помощник должны были находиться на станции круглосуточно. Ревизия конных почтовых станций проводилась местными

почтово-телеграфными чиновниками не менее трех раз в год или чаще, если поступали жалобы от проезжающих. За невыполнение этих условий либо ненадлежащее содержание станции мог применяться штраф от 3 до 10 руб., а также правительство имело право расторгнуть с почтосодержателем контракт и передать станцию другому лицу [2, с. 313; 3, л. 16]. Неоднократно при ревизиях почтовых станций устанавливались такие нарушения, как отсутствие ремонта почтовых зданий, беспорядок в помещениях, недостаточное отопление, старые и изнуренные лошади, неопытные ямщики и, как следствие, медленная смена лошадей для почты и проезжающих [4, л. 11–14].

За проезд по почтовым дорогам почтосодержатели брали «прогонные деньги», сумма рассчитывалась по количеству километров и лошадей. Так, сумма оплаты составляла 3 коп. за один километр и каждую лошадь, также плата бралась и с лиц, которые проезжали вместе с почтовой повозкой. Проезжающие по государственным делам уплачивали в пользу правительства сбор в размере 10 коп. за перегон (перегон – участок пути между почтовыми станциями) с каждой лошади, проезжающие по личным делам, помимо прогонных денег, еще платили за повозку – 12 коп. [5, с. 48].

В конце XIX в. в связи с ростом спроса на почтовые услуги на некоторых государственных конных почтовых станциях было разрешено принимать и выдавать простую корреспонденцию и продавать марки. Почтовые услуги при почтовых станциях оказывали станционные писари, под контролем почтосодержателей.

Основной проблемой для руководства Главным управлением почт и телеграфов (далее – ГУПТ) являлся способ определения доплат и механизм передачи станций почтосодержателям. В результате различных экспериментов с 1886 г. почтовые станции перешли с оценочной системы на торговую, исключение составляли сибирские губернии, где сохранялись элементы оценочной системы. Почтовые станции по торговой системе отдавались на содержание по правилам «нормальных кондиций» – условий. Для передачи на новый срок почтовых станций заранее объявлялись торги, в результате которых станции получал тот, кто брал их за меньшую сумму доплаты со стороны государства. Размер доплат зависел от конкретной местности. В частности, в период с 1881 по 1887 г. за содержание 50 почтовых станций Могилевской губернии ГУПТ ежегодно выделяло 57 045 руб. Это был средний показатель доплат за содержание почтовых станций в Российской империи. Тем не менее не всегда меньшая цена играла роль убеждающего фактора, во внимание прежде всего бралась финансовая надежность и порядочность почтосодержателя [6, л. 56; 7, с. 187].

Торговая система вместе с финансовыми преимуществами для ГУПТ имела существенные недостатки для держателей почтовых станций. В частности, отдача станций только на три года. Из-за чего почтосодержатели не могли либо не хотели вкладывать собственные средства в развитие почтовых станций, которые в случае неблагоприятных обстоятельств, например падения ценности рубля, смерти лошадей, неурожая, высоких цен

на фураж и т. д., им было крайне трудно вернуть. В свою очередь, это приводило к уменьшению количества желающих принять почтовые станции на содержание.

Окончательно условия содержания станций по торговой системе правилством были пересмотрены в 1889 г. и в таком виде действовали вплоть до 1914 г. На основе данных кондиций с почтосодержателем заключался контракт, согласно которому правительство отдавало почтовые станции частным лицам на содержание сроком до 12 лет [8, с. 65].

Торговая система получила широкое распространение в белорусских губерниях в конце XIX в. Документальные материалы и периодическая печать содержат сведения о регулярном проведении торгов на содержание почтовых станций. Размер доплат во многом зависел от доходности станции и ее расположения. Например, в 1891 г. за Витебскую станцию, взятую сроком на 12 лет по торговой системе, правительство обязалось выплачивать почтосодержателю 5400 руб. [9, л. 22; 10, л. 90]. Это была значительная сумма, что свидетельствовало о важности данной станции для почтовой связи в губернии.

При проведении торгов руководство местного почтово-телеграфного округа старалось получить максимально меньшую сумму доплаты со стороны государства почтосодержателям. Главное управление почт и телеграфов постоянно направляло в адрес контор постановления о проведении торгов в пользу государства, что свидетельствовало о существовании сомнений у высшего почтово-телеграфного руководства в возможностях местной администрации осуществлять заключение сделок по выгодным для государства ценам. В частности, в 1895 г. содержание 28 почтовых станций со 124 лошадьми в Витебской губернии обходилось в 27 671 руб., т. е. 223 руб. за лошадь, что было дороже, чем в Гродненской губернии, где содержание 23 станций со 175 лошадьми в этом же году было определено в размере 24 232 руб., т. е. 138 руб. за лошадь [11, л. 17–20; 12, с. 33; 13, с. 79].

Существенным и достаточно распространенным недостатком торговой системы на территории Беларуси стала возможность попадать на торги «откупщикам». Не имея возможности получать сведения о доходах и расходах на станциях в различных местностях, правительство не могло указывать точный размер суммы, которую оно выделяло на содержание лошадей. Данным обстоятельством неоднократно пользовались спекулянты, самостоятельно устанавливающие на торгах сумму доплат на содержание станций, причиняя вред уже действующим почтосодержателям. Помимо этого, спекулянты (преимущественно представители еврейской национальности), зная заранее тех, кто желал взять станцию на содержание, требовали деньги за их отказ участвовать в торгах, угрожая почтосодержателям снижением суммы доплаты за содержание почтовой станции, называемой местному почтово-телеграфному руководству на торгах. В связи с тем, что многие почтосодержатели владели станциями всю жизнь и это был их единственный источник дохода, им приходилось соглашаться на предложенные

«откупщиками» условия, по которым почтосодержатели должны были заплатить спекулянту за то, чтобы он не явился на торги, или обязывались содержать станции под его именем за ограниченную плату. В обоих случаях цены на торгах устанавливались высокие, после чего слишком снижались, что приводило к наживе «откупщиков» и неудовлетворительному состоянию почтовых станций. Согласно архивным источникам, ГУПТ пыталось бороться с такого рода мошенничеством, но практически безрезультатно. Например, согласно циркуляру 1887 г. должны были быть закрыты все частные еврейские почтовые учреждения, а представителям этой национальности запретили участвовать в торгах [14, л. 19]. Тем не менее они продолжали свою незаконную деятельность, действуя через посредников – местных жителей.

В 80-е гг. XIX в. – 1914 г. на территории Беларуси также функционировали почтовые станции по системе вольных почт. Согласно утвержденным 2 апреля 1886 г. «Кондициям на содержание вольных почтовых станций», вольные почты разрешалось содержать всем желающим при условии представления ими свидетельства о благонадежности и обязательства о правильном отправлении почтовой гоньбы. Станция по системе вольных почт отдавалась на содержание на срок до 12 лет, после чего действующий почтосодержатель по желанию мог оставить ее за собой без торгов и по предварительной цене [15, с. 358].

При устройстве вольных почтовых станций почтосодержатели не получали финансовой помощи со стороны государства. Однако они обязывались выставлять такое количество лошадей, которое бы не приводило к задержкам в пересылке почтовой корреспонденции и для проезжающих. В качестве вознаграждения за это держатели вольных почтовых станций пользовались исключительным правом провоза почты и пассажиров за установленную прогонную плату, т. е. никто не имел права возить проезжающих на сменных лошадях там, где уже существовали вольные почты. Размер прогонных денег на вольных почтовых станциях составлял 4 коп. за один километр и одну лошадь. Так же, как и на станциях, содержащихся по торговым кондициям, устанавливался возраст ямщиков, которые должны были быть не моложе 17 лет, физически сильными и морально нравственными [16, л. 39].

Преимуществом этого способа содержания почтовых станций для местного населения являлось снятие с них налога, который они платили на содержание казенных почтовых станций. Держатели вольных почтовых станций получали возможность дополнительно заработать за счет перевозки пассажиров. Однако вольные почты могли существовать исключительно на больших почтовых трактах и в густонаселенных местах, где количество проезжающих было достаточным для получения прибыли и покрытия расходов на содержание станций [17, с. 368].

На территории Беларуси вольные почты получили небольшое распространение и во многом их количество зависело от конкретного региона. В частности, в 1891 г. в Витебской губернии насчитывалось 43 почтовых

станции, из которых 32 казенных (содержались по торговой системе) и 11 – по системе вольных почт [14, л. 17–18].

Количество казенных почтовых станций на территории Беларуси ежегодно уменьшалось. Так, с 1886 г. к 1912 г. в белорусских губерниях оно уменьшилось в 3,4 раза, для сравнения по империи с 1887 г. к 1913 г. – в 1,4 раза [18, с. 537]. В связи с интенсивным железнодорожным строительством в Беларуси многие почтовые дороги теряли свое значение, почтовые станции, расположенные вдоль них, закрывались или преобразовывались в почтовые отделения.

В 1912 г. в Российской империи насчитывалось 1374 казенные станции с 12 132 лошадьми и 253 вольные станции, т. е. в среднем на одну губернию Российской империи приходилось 27 казенных и 5 вольных почтовых станций [19, с. 148]. Согласно статистическим данным в 1912 г. в пяти белорусских губерниях действовало всего 59 казенных станций с 365 лошадьми. Наибольшее количество таких станций среди белорусских губерний находилось в Могилевской губернии – 30. Небольшое их количество на территории Беларуси связано с тем, что правительство старалось в достаточном, на его взгляд, количестве открывать государственные почтово-телеграфные конторы и отделения, благодаря чему отсутствовала необходимость в устройстве станций вдоль почтовых трактов.

Вольные почтовые станции в 1912 г. в Беларуси функционировали только в Витебской губернии, где их насчитывалось 14. Несмотря на развитие железнодорожного транспорта, в губернии продолжали функционировать оживленные почтовые тракты, которыми пользовались проезжающие, в связи с чем содержание вольных почт было более выгодным занятием, нежели в других белорусских губерниях. Количество вольных станций в белорусских губерниях с 1886 по 1912 г. уменьшилось в 2,4 раза, что в целом соответствовало общим тенденциям по Российской империи [20, л. 44].

В конце XIX в. – начале XX в. на территории Беларуси помимо почтовых станций, содержащихся по торговой и вольной системам, существовал еще один вид почтовых станций – станции с содержанием лошадей исключительно для перевозки почт и эстафет. Они также отдавались с торгов почтосодержателям сроком до 12 лет за определенное вознаграждение, однако лошадей разрешалось использовать только для перевозки почт и эстафет, проезжающих перевозить запрещалось. В тех же местах, где наблюдалось неинтенсивное движение почтовой корреспонденции, почтосодержатели могли использовать лошадей для работы в своих хозяйствах [21, с. 345].

Стоит отметить, что популярная в центральных губерниях Российской империи земская почта, в связи с поздним проведением земской реформы на территории белорусских губерний, не получила должного развития.

Таким образом, в 80-е гг. XX в. – начале XX в. на территории Беларуси доставка почтовой корреспонденции осуществлялась преимущественно гужевым транспортом посредством системы почтовых станций. Наибольшее распространение получили казенные станции с торговой системой, так

как содержать вольные станции для населения белорусских губерний было не выгодно. Тем не менее с 1888 по 1911 г. количество казенных почтовых станций в белорусских губерниях уменьшилось в 2,6 раза. Во многом это было связано с интенсивным развитием железнодорожного транспорта, что приводило к потере значения или закрытию некоторых почтовых трактов, вдоль которых располагались почтовые станции.

Список использованных источников

1. Кондиции на содержание казенных почтовых станций // Сб. распоряжений по Гл. упр. почт и телеграфов. – 1886. – № 8. – С. 317–343.
2. Циркуляр начальника ГУПиТ о новых кондициях на содержание почтовых станций // Сб. распоряжений по Гл. упр. почт и телеграфов. – 1886. – № 8 – С. 313.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 448. Оп. 1. Д. 7.
4. НИАБ. – Ф. 2418. Оп. 1. Д. 14.
5. Об установлении продажи знаков почтовой оплаты на конных почтовых станциях: циркуляр Начальника Гл. Упр. почт и телеграфов, 22 янв. 1912 г., № 8 // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1912. – № 5. – С. 47–48.
6. НИАБ. – Ф. 2619. Оп. 1. Д. 5.
7. *Соколов, Н. И.* Система содержания почтовых станций в России / Н. И. Соколов // Почтово-телеграф. журн. Отд. неофиц. – 1895. – № 1. – С. 76–96; № 2. – С. 186–199.
8. *Заремский, В. К.* Системы содержания почт в Российской империи на примере белорусских губерний: (торговая система) / В. К. Заремский // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. пр. VII Міжнар. навук. канф., 29–30 чэрв. 2011 г. / Музей гісторыі Магілёва; уклад.: А. М. Бацкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў, 2011. – С. 64–68.*
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1289. Оп. 3. Д. 1894.
10. РГИА. – Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2121.
11. РГИА. – Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2115.
12. Обзор Витебской губернии за 1895 год: прил. к всеподданнейшему отчету. – Витебск: Губерн. типолитогр., 1896. – 113 с., [53] л. табл.
13. Обзор Гродненской губернии за 1895 год: прил. ко всеподданнейшему отчету Гродн. Губернатора. – Гродно: Губерн. тип., 1896. – 8, 173, [83] с.
14. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 18.
15. Кондиции на содержание вольных почтовых станций // Сб. распоряжений по Гл. упр. почт и телеграфов. – 1886. – № 8. – С. 357–383.
16. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1889. Оп. 1. Д. 1.
17. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 120. Оп. 1. Д. 1.
18. *Яворский, Н.* Обзор почтовых сообщений за двадцатипятилетие 1885–1910 гг. / Н. Яворский // Почтово-телеграф. журн. Отд. неофиц. – 1912. – Июнь. – С. 534–551.
19. Объяснительная записка к отчету Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1912 год // Почтово-телеграф. журн. Отд. неофиц. – 1914. – Февраль. – С. 146–156.
20. НИАБ. – Ф. 2619. Оп. 1. Д. 6.
21. Кондиции на содержание лошадей исключительно для перевозки почт и эстафет // Сб. распоряжений по Гл. упр. почт и телеграфов. – 1886. – № 8. – С. 345–356.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

К. Л. Снисаренко
Белорусский государственный университет, Минск

K. Snisarenko
Belarusian State University, Minsk

УДК 325.14(44)(091)“20/21”

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

FRANCE IMMIGRATION POLICY IN THE LAST THIRD OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

В статье автор дает характеристику периоду политики ограничения иммиграции во Францию. Его хронологические границы определены 1974 г. и 2006 г. В рамках периода выделены три этапа на основании подходов французского истеблишмента к регулированию иммиграции: этап формирования политики ограничения иммиграции (1974–1980 гг.); этап борьбы ведущих партий вокруг решения иммиграционного вопроса (1981–1993 гг.); этап перехода к избирательной иммиграционной политике (1993–2006 гг.).

Ключевые слова: международная миграция; иммиграция; миграционная политика; иммиграционная политика; политизация; деполитизация.

In the article, the author characterizes the period of the policy of limiting immigration to France. Its chronological boundaries are defined as 1974 and 2006. Three stages are distinguished within the period based on the approaches of the French establishment to regulating immigration: the stage of formation of the immigration restriction policy (1974–1980); the stage of the struggle of leading parties around resolving the immigration issue (1981–1993); stage of transition to selective immigration policy (1993–2006).

Keywords: international migration; immigration; migration policy; immigration policy; politicization; depoliticization.

В последней трети XX – начале XXI вв. Французская Республика проводила политику ограничения иммиграции. Начало ей положило правительственное решение 3 июля 1974 г. о запрете постоянной внешней трудовой миграции в страну. Оно привело к переходу властей Франции от привлечения внешних трудовых мигрантов к ограничению их притока.

Актуальность темы статьи связана с тем, что, охарактеризовав период политики ограничения иммиграции, можно выявить особенности развития иммиграционной политики крупного и наиболее референтного государства Западной Европы – Французской Республики. Отталкиваясь от этого, можно определить цель данной работы – дать характеристику иммиграционной политике Франции последней трети XX – начала XXI вв.

Основной проблемой в анализе иммиграционной политики является отсутствие четкой концептуализации данного понятия. Широко применяется другой термин – миграционная политика. Российский правовед Т. А. Прудникова дала ему такое определение: «Миграционную политику можно

определить как основанную на принципах конституционного строя систему объективно обусловленных целей, задач, направлений развития общественных отношений в сфере миграции, норм миграционного законодательства, а также механизмов управления государством, реализуемых субъектами миграционного процесса (физические лица, общественные организации, государственные органы) и направленных на перемещение, переселение, размещение, обустройство и интеграцию физических лиц на территории государства и (или) в отдельных его регионах, обеспеченных стимулирующими и контрольными факторами» [1, с. 10]. К достоинствам этого определения можно отнести выделение субъектов миграционного процесса, что соответствует корпоративистскому подходу к его анализу. К недостаткам – признание объективности определения целей миграционной политики. Как показала практика Франции, они могут формироваться и на основе ошибочных представлений. По этой причине предпочтительным считают определение российского демографа Л. Л. Рыбаковского. Он видит в миграционной политике систему общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего, государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение поставленных целей [2, с. 36]. В таком определении учитывается ведущая роль властных структур в выработке принципов миграционной политики.

Следует отметить, что основным критерием, который отражает специфику миграционной политики, является то, что ее действие направлено на регулирование передвижения населения. Однако до сих пор не решен научный спор, связанный с определением специфики внутривосточной и международной миграции. По этому поводу в научной практике сформировалось два подхода. Первый из них не признает специфику межгосударственных перемещений населения. Основатель теории миграции английский географ Э. Г. Равенштейн утверждал, что международная миграция развивается по тем же законам, что и внутренняя миграция [3, р. 405]. Вторым подход строится на выделении международной миграции среди других видов движения населения. По мнению российского экономиста В. А. Ионцева: «Главными отличительными признаками международной миграции населения по сравнению с внутренней миграцией являются государственная граница, ее пересечение и соответствующий государственный контроль, как за фактом самого передвижения через границу (и в стране выезда, и особенно в стране въезда), так и за последующим пребыванием в стране-въезда, особенно в связи с трудоустройством и поступлением на учебу или стажировку» [4, с. 29].

Таким образом, основной признак международной миграции – государственный контроль над пересечением границы и пребыванием в стране – свидетельствует об исключительной роли государства в регулировании международного движения населения. Его внутренние перемещения не предполагают обязательного государственного вмешательства.

Основываясь на приведенных утверждениях, можно сформулировать следующее определение. Иммиграционная политика – часть миграционной политики, связанная с государственным контролем над передвижением через границу, пребыванием в стране и интеграцией в принимающее общество иммигрантов. Ее цель и задачи определяются идеями, принятыми на уровне властных структур. Исходя из этого, характеристика иммиграционной политики заключается в выявлении изменений в подходах правящих кругов страны к регулированию иммиграции.

Переход к политике ограничения иммиграции в 1974 г. был вызван стремлением французского истеблишмента восстановить государственный контроль над процессом иммиграции. После Второй мировой войны основным источником пополнения рабочей силы для Франции стали ее колониальные владения в Северной Африке. Этому содействовал упрощенный режим въезда и пребывания для жителей Алжира, Марокко и Туниса. С середины 1950-х гг. государство фактически отстранилось от контроля над внешней трудовой миграцией в пользу предпринимательских структур. После политического кризиса мая–июня 1968 г. профсоюзы и левые политические силы стали привлекать трудовых иммигрантов к борьбе за права трудящихся. Это вызвало опасения в правящих кругах. Как отметил государственный секретарь по вопросам трудовых иммигрантов А. Постель-Виней: «Наше нестабильное и беспокойное общество вполне могло погибнуть еще в мае 1968 года, если бы его поддержала достаточная масса иностранных рабочих» [5, р. 88].

Помимо этого, отношения между североафриканскими иммигрантами и французами осложнялись памятью о поражении Франции в Алжирской войне 1954–1962 гг. Консолидация ультраправых сил привела к формированию в 1972 г. партии «Национальный фронт». В 1973 г. страну охватила волна преступлений против североафриканских иммигрантов. Французские политики проигнорировали эту вспышку расизма. Президент страны Ж. Помпиду заявил: «Во Франции нет расизма. Во всяком случае, его не должно быть» [6, р. 66].

В результате решение правительства 3 июля 1974 г. о запрете на въезд в страну долговременных трудовых мигрантов и членов их семей было принято без широкого обсуждения с общественностью и не учитывало особенности взаимоотношений французов и иммигрантов из неевропейских государств.

Отсутствие согласования с общественностью принятого решения привело к тому, что на протяжении определенного времени происходила его адаптация к существующим в обществе социально-экономическим и социокультурным отношениям. На этом основании можно выделить этап формирования политики ограничения иммиграции в 1974–1980 гг. В это время иммиграционная политика проводилась французскими правительствами при помощи ранее практиковавшихся методов административного регулирования. Этап завершился в 1980 г. утверждением Закона «О предупреждении

незаконной иммиграции» [7]. Процесс его принятия и правоприменения привел к тому, что проблема регулирования иммиграции вошла в политическую жизнь страны.

К началу 1980-х гг. во Франции сформировался иммиграционный вопрос – проблема взаимоотношений принимающего общества и иммигрантов, связанная с изменениями в процессе иммиграции, трудностями в адаптации иммигрантов и особенностями восприятия их жителями страны-реципиента.

В результате ограничения внешней трудовой миграции произошли качественные изменения в процессе иммиграции. Главным мотивом въезда в страну стала не работа, а воссоединение семей. Так, за 1947–1980 гг. число постоянных иностранных работников во Франции снизилось с 68 тыс. до 17 тыс. человек [8]. За этот же период количество членов семей иммигрантов выросло с 4,9 тыс. до 42 тыс. человек [9]. Связанный с этим рост иммиграции женщин, детей, стариков привел к снижению экономической активности пришлого населения. Кроме того, внешние трудовые мигранты занимали малопривлекательные для французских граждан рабочие места в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Процесс становления постиндустриальной экономики привел к сокращению рабочих мест в данных секторах. В частности, за 1975–1990 гг. во французской индустрии было ликвидировано более полумиллиона рабочих мест, которые занимали иностранцы [10, р. 150]. Как следствие, уровень безработицы среди иностранных работников почти в два раза превышал средний по стране.

Указанные выше проблемы в адаптации привели к тому, что многие из французских иммигрантов оказались в ловушке бедности: уровень их жизни во Франции был выше, чем в государстве исхода, но оставался низким по сравнению с большинством ее жителей. Это привело к росту протестной активности, преступности и злоупотреблению государственной помощью.

Социальное неравенство усугублялось большой культурной дистанцией между выходцами из Северной Африки как носителями основанной на исламских традициях арабской культуры и французами. Североафриканские иммигранты предпочитают идентифицировать себя на основе религиозной или этнической принадлежности, что противоречит ценностям светскости и индивидуализма, лежащим в основе национальной идентичности французов.

Негативное восприятие переселенцев из Северной Африки французским обществом было связано со сформированными в колониальную эпоху стереотипами. Как отмечала российский историк Е. Б. Деминцева: «Для многих французов Африка казалась регионом, по отношению к которому неприемлемы такие понятия, как “цивилизация” и “культура»» [11, с. 27]. Этим воспользовалась ультраправая партия «Национальный фронт», которая стала представлять в средствах массовой информации иммиграцию из неевропейских стран как причину роста преступности, безработицы и угрозу потери национальной идентичности.

Под влиянием ультраправых политизация иммиграционного вопроса во Франции приобрела технологический характер. Согласно концепции российского политолога М. В. Данилова процессы политизации и деполитизации могут иметь органический, или технологический характер [12, с. 35]. Органическая политизация связана с ростом политической значимости вопроса, активностью заинтересованных в его решении сторон. Технологическая политизация – результат усилий определенных сил, которые стремятся использовать возможности политической системы в собственных интересах. Большую роль в процессе политизации играют средства массовой информации. Они делают проблему актуальной для общества.

Второй этап политики ограничения иммиграции во Францию характеризовался борьбой правящих партий по поводу решения иммиграционного вопроса. Начало ему положила победа кандидата Французской социалистической партии Ф. Миттерана на президентских выборах в 1981 г. Он первым предложил реформы иммиграционной политики страны в своей предвыборной программе. Французские правоецентристские партии приступили к преобразованиям в 1986 г. Борьба левых и правых выявила противостояние двух подходов к контролю над иммиграцией: либерального и консервативного. Первый основывался на соблюдении прав человека и был направлен на обеспечение права на свободу передвижения и выбора места жительства. Второй исходил из приоритета национальных интересов и предусматривал ужесточение контроля над иммиграцией.

К 1993 г., в результате борьбы правящих партий, сформировался консенсус. Целью регулирования иммиграции стало соблюдение национальных интересов. При этом учитывались требования соблюдения прав человека. Борьба правящих коалиций проходила на фоне растущего влияния ультраправого «Национального фронта». В 1981 г. на парламентских выборах он получил поддержку 0,17 %, а в 1993 г. – 12,47 % избирателей [13, р. 123]. Победа правящих партий над ультраправыми стала зависеть от деполитизации иммиграционного вопроса для французского электората.

В 1993–2006 гг. наблюдался завершающий этап политики ограничения иммиграции. Начало ему положили следующие события. В мае 1993 г. были внесены изменения в условия получения гражданства Французской Республики, что свидетельствовало о расширении спектра мер иммиграционной политики. Она стала включать в себя не только контроль над въездом и проживанием иностранцев, но и процесс натурализации, а затем и интеграции иммигрантов. В ноябре 1993 г. вступил в силу «Договор о Европейском союзе» [14]. Он утвердил единое гражданство ЕС, определил необходимость установления общих правил пересечения границ, предоставления убежища и иммиграционной политики. С этого момента французские политики вынуждены были согласовывать свои преобразования в данной сфере с общеевропейскими требованиями.

На протяжении данного этапа наблюдалось развитие новых аспектов регулирования иммиграции и постепенная коммунитаризация иммиграционной

политики французского государства. Неожиданный выход во второй тур президентских выборов 2002 г. лидера ультраправого «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пена подтолкнул правящие круги страны к изменению подходов по регулированию иммиграции. Если раньше государственная политика в данной сфере воспринималась как своеобразный шлагбаум на пути к рынку труда, с 1993 г. к ней стали относиться требования к получению гражданства, то в начале XXI в. в фокусе внимания оказались меры по интеграции иммигрантов во французское общество. Появилась потребность в кодификации норм иммиграционного законодательства. В 2004 г. началась работа над «Кодексом о въезде и пребывании иностранцев и праве на убежище». События, связанные с массовыми беспорядками молодежи иммигрантского происхождения в октябре–ноябре 2005 г., подтолкнули правительство к внесению в него ряда поправок, направленных на усиление социальной интеграции иммигрантов. После издания нормативной части 15 ноября 2006 г. «Кодекса о въезде и пребывании иностранцев и праве на убежище» вступил в законную силу [15].

В указанном законодательном акте также получил отражение процесс коммунитаризации иммиграционной политики Франции. Под влиянием инициатив Европейского союза французские политики перешли к принципу избирательного регулирования иммиграции. Его характерными чертами стали стремление привлечь высококвалифицированную иностранную рабочую силу, борьба со злоупотреблениями в вопросах переезда в страну (фиктивный брак, манипулирование правом на убежище). На этом основании можно утверждать, что в 2006 г. Франция перешла к политике избирательной иммиграции. Изменения в миграционном законодательстве позволили деполитизировать иммиграционный вопрос и снизить электоральную поддержку ультраправых. На парламентских выборах 2007 г. «Национальный фронт» получил 4,29 % голосов французских избирателей [13, р. 123].

Таким образом, на основе определения понятия «иммиграционная политика» дана характеристика периоду политики ограничения иммиграции во Францию. Его нижняя хронологическая граница связана с правительственным решением 3 июля 1974 г. о запрете постоянной трудовой миграции. Верхняя хронологическая граница – окончательное вступление в законную силу 15 ноября 2006 г. «Кодекса о въезде и пребывании иностранцев и праве на убежище». С этого времени французские правительства перешли от ограничительной к избирательной иммиграционной политике.

В рамках периода проведения политики ограничения иммиграции можно выделить три этапа в зависимости от подходов французского истеблишмента к регулированию данного процесса:

1. Этап формирования политики ограничения иммиграции (1974–1980 гг.) связан с применением ранее использовавшихся методов административного регулирования и формированием иммиграционного вопроса.

2. Этап борьбы ведущих партий вокруг решения иммиграционного вопроса (1981–1993 гг.) характеризуется стремлением выработать политиче-

ское решение проблемы взаимоотношений между иммигрантами и французским обществом. Борьба либерального и консервативного подходов привела к формированию консенсусного решения: в основу ограничительной иммиграционной политики были положены национальные интересы, но в ее проведении учитывались требования соблюдения прав человека. Однако данный подход не содействовал деполитизации иммиграционного вопроса и снижению популярности ультраправого «Национального фронта».

3. Этап перехода к избирательной иммиграционной политике (1993–2006 гг.) отличается развитием двух дополняющих друг друга факторов, осознанием правящей элитой многоаспектности проблемы государственного регулирования иммиграции и процессом коммунитаризации иммиграционной политики Франции под влиянием наднациональных органов Европейского союза.

К 2006 г. произошел переход от ограничительного к избирательному принципу регулирования иммиграции. В последнем французский истеблишмент увидел возможность деполитизации иммиграционного вопроса.

Список использованных источников

1. Прудникова, Т. А. Правовые и организационные особенности миграционной политики в ряде зарубежных стран: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т. А. Прудникова, С. А. Егоров, С. А. Акимова; под ред. А. С. Прудникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 135 с.

2. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная политика России: теория и практика / Л. Л. Рыбаковский // Современные проблемы миграции в России: материалы общероссийской научной конференции (11–13 ноября 2003 г.). – М., 2003. – С. 35–55.

3. Zolberg, A. R. The Next Waves: Migration Theory for a Changing World / A. R. Zolberg // International migration review. – 1989. – Vol. 23. № 3. – P. 403–430.

4. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: Закономерности, проблемы, перспективы: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.18 / В. А. Ионцев. – М., 2003. – 470 л.

5. Laurens, S. «1974» et la fermeture des frontières. Analyse critique d'une décision érigée en turning-point / S. Laurens // Politix. – 2008. – № 82. – P. 69–94.

6. Gastaut, Y. La flambée raciste de 1973 en France / Y. Gastaut // Revue européenne des migrations internationales. – 1993. – № 2. – P. 61–75.

7. Loi № 80-9 du 10 janvier 1980 relative à la prévention de l'immigration clandestine et portant modification de l'ordonnance № 45-2658 du 2 novembre 1945 relative aux conditions d'entrée et de séjour en France des étrangers et portant création de l'Office national d'immigration. // Le journal officiel de la République Française. – 1980. – 11 janvier. – P. 71–72.

8. Travailleurs permanents salariés étrangers entrés en France (Délivrance d'un premier titre de séjour) selon la nationalité, de 1946 à 1999 [Electronic resource] / Institut national de la statistique et des études économiques // Chiffres-clés. – Paris, 2022. – Mode of access: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2118519/rp99pipe_cd-ax3.xls. – Date of access: 31.07.2022.

9. Membres de familles de travailleurs permanents salariés étrangers entrés en France, selon la nationalité du travailleur, de 1947 à 1999 [Electronic resource] / Institut national de la statistique et des études économiques // Chiffres-clés. – Paris, 2022. – Mode of access: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2118519/rp99pipe_cd-ax4.xls. – Date of access: 31.07.2022.

10. Marie, C.-V. «A quoi sert l'emploi des étrangers?» / C.-V. Marie // Les lois de l'inhospitalité. Les politiques de l'immigration à l'épreuve des sans-papiers / D. Fassin, A. Morice, C. Quiminal. – Paris: La Découverte/Essais, Cahiers Libres, 1997. – P. 145–175.

11. Деминцева, Е. Б. Быть «арабом» во Франции / Е. Б. Деминцева. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 192 с.

12. Данилов, М. В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / М. В. Данилов. – Саратов, 2015. – 477 л.

13. Delwit, P. Le Front national et les élections / P. Delwit // Le Front national. Mutations de l'extrême droite française / P. Delwit. – Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 2012. – P. 113–145.

14. Дагавор аб Еўрапейскім саюзе / Цэнтр еўрап. дакументацыі і інфарм. БДУ. – Мінск: Белфранс, 1998. – 213 с.

15. Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile [Electronic resource] / Légifrance. – Paris, 2006. – Mode of access: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070158/2006-11-15. – Date of access: 03.02.2024.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

I. A. Sorokovik

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. Sorokovik

Academy of management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК [34+329.78](091)«1954/1991»

УЧАСТИЕ ЛКСМБ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ. 1954–1991 ГГ.

PARTICIPATION OF THE LKSMB IN STATE CONSTRUCTION. 1954–1991

Статья посвящена участию ЛКСМ Беларуси в государственном строительстве. Выявлены направления, формы, методы, особенности этого участия, начиная с демократизации советского общества после смерти И. В. Сталина и оканчивая распадом СССР. Тема в такой постановке и на таком историческом периоде практически не исследовалась исторической наукой Беларуси.

Ключевые слова: ЛКСМБ; комсомол; государство; строительство; БССР; СССР; Верховный Совет; депутаты.

The article is devoted to the participation of the LKSM of Belarus in state construction. The directions, forms, methods, and features of this participation are revealed, starting with the democratization of Soviet society after the death of I.V. Stalin and ending with the collapse of the USSR. The topic in such a setting and at such a historical period was practically not studied by the historical science of Belarus.

Keywords: LKSMB; komсомol; state; construction; BSSR; USSR; Supreme Council; deputies.

Вопросы участия ЛКСМ Беларуси в государственном строительстве республики в 1954–1991 гг. практически не рассматривались исторической наукой, хотя только в 1944–1982 гг. были защищены 1 докторская и 46 кандидатских диссертаций. Они были посвящены отдельным направлениям деятельности комсомола Беларуси [1]. В основном кандидатские диссертации исследовали деятельность ЛКСМБ по коммунистическому воспитанию молодежи республики в целом и ее отдельных категорий (прежде всего студенческой, учащейся, сельской (колхозной), рабочей), основным направлениям воспитания (идейно-политическое, героико-патриотическое, трудовое). В них рассматривалась деятельность комсомола по выполнению пятилетних планов развития народного хозяйства, участию молодежи в социалистическом соревновании, охране общественного порядка, мелиорации земель белорусского Полесья.

Эти работы внесли определенный вклад в развитие отечественной науки. Особенностью некоторых из них является то, что они были подготовлены на основе существовавших исследований на общесоюзном материале и отличались от них тем, что имелись иной набор фактов, иная география рассмотрения.

В рассматриваемый период была защищена кандидатская диссертация, которая имеет непосредственное отношение по теме. Это работа В. А. Андруховича «Деятельность КПСС по вовлечению комсомольцев и молодежи в управление государством (на материалах Компартии Белоруссии. 1971–1975 гг.)» (БГУ, 1979 г.). В 1966 г. Г. С. Жукович защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Роль комсомола в развитии основ общественного самоуправления: (на материалах Белорусской ССР)». Затем издала брошюру «Участие комсомола в государственном управлении» [2]. В целом основные направления этих работ соответствуют заявленным ими темам, хотя исследованы не в полном объеме. Однако они заслуживают внимания ученых, в них имеется местный фактический материал, первыми начали исследовать с позиций исторической и юридической наук одно из слагаемых государственного строительства.

Тема по этому периоду фрагментарно рассматривается в пятом томе «Истории белорусской государственности». Но она не выделена даже в специальный параграф (Минск, 2020). Некоторые аспекты ее исследованы в монографии И. А. Сороковика [3]. Однако в целом эта работа не посвящена заявленной теме.

Считается, что впервые понятие «государственное строительство» было использовано американским социологом, политологом, историком Ч. Тилли во второй половине XX в. [4]. На сегодня среди ученых не существует единого подхода к этому понятию. Представляется, что государственное строительство – это форма специфической государственной деятельности, направленной на создание и упрочение государства. Государственное строительство включает в себя как внешние институты государства: вооруженные силы, международные отношения, так и внутренние: институты

законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; органы местного управления и самоуправления Для Республики Беларусь характерен и институт президентской власти. На государственное строительство влияют и такие факторы, как социально-экономические, этнически-религиозные, культурные. В нашем случае, учитывая специфику организации и деятельности комсомола, остановимся на участии ЛКСМБ в развитии и функционировании государственных институтов законодательной и исполнительной ветвей власти в 1954–1991 гг., что содействовало укреплению белорусской государственности. По существу, вся деятельность комсомола республики и была направлена на развитие и укрепление БССР.

Ленинский коммунистический союз молодежи Беларуси (ЛКСМБ) в отмеченное время являлся наиболее массовой организацией молодежи в Беларуси, второй после профсоюзов по численности общественной организацией республики. Но отличался от них тем, что являлся общественно-политической организацией. Если в 1954 г. в рядах ЛКСМБ насчитывалось 661 277 человек, то в 1964 г. – уже 739 799, в 1970 г. – 916 230, в 1975 г. – 1 210 985, в 1980 г. – 1 397 579 [5, с. 49–50], или примерно 15 % от всего населения республики. В целом, это лучшая часть юношей и девушек, наиболее энергичная и образованная.

Свою деятельность комсомол республики строил на основе решений КПСС, ВЛКСМ и своих собственных решений, являясь резервом и помощником партии, одним из приводных ремней партии и государства, как отмечал И. В. Сталин. Высшим органом являлся съезд ЛКСМБ. Всего их было проведено за указанный период 11 (1954, 1956, 1958, 1959, 1962, 1966, 1970, 1974, 1978, 1982, 1986 гг.) [5, с. 122–124]. В период между съездами руководящим органом являлся пленум ЦК ЛКСМБ, а между ними – рабочий орган – бюро ЦК ЛКСМБ, а с 1970-х гг. – еще и секретариат ЦК ЛКСМБ.

Комсомол Беларуси занимался не только коммунистическим воспитанием молодежи – одной из важнейших внутренних функций государства, но и активно непосредственно участвовал в других направлениях государственного строительства. На его деятельность значительное влияние оказала определенная демократизация внутрипартийной и общественно-политической жизни на союзном и республиканском уровнях. После XX съезда КПСС стала восстанавливаться и укрепляться коллективность руководства высших органов власти и управления СССР, восстановилась периодичность проведения съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС. Повышена роль Советов. Такой подход стал действовать и на местном уровне, в том числе и в общественных организациях, включая комсомол. Были увеличены права союзных республик относительно разрешения вопросов областного, краевого административно-территориального устройства; к их ведению отнесены законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов; расширены бюджетные права союзных республик. Началась реабилитация жертв сталинских репрессий.

Демократизация общественно-политической жизни в республике положительно отразилась и на деятельности ЛКСМ Беларуси. XVIII съезд ЛКСМБ 5–7 марта 1954 г. [5, с. 122] признал необходимым поднять роль и значимость выборных комсомольских органов, первичных комсомольских организаций, активизировать их деятельность как по коммунистическому воспитанию молодежи, так и по участию молодых людей в социально-экономической жизни страны. По закличу ЦК КПСС к молодежи в последний день съезда его делегаты проводили первую группу комсомольцев Беларуси на освоение целинных земель. Всего в 1954 г. на их освоение в Казахстан выехало около 11 тыс. членов ЛКСМБ [6].

Особое внимание комсомол Беларуси стал уделять вопросам государственного строительства. Еще в июне 1921 г. В. И. Ленин подписал Декрет СНК РСФСР от июня 1921 г. «О практиканстве членов Российского Коммунистического Союза Молодежи». Он ввел «систему практиканства» членов комсомола во всех государственных организациях [7]. Через 41 год ЦК КПСС обязал комсомольские организации «активнее участвовать в деятельности государственных, хозяйственных органов и общественных организаций, смелее привлекать молодежь к управлению делами общества [8, с. 466]. В то же время в постановлении ЦК КПСС от 1 октября 1968 г. «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» четко обозначены задачи как для государственных и общественных организаций, так и для комитетов комсомола. В соответствии с ним Советы депутатов трудящихся, министерства и ведомства, профсоюзные и другие общественные организации должны были решать вопросы воспитания, образования, профессиональной подготовки, труда, быта и отдыха молодежи с участием комитетов ВЛКСМ, внимательно относиться к предложениям комсомольских организаций, оказывать им повседневную практическую помощь. В свою очередь комитеты комсомола должны были особенно совместно с профсоюзными и хозяйственными органами участвовать в решении вопросов, связанных с приемом на работу и увольнением молодежи, премированием молодых рабочих, колхозников, служащих, охраной труда подростков, распределением жилья, мест в общежитиях, использованием средств, предназначенных на развитие культурно-массовой и спортивной работы [9, с. 382–383].

Согласно постановления ЦК КПСС бюро ЦК КП Беларуси 17 октября 1969 г. ставило задачу обеспечить более широкое участие комсомола в хозяйственном, культурном и государственном строительстве, смелее выдвигать хорошо зарекомендовавших себя комсомольцев, комсомольских работников и активистов на самостоятельную хозяйственную и административную работу, в выборные органы партийных, советских, профсоюзных и других общественных организаций [10, с. 197–202].

Согласно партийных решений еще с 1963 г. была восстановлена практика введения представителей ЦК ВЛКСМ в состав коллегий ряда министерств: культуры, высшего и среднего специального образования, просвещения, комитетов по спорту, телевидению и радиовещанию, народного

контроля. В связи с этим комсомольские работники не только на союзном, но и наместном уровне, а также и комсомольские активисты избирались в состав партийных, профсоюзных и других комитетов от первичных организаций до республиканско-союзных [11, с. 486].

Решения партийных органов СССР и БССР стали основой для их исполнения. Это хорошо видно из следующих данных на примере ЛКСМБ. Так, только в 1967–1968 гг. работники Минского обкома ЛКСМБ были представлены в таких областных институтах, как исполком, комитет народного контроля, совпроф, потребсоюз, союз спортивных обществ и организаций, ДСО и ДОСААФ, в творческих организациях. В то же время 836 комсомольских работников и активистов Минской области было избрано депутатами местных Советов, многие являлись членами партийных комитетов. Важно и то, что Минский ОК ЛКСМБ вносил предложения по различным аспектам работы с молодежью в соответствующие государственные институты и общественные организации и многие из них были реализованы на практике [12].

Аналогичное положение было и в других областных комсомольских организациях. В Брестской области комсомолка, звеньевая колхоза «40 лет Октября» Столинского района К. Клецун была избрана депутатом Верховного Совета СССР, члены ЛКСМБ М. Наливко, Л. Зелинская, М. Олехнович, Т. Кухарчук – депутатами Верховного Совета БССР. Молодые люди избирались не только в органы представительной власти на союзном, республиканском, местном уровне, но и являлись членами исполнительных органов власти на районном и городском уровнях [13].

Реальная практика свидетельствовала, что за активную работу в сельском хозяйстве, проявленную инициативу, конкретные предложения по улучшению деятельности коллективных хозяйств ряд комсомольских активистов являлись членами правлений колхозов. К примеру, в Брестской области – это 127 человек, а в Гродненской – 344 [14; 15].

В целом в 1955 г. депутатами местных Советов БССР были 26,1 % молодых людей в возрасте до 30 лет, 8,6 % – членов ВЛКСМ, в 1973 г. соответственно 28,2 % и 18,2 %, а в 1980 г. – 32,8 % и 20,9 % [5, с. 129]. Данные свидетельствуют, что за отмеченный период возросла доля молодых людей в возрасте до 30 лет, а также членов ВЛКСМ в составе депутатов местных Советов республики. Это подтверждает возрастание роли и значимости молодых людей, комсомола в обществе и государстве.

В то же время молодые люди были представлены не только в представительных органах местной власти Белорусской ССР, но и на республиканском уровне. Если в 1955 г. депутатами Верховного Совета БССР были 54 депутата в возрасте 30 лет, или 13,7 % к общему числу депутатов высшего представительного органа власти Беларуси, и 13 членов ВЛКСМ, или 3,3 %, в 1967 г. соответственно 44, или 10,4 %, и 19, или 4,5 %, то в 1980 г. – 89, или 18,3 %, и 71, или 14,6 % [5, с. 129].

На всех уровнях Советов БССР они активно участвовали в их работе, вносили свои предложения по защите интересов юношей и девушек рес-

публики, содействовали работе молодежных комиссий представительных органов и тем самым способствовали развитию и укреплению государственного строительства.

Более постоянными, конкретными и деловыми были отношения комсомола Беларуси с исполнительными органами власти республики и общественными организациями, особенно с профсоюзными. Этому способствовало то, что комсомольские работники на районном, городском, областном и республиканском уровнях были введены в коллегиальные государственные органы. К примеру, в состав коллегии Минвуза БССР в рассматриваемый период входили поочередно секретари ЦК ЛКСМБ Н. С. Нерад, В. В. Григорьев, Л. Н. Болонько, В. В. Гурин, А. П. Хандогин [16].

Тесные контакты ЦК ЛКСМБ и Минвуза республики положительно отразились на работе со студенческой молодежью. Благодаря им была создана разветвленная структура республиканского студенческого строительного отряда, организована деятельность Белорусского республиканского совета студенческих научных обществ, проводился республиканский смотр-конкурс на лучшую академическую группу вузов и средних специальных учебных заведений, студенты Беларуси участвовали во Всесоюзном конкурсе работ по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения и т. д. [17]. Они содействовали подготовке высококвалифицированных специалистов народного хозяйства, выработке у них навыков ведения общественно-политической работы в трудовых и учебных коллективах, а представители ЦК ЛКСМБ получали знания, умения и навыки государственной деятельности в сфере образования.

Не менее тесные контакты были налажены ЦК ЛКСМБ с Министерством культуры БССР, в состав его коллегии с 1970-х гг. по конец 1980-х гг. входили секретари ЦК ЛКСМБ Г. П. Антипов, В. Д. Егоров, И. А. Сороковик, В. В. Гурин, В. Н. Драговец и Н. М. Самофалов. Такое положение позволяло решать многие вопросы талантливой творческой молодежи: культурного обслуживания ударных комсомольских строек и подшефных воинских частей, проведения республиканских семинаров творческой и научной молодежи, присуждения премий Ленинского комсомола Беларуси в области литературы и искусства, повышения эффективности работы культпросветучреждений, творческих коллективов Беларуси и подбора кадров для них, организации конкурсов на лучшее произведение литературы и искусства о молодежи, комсомоле Беларуси и др. [18; 19].

Аналогичные отношения были налажены и с другими органами государственного управления и общественными организациями республики, особенно с Госкомитетом БССР по физической культуре и спорту. Секретари ЦК ЛКСМБ А. А. Соколовский, В. В. Григорьев, В. И. Радомский, К. М. Платонов, В. Д. Егоров, И. А. Сороковик, А. П. Хандогин, М. В. Подгайный входили в состав его коллегии, а представители руководства Комитета В. П. Сазанович, И. П. Гутько, А. П. Хандогин – в состав бюро ЦК ЛКСМБ [20; 21].

Таким образом, развитие такой общественно-политической организации, как ЛКСМБ, являлось хорошей школой подготовки кадров для всех сфер жизнедеятельности Беларуси, в том числе для государственных органов на республиканском и местном уровнях. Ее представители с нетрадиционными взглядами, энергией, энтузиазмом, высоким образовательным уровнем вносили в государственные органы предположения по их совершенствованию, часть из которых принималась, и в то же время получали определенный кругозор знаний, умений и навыков государственной деятельности. Все это содействовало укреплению государственного строительства в БССР. Такая практика деятельности ЛКСМБ в государственном строительстве может быть в определенной мере использована ныне БРСМ с учетом нового общественно-политического положения современного общества и возможностей суверенного государства.

Список использованных источников

1. Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам. БССР. 1944 – 1982. Библиографический указатель / сост. В. Н. Михнюк, Л. Н. Новицкая. – Минск: Ин-т истории АН БССР, Гос. библиотека БССР им. В. И. Ленина, 1982. – 109 с.
2. *Жукович, Г. С.* Участие комсомола в государственном управлении / Г. С. Жукович. – Минск: Наука и техника, 1969. – 116 с.
3. *Сороковик, И. А.* Руководство воспитательным процессом в ЛКСМ Беларуси. 1966–1991 / И. А. Сороковик. – Минск: Эксперспектива, 2013. – 364 с.
4. *Тили, Ч.* Война и строительство государства как организованная преступность [Электронный ресурс] / Ч. Тили. – Режим доступа: <https://commons.com.ua/uk/vojna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovanna-ya-prestupnost/>. – Дата доступа: 17.01.2024.
5. Ленинский комсомол Белоруссии в цифрах и фактах, 1920–1980 / И. А. Сороковик [и др.]. – Минск: Беларусь, 1980. – 142 с.
6. Виртуальная выставка документов «Вьется дорога длинная, здравствуй земля целинная!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://narb.by/ru/document-17533.html>. – Дата доступа: 18.01.2024.
7. Цит. по: *Сулемов, В. А.* Союз молодых борцов: теория, исторический опыт и современные проблемы комсомольского строительства / В. А. Сулемов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 143 с.
8. Наследникам революции: Документы партии о комсомоле и молодежи. – М.: Мол. гвардия, 1969. – 591 с.
9. В. И. Ленин, КПСС о партийном руководстве комсомолом. – М.: Политиздат, 1978. – 670 с.
10. *Ильинский, И. М.* ВЛКСМ в политической системе советского общества / И. М. Ильинский. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 239 с.
11. Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 590 с.
12. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 63. Оп. 7. Д. 180. Л. 68; Оп. 30. Д. 207. Л. 54–55.
13. Там же. – Д. 204. Л. 54; Оп. 30. Д. 207. Л. 4.
14. Там же. – Д. 248. Л. 10.

15. Там же. – Д. 193. Л. 24.
16. СЗ БССР. – 1967. – № 26. – Ст. 368; – 1971. – № 36. – Ст. 590; – 1974. – № 34. – Ст. 573; – 1979. – № 29. – Ст. 508; – 1983. – № 4. – Ст. 94; – 1984. – № 19. – Ст. 274.
17. НАРБ. Ф. 63. Оп. 7. Д. 152. Л. 182; Д. 462. Л. 20; Д. 195. Л. 66; Д. 216. Л. 174; Д. 226. Л. 39; Д. 232. Л. 51; Д. 258. Л. 9; Д. 314. Л. 17; Д. 370. Л. 10; Д. 318. Л. 6.
18. Там же. Д. 410, л. 18; д. 438, л. 6; д. 340, л. 69; д. 418, л. 20; д. 320, л. 8; д. 147, л. 73а; д. 169, л. 72; д. 207, л. 51; д. 226, л. 50; д. 284, л. 34; д. 286, л. 245; д. 438, л. 76; д. 452, л. 12; д. 362, л. 70; д. 143, л. 61; д. 145, л. 74; д. 180, л. 42; д. 256, л. 56.
19. СЗ БССР – 1970. – № 8. – Ст. 100; – 1974. – № 21. – Ст. 347; – 1978. – № 24. – Ст. 484; – 1982. – № 26. – Ст. 511; – 1986. – № 5.
20. СЗ БССР. – 1986. – № 26. – Ст. 341; 1969. – № 8. – Ст. 149; 1971 – № 10. – Ст. 145; 1972. – № 11. – Ст. 172; 1973. – № 33. – Ст. 535; 1975. – № 12. – Ст. 190; 1978. – № 20. – Ст. 409; 1982. – № 14. – Ст. 258; 1987. – № 2. – Ст. 30.
21. Пленум ЦК ЛКСМ Белоруссии // Знамя юности. – 1974. – 1 марта; – 1978. – 3 марта; – 1982. – 27 марта; – 1987. – 7 марта.

(Дата подачи: 12.02.2024 г.)

A. A. Spartak

Белорусская государственная академия связи, Минск

A. Spartak

Belarusian State Academy of Communications, Minsk

УДК 94(32)+930.85(043.3)

КАТЕГОРИИ ЦВЕТА И МАТЕРИАЛА В ВОСПРИЯТИИ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

CATEGORIES OF COLOR AND MATERIAL IN THE PERCEPTION OF THE ANCIENT EGYPTIANS

В статье раскрываются механизмы появления и смысловое наполнение категорий цвета и материала в древнеегипетском языке. Исследуется, в какой последовательности эти категории возникали и как этот процесс в древнеегипетском языке соотносится с теорией Б. Берлина и П. Кея о базисных цветовых терминах.

Ключевые слова: Древний Египет; цвет; материал; египетский язык; цветовые категории.

In the article, the author examines in detail the question of the mechanisms of appearance and semantic content of the categories of color and material in the ancient Egyptian language. The article examines the order of occurrence of these categories in the ancient Egyptian language and how it relates to the theory of B. Berlin and P. Kay about basic color terms.

Keywords: Ancient Egypt; color; material; Egyptian language; color categories.

Вопросы реконструкции языковых категорий весьма актуальны в египтологии. Египетский язык хоть и был расшифрован Ж. Ф. Шампольоном в 1822 г., и с тех пор написано немало трудов, посвященных грамматике

этого языка и словарей, тем не менее значение многих категорий этого языка для нас до сих пор является загадкой, в том числе категорий цвета и материала. В этой связи очень интересным представляется исследование принципов египетского языка, положенных в основу наименований цветов и материалов.

В труде Б. Берлина и П. Кея «Базисные цветовые термины» (1969) [1] было высказано мнение о том, что различные языки делят цветовой спектр одинаково. При этом определенные названия цветовых категорий появляются во всех языках в определенном порядке. Порядок появления названий цвета тесно связан с развитием человеческого общества в целом. И в нем можно разглядеть корни психологического восприятия цвета, которое не сильно различается у разных народов.

I стадия. В языке появляются два названия цвета – «светлый» (белый, и еще все «теплые» цвета – красно-оранжевый, желтый) и «темный» (черный и все «холодные» цвета – сине-зеленый, голубой, сиреневый). Светлый – это день, солнце, свет, любой источник света. Поэтому сюда же прибавляются на первых порах и теплые цвета – огня и солнца. Темный – это ночь, мрак, темнота. Туда же добавляются темные цвета холодной части спектра – они появляются на небе ближе к ночи.

II стадия. Появляется отдельное название для *красного* цвета. «Светлый» и «темный» больше сдвигаются к значению черный и белый.

III стадия. Появляется либо желтый цвет, либо зеленый. Название для какого цвета появится быстрее зависит от потребностей общества. Появившееся слово означает два этих цвета сразу; еще есть красный, белый и черный (к которому относятся еще синий и фиолетовый).

IV стадия. На этой стадии понятия желтый и зеленый разделяются. Для каждого из них появляется свое слово. На этой стадии зеленый обозначает и зеленые, и синие оттенки.

V стадия. Появляется отдельное название для синего цвета – цвета воды и неба.

VI стадия. Появляется коричневый.

VII стадия. Появляется фиолетовый, розовый и оранжевый.

Одна из закономерностей, обнаруженных исследователями, заключалась в том, что «существуют базисные наименования цвета. 11 базовых категорий восприятия цвета психофизиологически соотносятся с 11 или меньше базовыми терминами цвета в любом языке» [1, р. 104].

Также в любом языке существуют фокусные цвета. Или цвета, которые наиболее характерны для конкретного наименования. Например, в египетском языке есть красный dSr – по всей вероятности, этот спектр включал в себя все теплые цвета (красный, желтый, коричневый), но фокус был именно на красном. То же самое с зелено-синим цветом wAD, по всей видимости, фокусным цветом в этой категории был зеленый.

Наименования египетских цветов известны с середины III тыс. до н. э. и не изменились до стадии коптского языка. В египетском языке мы имеем

4 базовых наименования цвета (к базовым также относят наименование текстуры sAb) и несколько вторичных наименований [2, p. 145]:

Таблица 1

Обозначение цветов в египетском языке

Обозначение в иероглифике	Транслитерация/Номер TLA	Значение	Время первой фиксации в языке
базовые			
	HD (lemma-no. 112300)	Белый, светлый, яркий, цвет солнечного света	ДЦ
	Km (lemma-no. 164320)	Черный, цвет грунта	ДЦ
	dSg (lemma-no. 180690)	Красный, цвет розового фламинго	ДЦ
	Tms (lemma-no. 175540)	Красный, употреблялось только в сочетании с dSg	ДЦ
	wAD (lemma-no. 600304)	Зеленый, свежий, молодой	ДЦ
	sAb (lemma-no. 126650)	Пестрый, разноцветный, красочный	ДЦ
вторичные			
 [Wb 3, 334.1-13; Harris, Minerals, 124 ff.]	xsbD (lemma-no. 120700)	Ляпис-лазурь, лазурит; заменитель лазурита (фаянс, стекло)	ДЦ
	jrt.w (lemma-no. 29990)	Фиолетовый, синекрасный	ДЦ
 [Wb 2, 56.1-14; Harris, Minerals, 106 ff.]	mfkA.t (lemma-no. 69410)	Бирюзовый	ДЦ
	jnm (lemma-no. 27420)	Цвет кожи	ДЦ

Слово sAb – пестрый, разноцветный, красочный использовалось для обозначения цвета шкур животных, кожи змей, оперения птиц и др.

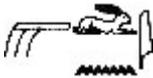
Таблица 2

Значение древнеегипетского sAb

 sAb идеограмма, обозначающая шкуру коровы	Семантическое поле значений	
	Hw,t-jaH sAb	пестрый храм Луны (локация в загробном мире)
	nm(H) sAb(H)	пестрый нож
	sAb Sw,t	пестрое оперение (эпитет Хора)

Стоит также отметить, что данные категории характерны для египетского языка, в изобразительном искусстве набор базовых цветов мог быть гораздо более широким. В египетском языке также не было отдельного четко определенного термина для обозначения желтого.

Понятие «цвет» обозначалось словом с детерминативом «волосы»

jwn – цвет, природа, сущность [TLA: lemma-no. 22570,

Wb 1, 52.10-18]. Существует достаточно примеров того, что слово jwn использовалось как обозначение «цвета» материала/вещества [3, р. 414–415]. Основная часть употреблений слова jwn, как отмечал Э. Харрис, это словосочетания, содержащие металлы и камни [4, р. 225–226]. С точки зрения древних египтян, цвет был неотъемлемой частью всего сущего. Однозначно можно говорить о том, что названия цветов (условно, прилагательные¹) произошли от соответствующих существительных. Наличие в египетском языке слова, обозначающего «цвет», показывает, что цвет воспринимался как отдельная область, но не ясно, какое общее значение это имело.

Белый

В Древнем Египте белый цвет (hdj и shsp) был цветом солнца, дневного света.

(Rubrum: j:Rubrum) wbn psD jm,j jtn = f sHD HD dp pA n,tj jtn jm [TLA]

О, который восходит и сияет в своем диске, кто освещает просветленную, что он чувствует, с кем находится солнечный диск!

Корона Верхнего Египта была белой (nfr.t), хотя изначально она, вероятно, была сделана из зеленого камыша (Urk. IV, 296, 3). В египетском искусстве чистый белый цвет создавался из мела и гипса. Белой, в отличие от натурального кремового цвета, свежевывстиранной была одежда, которую носили все, кто мог себе это позволить, а времена хаоса, как сетовал Ипувер: «Повсюду грязь. Ни у кого нет белой одежды в это время» («Реченье Ипувера» [5, р. 151]).

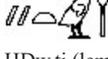
Название города Мемфис означало «Белые стены» (jnb,w-HD.t). Во время религиозных церемоний жрецы носили белые сандалии, а белые чаши

¹ Для египетского языка выделение частей речи достаточно затруднительно.

использовали для возлияния. В «Поучении Мерикара» выражение «носить белые сандали HD.tj» используется для описания «быть священником» [5, р. 102]. В Мемфисе стол для бальзамирования быка Аписа был сделан из белого алебастра. Статуи бога Нефертема, символом которого был белый цветок лотоса, часто делали из серебра, чтобы проиллюстрировать его связь с солнечным светом. Многие священные предметы были сделаны из белого алебастра, и многие священные животные (например, быки, коровы и бегемоты) также были белыми.

Таблица 3

Древнеегипетская категория белого цвета

Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	египетский	русский
 HD, производное от HD (lemma-no. 112290) <i>булава</i>	 nfr.t (lemma-no. 83720)	белая корона Верхнего Египта
	 HD.t (lemma-no. 112440)	
	 HD (lemma-no. 112320)	свет, блеск, свечение
	 HDw.t (lemma-no. 112740)	
	 HDDw.t (lemma-no. 112940)	лучи света
	 HDw.tj (lemma-no. 112750)	принадлежащий свету
	 HD (lemma-no. 112330)	серебро
	 HD.t (lemma-no. 12460)	молоко
	 HD.tj (lemma-no. 12540)	белые сандали
	HD-Hr	яркий

Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	египетский	русский
		кость
	HD (lemma-no. 112350)	
		рассвет, утро, букв. светлая земля
	HD-tA (lemma-no. 112630)	
	sHD	освещать, делать чистым
	Словосочетания, использующие категорию белый	
	jbH.(Pl.)=f HD.w wDA.w	белые целые зубы
	jrj mnw HD	белое вино
	jbH.(Pl.) Hr,w HD.w	белые зубы Хора
	jr,t.(Du.) Hr,w km.t HD(.t)	два глаза Хора, черный и белый
(mnw) HD hATs (mnw) km hATs fA.t	кувшин из белого кварца и черного кварца	
HD.t afn,t	белый платок	
t-HD	белый хлеб	
sS,t HD(.t)	белое зерно	
jnb,w-HD.t	белые стены, Мемфис	
Близкие по значению слова		
	psD (lemma-no. 62420)	сиять, сияющий
	psD (lemma-no. 62430)	свет
	psD.t (lemma-no. 62480)	сияющий
	sSp (lemma-no. 144860)	дневной свет
	sSp (lemma-no. 144850)	быть ярким; сиять; осветлить
	THn (lemma-no. 176570)	быть ярким; мерцать; ослеплять
	THn (lemma-no. 176580)	осветлить; развлекать

Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	египетский	русский
	THn (lemma-no. 176590)	яркость
	THn.y (lemma-no. 176690)	сияющий (эпитет солнечного бога)

Черный

В Древнем Египте черный цвет – цвет угля.

km Snj =s r km n grH r j(A)rr(t) jdb[,(Du.)] [TLA]

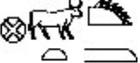
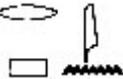
Ее волосы чернее ночной тьмы, чем египетский виноград.

Черными в понимании древних египтян были такие вещества, как сажа, молотый древесный уголь или обожженные кости животных. Черный был символом смерти и ночи. Осириса, повелителя загробной жизни, называли «черным». ... имея в виду не только его роль в преступном мире, но и его воскресение после того, как он был убит. Царица Яхмос-Нефертари была покровительницей некрополя, и ее обычно изображали с черной кожей. Черные изображения царицы воплощают концепцию возрождения, как плодородная прародительница королевской линии XVIII династии. Анубис, бог бальзамирования, изображался в виде черного шакала или собаки, хотя настоящие шакалы и собаки обычно коричневые.

Таблица 4

Древнеегипетская категория черного цвета

Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
 <i>km (kmm)</i> (lemma-no. 401218); производное от <i>km</i> (lemma-no. 164300) – идеограмма, обозначающая кучу горящего угля	Быть черным; быть темным, черный, темный	
	 km.t (lemma-no. 164430)	черная земля, плодородная земля; Египет
	 km.tj (lemma-no. 164440)	египтяне
	 km (lemma-no. 164280)	Корона Нижнего Египта
	 km (lemma-no. 164330)	(зрачок (букв. черный глаз))

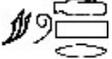
Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	 km (lemma-no. 164340)	черная кожа
	 km (lemma-no. 164360)	Серапиум, дословно «черный» (Птолем. период)
	 km (kA.t) (lemma-no. 164540)	законченная работа
	 km-wr (lemma-no. 164500)	Большой черный (Атрибис)
	 km.t (lemma-no. 164470)	большой гранитный сосуд
	kA km	черная змея
	(mnw) km hATs	кувшин из черного кварца
	zj km zA zj,t km.t	черный баран, сын черной овцы
	nm km	черный нож
	Dw(t).(Pl.) km.wt	черные горы
	jnm km	черная кожа
	jd,t.(Du.) km.tj	черные коровы
	mn,w [9.11 (= alt 13.11)] km(.w)	черная ткань
 jnr (lemma-no. 27560) камень	jnr km	черный камень (диорит)
 Hmt (lemma-no. 450114) медь	Hmt km { .t.(Pl.) }	черная медь

Красный

Египетский красный dSr соотносился с цветом пустыни dSrt. Кроме того, это еще и цвет розового фламинго. То есть наиболее ярко-алой части оперения птицы. Помимо этого, традиционно красный – это цвет крови и цвет огня. Естественно, dSr не был монохромнен. Он содержал в себе свет одного цвета (длины волны), воспринимаемый, как один оттенок (в отличие от полихромного, содержащего различные цвета).

Таблица 5

Древнеегипетская категория красного цвета

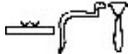
Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	египетский	русский
 dSr (lemma-no. 180690) производное от dSr (lemma-no. 180680) фламинго	 dSr (lemma-no. 550232)	красный; яростный
	 dSr (lemma-no. 180700)	покраснение (мед.)
	 dSr (lemma-no. 180730)	красное растение
	 dSr (lemma-no. 180750)	кровожадность, злость
	 dSr (lemma-no. 180760)	грязь
	 dSr (lemma-no. 180770)	Красный бычок (подношение)
	Hr,w dS(r) jr,(t).(Du.)	красноглазый Хор
	dSr sD,t	красный огонь
	bAbwj dSr msDr Tms ar,t	красное ухо, красный огузок Баби
	jr,t.(Du.) =fj dSr	красные (больные) глаза
	znf dSr	красная кровь
	mw dSr {t}	красная вода
	dSr.[tj] [mj] [stX]	красный как Сет
nt	красная корона	

Зеленый

Цвет текстов пирамид. В Древнем Египте зеленый цвет (wAD) изначально был цветом папируса – папирусный. Производился из малахита, природной медной руды, а затем мог быть произведен из пасты, полученной путем смешивания оксидов меди и железа с кремнеземом и кальцием. Для Нового царства очень характерно обозначение через wAD процветания, здоровья. Зеленый был цветом растительности и новой жизни, воскрешения.

Таблица 6

Древнеегипетская категория зеленого цвета

Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	египетский	русский
 wAD (lemma-no. 600304), производное от wAD (lemma-no. 43530)	 wAD (lemma-no. 43570)	свежие специи
	 wAD (lemma-no. 43590)	счастливый
	 wAD (lemma-no. 43610)	свежее зерно
	 wAD (lemma-no. 43620)	зеленый камень, малахит
	 wAD (lemma-no. 43630)	зеленый минерал, малахит
	 wAD.w (lemma-no. 43910)	зеленая краска для глаз; зеленый пигмент
	 wAD (lemma-no. 43640)	зеленая трубчатая бусина
	 wAD.y (lemma-no. 43600)	зеленые растения
	 wAD.yt (lemma-no. 43900)	гипостильный зал (зал с колоннами)

Наименование/ происхождение цвета	Семантическое поле значений	
	египетский	русский
Словосочетания, использующие категорию цвета «зеленый»		
	wAD Sw,t	зеленое перо
	wAD.t sx,t.(Pl.)	зеленые поля
	qAd wAD	зеленое растение
	wAD (Kartusche tjtj Kartusche) Hna =k	зеленый Тети
	[wAD] wAD(w) n(j) jt(j)	зеленая краска для глаз
	wjA wAD	зеленая барка
	wAD skA.(Pl.)	свежий урожай
	wAD tA	зеленая земля
	wAD ns	зеленое пламя
	wAD kA = j	зеленое ка

Описанные выше цвета египетского языка свидетельствуют о правильности теории Б. Берлина и П. Кея и соответствуют первым 4 стадиям развития Стадии III в развитии языка. Однако отсутствие желтого нам говорит об отсутствии Стадии IV в египетском. Стадия V совпадает. В египетском языке появляются наименования для оттенков синего цвета в сочетании с желтым или зеленым.

Египетский синий xsbD – композитный материал, состоявший из кварца, кальцита и соединения меди, имитировал насыщенный синий цвет, цвет лазурита [6].

Древнеегипетское название бирюзы – mfkA.t, Берлинский словарь переводит эту категорию как «бирюзовый», «зеленый полудрагоценный камень, который египтяне добывали прежде всего на Синайском полуострове (мы обычно переводим «малахит» или «бирюза») и его искусственные имитации» [Wb, Bd. II, S. 56, 1–4].

О. В. Томашевич была высказана точка зрения, о том, что «египтяне давали обозначение материалу по цвету, а не по химическому составу» и что «главным для древних было цветное сочетание – оно давало предмету магическую силу» [7, с. 55].

Выражения nfr mfkA.t, mfkA.t mAat, mfkA.t mAt использовались для обозначения интенсивно окрашенной недавно добытой бирюзы (ее цвет может меняться от соприкосновения с телом, от воздействия жидкостей и масел, солнечного света, тепла и т. д.) в противоположность mfkA.t wDH, с которой произошло уже нечто из перечисленного в скобках [7, с. 55–56].

Таким образом, египтяне не выделяли конкретно синий цвет, или цвет неба (голубой), как, к примеру, в русском языке. Это были различные оттенки синего, зеленого и желтого.

Подытоживая, мы можем сделать несколько выводов:

1. Понятие «цвет» в древнеегипетском языке обозначалось словом *jwn* – *цвет, природа, сущность* (TLA: lemma-но. 22570, Wb 1, 52.10-18). Существует достаточно примеров того, что слово *jwn* использовалось как обозначение «цвета» материала/вещества. Основная часть употреблений слова *jwn*, как отмечал Э. Харрис, это словосочетания, содержащие металлы и камни.

2. С точки зрения древних египтян, цвет был неотъемлемой частью всего сущего. Однозначно можно говорить о том, что названия цветов (условно, прилагательные) произошли от соответствующих существительных.

3. Наличие в египетском языке слова, обозначающего «цвет», показывает, что цвет воспринимался как отдельная область, но не ясно, какое общее значение это имело.

4. В египетском языке цвета возникали практически в той последовательности, которая была найдена Б. Берлином и П. Кеем. За исключением, пожалуй, стадии появления синего.

5. Эволюция классификации цветов и их использования – это активный процесс, и теория Б. Берлина и П. Кея не обязательно подразумевает какой-либо простой «детерминизм». Египетские материалы подтверждают, что кодирующая последовательность исследователей реальна. Однако требует внесения коррективов с учетом древнеегипетского материала.

Перечень сокращений и условных обозначений

TLA – Thesaurus Linguae Aegyptiae

Urk. – K. Sethe, *Urkunden der 18. Dynastie*

Wb – A. Erman, H. Grapow, *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache* [8]

Список использованных источников

1. *Berlin, B.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 178 p.

2. *Schenkel, W.* Die Farben in ägyptischer Kunst und Sprache / W. Schenkel. – *Zeitsch Altentumskunde* 88:131-147.

3. *Kees, H.* Farbensymbolik in ägyptischen religiösen Texten / H. Kees // *Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse.* – 1943. – № 11. – S. 414-479.

4. *Harris, J. R.* Lexicographical studies in ancient Egyptian minerals / J. R. Harris. – Akademie Verlag, 1961. – 262 p.

5. *Lichtheim, M.* Ancient Egyptian Literature. A Book of Readings / M. Lichtheim. – Vol. 1, The Old and Middle Kingdoms. – Berkeley: University of California Press, 1973.

6. *Baines, J.* Color Terminology and Color Classification: Ancient Egyptian Color Terminology and Polychromy / J. Baines // *American Anthropologist.* – 1985. – 87(2). – P. 282-297.

7. *Томашевич, О. В.* Радость по-древнеегипетски – бирюза / О. В. Томашевич // *Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести = Beatitudo non est virtutis praemium sed ipsa virtus: материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 70-летию юбилею*

проф. В. А. Федосика, Минск, 9 февр. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. О. Евтухов (гл. ред.), О. И. Малогин, А. А. Прохоров. – Минск: БГУ, 2021. – С. 55–63.

8. *Erman, A. Wörterbuch der ägyptischen Sprache / A. Erman, H. Grapow. – Bd. I–V. – Berlin, 1930. – 400 S.*

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

К. В. Стволыгин

Белорусский государственный университет, Минск

K. Stvolysin

Belarusian State University, Minsk

УДК 355.212.3(470)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВОЙНЫ И МИРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

BASIC APPROACHES TO THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN STUDIES OF THE PRE-OCTOBER PERIOD OF RUSSIAN HISTORY

В статье отражены результаты изучения основных подходов к проблеме войны и мира, нашедших свое отражение в исследованиях дооктябрьского периода российской истории. Рассматриваются подходы к проблеме соотношения войны и мира, возможности предотвращения войн с использованием правовых норм, экономические и социальные последствия войн, допустимости участия в войнах христиан. Особое внимание в статье уделено анализу публикаций, показывающих неоднозначное отношение исследователей к религиозному сектантству и его пацифистским устремлениям.

Ключевые слова: проблема войны и мира; ненасилие; религиозное сектантство; пацифистские убеждения.

The article reflects the results of a study of the main approaches to the problem of war and peace, which were reflected in studies of the pre-October period of Russian history. Approaches to the problem of the relationship between war and peace, the possibility of preventing wars using legal norms, the economic and social consequences of wars, and the admissibility of Christian participation in wars are considered. Particular attention in the article is paid to the analysis of publications showing the ambiguous attitude of researchers towards religious sectarianism and its pacifist aspirations.

Keywords: the problem of war and peace; nonviolence; religious sectarianism; pacifist beliefs.

Проблема войны и мира была и остается в числе основных проблем человечества. Значительные людские потери в двух мировых войнах, более чем в 200 крупномасштабных войнах, локальных военных конфликтах XX в. [1, с. 5] не стали непреодолимым препятствием на пути войн

и военных конфликтов в XXI в. Более того, если в самом начале текущего века опасность новой мировой войны представлялась маловероятной, то в настоящее время ситуация изменилась далеко не в лучшую сторону, особенно если учесть тенденцию неуклонного распространения ядерного оружия. Известное высказывание Альберта Эйнштейна о том, что третья мировая война будет вестись неизвестным ему оружием, а четвертая – палками и камнями уже не кажется несбыточным пророчеством с той только разницей, что палками и камнями после третьей мировой войны воевать будет, судя по всему, просто некому.

Перечисленные выше обстоятельства обуславливают настоятельную потребность поиска и реализации эффективных путей сокращения числа военных конфликтов, их последствий, недопущения новой мировой войны. Реализация этой потребности предполагает всесторонний учет соответствующего исторического опыта, накопленного человечеством. В этой связи несомненный интерес представляют основные подходы в исследованиях проблемы войны и мира, нашедшие свое отражение в научных трудах дооктябрьского периода российской истории.

В рамках дооктябрьского периода российской истории был опубликован ряд работ, авторы которых исследовали вопросы соотношения войны и мира, возможности предотвращения войн с использованием правовых норм, экономические и социальные последствия войн, допустимости участия в войнах христиан. В Российской империи в XIX в. начинало зарождаться пацифистское движение, базирующееся уже не на религиозных убеждениях, а на идеях миротворчества, аморальности и недопустимости любой войны, бесполезности гонки вооружений. Первыми такими пацифистами стали представители верхушки общества – государственные деятели, юристы, экономисты. Российские пацифисты своей стратегической целью ставили замену режима войн и насилия между народами режимом правового порядка в международных отношениях. К наиболее значимым работам российских авторов, отражающим вопросы соотношения войны и мира, возможности предотвращения войн с использованием правовых норм, экономические и социальные последствия войн, опубликованным в исследуемый исторический период, следует отнести работы В. Ф. Малиновского, И. С. Блюха, М. А. Таубе, Л. Н. Толстого, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, В. М. Гессена, Л. А. Комаровского, Н. А. Зозерского, В. Н. Тенищева и др.

Одной из первых в России научно-обоснованной юридической концепцией сохранения мира стали идеи русского просветителя, первого директора императорского лицея В. Ф. Малиновского. В последующем эти идеи легли в основу международно-правового направления в российском пацифизме начала XX в. Содержательный, но небольшой по объему труд В. Ф. Малиновского «Рассуждение о мире и войне» (1803) состоит из двух частей. Первая часть труда призвана сформировать всестороннее представление автора о проблеме мира и войны. Названия трех из семи разделов пер-

вой части («Мнимые пользы войны», «Бедствия войны», «Выгоды мира») позволяют понять отношение автора к войне. Так, В. Ф. Малиновский пишет «Война заключает в себе все бедствия, коим человек по природе может подвергнуться, соединяя всю свирепость зверей с искусством человеческого разума, устремленного на пагубу людей» [2, с. 41]. Вторая часть труда содержит конкретные предложения, направленные на предотвращение войн и их пагубных последствий, в числе которых: принятие соответствующих общенародных законов; учреждение общего совета, состоящего из полномочных союзных народов, обеспечивающего соблюдение этих законов; ограничение «свирепости» войн и вооружений.

В объемном 6-томном труде за авторством И. С. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», на основании анализа развития военной техники и вооружений в конце XIX в., прогноза ее возможных последствий в различных сферах жизни общества, был сделан вывод о губительности будущей войны, независимо от ее исхода, как для России, так и для других европейских стран [3]. Данный труд приобрел широкую известность в европейских странах, знакомство с ним Николая II способствовало созыву в 1899 г. Гаагской мирной конференции.

В исследовании М. А. Таубе «История зарождения современного международного права (средние века)», изданном в 1899 г., целью ставилось отображение картины вековой борьбы насилия и произвола отдельных полуварварских еще государств с возникающими началами мира и права. М. А. Таубе особо подчеркивает: «В настоящее время, когда идея международного мира более чем когда-либо привлекает к себе внимание всего цивилизованного общества народов, и во главе этого гуманитарного движения стоит снова Россия» [4, с. II].

Значимое место среди авторов дооктябрьского периода занимает Л. Н. Толстой. В своих многочисленных произведениях, отражающих положения его религиозно-философского учения, Л. Н. Толстой доказывал не только недопустимость насилия и любых войн, но и недопустимость всего того, что могло способствовать войнам, в частности – позитивного отношения к военной службе [5, с. 52–57]. Л. Н. Толстой в своих работах высказывал одобрение пацифистским убеждениям сектантов, поддержку их действий по отстаиванию данных убеждений. Некоторые из работ Л. Н. Толстого были обращены непосредственно к военным: «Солдатская памятка» [6], «Письмо к фельдфебелю» [7], «Офицерская памятка» [8]. Основной смысл этих работ – ничто не может служить оправданием убийства даже на войне, в том числе и приказы начальства; ответственность всегда будет лежать на том, кто совершил убийство.

Учение о ненасилии Л. Н. Толстого породило неоднозначное восприятие в обществе. В 1925 г. выходит в свет работа русского философа, писателя и публициста И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» [9]. Уже само название этой работы наталкивает на мысль об ее основной идее – отрицании

учения Л. Н. Толстого. Данное отрицание затрагивает прежде всего проблему радикального неприятия Л. Н. Толстым насилия и войны.

Другой известный российский философ Н. А. Бердяев относительно подходов Л. Н. Толстого и И. А. Ильина о недопустимости или допустимости ведения войн занимает срединную позицию. В период Первой мировой войны Н. А. Бердяевым написана статья «Психология войны и смысл войны», включенная в книгу «Судьба России» [10]. В данной статье, Н. А. Бердяев пишет: «Милитаризм и пацифизм – одинаковая ложь. И там, и здесь – внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [10, с. 183]. Важным представляется и подход Н. А. Бердяева к отрицанию войны и насилия, предельно точно сформулированный в той же статье: «Абсолютное отрицание насилия и войны возможно лишь как явление глубоко индивидуальное, а не как норма и закон» [10, с. 182].

Учение о ненасилии Л. Н. Толстого не получило поддержки и у русского религиозного мыслителя и публициста В. С. Соловьева. Позиция данного исследователя наиболее рельефно отражена в его философском сочинении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», написанном в 1899 г. В предисловии к этому сочинению В. С. Соловьев пишет: «Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях» [11, с. XV].

Несомненный интерес являет собой позиция русского философа, религиозного мыслителя С. Л. Франка. В статье «О поисках смысла войны» С. Л. Франк рассматривает войну как зло и грех, право на безусловный отказ от участия в войне он оставляет за монахами и отшельниками, которые в его понимании никогда не используют плодов войны, им не нужно само государство, ведущее войну и все, что дает человеку государство. Люди, готовые воспользоваться плодами войны и нуждающиеся в государстве, несут ответственность за его судьбу [12, с. 402–412]. Следовательно, эти люди, невзирая на греховность войны, должны участвовать в ней, если войну ведет государство, где они проживают и благами которого пользуются. Таким образом С. Л. Франк обозначил подход к определению условий, дающих гражданам право на освобождение от обязательной военной службы вследствие своих убеждений.

Рассматривая основные подходы в исследованиях проблемы войны и мира дооктябрьского периода российской истории, нельзя оставить без внимания труды о допустимости участия в войнах христиан. Значимость этих работ очевидна – подавляющая часть населения Российской империи исповедовала христианство. Кроме того, в дооктябрьской России отмечался устойчивый рост численности религиозных сект, в том числе и тех, верования которых входили в противоречие с несением военной службы, отвергали участие в любых войнах.

Результаты изучения проблемы трансформации христианских воззрений на проблему войны и мира отражены в работах М. А. Таубе [4], Н. А. Заозерского [13], В. М. Гессена [14] и др. В частности, М. А. Таубе отмечал: «...война, считавшаяся в I–III веках нашей эры безусловно недозволённой и противную самым основным началам христианства, провозглашается теперь, в новой «христианской» империи Рима (открывающей собой средние века), чем-то совершенно независимым от этих начал [4, с. 6]. Н. А. Заозерский в своей работе «Отношение Святой Православной Церкви к миру и войне по учению ее канонического права», написанной по поводу современных движений в литературе за общенародный мир и против милитаризма, отмечает: «Что касается отношения Церкви Православной к миру, то оно одно и то же всегда, весьма ясно и определено: Церковь всем желает мира; усиленно, день и ночь, молится о мире и – можно без преувеличения сказать – трепещет перед войной как ужасным бедствием. Но, может быть, это только – в мирное время; а во время войны Церковь не молится о мире всего мира...» [13, с. 46]. В. М. Гессен в работе «О вечном мире» приходит к следующему выводу: «С незапамятного времени и вплоть до наших дней идея мира неудержимо крепнет и растет в сознании и совести цивилизованных народов. Питаемая человеческим прогрессом во всех его проявлениях, идея мира раньше или позже неизбежно восторжествует над идеей войны...» [14, с. 46].

В дооктябрьский период увидел свет ряд работ по проблеме религиозно-сектантства. В связи с ростом его численности данная проблема приобретает особую значимость и находит свое отражение в трудах Т. И. Буткевича [15], А. С. Пругавина [16], В. Д. Бонч-Бруевича [17] и др.

Т. И. Буткевич – протоиерей, член Святейшего Правительствующего Синода, в своем объемном труде «Обзор русских сект и их толков» (1910) демонстрирует негативное отношение к религиозному сектантству. В частности, Т. И. Буткевич отмечает: «...секты появляются и развиваются только на почве патологического состояния человеческого духа, подавленного похотями и страстями, а прежде всего гордостью» [15, с. 12].

В работе «О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства», написанной публицистом-этнографом, историком, исследователем раскола русской церкви А. С. Пругавиным и опубликованной в 1880 г., обосновывается необходимость всестороннего изучения сектантства как одного из «...наиболее ярких, наиболее характерных явлений народной жизни» [16, с. 1], имеющее «...огромное влияние как на умственный, так еще более на нравственный строй жизни русского народа...» [16, с. 2]. Сектантство позиционируется как раскол. При этом А. С. Пругавин отмечает «...мы очень плохо знаем историю раскола и почти совсем не знаем его современного состояния» [16, с. 3]. В подтверждение этого приводится противоречивая статистика раскола и предлагает программа изучения сектантства, включающая в себя 76 вопросов объединенных в восемь главных разделов (рубрик). Для А. С. Пругавина как исследователя характерна

скорее нейтральная позиция относительно религиозного сектантства, стремление к его максимально объективному изучению.

В отличие от многих авторов Российской империи (в большинстве своем «духовных писателей»), как их именует А. С. Пругавин), позитивное отношение к религиозным сектантам, их отрицанию военной службы отчетливо прослеживается в статьях В. Д. Бонч-Бруевича, написанных им в дооктябрьский период. Статьи вошли в сборник В. Д. Бонч-Бруевича «Из мира сектантов», изданный в 1922 г. [17]. Наиболее рельефно позиция В. Д. Бонч-Бруевича относительно сектантов, их роли в начавшейся Первой мировой войне, отражена в статье из этого сборника «Сектанты и война». Статья впервые была опубликована в журнале «Современный мир» в декабре 1914 г. В статье, в частности, приводится выдержка из заявления молодых сестер «духовных молокан»: «Мы, как духовные христиане, отрицающие всякое убийство, не вдаемся теперь в рассуждение, правы или не правы те люди, которые, убивая других, сами пали от меча, истекая кровью, но мы будем очень неправы если встанем равнодушно в стороне и будем смотреть на то, как около страдающих, помогая им, хлопочут другие. Мы поэтому не только должны, но и обязаны принять посильное участие в труде по оказанию помощи раненым» [17, с. 234]. Это воззвание глубоко убежденных антимилитаристов возымело свое действие во всей среде духовных христиан – духовных молокан.

Из числа публикаций дооктябрьского периода о российских сектантах особо выделим труды С. Д. Бондаря [18], Г. Г. Писаревского [19], Д. Г. Эппа [20] и др. о секте меннонитов, поскольку именно меннониты получили в Российской империи право на замену военной службы службой альтернативной. Самого пристального внимания заслуживает очерк С. Д. Бондаря «Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России)» [18]. В данной публикации в числе других освещаются вопросы воинской повинности меннонитов в России начала XX в., раскрывается состояние и организация лесных команд меннонитов, предназначенных для прохождения обязательной службы, заменяющей для них воинскую повинность. С. Д. Бондарь, в частности, отмечает: «В последнее время взгляд на допустимость военной службы начинает проникать и в сознание русских меннонитов. В настоящую войну некоторые молодые меннониты поступили в действующую армию добровольцами и некоторые из них пали смертью храбрых на поле брани» [18, с. 97].

В плане прогрессивного отношения к проблеме освобождения от воинской повинности по убеждениям в Российской империи начала XX в. показательна статья военного юриста В. А. Кузьмина-Караваева «Уклонение от воинской повинности», опубликованная в 1906 г. в литературно-политическом и историческом журнале «Вестник Европы» [21]. В статье предлагался конкретный порядок освобождения от военной службы по религиозным убеждениям, что указывает на актуальность проблемы такого освобождения в Российской империи уже в начале XX в.

Таким образом, изучение основных подходов к проблеме войны и мира, нашедших свое отражение в исследованиях дооктябрьского периода российской истории, позволяет сделать следующие выводы:

- в исследуемый период предпринимались попытки теоретически обосновать возможность мирного сосуществования стран, тем самым пацифистские воззрения получили дальнейшее развитие. Однако на практике в последующем избежать войн не удалось;

- продолжена проработка проблемы трансформации христианских воззрений на проблему войны и мира;

- в качестве актуальной признана и представлена проблема религиозно-сектантства в России как характерного явления народной жизни. В этой связи вставал вопрос об официальном признании и учете пацифистских убеждений религиозных сектантов, в том числе и при призыве их на военную службу.

Список использованных источников

1. *Анцупов, А. Я.* Конфликтология: учеб. для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шепилов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 551 с.

2. *Малиновский, В. Ф.* Избранные общественно-политические сочинения / В. Ф. Малиновский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 170 с.

3. *Блиох, И. С.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: Т. 1–5 / И. С. Блиох. – С.Пб.: тип. И. А. Ефрона. – 5 т.; 25. – 664 с.

4. *Таубе, М. А.* История зарождения современного международного права (средние века) / М. Таубе, барон. – Харьков, 1899. – Т. 2: Часть особенная. – 361 с.

5. *Ствольгин, К. В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений и альтернативная гражданская служба в России / К. В. Ствольгин. – Минск: БГУ, 2020. – 247 с.

6. *Толстой, Л. Н.* Солдатская памятка / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч.: в 90 т. – М., 1928–1958. – Т. 34. – С. 280–283.

7. *Толстой, Л. Н.* Письмо к фельдфебелю / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч.: в 90 т. – М., 1928–1958. – Т. 90. – С. 54–59.

8. *Толстой, Л. Н.* Офицерская памятка / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч.: в 90 т. – М., 1928–1958. – Т. 34. – С. 284–290.

9. *Ильин, И. А.* О сопротивлении злу силою [Текст] / И. А. Ильин. – 4-е изд. – М.: ДАРЪ, 2013. – 477 с.

10. *Бердяев, Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 240 с.

11. *Соловьев, В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об антихристе и с приложениями: С портр. авт. / В. Соловьев. – 2-е изд. – СПб.: Труд, 1901. – XXII, [2], 279 с.

12. Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 495 с.

13. *Заозерский, Н. А.* Отношение Святой Православной Церкви к миру и войне по учению ее канонического права: [по поводу современных движений в литературе за общенародный мир и против милитаризма. Актовая речь] / Н. А. Заозерский // Богословский вестник, 1896. – Т. 3, № 10. – С. 44–83.

14. *Гессен, В. М.* О вечном мире / В. М. Гессен. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1899. – 47 с.
15. *Буткевич, Т. И.* Обзор русских сект и их толков [Текст] / проф.-прот. Т. И. Буткевич. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1910. – X, 607 с.
16. *Пругавин, А. С.* О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства / А. С. Пругавин. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, [1880]. – 46 с.
17. *Бонч-Бруевич, В. Д.* Из мира сектантов. Сборник статей / В. Д. Бонч-Бруевич. – Государственное издательство, 1922. – 330 с.
18. *Бондарь, С. Д.* Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Очерк / С. Д. Бондарь. – Петроград: Тип. В.Д. Смирнова, 1916. – 208 с.
19. *Писаревский, Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.: (По неизд. архив. документам) / Г. Г. Писаревский. – М.: печ. А. И. Снегиревой, 1909. – 84 с.
20. *Эпп, Д. Г.* К вопросу о происхождении меннонитов: Материалы, собр. Д. Г. Эпп и чл. Гос. Думы Г. А. Бергманом. – Петроград: Г. А. Бергман, 1915. – 34 с.
21. *Кузьмин-Караваев, В. А.* Уклонение от воинской повинности / В. А. Кузьмин-Караваев // Вестник Европы. – 1906, 10. – С. 756–770.

(Дата подачи: 16.02.2024 г.)

Д. О. Субботина

Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка, Минск

D. Subbotina

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК 94:008(71)

«ВИДИМОЕ МЕНЬШИНСТВО» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАНАДЫ

«VISIBLE MINORITY» IN CANADA'S NATIONAL HISTORICAL MEMORY POLICY

В рамках данной статьи рассмотрена историческая роль и место китайских и японских канадцев как «видимого меньшинства» в национальной политике исторической памяти Канады. Выделены ключевые вехи в признании федеральными властями дискриминационных действий в отношении вышеуказанных этнических групп. На основе источников проанализирована общественно-политическая деятельность китайских и японских канадцев в 1970-е гг. – XXI в.

Ключевые слова: Канада; мультикультурализм; «видимое меньшинство»; «канадская мозаика»; китайские канадцы; японские канадцы; национальная политика исторической памяти.

This article examines the historical role and place of Chinese and Japanese Canadians as a «visible minority» in Canada's national historical memory policy. Key milestones in the recognition by the federal authorities of discriminatory actions against the above-mentioned

ethnic groups are highlighted. Based on the sources, the socio-political activities of Chinese and Japanese Canadians in the 1970s– XXI century are analyzed.

Keywords: Canada; multiculturalism; “visible minority”; “Canadian mosaic”; Chinese Canadians; Japanese Canadians; national policy of historical memory.

В настоящее время общепризнано, что память является составной частью коллективной идентичности любой социальной группы. Вера в общее прошлое и готовность активно взаимодействовать в будущем – важные факторы национального строительства. Канадское гражданство сегодня представляет собой «мозаику», состоящую как из коренных народов и потомков колонизаторов, так и представителей диаспор со всего мира, иммигрировавших в страну в разные периоды ее истории. Наиболее быстро растущую группу иммигрантского населения современной Канады составляет «видимое меньшинство». Согласно законодательству, действующему с 1986 г., к нему относятся люди неевропейского и некоренного происхождения. Обретя в Северной Америке новое место жительства, а впоследствии и родину, переселенцы принесли с собой культуру, воспоминания, а также внесли свою лепту в развитие канадского государства и общества.

Уже более 50 лет как Канада официально провозгласила государственную политику мультикультурализма, став первой среди тех, кто воспринимает свою нацию как синтез множества культур. Канадское правительство делает последовательные шаги в строительстве национальной политики исторической памяти на основе совместного прошлого всех населяющих страну этнических, религиозных и культурных групп. Среди них следует выделить канадцев китайского и японского происхождения, подвергшихся дискриминации и грубому нарушению прав человека в разные периоды истории, что объясняет их особое положение в данном вопросе.

Проблема роли «видимого меньшинства» в национальной политике исторической памяти Канады в современной историографии изучена довольно фрагментарно. Большинство работ посвящено истории появления и развития китайских и японских общин на территории Канады. В числе наиболее крупных ученых следует назвать П. Ли [1], Г. и Р. Кон [2]. Определенный интерес в русскоязычной историографии представляет диссертационная работа Ю. А. Анисимова [3]. Основными источниками по теме являются законодательные акты, выступления политических лидеров Канады, литература мемуарного характера представителей китайских и японских канадцев.

Канада – страна классической иммиграции. Согласно переписи населения 2021 г., каждый четвертый канадец причисляет себя к «видимому меньшинству». Среди них – этнические китайцы и японцы, история массового прибытия которых в Канаду берет начало в XIX в., на иммиграцию которых действовали жесткие квоты вплоть до 1960-х гг. Ситуация изменилась после 1967 г. [4], когда в иммиграционное законодательство страны были внесены поправки. В основе введенной балльной системы лежали социальные и экономические характеристики, которые отдавали предпочтение образованным

иммигрантам, владеющим одним из двух государственных языков «принимающего» государства. Как следствие, это привело к резкому увеличению процента выходцев из Азии в общей численности канадского населения.

Китайские канадцы. Канадцы китайского происхождения являются одной из крупнейших этнических групп в стране, насчитывая к настоящему времени около 2 млн человек. Первые китайские общины появились в Британской Колумбии в 1850-е гг., когда золотая лихорадка набирала обороты. Уже через год, как только эта западная территория Канады вошла в состав Конфедерации в 1871 г., был принят Закон о лишении избирательных прав коренных индейцев и китайцев, фактически ставший первым канадским дискриминационным законом по признаку расы.

Количество китайцев значительно увеличилось во вторую волну миграции, обусловленную строительством Канадской Тихоокеанской железной дороги в 1880-е гг. Примечательно, что местное население изначально видело в китайцах временное явление, рассчитывая решить проблему нехватки рабочих рук в слабо освоенных регионах Канады. Работодатели приветствовали китайских иммигрантов, труд которых был дешевым и надежным. Многие же политики, профсоюзы и белые жители Британской Колумбии, напротив, возмущались сложившейся ситуацией и призывали к ограничению китайской иммиграции в страну. Публичные высказывания о «желтой опасности» привели к принятию более ста провинциальных законов, ограничивающих права выходцев из «поднебесной» [1, р. 28].

В 1884 г. под давлением общественности премьер-министр Джон А. Макдональд создал Королевскую комиссию, в задачи которой входил сбор доказательств о целесообразности регулирования китайской иммиграции. Комиссия публично заслушала 51 «свидетеля», среди которых только два были китайцами. Ряд из них сообщал, что китайцы были «аморальными, нечестными, нечистыми, склонными к болезням и неспособными к ассимиляции» [5]. Китайские общины изображались перенаселенными, увлеченные азартными играми и курением опиума. Стоит ли говорить, что зачастую их показания транслировали стереотипы. Вторым аргументом против китайских иммигрантов было сокращение притока трудовых иммигрантов из Европы, более желанных для белых канадцев в силу близости культур. Единственной группой, поддерживающей китайцев, стали предприниматели, и то, как уже отмечалось, в силу их субъективных экономических интересов.

Тем не менее в отчете Комиссии было признано недостаточное количество доказательств в пользу сокращения китайского миграционного потока. Она аргументировала выгоду дешевой китайской рабочей силы для канадской промышленности, но рекомендовала ввести пошлину на въезд в страну, что должно было сократить число мигрантов из Китая и успокоить общество [6]. Так, в 1885 г. на федеральном уровне был принят первый дискриминационный закон в отношении китайской иммиграции, предполагавший уплату налога в размере 50 долларов с каждого въезжающего, что

в перспективе должно было серьезно сократить поток иммигрантов данной национальности.

На деле же китайская иммиграция продолжилась. Поселившиеся в Канаде в начале XX в. китайцы бежали из дома от бедности, военных и стихийных бедствий. На новом месте жительства они сталкивались с предрасудками и даже насилием. Очередная Комиссия по китайской и японской иммиграции, назначенная либеральным премьер-министром Уилфридом Лорье, открыто утверждала, что азиаты «непригодны для полного гражданства, противны свободному сообществу и опасны для государства». Китайцы рассматривались как люди второго сорта [7]. Они испытывали все тяготы открытого дискриминационного отношения, а также несли тяжкое бремя налога, который, к слову говоря, со временем увеличился в 10 раз. О жестком контроле за китайской иммиграцией свидетельствовал Общий реестр, существовавший с 1885 по 1949 г. В нем было зарегистрировано более 80 тыс. человек, уплативших 23 млн долларов в виде подушного налога [2, р. 144].

Несмотря на все тяготы, численность китайской диаспоры в Канаде к началу 1920-х гг. выросла в три раза, главным образом за счет трудовых иммигрантов. Низкая эффективность правительственных мер привела к изданию 1923 г. закона, вводившего запрет на въезд китайцев в страну [8]. Он не распространялся на четыре относительно узкие группы. Как результат, за следующие двадцать четыре года действия закона в страну легально смогли въехать, по разным данным, от 12 до 50 китайцев [9]. Другие же прибывшие делали это по поддельным документам, рискуя быть депортированными.

Закон 1923 г., известный как «Закон об исключении китайцев», стал кульминацией антикитайского расизма в политике Канады. Он изменил не только численность, но и вторгся в личную жизнь 80 % китайских канадцев, не имевших права перевозить в Америку членов своих семей. Лишь немногие имели финансовые возможности несколько раз съездить в Китай в годы изоляции, чтобы навестить супругу и детей.

Помимо визовых ограничений, имела место трудовая дискриминация китайских иммигрантов. Как правило, они могли претендовать лишь на низкооплачиваемые должности, соглашаться на которые представители европеоидной расы считали унижительным [1, р. 86]. Но даже в случае трудоустройства китайские граждане получали более низкую заработную плату за аналогичный труд с выходцем из Европы.

Лишь в 1947 г. закон 1923 г. был отменен, однако иммиграционные ограничения по признаку национального происхождения в отношении китайцев действовали еще два десятилетия. Во многом их снятию способствовали трагические уроки Второй мировой войны и проявления патриотизма местных китайцев по отношению к канадскому обществу: более 600 из них вступили в ряды вооруженных сил [10]. Одним из добровольцев, блестяще проявившим себя в военных операциях, был Дуглас Юнг, ставший первым китайско-канадским депутатом, первым представителем «видимого

меньшинства» в Палате общин и первым, кто представлял Канаду в Организации Объединенных Наций¹ [11]. В 2007 г. его имя присвоили одному из федеральных зданий в Ванкувере.

По-настоящему значимыми для китайских канадцев стали 1980-е гг. Так, в 1980 г. парламент признал «вклад, внесенный в канадскую мозаику и культуру людьми китайского происхождения». Два года спустя Совет по историческим местам и памятникам Канады установил бронзовую мемориальную доску в Йельском музее в честь китайских железнодорожников, прибывших к Британскую Колумбию столетие назад. И, наконец, в 1987 г. крупнейшие политические партии Канады поддержали парламентскую резолюцию, признающую несправедливость и дискриминацию подушного налога и исключаящего законодательства в отношении китайского населения [10].

Сегодня Оттава признает исторические законы в отношении китайской иммиграции порочной практикой нарушения прав человека. В 2006 г. премьер-министр Стивен Харпер принес официальные извинения (к тому же на кантонском языке) перед канадскими китайцами [12], которые не праздновали День Канады (1 июля), совпадавший с «Днем унижения», когда был принят дискриминационный закон 1923 г.

Далее были совершены символические выплаты оставшимся в живых плательщикам подушного налога или их близким родственникам, создан общественный фонд для проектов, призванных рассказать о несправедливостях, с которыми столкнулась китайско-канадская община. Учитывая, что большая часть китайского населения конца XIX – первой половины XX в. проживала в западных провинциях Канады, в Британской Колумбии был создан отдельный финансируемый фонд для поощрения и развития местных образовательных инициатив по данному направлению. Так, на протяжении 25 лет Канада последовательно прошла путь признания вклада китайских канадцев в общеканадскую историю и извинения за ошибки прошлого.

В современной Канаде, по данным последней переписи населения, проживает около 1,71 млн представителей китайско-канадской общины [13], или 4,6 % от общего числа населения страны, что составляет одну из крупнейших этнических групп «видимого меньшинства» в мультикультурной мозаике нации. Несмотря на относительно длительную историю иммиграции, большинство из них въехало в Канаду во времена мультикультурализма (25 % – в 1980-е гг., 50 % – в 1990-е гг.). Таким образом, основная часть китайских канадцев являются таковыми в первом или втором поколениях. В 2023 г., в год столетия исключаящего закона, федеральное правительство признало собственную ошибку изгнания китайских иммигрантов из Канады 1923–1947 гг. национальным историческим

¹ Когда Юнг занял в Юридическом Комитете ООН свое место, к нему подошел помощник и сказал: «Извините, сэр, но это место предназначено для канадской делегации», что тот ответил: «Я – канадская делегация».

событием¹. Позитивные шаги официальной Оттавы навстречу нынешним китайским канадцам и взаимное стремление к благополучию и сотрудничеству позволили двум сторонам прийти к согласию.

Японские канадцы. Дополнительно известно имя первого японского иммигранта, прибывшего в Канаду. Это Манзо Нагано, который в 1877 г. начал новую жизнь в слабо освоенной Британской Колумбии. Первые японские поселенцы получили название иссэй², а их дети, относящиеся ко второму поколению, стали нисэями. Нынешнее поколение японцев в Канаде является уже пятым по счету и именуется как госей.

Японские переселенцы XIX в. в подавляющем большинстве были молодыми мужчинами, как правило, потомственными рыболовами или фермерами, но зачастую вполне грамотными людьми. Здесь они устраивались на сельскохозяйственные работы или в сферу добывающей промышленности. В начале XX в. их численность составляла уже несколько тысяч человек. Такой довольно бурный поток иммигрантов из «страны восходящего солнца», как и других переселенцев из Восточной Азии, «смушал» и правительство, и рядовых канадцев. Как следствие, его удалось сократить благодаря пакту 1908 г. Хаяси-Лемье. Согласно этому устному «джентльменскому соглашению», Япония обязалась квотировать ежегодную выдачу паспортов своим гражданам мужского пола, стремившимся въехать на территорию Канады, в количестве 400 в год. При этом жены, дети и престарелые родственники трудовых мигрантов не учитывались [3, л. 48], что привело к преобладанию женщин в числе иссэев 1910–1930-х гг. Впрочем, даже эти сокращения не устраивали канадцев, и в 1928 г. страна ввела новые квоты – не более 150 японских иммигрантов в год.

Японцы старались интегрироваться в местные сообщества. Так, инициативе этнической интеллигенции организовывались традиционные для японской культуры фестивали цветов, предлагали сезонные угощения блюдами национальной японской кухни, проводили и другие мероприятия, приобщая тем самым к знакомству со своей культурой других канадцев.

Коренным образом жизнь японских канадцев изменили события Второй мировой войны. Согласно статистике 1941 г., из 23,3 тыс. официально находившихся на территории Канады лиц японского происхождения, проживавших преимущественно в провинции Британская Колумбия, гражданами являлись чуть более 3/4 (75,5) [3, л. 62]. После нападения милитаристской Японии на американскую базу Перл-Харбор, «страна восходящего солнца» стала официальным врагом Канады. Это дало повод местным властям кардинально изменить свое отношение к японским канадцам. Впервые, японская миграция в Канаду была полностью прекращена вплоть

¹ Национальное историческое событие в Канаде может быть признано, если оно произошло не менее 40 лет назад и представляет собой определяющее действие, эпизод, движение или опыт в истории Канады.

² Дословно – «первое поколение».

до середины 1960-х гг. Редкое исключение составляли случаи воссоединения семей. Во-вторых, более чем 22 тыс. канадцев японского происхождения были отправлены в лагерь для интернированных, на свекольные фермы, в лагерь для военнопленных в Онтарио. При этом большинство из них были гражданами Канады по рождению и подверглись преследованиям исключительно на основании своих корней. Причем в отличие от военнопленных, которых защищала, канадцам японского происхождения не приходилось рассчитывать на Женевскую конвенцию. В-третьих, в августе 1944 г. правительство объявило программу расселения японских канадцев по всей стране, отделения «лояльных» от «нелояльных» и «репатриации» нелояльных в Японию.

По существу, после войны канадцам японского происхождения был предложен выбор: либо депортация в Японию, либо переселение в Восточную Канаду. Важно отметить, что значительная доля «возвращаемых на родину» никогда ранее там не бывали, а значит и здесь воспринимались как совершенно чужие, не имели средств и представлений о дальнейшем благоустройстве. С оставшихся же в Канаде японцев все ограничения были сняты только в 1949 г. [14, р. 387–389]. Они получили полные права гражданства и возможность свободно передвигаться в любую точку страны. Люди, наконец, могли вернуться в свои дома, но этих домов уже не было. Японо-канадская община в Британской Колумбии была практически уничтожена.

С введением нового иммиграционного законодательства Канады в 1967 г. в страну прибыли первые за 50 лет новые японские иммигранты. Они заметно отличались высоким уровнем образования и урбанизации. Многие культурные традиции – чайная церемония, икебана, оригами – и растущий интерес широкой общественности к японским вещам и боевым искусствам оживили японо-канадское сообщество [15]. Однако канадскому обществу и японцам предстояло пройти путь к установлению исторической правды и справедливости. Лишь после 1970 г. был снят 30-летний запрет на доступ к правительственным документам военного времени, и японо-канадцы получили возможность изучить ценные для них документы. Данное событие послужило отправной точкой для начала переговоров о возмещении властями причиненного этим людям ущерба.

Полученные доказательства стали побудительным мотивом внимания правительственных структур и общественности к этнической группе японских канадцев и признанием их вклада в процветание страны наряду с другими жителями. 1977 г. был объявлен Годом японских канадцев в честь столетия с момента появления первых японцев на канадской земле [16, с. 60]. В конце 1970-х и 1980-е гг. публиковались документы об интернировании японских канадцев, следствием чего стало требование к федеральным властям Национальной ассоциации японских канадцев возместить ущерб за конфискованное в годы войны японское имущество. В 1988 г., ставшим для канадского мультикультурализма историческим, премьер-министр Брайан Малруни официально извинился перед выжившими канадца-

ми японского происхождения и их семьями и объявил о компенсационных выплатах общей суммой в 300 млн долларов [17]. Эти средства включали в себя расходы на выплаты всем 13 тыс. выживших, поддержание фонда японского сообщества и создание канадского фонда расовых отношений, чтобы гарантировать, что подобная дискриминация никогда больше не повторится.

Ярким примером силы коллективной памяти и местного проявления гражданственности служит мемориальный центр интернированных Никкей¹ в Нью-Денвере (Британская Колумбия), открытый в 1994 г. по инициативе японских старожилов [18, р. 7]. В центре, расположенном на территории бывшего лагеря для интернированных, представлены аутентичные здания, исторические артефакты и воссозданные экспозиции. На примере одной отдельно взятой деревни в изолированной горной долине, где проживало 7 тыс. жителей, создатели мемориала демонстрируют, как изучение истории на месте памяти может являться эффективным средством ее сохранения, установления диалога поколений, разрешения конфликтов, восстановления доверия и понимания между людьми. Тут же на территории мемориала находится Сад мира, спроектированный известным японско-канадским садовником Томомити Суми, подвергшимся в свое время принудительному перемещению. Он состоит из множества вишневых деревьев, присланных японскими канадцами, принудительно отправленными в Японию, уже после войны [19]. В 2007 г. федеральные власти признали мемориальный центр Никкей национальным историческим объектом. Сегодня это место паломничества канадцев японского происхождения и пространство исторической памяти для всех жителей страны.

В настоящее время наиболее влиятельной является Национальная ассоциация японских канадцев – некоммерческая общественная организация (1947 г.), которая занимается вопросами прав человека, общественного развития и отношений японо-канадцев с правительством. Другие этнические организации и центры ведут активную просветительскую деятельность, организуют традиционные чайные церемонии, фестивали восточных боевых искусств и восточного этикета по всей стране.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что правительство Канады уделяет серьезное внимание формированию общенациональной политики исторической памяти. Ее отличительной особенностью является акцент на мультикультурном компоненте, в рамках которого должное место занимает «видимое меньшинство». Кейс китайских и японских канадцев наглядно демонстрирует непростой и долгий путь, который прошла Канада от дискриминации отдельных этнических групп к признанию их полноправными гражданами. Этот процесс, начавшийся в 1970-е гг. и продолжающийся по сей день, включает в себя осознание исторических ошибок,

¹ Никкеями в Японии называют людей японского происхождения, живущих за границей и ставших гражданами других стран.

политические извинения, разнонаправленную помощь по поддержанию и развитию местных сообществ, образовательные и культурные программы, мемориализации мест памяти и значимых достижений, что делает Канаду одной из наиболее успешных стран мира в области мультикультурализма.

Список использованных источников

1. *Li, P.* The Chinese in Canada / P. Li. – Toronto: Oxford University Press 1998. – 164 p.
2. *Con, H.* From China to Canada: A History of the Chinese Communities in Canada / H. Con, R. J. Con. – Toronto: McClelland and Stewart Ltd., 1982. – 369 p.
3. *Анисимов, Ю. А.* Японцы в Канаде, Латинской Америке и на Гавайских островах (1850–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ю. А. Анисимов. – Иркутск, 2007. – 279 л.
4. Cultural Diversity in Canada: The Social Construction of Racial Difference [Electronic resource] // Government of Canada. – 2024. – Mode of access: https://www.justice.gc.ca/eng/rr-pr/csj-sjc/jsp-sjp/rp02_8-dr02_8/p3.html. – Date of access: 18.02.2024.
5. Report of the Royal Commission on Chinese Immigration [Electronic resource] // Canadiana. – 2024. – Mode of access: <https://www.canadiana.ca/view/oocihm.14563/8>. – Date of access: 18.02.2024.
6. Royal Commission on Chinese Immigration, 1885 [Electronic resource] // Canadian Museum of Immigration. – 2024. – Mode of access: <https://pier21.ca/research/immigration-history/royal-commission-on-chinese-immigration-1885>. – Date of access: 16.02.2024.
7. Chinese Immigration Act [Electronic resource] // The Canadian Encyclopedia. – 2024. – Mode of access: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/chinese-immigration-act>. – Date of access: 18.02.2024.
8. Chinese Immigration Act, 1923 [Electronic resource] // Canadian Museum of Immigration. – 2024. – Mode of access: <https://pier21.ca/research/immigration-history/chinese-immigration-act-1923>. – Date of access: 18.02.2024.
9. Exclusion of Chinese Immigrants (1923–1947) National Historic Event [Electronic resource] // Government of Canada. – 2023. – Mode of access: <https://parks.canada.ca/culture/designation/evenement-event/exclusion-chinois-chinese>. – Date of access: 12.02.2024.
10. Unwanted Soldiers [Electronic resource] // Simon Fraser University. – 2024. – Mode of access: https://www.sfu.ca/chinese-canadian-history/chart_en.html. – Date of access: 18.02.2024.
11. *Hawthorn, T.* Lawyer-MP led a life full of firsts [Electronic resource] / T. Hawthorn // The Globe and Mail. – 2022. – 2 Feb. – Mode of access: <https://www.theglobeandmail.com/incoming/lawyer-mp-led-a-life-full-of-firsts/article1021136/>. – Date of access: 11.02.2024.
12. Prime Minister Harper Offers Full Apology for the Chinese Head Tax [Electronic resource] // Government of Canada. – 2006. – Mode of access: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2006/06/prime-minister-harper-offers-full-apology-chinese-head-tax.html>. – Date of access: 18.02.2024.
13. Census Profile, 2021 Census of Population [Electronic resource] // Statistics Canada. – 2024. – Mode of access: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/dp-pd/prof/index.cfm?Lang=E>. – Date of access: 11.02.2024.
14. *Adachi, C.* The enemy that never was: A history of the Japanese Canadians / C. Adachi. – Toronto: McClelland & Stewart, 1976. – 456 p., illus.

15. Japanese Canadian History Population [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: <https://japanesecanadianhistory.net/historical-overview/general-overview/>. – Date of access: 18.02.2024.

16. Жукова, А. В. Культура японской диаспоры в Канаде / А. В. Жукова // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 7. – С. 60–64.

17. Government apologizes to Japanese Canadians in 1988 [Electronic resource] // CBC. Radio-Canada. – 2024. – Mode of access: <https://www.cbc.ca/archives/government-apologizes-to-japanese-canadians-in-1988-1.4680546>. – Date of access: 16.02.2024.

18. McAllister, K. E. Terrain of Memory: A Japanese Canadian Memorial Project / K. E. McAllister. – Vancouver: UBC Press, 2011. – 312 p.

19. Nikkei Internment Memorial Centre [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: <https://nikkeimemorial.ca/>. – Date of access: 18.02.2024.

(Дата подачи: 28.02.2024.)

М. А. Сузько

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Suzko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:2(476)«18/19»

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

CONFSSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20ST CENTURY: DEVELOPMENT TRENDS

В настоящей работе рассмотрена эволюция конфессиональных отношений на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Исследована роль и позиция Православной церкви в конфессиональной и общественной жизни на белорусских землях. Проанализирована деятельность православных братств, возрождение которых началось в 1860-е гг. Изучен конфессиональный состав населения белорусских губерний по результатам переписи населения 1897 г.

Ключевые слова: конфессиональное право; Православная церковь; конфессиональный состав населения; вероисповедание.

This paper examines the evolution of confessional relations in the second half of the 19th – early 20th centuries. The role and position of the Orthodox Church in the confessional and social life on Belarusian lands. The activities of Orthodox brotherhoods, the revival of which began in the 60s, are analyzed. XIX century The religious composition of the population of Belarusian provinces was studied in detail based on the results of the 1897 population census.

Keywords: confessional law; Russian Orthodox Church; religious composition of the population; religion

Тема конфессиональной истории Беларуси, отношений государства с религиозными общинами, конфессиональных, межконфессиональных отношений является довольно популярной в современной белорусской историографии. Специфика религиозной ситуации на белорусских землях определяется, в первую очередь, их геополитическим положением на стыке западной и восточной цивилизации, поочередным доминированием православия и католицизма, а также поликонфессиональностью белорусского общества. В данной статье будет рассмотрена эволюция конфессиональных отношений во второй половине XIX – начале XX в.

Население белорусско-литовских губерний конца XVIII – начала XX в. было полиэтничным и многоконфессиональным. В последней трети XVIII в. на территории Великого княжества Литовского приблизительно 39 % населения составили униаты, 38 % – католики, 6,5 % – православные, 4,0 % – старообрядцы, 1,6 % – протестанты. Остальные 10,9 % приходились на иудеев и мусульман [1, с. 416–417]. Почти все из перечисленных конфессий, кроме иудеев и мусульман, включали представителей различных этнических групп: белорусов, русских, поляков, литовцев, украинцев, немцев, латышей. Таким образом, белорусское общество в этот исторический период являлось поликонфессиональным. Большая часть шляхты исповедовала католичество. Большинство белорусских крестьян принадлежало к униатской конфессии. В городах в основном проживали иудеи и протестанты.

С включением белорусских земель в состав Российской империи на них стало распространяться общероссийское конфессиональное право. Согласно религиозному законодательству Империи, все религии, исповедуемые ее населением, делились на три категории:

- «первенствующая и господствующая»; ею являлась, как указывалось в законодательстве, «Христианская Православная Кафолическая Восточно-го исповедания»;
- «признанные терпимые» вероисповедания, или «дозволенные»;
- «вредные непризнанные», или «недозволенные».

Постепенно увеличивалось количество православных по вере, чему способствовала политика русификации, когда правительство Российской империи стремилось увеличить «русский элемент» в белорусско-литовских губерниях. 25 марта 1839 г. в Полоцке на Соборе Святейшего Синода было празднично провозглашено присоединение Униатской церкви в лоно Православной церкви. В результате этого более чем 1,5 миллиона униатов вернулись в православие, более 500 тысяч перешли в католичество. Массовые обращения католиков в православие во второй половине 1860-х гг. осуществлялись посредством бесплатной раздачи крестьянам казенных земель. Безземельную шляхту, принимавшую православие, освобождали от предстоящего рекрутского набора. Многие из католиков, уже имевшие свои наделы, охотно выдавали подписки с обязательством исповедовать православную веру за прирезку земли к их участкам [2, с. 10–11].

Стоит отметить, что серьезные изменения в жизни Православной церкви Беларуси произошли после 1863–1864 гг. в результате подавления восстания, поднятого сторонниками восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Прежде всего внедрялось русское землевладение, когда русским помещикам и должностным лицам с помощью Дворянского банка предоставлялись льготы при приобретении имений. В то же время помещикам-католикам запрещалось покупать новые имения и пользоваться кредитами этого банка.

К сентябрю 1866 г. перешло из католицизма в православие до 14 тыс. человек, все воссоединенные были белорусами, которые помнили по преданиям, что предки их были некогда православными. Среди воссоединенных было немало и тех, кто неохотно менял вероисповедание [3, с. 96–97].

«Дозволенными», или «признанными терпимыми», религиями являлись католичество, протестантизм, ислам, иудаизм. К ним принадлежала часть населения Беларуси. Верующие этих конфессий имели право обладать имуществом, открывать приходы и т. д., однако им запрещалось склонять в свою веру православных. При этом допускался переход из нехристианского вероисповедания в христианское, а также поддерживался переход из любого вероисповедания в православие. Обратный переход был запрещен.

Третью категорию составляли старообрядцы, которые до манифеста 17 октября 1905 г. именовались «раскольниками». Главной задачей конфессиональной политики было обеспечение государственной поддержки привилегированного положения Православной церкви.

По результатам переписи 1897 г. православными признало себя 70,8 % населения края. Второй по распространенности религией среди жителей белорусских земель был иудаизм: его исповедовало 14,1 % населения [4, с. 14–15]. Одной из причин такого высокого показателя была религиозная терпимость жителей Беларуси по отношению к другим конфессиям. Случаи притеснений на религиозной почве среди населения белорусских губерний были редким явлением. Примечательно, что большинство евреев, исповедовавших иудаизм, разговаривали на своем родном языке.

Римско-католическая церковь, согласно итогам переписи 1897 г., была третьей по количеству прихожан на белорусских землях. Их было несколько меньше, чем иудеев, – 13,5 %. Принадлежность к Римско-католической церкви в большинстве случаев не была для белорусов основой их самоидентификации с польским этносом. Так, в Виленской губернии 46,1 % ее населения считали себя католиками, однако польский язык признавало родным только 2,8 %. В Минской губернии перепись зафиксировала 10,1 % католиков и только 3 % польскоязычных.

Конфессиональный состав населения белорусских губерний по результатам переписи населения 1897 г. представлен на диаграмме (рис.).

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г. В МОГИЛЕВСКОЙ И ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

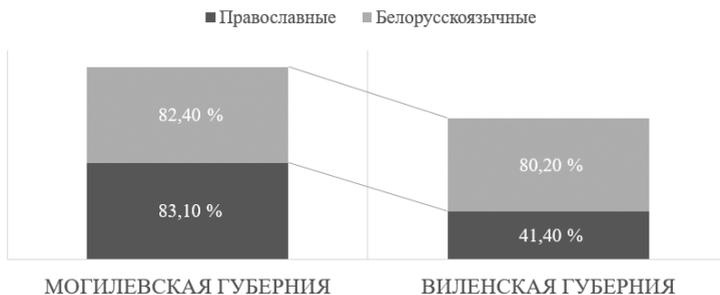

Рис. Конфессиональный состав населения белорусских губерний по результатам переписи населения 1897 г.

Важным фактором церковной жизни на белорусских землях являлась деятельность православных братств, возрождение которых началось в 1860-е гг. Братства активно развивали издательскую деятельность, публиковали периодические издания, популярные книги по гражданской и церковной истории Беларуси, проводили публичные богословские чтения.

Поворотным в межконфессиональных отношениях явился 1905 г. 17 апреля правительством был издан указ «Об укреплении начал веротерпимости», в котором объявлялась свобода вероисповедания. Он способствовал тому, что часть прихожан, во второй половине 1860-х гг. присоединенных к Православной церкви, вновь возвратилась в католицизм. Всего с 17 апреля 1905 г. до декабря 1907 г., по данным обер-прокурора Святейшего Синода, число отпавших из православия в католичество составило по епархиям:

- Литовская – 18 000 чел.;
- Минская – 12 901 чел.;
- Гродненская – 5171 чел.;
- Полоцкая – 3952 чел.

Переходам в католицизм по-прежнему способствовали местные помещики католики, во власти которых находилась подавляющее большинство земельных угодий, без пользования которыми крестьяне не могли выжить.

В указе провозглашались: свобода выбора веры в рамках христианских исповеданий; право супругов, переходящих из одного христианского исповедания в другое, определять религиозную принадлежность своих детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста; право перехода православных в нехристианскую веру, если до присоединения к православию они или их предки исповедовали ее, это способствовало появлению иного вектора в идеологии, политике и деятельности Православной церкви, обусловило активизацию внутренних оснований ее идеологической платформы, определило тенденцию к возрождению православной духовности [5, с. 167–168].

Неправославные конфессии получили большую свободу для своей деятельности. Православие оставалось в Российской империи «первенствующим и господствующим», но любому человеку разрешалось беспрепятственно переходить в другую веру. Такая политика позволила активизировать свою деятельность на белорусских землях не только католикам и старообрядцам, но и протестантским общинам.

Конфессиональная ситуация характеризовалась усилением позиций православия. Накануне начала Первой мировой войны на белорусских землях насчитывалось пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Гродненская и Могилевская. На территории этих епархий действовало 3552 церкви, 470 часовен и 35 монастырей. В Минске, Вильно, Могилеве и Витебске имелось четыре духовных семинарии.

Как известно, XIX в. характеризовался освобождением из-под религиозного влияния широких сфер государственной и общественной жизни, распространением идей свободомыслия и материализма. Секуляризация стала набирать темпы, что привело к ослаблению позиций религиозных организаций не только в пределах Российской империи, но и во всем мире. Церковные круги ряда стран постепенно приходили к мысли о необходимости преодоления религиозной разобщенности христианских конфессий. Первый шаг в этом направлении был предпринят сторонниками протестантизма. В 1860-е гг. епископальная церковь Америки установила связь с православными церквями и предложила совместно решать проблемы христианского единства. Но идеологи православия исходили из того, что объединение христианских конфессий может быть признано ими только на основе учения Православной церкви. После этого официальные переговоры о способах преодоления конфессиональной разобщенности прекратились [6, с. 112–113].

Церковные и правящие круги Российской империи отличались консерватизмом. Однако процесс секуляризации общественной жизни вызывал беспокойство и в этих кругах. В 1894 г. в «Церковном вестнике» был опубликован «Призыв к единению церквей», в котором говорилось, что «разделение само в себе заключает понятие слабости, и теми успехами, которые одержало и одерживает неверие в борьбе с церковью и христианством, несомненно, в значительной степени оно обязано именно разделенному состоянию христианского мира» [7, с. 26–27]. Таким образом, секуляризация стала набирать темпы, что привело к ослаблению позиций христианства не только в пределах Российской империи, но и во всем мире. Церковные круги ряда западных стран постепенно приходили к мысли о необходимости преодоления религиозной разобщенности христианских конфессий.

В 1902 и 1904 гг. в Окружных посланиях Константинопольский патриарх Иоаким III призывал к тесному сотрудничеству между поместными Православными церквями, а также поставил вопрос о возможном сближении двух ветвей христианства: западной (католики и протестанты)

и восточной (православные). В то же время русским православием было заявлено о затруднительности в ближайшем будущем практического сближения с западными церквями, тем не менее допускалось установление лояльных отношений с англиканами и старокаатоликами [8, с. 510–511].

Эта проблема в дореволюционный период широко обсуждалась на страницах церковной печати. Следует отметить, что отношения между христианскими конфессиями основывались только на идее вероисповедного превосходства, и это служило препятствием в борьбе церковью против религиозного индифферентизма, подъема революционного движения.

Рубеж XIX–XX вв. отмечается лишь зарождением тенденции к общехристианскому диалогу со стороны отдельных иерархов и светских философов.

Проблемы церковной жизни усугубила начавшаяся война. В ходе ее к октябрю 1915 г. войска кайзеровской Германии захватили Западную Беларусь. Почти все православное духовенство покинуло ее пределы (Литовско-Виленская и Гродненская епархии) и вместе со многими прихожанами выехало на восток. Во внутренние губернии России были вывезены наиболее чтимые иконы, многие колокола, церковноприходские архивы. Война кардинально изменила политическую ситуацию на белорусских землях [9, с. 60–61].

Таким образом, идея вероисповедного превосходства, догматические расхождения явились серьезным препятствием в налаживании контакта между конфессиями.

К началу XX в. начинает складываться противоположная тенденция. Появляются зачатки национально ориентированного костела, обозначается выход за пределы официальной идеологии в православной среде, что в конечном счете определило новые тенденции в формировании белорусского самосознания. Межконфессиональные отношения в Белоруссии свидетельствуют о большом влиянии православия и католичества на духовный облик народа, развитие белорусской культуры.

Резюмируя процесс эволюции конфессиональных отношений, можно сказать, что политика Российской империи в области духовного воздействия на народные массы использовала все важнейшие религиозные конфессии, прежде всего – православие и католичество, что, в свою очередь, не способствовало сглаживанию межконфессиональных противоречий и консолидации белорусского народа. На протяжении XIX в. на белорусских землях шел процесс своеобразного «сращивания» вероисповедального и национального признаков.

Таким образом, конфессиональная ситуация на белорусских землях в XIX в. характеризовалась усилением роли Православной церкви, упразднением униатства, ограничением влияния католичества, а в начале XX в. – созданием определенных условий для распространения свободы вероисповедания.

Список использованных источников

1. *Ганчар, А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Исторический очерк: монография / А. И. Ганчар. – Гродно: ГТАУ, 2010. – 512 с.
2. *Гуляко, Л. П.* Согласие – результат взаимопонимания / Л. П. Гуляко // Беларус. думка. – 2012. – № 3.
3. *Земляков, Л. Е.* Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л. Е. Земляков. – Минск: РИВШ БГУ, 2001.
4. Конфессии и культовые сооружения Беларуси: атлас / Белорус. гос. ун-т, геогр. фак.; под рук. И. И. Пирожника. – Минск: БГУ, 2007.
5. *Кутузова, Н. А.* Современный религиозный радикализм: социально-идеологические формы, взаимосвязь с фундаментализмом и экстремизмом / Н. А. Кутузова // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.]; под ред. О. А. Павловской; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск.: Беларус. наука, 2010.
6. *Мартиневич, В. А.* Нетрадиционная религиозность в Беларуси: тенденции и опасности / В. А. Мартиневич. – Минск: Белорус. Православная Церковь, 2010.
7. *Новикова, Л. Г.* Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л. Г. Новикова. – Минск: БТН-информ, 2001.
8. *Орловский, Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и уни в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900) / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1903. – 604 с.
9. Социально-демографические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси / И. И. Пирожник [и др.] // Вестн. БГУ. Сер. 2, Химия. Биология. География. – 2007. – № 1.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

P. V. Timofeev

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск

R. Timofeev

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 94:347.463:331.101.386(476)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА НА ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1943–1952 ГГ.

SOCIAL AND POLITICAL WORK AT TRANSPORT ENTERPRISES BELARUSIAN SSR IN 1943–1952

В данной статье раскрываются основные направления общественно-политической работы белорусских транспортников в период 1943–1952 гг., указывается, что она касалась решения идеологических вопросов, восстановления и развития перевозок, преодоления социальных проблем. В ходе своей общественно-политической активности транспортники Белорусской ССР развивали социалистическое соревнование, внедряли передовые

методы труда, укрепляли трудовую дисциплину на каждом рабочем месте. Общественно-политическая работа усиливалась в ходе подготовки к выборам в законодательные органы власти, опиралась на деятельность партийных и комсомольских организаций, большую роль в которых играли коммунисты-агитаторы.

Ключевые слова: общественно-политическая работа; партийные организации; собрание; выборы; транспорт; соревнование.

This article reveals the main directions of the socio-political work of Belarusian transport workers in the period 1943–1952, indicating that it concerned the solution of ideological issues, the restoration and development of transportation, and overcoming social problems. In the course of their socio-political activity, transport workers of the Byelorussian SSR developed socialist competition, introduced advanced labor methods, and strengthened labor discipline at every workplace. Social and political work intensified during the preparation for the legislative elections and was based on the activities of party and Komsomol organizations, in which communist agitators played a large role.

Keywords: Social and political work; party organizations; meetings; elections; transport; competition.

Работа транспортных предприятий Белорусской ССР общественно-политического плана в ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания кроме решения ежедневных идеологических вопросов во многом носила практический характер, была направлена как на восстановление перевозочной деятельности транспортников, начатое с момента освобождения первых районов республики от немецко-фашистской оккупации осенью 1943 г., так и на преодоление многочисленных социальных проблем.

Актуальным вопросом с конца 1943 г. у белорусских транспортников было установление строгого общественно-политического контроля над рентабельным использованием при восстановительных работах всех имевшихся в наличии средств и материалов [1, с. 2]. Об этой ситуации свидетельствуют многочисленные материалы регулярных партийных собраний, например, на железнодорожных узлах Белорусской ССР [2, с. 4].

Деятельность партийных комитетов транспортников всех уровней в целях мобилизации сил и средств была направлена и на активизацию работы производственных совещаний, которые должны были проводиться не менее одного раза в месяц [3, с. 7]. С другой стороны, в ходе своей общественно-политической деятельности партийные активисты железнодорожных предприятий Витебской области совместно с профсоюзами в летний период уже в 1945 г. смогли провести детскую оздоровительную компанию, улучшили бытовые условия работников на дистанциях пути, осуществили подготовку общежитий к зиме, занимались ремонтом ведомственной жилой площади [4, л. 22, 35].

В свою очередь коммунисты и беспартийные Витебского трамвайного управления в 1945 г. наряду с подготовкой к выборам своей комсомольской организации оказывали посильную социальную помощь членам семей военно-служащих рядового и офицерского состава. Разбиралась работа от-

делов рабочего снабжения. Одновременно усилия партийной организации в течение этого года направлялись на восстановление линий витебского трамвая и введение в строй подвижного состава [5, л. 2, 12, 14, 35].

Социальные проблемы транспортников в первые послевоенные годы как и везде были острые. Так, годами не могли провести даже электричество и радиосвязь в некоторые общежития железнодорожников на мелких станциях, обустроить там технические библиотечки. Но с помощью активной общественно-политической работы железнодорожники мобилизовывались для решения наиболее актуальных вопросов послевоенного развития регионов, таких как очистка городов от мусора и развалин, заготовка дров на зиму. Одновременно работники с нормированным рабочим днем в 1945 г. в порядке общественной активности отрабатывали ежедневно по несколько часов на восстановлении вокзалов [4, л. 22, 35, 36, 37].

Обычным и регулярным для общественно-политической работы транспортных предприятий было участие фактически всех не занятых на службе железнодорожников в митингах по актуальным вопросам международного положения, в массовых шествиях к пролетарским праздникам 1 мая и 7 ноября. Никогда не терял актуальности в послевоенное время и вопрос выдвижения кандидатов в Советы депутатов трудящихся всех уровней, в первую очередь Верховный Совет СССР, для чего железнодорожниками республики с 1945 г. выделялись наиболее ответственные представители в состав участковых избирательных комиссий по соответствующим выборам.

Высокую практическую значимость имело влияние общественно-политической активности на развертывание различных видов социалистического соревнования среди железнодорожников, например, стахановских декадников, когда повышались планы реализации погрузки и выгрузки грузов, обеспечения отправления и проследования поездов по графику. В высокой степени значимым в 1945 г. было влияние партийных организаций железнодорожников на мероприятия профсоюзов, когда силами социально-бытовых комиссий проводилось всемерное обследование, сбор средств и оказание материальной помощи семьям погибших фронтовиков [4, л. 45, 51 об., 62].

В 1945–1946 гг. характерным для железнодорожников было регулярное чтение им лекций по международному положению, вопросам советской Конституции. Обязательным для всех служб железнодорожных предприятий Белорусской ССР было наличие у них красных уголков и их регулярное обновление, выпуск стенных газет и организация подписки на периодические издания, когда поощрялось превышение планов по этим формам общественно-политической активности [6, л. 20, 21].

В рамках общественно-политической деятельности ряд мероприятий партийные организации железнодорожников проводили совместно с комсомольскими организациями, в том числе и по такому серьезному социальному вопросу как развитие коллективного и индивидуального огородничества. На общих партийно-комсомольских собраниях, например, 6-го отделения службы движения Витебского железнодорожного узла от 17 апреля 1946 г.

обязали каждого коммуниста и комсомольца проводить повседневно политико-массовую работу среди трудящихся.

Важной частью общественно-политической деятельности в изучаемый период было повышение квалификации рабочих и служащих транспортных предприятий, улучшение работы групп по технической учебе, организация четки лекций по техническим темам и проведение технических конференций. Характерной для советского периода была организация подписок на займы пятилеток среди работников железнодорожных предприятий, проведение среди них политической учебы, в первую очередь по истории ВКП(б) [6, л. 34, 35, 52].

В свою очередь работники Витебского трамвайного управления в ходе своей общественно-политической активности во главе с коммунистами в 1946–1948 г. направляли усилия на расширение своей профсоюзной организации, укрепление «массовой работы». Решался вопрос об увеличении бесед на политические темы, регулярном выпуске стенных газет, где бы «отражалась критика и самокритика». Актуальными проблемами были регулярность сдачи профсоюзных взносов, передача этих средств на культурно-массовые цели, получение путевок в дома отдыха и курорты [7, л. 36, 37].

Безусловно общественно-политическая работа транспортников активизировалась в период подготовки к выборам в Верховный Совет Белорусской ССР в 1947 г., когда многие из них брали и выполняли повышенные обязательства по перевозкам в ходе социалистического соревнования. Партийные и профсоюзные организации, руководство предприятий были обязаны ежедневно контролировать в этом случае выполнение планов, для чего заводили учет работы не только цехов, отделов, смен, но и каждого отдельно взятого работника. Для улучшения конечного результата в социалистическом соревновании по решениям партийных бюро на железнодорожных предприятиях внедряли передовые методы труда (скоростная обработка поездов, социалистические путевки, сокращение интервалов движения поездов, безотцепочная погрузка и выгрузка вагонов), что, однако, сложно было сделать в зимний период и при пополнении коллективов молодыми специалистами [8, л. 4, 5, 22].

После проведения выборов в Верховный Совет Белорусской ССР на партийных собраниях, например, коллектива Витебского отдела эксплуатации Западной железной дороги уже в 1948 г. разбирались результаты работы коммунистов-агитаторов. При этом отмечалось, что политико-массовая работа с населением значительно сократилась. Это было особенно заметно по железнодорожным линейным станциям. Имелись случаи отставания руководителей станций и линейных командиров в отношении «политической подготовки». Проверки представителями райкома партии в 1948 г. показали, что многие коммунисты Западной железной дороги в Витебске слабо работали над собой в области «общественно-политических знаний». Все это отражает специфику советского периода развития общества [9, л. 2–4].

Близкой к железнодорожникам была общественно-политическая работа белорусских авиаторов. Так, на партийном собрании первичной парторганизации Витебского аэропорта Белорусского управления Гражданского воздушного флота 23 ноября 1947 г. разбирали вопрос о выборах в местные советы депутатов трудящихся. В этих целях там было решено: проводить в аэропорту ежедневную беседу-лекцию на тему о выборах в местные советы депутатов трудящихся; в боевом листке и стенгазете «Взлет» освещать один раз в неделю успехи экипажа; оформить помещение аэропорта плакатами и лозунгами. В целях усиления воспитательной работы среди коммунистов Витебского аэропорта решили проводить три раза в неделю политинформацию, изучать краткий курс истории ВКП(б) один раз в неделю [10, л. 5, 6].

На специальном партийном собрании витебские авиаторы подвели в феврале 1948 г. итоги своей общественно-политической работы, куда внесли цифры летной деятельности по основным показателям (налет часов, перевозки почты, грузов и пассажиров). Там также были разобраны вопросы выборов делегата на партийную конференцию Белорусского управления Гражданского воздушного флота и итоги выполнения наказов коммунистам. В отношении выборов в местные Советы депутатов трудящихся было заявлено, что личный состав витебского аэропорта «единодушно отдал свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, продемонстрировав морально-политическое единство» [11, л. 3–5].

Недостатками в общественно-политической работе витебских авиаторов с точки зрения того времени в 1948 г. были нерегулярность занятий в кружке по изучению краткого курса ВКП(б), слабая работа агитаторов, отсутствие деятельной активности профорганизации «по борьбе» за выполнение и перевыполнение производственного плана. В целях ликвидации выявленных недостатков было решено еженедельно проводить в Витебском аэропорту совещание с агитаторами, информируя их о текущих хозяйственно-политических задачах подразделения [11, л. 6, 8, 9].

С помощью своей общественно-политической активности витебские авиаторы решали конкретные вопросы организации своей летной деятельности. Так, на открытом партийном собрании парторганизации Витебского аэропорта 28 февраля 1949 г. они разобрали вопрос о безопасности полетов. По мнению коммунистов, опасность для полетов возникала по причине того, что ряд работников аэропорта плохо знал материальную часть мотора и самолета и не мог правильно запускать мотор. Исходя из этого коммунисты на партийном собрании потребовали от всего летного и технического состава аэропорта «исключительно серьезного отношения к подготовке материальной части». Самых коммунистов обязали усилить свою работу по обеспечению безопасности полетов в аэропорту в связи с приближением весенне-летней навигации [12, л. 5, 7, 10].

В ходе проведения мероприятий общественно-политического плана витебские авиаторы выявляли недостатки в своей летной работе в различных

областях и принимали меры к их исправлению. Так, на партийном собрании первичной парторганизации Витебского аэропорта 22 февраля 1950 г. коммунисты отметили отсутствие качественного рабочего помещения у авиаторов. По этой причине ответственные лица не могли регулярно проводить необходимую учебу с летно-техническим составом, что приводило к недостаткам по эксплуатации моторной части. Проводимые партийные собрания также повышали дисциплину среди авиаторов и усиливали ответственность за порученную эксплуатацию самолетно-моторного парка [13, л. 10, 12, 13].

Общественно-политическая работа никогда в советский период белорусской истории не теряла своей важности. Так, перед коммунистами партийной организации витебского аэропорта в 1950 г. была поставлена задача успешно закончить учебный год партийного просвещения. Коммунистам и беспартийным товарищам необходимо было обязательно повторить пройденный материал по краткому курсу истории партии. В целях расширения работы по укреплению дисциплины среди авиаторов вводилась более четко выраженная практика отчетов коммунистов и членов профсоюза о своей работе на партийных и профсоюзных собраниях, предъявлялись жесткие требования в области порядка и выполнения уставов по полетам [14, л. 13, 15, 16].

В Витебском аэропорту в изучаемый период широко применялись партийные взыскания за некачественное хранение запасных частей, за «слабое руководство» технической службой, «за плохое ведение» технической документации [13, лл. 12, 37]. Парторганизация Витебского аэропорта в 1951–1952 гг. свое основное внимание уделяла развёртыванию социалистического соревнования, но итоги подводились «от случая к случаю». С другой стороны, недостаточно отражались достижения передовиков соревнования в стенной печати. С точки зрения самих коммунистов «парторганизация не всегда доводила до конца» контроль выполнения принятых решений [15, л. 1–3, 7, 9].

Типичной частью общественно-политической деятельности среди транспортников было обсуждение и одобрение решений высших эшелонов Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Так, это касалось доклада секретаря ЦК КП(б)Б т. Гусарова на 16-м пленуме ЦК КП(б)Б 12 марта 1948 г. о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1947 г. «О работе ЦК КП(б)Б». На особых партийных собраниях разбирались «закрытые» письма ЦК ВКП(б) [16, л. 16–18]. Всемерно поддерживались мирные советские инициативы. В этих целях была проведена кампания по сбору подписей под воззванием Постоянного комитета сторонников мира о запрещении атомного оружия и задачах парторганизации по обеспечению этой работы, изложенных, например в постановлении № 17 бюро Витебского горкома КП(б)Б от 30 июня 1950 г. [17, л. 39, 40].

Как часть общественно-политической работы регулярно на партийных собраниях железнодорожников слушали отчеты пропагандистов об ито-

гах партийной учебы, работе кружков различного типа, в том числе повышенного. Состав членов кружков был в 1949–1951 гг., например, у витебских железнодорожников, неоднородным по первоначальному уровню подготовки, что отразилось на усвоении материала. Поэтому учебный год в кружках разрешалось закончить только после выполнения учебного плана [18, л. 42, 44].

В 1950-е гг. продолжился контроль партийных организаций за работой профсоюзов на железнодорожных предприятиях. Месткомы обязали в основу своей работы положить решение VI пленума ВЦСПС и Постановление Совета Министров СССР № 2164 от 25 июня 1951 г. по усилению политико-воспитательной работы среди членов союза, по укреплению трудовой и производственной дисциплины и по организации социалистического соревнования [19, л. 137, 139].

В рамках действовавшей в изучаемый период политической системы при решении любых вопросов максимально в 1943–1952 гг. использовались возможности партийных организаций транспортников. Одновременно с вопросами организации перевозок, их восстановлением и расширением, партийные организации в своей повседневной деятельности не упускали из внимания социальную сферу. Много времени транспортники уделяли чтке газет и беседам по вопросам текущей политики, проводили инструктивные совещания агитаторов в коллективах.

Список использованных источников

1. *Тимофеев, Р. В.* Транспорт Белорусской ССР в социально-экономическом развитии общества (конец 1943 – 1991 год): монография / Р. В. Тимофеев. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 400 с.

2. *Тимофеев, Р. В.* Транспортная политика в Белорусской ССР: разработка и осуществление (осень 1943 – 1991 гг.) / Р. В. Тимофеев. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2017. – 230 с.

3. *Тимофеев, Р. В.* Подготовка, оплата труда и обеспечение социальных потребностей кадров транспорта Белорусской ССР в конце 1943 – 1991 г. / Р. В. Тимофеев. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2018. – 254 с.

4. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 2.

5. ГАВО. – Ф. 158п. ОАФ. Оп. 2. Д. 16.

6. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 3.

7. ГАВО. – Ф. 158п. ОАФ. Оп. 2. Д. 19.

8. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 4.

9. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 5.

10. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 781.

11. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 782.

12. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 783.

13. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 784.

14. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 785.

15. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 786.

16. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 6.
17. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 12.
18. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 15.
19. ГАВО. – Ф. 146п. ОАФ. Оп. 3. Д. 18.

(Дата подачи: 08.02.2024 г.)

А. Г. Цымбал

Минский государственный лингвистический университет, Минск

A. Tsimbal

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 94(438):323(438)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ПОЛЬШЕ (1989–2023 ГГ.)

POLITICS OF HISTORY AND POLITICAL PARTIES IN POLAND (1989–2023)

В статье комплексно анализируется роль политических партий Польши как ключевых акторов в формировании исторической политики и коллективной памяти после 1989 г. Рассматриваются основные подходы правоконсервативных партий, таких как Право и справедливость, и леволиберальных сил во главе с Гражданской платформой. Показана инструментализация исторических нарративов и символов в политической борьбе. Отмечается преемственность в акценте на ключевых событиях национальной истории при различии их интерпретаций.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; Польша; политические партии.

The article comprehensively analyzes the role of political parties in Poland as key actors in shaping historical politics and collective memory after 1989. It examines the main approaches of right-conservative parties, such as Law and Justice, and left-liberal forces led by the Civic Platform. The instrumentalization of historical narratives and symbols in political struggle is demonstrated. Continuity in emphasizing key events of national history while differing in their interpretations is noted.

Keywords: politics of history; politics of memory; Poland; political parties.

Политика памяти в Польше представляет собой важное исследовательское поле, в центре внимания которого находятся акторы и практики, определяющие формирование и интерпретацию коллективной исторической памяти в этой стране¹. После 1989 г. Польша столкнулась с необходимостью переосмысления своего прошлого и конструирования новой идентичности. В этом контексте политика памяти стала одним из ключевых инструментов

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

для укрепления национального самосознания и консолидации общества. Акторы этой политики, включая государственные институты, политические партии, общественные организации, интеллектуальную элиту и медиа, также католическую церковь и религиозные общины играют важную роль в формировании и распространении определенных интерпретаций исторических событий.

Несмотря на попытки унификации подходов к пониманию прошлого, существуют разногласия и конфликты внутри польского общества по поводу интерпретации ключевых событий и персонажей истории. Дебаты о роли Польши во Второй мировой войне, польских «проклятых солдат», отношения с соседними странами, антисемитизме и коллаборационизме с нацистскими властями продолжают вызывать острые споры и разногласия.

После постсоциалистической трансформации 1989 г. почти все вопросы, связанные с отношением к прошлому, появляются в публичном пространстве в основном благодаря политикам. Независимо от состояния академических исследований и уровня профессиональной проработки темы, градус интереса к той или иной проблеме создается и зачастую намеренно подогревается различными политическими силами. Примером могут служить эмоциональные споры вокруг книг Я. Т. Гросса [1], биографии Леха Валенсы, написанной С. Ценкевичем и П. Гонтарчиком [2]. В дебатах почти полностью преобладали политические аргументы, целиком заслонявшие вопросы исторической сущности проблемы.

Растущий интерес к нарративу о польских «проклятых солдатах» [3, р. 44], который наблюдается в Польше уже несколько лет, также в значительной степени инспирирован политическими кругами и вряд ли совместим с научным состоянием дел в этой области.

Инструментализация истории в политических целях борьбы за власть и формирования системы лояльностей стала неотъемлемой частью польской политической жизни. Историческую политику соответственно рассматривают как естественный атрибут любой государственной политики. С другой стороны, в условиях демократического режима проявляется множественность акторов, стремящихся использовать ресурс прошлого в своих политических целях. В условиях политического противостояния в Польше именно политические партии становятся главными акторами исторической политики.

Историческая политика происходит из немецкого языка (Geschichtspolitik). Считается, что этот термин приобрел популярность в 1980-х гг. в рамках спора немецких историков об оценке национал-социализма. Параллельно термин был внедрен в дискурс медиа и использовался для описания текущих политических событий. В основном он обозначал намеренную инструментализацию истории для достижения политических целей и использовался в негативном смысле. Противники концепции «исторической политики» оспаривают возможность соединения политики и истории. Ведь важнейшая задача истории – объективность и стремление

к истине, что часто противоречит цели политики – власти и влиянию. Термин «политика памяти», распространенный в научном и публичном дискурсе, является копией английского «politics of memory». Сторонники использования данного термина считают, что термин «память» передает смысл понятия гораздо лучше, чем история. Ведь политика памяти заключается не в установлении исторической истины, а в использовании в конкретных целях конкретного образа прошлого, который существует в общественном и индивидуальном сознании. Речь также идет о возможности формировать представления общества о прошлом, чтобы легче влиять на настоящее. Однако независимо от научной семантики в публичном дискурсе эти два термина функционируют как взаимозаменяемые [4, р. 63–67].

Основными акторами исторической политики выступают политические силы, находящиеся у власти и формирующие правительство, при участии оппозиционных групп (сила их влияния зависит от их позиции и программных установок, которые могут в разной степени акцентировать внимание на проблемах прошлого). В Польше динамика политической борьбы характеризуется противостоянием правоконсервативных и леволиберальных сил. Правящие элиты используют историческую политику для влияния на политическое поведение граждан, например, на выборах. Все виды деятельности в области исторической политики осуществляются государственными институтами, начиная от финансовой (средства на конкретные проекты) и судебной (проблема так называемого правосудия переходного периода) и заканчивая культурной (музеи, театры, кинематограф, телевидение, интернет) и образовательной (учебные программы, учебники). Подчеркнуть эту позицию важно по той причине, что очень часто все упоминания о прошлом в публичном дискурсе ошибочно рассматриваются как историческая политика, что приводит к постепенному выхолащиванию значения этого термина. Стоит добавить, что в зависимости от действующей политической системы можно выделить несколько уровней этой деятельности. В Польше их два: государственное и местное самоуправление [4, р. 68–69]. Важную роль в Польше играет также сильно институционализирующаяся католическая церковь, прочно укоренившаяся в национальной истории и традициях. На протяжении многих лет она играет роль хранителя памяти и имеет тесную связь с правоконсервативными силами.

Сразу после распада коммунистического режима, правительство Польши приняло ряд мер по переосмыслению национальной истории и укреплению национального самосознания. Первоначально, в 1990-е гг., основной акцент делался на пересмотре официальной исторической номенклатуры, замене символов и монументов, названий улиц, которые ассоциировались с коммунистическим прошлым. Через некоторое время интерес к истории угас. З. Глаза считает, что на это повлияли современные государственные власти и сочувствующая им часть СМИ. Журналисты, а также большинство политиков в парламенте, которые пошли по ее стопам, приняли почти доктринальный подход: демократической Польша не следует заниматься

прошлым недемократической страны – мы находимся в новой ситуации, у нас новые задачи, оглядывание назад не поможет. «Антиисторическая» пропаганда оказалась чрезвычайно эффективной – обращение к прошлому даже считалось неуместным, как проявление двусмысленной, архаичной мотивации» [5, р. 73]. Интерес к экономическим преобразованиям и строительству нового государства стал доминировать.

Это стало следствием принятия либеральной модели исторической политики левым правительством. Такой подход казался очевидным в условиях принятия капитализма, системы либеральной демократии и свободно-рыночной экономической модели. В то время это убеждение высказывали и некоторые активисты бывшей антикоммунистической оппозиции. Кроме того, левые партии, созданные после 1989 г. на базе Польской объединенной рабочей партии (PZPR), также не интересовались исторической политикой, спорами и сведением счетов с прошлым, желая избежать негативных ассоциаций с коммунистическим режимом. Левых больше устраивала либеральная модель исторической политики.

После долгих лет споров и политической борьбы по поводу содержания преамбулы Конституции Республики Польша 1997 г. в нее была включена декларация: «В благодарность нашим предкам за их труд, за борьбу за независимость, увенчавшуюся огромными жертвами, за культуру, уходящую корнями в христианское наследие нации и общечеловеческие ценности, ссылаясь на лучшие традиции Первой и Второй Речи Посполитой, обязуемся передать будущим поколениям все, что является ценным из тысячелетнего наследия...» [6]. Преамбула определяет польское государство как Третью Речь Посполитую, исключая Польскую Народную Республику из исторической преемственности суверенной польской государственности.

Действия левых, социалистических партий в отношении исторической памяти носили оборонительный характер. Польские социал-демократы и, в частности, Союз демократических левых сил (СЛД) находились во власти значительную часть 1990-х гг. и в 2001–2005 гг. Отсутствие ссылок на национальное прошлое как важного компонента публичной дискуссии об исторической политике и недостаточный акцент на ценностях, к которым должны были обращаться Социал-демократы Речи Посполитой (СДРП) и СЛД, характерные прежде всего для первых нескольких лет деятельности партий, привели к неспособности представить собственные аргументы и противостоять нарративам правых сил. Критика правых кругов за использование прошлого для достижения текущих политических целей не помешала им активно формировать позитивный миф Круглого стола и оценку генерала Ярузельского как реформатора, а также сопоставление различных элементов реальности Второй Речи Посполитой с Польской Народной Республикой и с современной Польшей.

Левые силы не создали своего собственного видения истории. Расхождений были не только в вопросе о необходимости исторической политики и критериях оценки исторических событий, но и в оценке Польской

Народной Республики – от избегания оценки до ее защиты, заметная прежде всего во втором десятилетии XXI в. Однако активность в области исторической политики, ярким примером которой стала попытка создать миф о 1970-х гг. как об исключительном периоде развития в истории Польши, по крайней мере, на короткое время позволила им войти в публичную сферу [7, р. 199].

В 2000-е гг., с приходом к власти консервативных правых партий, в том числе Право и Справедливость (ПиС), наблюдается изменение в подходе к политике памяти. Государственные институты начали активно поддерживать и продвигать определенные интерпретации исторических событий, связанных с национальным героизмом и мученичеством.

Еще в 1998 г. по инициативе правоконсервативных сил был создан Институт Национальной Памяти (ИПН), целью которого является расследование и документирование преступлений против польского народа в периоды оккупации, что стало важным шагом в официальной политике памяти. ИПН не только занимается исследованием и документированием исторических событий, но и проводит образовательные мероприятия и поддерживает публикации, направленные на поддержку определенных исторических норм и ценностей [8].

Музеи играют ключевую роль в исторической политике польских политических партий, предоставляя платформу для формирования и продвижения определенных интерпретаций исторических событий. Например, музей Варшавского восстания, который был открыт в 2004 г. при участии ПиС, служит важным центром для памяти о событиях 1944 г. [9, р. 99, 100].

Как пример контрнарратива исторической политики можно назвать Музей истории польских евреев (ПОЛИН), созданный при участии Гражданской платформы по инициативе Еврейского исторического института в Польше, как одно из первых учреждений культуры в Польше, организованных на основе государственно-частного партнерства. Он действует благодаря средствам, предоставленным правительством (Министерством культуры и национального наследия), местным самоуправлением (Варшава) и неправительственной организацией, которая собирала средства от доноров из Польши и из-за границы.

Борьба за музеи стала одной из характерных особенностей инструментализации истории в Польше. Битва за музей Второй мировой войны в Гданьске стала значимым событием в контексте исторической политики страны. Этот музей явился предметом острого политического противостояния между правительством ПиС и оппозицией, представленной гражданской коалицией и некоторыми международными организациями. Первоначальная концепция и экспозиция музея представляла историю войны с учетом международной перспективы, а не только с польской стороны. Однако после прихода к власти партии Право и Справедливость в 2015 г. началась реорганизация этого проекта [11, р. 335–340].

Правительство ПиС выразило желание изменить концепцию музея так, чтобы он более акцентировал роль Польши и польского народа во Второй мировой войне. Оппозиция и некоторые международные организации выразили опасения по поводу этого изменения, считая, что новая концепция может привести к идеологической политизации, искажениям истории, умаляя роль других наций и событий, а также игнорируя темные страницы польского прошлого.

Попытка создать новую модель исторического образования в школах в духе, соответствующем нарративу правящей партии, также была воспринята значительной частью общества крайне негативно. Речь идет об учебнике В. Рошковского, написанном по заказу Министерства образования и науки, в связи с введением в средних школах с 2022 г. предмета «История и современность» вместо уроков обществоведения [12].

Во внешней исторической политике польских консерваторов можно выделить четыре направления: германский вопрос (вопрос репараций), украинский (80-летие Волынской резни и вопрос эксгумации жертв), российский (годовщина операции польского НКВД) и израильский (вопрос о поездках молодых израильтян в Польшу и продвижение «польского нарратива» о Холокосте) [13].

Историческая политика польских леволиберальных сил, таких как Гражданская платформа и их союзники, отличается от подхода консервативных партий. Основной упор леволиберальных сил делается на уважение к международным стандартам исторической науки, включая объективность, научную методологию и признание многообразия исторических интерпретаций. Они признают многообразие культурного и исторического наследия Польши, в том числе роль различных этнических и религиозных групп в истории страны.

Таким образом, вопросы истории в Польше стали предметом острой борьбы и дискуссий с момента постсоциалистической трансформации в 1989 г. Политические партии играли важную роль в формировании исторических нарративов и влияли на общественное восприятие и интерпретацию исторических событий.

Правоконсервативные силы, как Право и Справедливость, историческая политика которой имеет националистические черты, активно использовали ресурс истории в своих политических кампаниях, стремясь к укреплению своей легитимности и поддержки.

В то же время другие политические силы, такие как Гражданская платформа и их союзники, представляли собой более либеральный и инклюзивный подход к исторической политике. Они акцентировали важность уважения к международным стандартам и объективности в историческом исследовании. Таким образом, использование исторической повестки по-прежнему остается важным инструментом партийной борьбы в Польше. При этом подходы основных политических сил претерпевают эволюцию под влиянием как внутривнутриполитической динамики, так и международного контекста.

Список использованной литературы

1. *Gross, J. T.* Neighbors: the Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland with a New Afterword / J. T. Gross. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. – 214 s.
2. *Cenckiewicz, S.* SB a Lech Wałęsa: przyczynek do biografii / S. Cenckiewicz, P. Gontarczyk; Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. – Gdańsk [etc.]: Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008. – 750 s.
3. *Ponczek, E.* Polityka historyczna w Polsce – od oglądu retrospektywnego do refleksji o następstwach przyszłościowych / E. Ponczek // Narracje pamięci: między polityką a historią / pod redakcją Katarzyny Kąckiej, Joanny Piechowiak-Lamparskiej, Anny Ratke-Majewskiej. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2015. – S. 29–57
4. *Kącka, K.* Polityka historyczna: kreatorzy, narzędzia, mechanizmy działania – przykład Polski / K. Kącka // Narracje pamięci: między polityką a historią / pod redakcją Katarzyny Kąckiej, Joanny Piechowiak-Lamparskiej, Anny Ratke-Majewskiej. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2015. – S. 59–80
5. *Olszewski, E.* Pamięć społeczna i polityka historyczna w programach polskich partii politycznych / E. Olszewski // Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. – 2013. – № 2. – S. 67–97.
6. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. [Electronic resource] // isap.sejm.gov.pl. – 2024. – Mode of access: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19970780483>. – Date of access: 27.02.2024.
7. *Trembicka, K.* Lewica parlamentarna wobec polityki historycznej w debacie publicznej w III Rzeczypospolitej / K. Trembicka // Przegląd Sejmowy. – 2022. – № 3 (170). – S. 175–199.
8. *Dudek, A.* Instytut: osobista historia IPN / A. Dudek. – Warszawa: Czerwone i Czarne, 2011. – 367 s.
9. *Kleśta-Nawrocki, R.* Muzeum Powstania Warszawskiego – Muzeum Pamięci IV RP / R. Kleśta-Nawrocki // Nasze Pomorze. – Bytów, 2007. – S. 99–117.
10. *Kobielska, M.* Model “nowego” polskiego muzeum historycznego: muzeum jako urządzenie polityczne / M. Kobielska // pomiędzy Jubileuszami Polityka historyczna w polsko-niemieckiej codzienności. – Warszawa: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015. – S. 205–221.
11. *Wnuk, R.* Wojna o wojnę. Spór o wystawę Muzeum II Wojny Światowej / R. Wnuk // Res Historica. – 2018. – № 46. – S. 335–350.
12. *Leszczyński, A.* Historia i teraźniejszość Wojciecha Roszkowskiego jako prawdziwy koniec polityki historycznej / A. Leszczyński // Przegląd historyczny. – 2022. – TOM CXIII. – ZESZ. 4, I. – S. 717–729.
13. *Turejko, T.* Upartyjnienie i brak skuteczności. Polityka historyczna Zjednoczonej Prawicy na 2 [Electronic resource] // T. Turejko // Klub Jagielloński. – 2024. – Mode of access: <https://klubjagiellonski.pl/2023/10/21/upartyjnienie-i-brak-skuteczności-polityka-historyczna-zjednoczonej-prawicy-na-2/>. – Date of access: 27.02.2024.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

Д. Н. Черкасов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

D. Cherkasov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 930.23

«БУРГУНДСКОЕ ГОСУДАРСТВО» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30–80-Х ГГ. XX В.

“BURGUNDIAN STATE” IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE 30-80’S. XX CENTURY

В статье рассматривается степень изученности в советской медиевистике 30–80-х гг. XX в. истории «Бургундского государства» – конгломерата владений, объединенного в XIV–XV вв. под властью бургундских герцогов из династии Валуа, а также оценивается его роль в истории Позднесредневековой Европы. Делается вывод о том, что данная проблематика занимала периферийное место в исследованиях советских историков. Роль Бургундии и ее правителей изучалась преимущественно в контексте Столетней войны 1337–1453 гг. и процессе формирования централизованной монархии во Франции во 2-й половине XV в.

Ключевые слова: «Бургундское государство»; Бургундское герцогство; советская медиевистика; история Средних веков.

The article examines the degree of knowledge in Soviet medieval studies of the 30–80s. XX century history of the “Burgundian state” – a conglomerate of possessions united in the 14th–15th centuries. under the rule of the Burgundian dukes from the Valois dynasty, as well as an assessment of its role in the history of Late Medieval Europe. It is concluded that this issue occupied a peripheral place in the research of Soviet historians. The role of Burgundy and its rulers has been studied primarily in the context of the Hundred Years’ War of 1337–1453. and the process of formation of a centralized monarchy in France in the 2nd half of the 15th century.

Keywords: “Burgundian state”; Duchy of Burgundy; Soviet medieval studies; history of the Middle Ages.

Подходя к рассмотрению заявленной темы, сразу следует отметить, что в советский период не вышло ни одной научной работы, где объектом исследования непосредственно выступало бы «Бургундское государство», представлявшее собой конгломерат различных владений, объединенных во второй половине XIV–XV вв. под властью бургундских герцогов из династии Валуа. В традиции советской исторической науки, в том числе и медиевистики, опиравшейся на марксистско-ленинское учение и формационный подход, основное внимание было принято уделять изучению истории крупных европейских государств – Англии, Франции, Германии, игравших важную роль в мировом развитии XVI–XX вв. В то же время история небольших государств оказалась на периферии научного интереса советских историков.

Тем не менее «Бургундское государство», так или иначе, получало свою, пусть и очень обобщенную, оценку в работах советского периода – в кандидатских диссертациях, монографиях, отдельных статьях по истории Франции, Бельгии и Нидерландов, в учебной литературе по истории западноевропейского Средневековья. Несомненная заслуга в этом, на наш взгляд, принадлежит академику Е. А. Косминскому, который после создания в 1936 г. Института истории Академии наук СССР, возглавил там Сектор истории Средних веков. Именно благодаря ему и под его редакцией в 1936 г. была осуществлена публикация на русском языке первых двух томов «Истории Бельгии» А. Пиренна под названием «Средневековые города Бельгии». В предисловии к изданию третьего и четвертого томов под названием «Нидерландская революция» (1937 г.) академик отмечал, что «Бургундское герцогство и его судьбы должны занять в истории средневековой Европы место, соответствующее той роли, которую оно сыграло в свое время в ее истории» [1, с. 5].

В советской медиевистике история «Бургундского государства» XIV–XV вв. затрагивалась чаще всего в связи со Столетней войной и борьбой за создание централизованного государства во Франции, в некоторых случаях – в связи с историей Бельгии и Нидерландов.

Поскольку понятие «Бургундское государство» представляло собой искусственный конструкт, введенный в оборот историками лишь в XX в., советскими медиевистами оно воспринималось недостаточно отчетливо, что породило определенную путаницу между «Бургундским государством» и «Бургундским герцогством», которые зачастую сливались в единое целое. Так, в учебнике «Истории Средних веков» для вузов (далее ИСВ) 1941 г. Е. А. Косминский отмечал, что «герцогство Бургундское из сравнительно небольшого владения стало могущественным княжеством» [2, с. 310], а в издании 1952 г. сообщалось, что к концу XIV в. «герцогство Бургундское стало сильным государством» [3, с. 339].

В статье «Бургундское герцогство» (2-й том СИЭ – «Советской исторической энциклопедии» 1962 г.) большая ее часть посвящена собственно не герцогству, а «Бургундскому государству». Авторы отмечали, что «бургундские герцоги проводили настойчивую политику превращения Бургундского герцогства в крупное европейское государство [...] Период 1419–1477 гг. занимает важнейшее место в истории Бургундского государства, ставшего одной из сильнейших европейских держав» [4, стб. 822]. Во введении к монографии А. Н. Чистозвонова «Нидерландская буржуазная революция XVI в.» автор отмечал, что в период правления Филиппа Доброго и Карла Смелого ряд самостоятельных графств и княжеств потеряли свою независимость, войдя в состав герцогства Бургундского, что безусловно ошибочно [5, с. 4]. Хотя здесь же автор отмечает, что «Бургундская держава превратилась в одно из наиболее сильных западноевропейских государств» [5, с. 5].

Слияние двух понятий мы находим и в учебнике исторической географии В. В. Самаркина, который, с одной стороны, указывает, что «в XIV–

XV вв. начало складываться новое Бургундское государство», а с другой, что «Бургундское герцогство было одним из могущественных государств континентальной Европы» [6, с. 69–70].

Довольно обобщенно представлены сведения о землях, составлявших «Бургундское государство». Так, в учебнике ИСВ 1952 г. сообщалось, что «герцоги Бургундские овладели графством Бургундским (в «Священной Римской империи»), затем присоединили к своим землям большую часть Нидерландов» [3, с. 339]. В учебнике 1948 г. указывалось, что «кроме областей в самой Франции, Бургундии принадлежали и значительные области, входившие в состав Священной Римской империи», среди таковых названы не только Брабант и Голландия, но и ошибочно Фландрия, которая была частью французского королевства [7, с. 105].

Более точный перечень дан в учебнике ИСВ 1977 г., где указано, что «герцог Бургундский стал независимым государем не только в своем герцогстве, но и почти во всех восточных и некоторых северных землях Франции (Пикардия). Он также владел богатейшими в ту пору областями Западной Европы – Нидерландами (так стали называться Фландрия, Брабант и другие земли на территории нынешних Бельгии и Голландии) и Люксембургом» [8, с. 235]. В 1-м томе «Истории Франции» сообщалось, что владения Карла Смелого «еще больше возросли за счет северных нидерландских провинций и областей по Рейну. Теперь так называемое Бургундское государство охватывало полукольцом весь северо-восток Франции почти до Лиона и включало чисто французские области: герцогство Бургундское, Нивернэ, Пикардию» [9, с. 146].

Наиболее точное, хотя и не до конца полное, описание «Бургундского государства» дано в учебнике исторической географии В. В. Самаркина, в котором, помимо герцогства и графства Бургундских, составными частями этого «государства» названы Артуа, Фландрия, Голландия, Зеландия, Брабант, Люксембург, Гельдерн, Геннегау, Пикардия, Вермандуа, Невер [6, с. 69].

В учебниках и научной литературе имеются некоторые сведения о гражданской войне 1405–1435 гг. между сторонниками Бургундского и Орлеанского домов, известной, как война «бургиньонов» и «арманьяков». В некоторых учебниках ИСВ она именовалась, как «война бургундцев и арманьяков» [8, с. 234] и даже «бургундионов» и «арманьяков» [10, с. 208]. В рамках гражданской войны часть материала была уделена движению кабошьенов. В учебнике ИСВ 1970 г. указывалось на роль герцога Бургундского в этом движении, отмечалось, что недостаточная помощь с его стороны обусловила подавление восстания 1413 г. «Часть кабошьенов бежала после поражения в Бургундию. С этого времени двор герцога Бургундского стал главным центром интриг против королевского правительства» [11, с. 209–210].

Единственным советским медиевистом, непосредственно изучавшим движение кабошьенов была М. М. Себенцова. В ее статье «Восстание кабошьенов» значительное место уделено конфликту «арманьяков» и «бургиньонов». Несмотря на некоторую архаику терминологии (например, Жан

Бесстрашный именуется как «Иоанн Неустрашимый»), статья богата фактическим материалом и опирается на наиболее значимые источники. Важное место движение кабошьенов занимает и в работе М. М. Себенцовой «Из жизни Парижа времен Столетней войны»¹.

Англо-франко-бургундские отношения в период Столетней войны также затрагивались в учебной литературе и отдельных работах. В частности, причиной англо-бургундского союза назывались тесные экономические связи Англии и Фландрии: «по своим торговым интересам Бургундия в гораздо большей степени находилась в связи с империей и Англией (через Фландрию), чем с Францией. Этим определялась в значительной степени и позиция Бургундии в войне между Францией и Англией» [7, с. 105]. Подчеркивалось, что в результате англо-бургундского союза «для населения Франции, сперва на севере, а потом и повсюду, бургундцы скоро стали такими же врагами, как и англичане» [8, с. 235].

По вопросу о заключении Арасского договора 1435 г., в результате которого герцог Бургундский перешел на сторону короля Франции Карла VII, в учебнике 1941 г. говорилось, что Филипп Добрый «окончательно порвал с Англией ввиду ее намерений захватить Нидерланды», что является сильным обобщением и упрощением, имея в виду, что в действительности герцог Глостер в 1424–1428 гг. предъявлял права на графства Геннегау (Эно), Голландию и Зеландию, не принадлежавшие Бургундскому дому [2, с. 313]. В издании 1952 г. упор сделан на социально-экономические причины, полагая, что мирный договор с Карлом VII герцог Бургундский заключил «под давлением своих городов, разоренных поборами и то и дело поднимавших восстания» [3, с. 343]. Н. А. Хачатурян, писавшая соответствующую главу в учебнике 1990 г., также говорит, что «в 1435 г. герцог Бургундский был вынужден заключить союз с Карлом VII» не объясняя, однако, причины такой необходимости [12, с. 257].

Единственной работой советского периода посвященной Столетней войне была книга Н. И. Басовской «Столетняя война 1337–1453 гг.», в которой автору удалось достаточно точно очертить позиции герцога Бургундского на последнем этапе конфликта указав, что Бургундия «стала важнейшей опорой Англии в Столетней войне [...] Англо-бургундский блок стал основой договора в Труа» [13, с. 110]. Несмотря на это, бургундский фактор находится на периферии внимания автора, который обрисовывает англо-бургундские и франко-бургундские отношения, не вникая глубоко в детали. Сообщается, например, что во Франции «герцогу Бургундскому подчинялись Бургундия и Шампань», но почему-то опущены Фландрия, Артуа, Пикардия, Ретель [13, с. 116]. Говорится, что «герцог Глостер предъявил династические права на ряд бургундских владений в Нидерландах», а на самом

¹ См.: Себенцова, М. М. Восстание кабошьенов (Cabochiens) / М. М. Себенцова // Московский историко-архивный институт. Труды. – М., 1958. – Т. 12. – С. 208–240; Себенцова, М. М. Из жизни Парижа времен Столетней войны / М. М. Себенцова. – М.: Учпедгиз, 1962.

деле – на наследство Якобы/Жаклин Баварской из династии Виттельсбахов [13, с. 119–120].

Бургундский фактор в Столетней войне затронут также в работах, посвященных Жанне д'Арк. Так, В. И. Райцес в своей книге пришел к выводу, что заключение мирного договора с Бургундией не было обязательным условием победы Франции в Столетней войне. Он называет политику уступок Карла VII герцогу Бургундскому ошибочной, в отличие от Жанны д'Арк, выступавшей в отношении к нему с более жестких позиций¹. В статье А. Д. Люблинской герцог Бургундский рассматривается только как вассал короля Франции. Поэтому заключение в 1419 г. союза с Англией трактуется исключительно как предательство, причем не только в отношении короля, но и в отношении национальных интересов Франции.²

Наибольшее внимание советскими медиевистами было уделено роли «Бургундского государства» в процессе борьбы за укрепление королевской власти во Франции при Людовике XI. В рамках марксистского учения «Бургундское государство» рассматривалось, как оплот феодальной реакции. Уже в учебнике 1952 г. утверждалось, что «существование Бургундского государства являлось серьезнейшим препятствием на пути к завершению объединения Франции» [3, с. 346]. В дальнейшем тезис о том, что наличие независимой Бургундии «препятствовало завершению территориального, экономического и культурного объединения Франции в национальное государство», закрепился в советской историографии [9, с. 146]. Таким образом, распад «Бургундского государства» трактовался, как прогрессивный и объективный исторический процесс.

С 1948 по 1955 г. по проблеме формирования централизованной монархии во Франции были защищены кандидатские диссертации С. М. Маневич, Л. М. Затуловской и Л. П. Горбачевой³. Диссертация последней наиболее близка бургундской тематике. Л. П. Горбачева, исходя из позиций диалектического материализма, объясняет стремление городов на Сомме вернуться под власть короля Франции социально-экономическими причинами, указывая, что «сукноделие и торговля сукном и красителями были одной из главных причин, вызвавших отрыв городов на Сомме от владений

¹ Райцес, В. И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы / В. И. Райцес. – Л.: Наука, 1982.

² Люблинская, А. Д. Жанна д'Арк / А. Д. Люблинская // Средние века. – М., 1966. – Вып. 22. – С. 180–192.

³ Маневич, С. М. Война «Лиги общественного блага» против Людовика XI (Франция 1461–1465 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. М. Маневич; Лен. гос. ун-т. – Л., 1948; Затуловская, Л. М. Борьба королевской власти Франции за территориальное объединение страны (сер. XV в.): автореф. дис. ... канд. / Л. М. Затуловская. – М., 1949; Горбачева, Л. П. Города на Сомме и борьба за политическое объединение Франции во 2-й п. XV в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Л. П. Горбачева; Московский гос. ун-т. – М., 1955.

герцога Бургундского и установление более тесных экономических связей Пикардии и Франции», а также тем, что «Филипп Добрый не выполнил ни одного своего обещания о сокращении налогов, а наоборот, повел политику дальнейшего увеличения налогового гнета и полного пренебрежения к экономическим связям городов на Сомме с Нидерландами» [14, с. 7, 11].

Наиболее предметно бургундской тематикой в контексте формирования централизованного государства во Франции в советский период занимался Р. А. Маслов. В 1970-е гг. был опубликован ряд его статей, посвященных герцогству Бургундскому¹. Автор рассматривает исключительно отношения королевской власти и сословий герцогства Бургундского, а не всего «Бургундского государства». По его мнению, присоединение Бургундии к Франции происходило преимущественно с помощью военной силы, а фактическое включение герцогства в состав французской монархии произошло значительно позже января 1477 г. [15, с. 334].

В контексте изучения политической борьбы во Франции 2-й пол. XV в. советские медиевисты не могли обойти стороной личность последнего бургундского герцога Карла Смелого, подчеркивая, что он вел целенаправленную политику по созданию собственного королевства. Так, в учебнике ИСВ 1941 г. отмечено, что его владения «представляли собой в сущности две необъединенные друг с другом территории – Нидерланды и Бургундию. Политика Карла Смелого была направлена к тому, чтобы объединить эти разрозненно лежащие части и создать сплошную территорию, превратив ее в королевство» [2, с. 315–316]. В издании 1952 г. дополнено, что герцог «выступал не только как мятежный феодал, но и как глава сильного государства», а также настойчиво стремился «превратить свои владения в единое централизованное государство, совершенно независимое от Франции» [3, с. 347]. В учебнике ИСВ 1990 г. Карл Смелый характеризуется как «практически независимый крупный государь Западной Европы, многие из владений которого находились во Франции» [12, с. 260].

Однако не сложилось единства в понимании того, какое именно государство хотел создать Карл Смелый. Так, авторы статьи о герцогстве Бургундском в СИЭ писали, что он «вынашивал фантастические планы создания «Великой Лотарингии» от Северного до Средиземного моря» [4, стб. 823],

¹ *Маслов, Р. А.* Состояние франко-бургундских торговых связей в 60–70-х годах XV века / Р. А. Маслов // Вопросы всеобщей истории. – Уфа, 1970. – С. 110–134; *Маслов, Р. А.* Отношение бургундских феодалов к борьбе королевской власти за присоединение герцогства Бургундии к Франции / Р. А. Маслов // Ученые зап. Башкир. гос. ун-та. Вып. 64. Сер. ист. № 11. Из истории Франции. Вып. 4. – Уфа, 1972. – С. 47–73; *Маслов, Р. А.* Людовик XI и города Бургундии / Р. А. Маслов // Ученые зап. Башкир. гос. ун-та. Вып. 77. Из истории Франции. Вып. 5. – Уфа, 1974. – С. 102–148; *Маслов, Р. А.* Борьба правительства Людовика XI за герцогство Бургундия на внутриполитической арене Франции / Р. А. Маслов // Ученые зап. Башкир. гос. ун-та, Вып. 89. Проблемы социально-политической истории античности и средневековья. Вып. 1. – Уфа, 1975. – С. 80–111.

тогда как в одном из учебников ИСВ сообщалось о его мечтах «возродить Бургундское королевство» [10, с. 212].

Почти везде Карл Смелый упоминается как организатор антикоролевской «Лиги общественного блага». Однако иногда ошибочно указывают, что это был герцог Бургундский, что не соответствует действительности (в 1465 г. Карл был графом де Шароле) [12, с. 260]. Часто сравнивают политические способности Людовика XI и Карла Смелого не в пользу последнего. Карл представляется как «безрассудно храбрый и отважный герцог», который «как государственный деятель не шел ни в какое сравнение с Людовиком XI. Король умело использовал слабости его врага. В насильственно сколоченном “Бургундском государстве” не прекращались сепаратистские движения, и Людовик XI через своих агентов всячески их подогревал и подерживал материально» [10, с. 212].

Из работ советского периода, помимо перечисленных ранее, следует также выделить ряд работ 1950–1970-х гг. А. Н. Чистозвонова, Плешковой, В. Н. Шошина. Во второй половине 1980-х гг. интерес к бургундской тематике был подогрет выходом в серии «Памятники исторической мысли» «Мемуаров» Филиппа де Коммина и книги Й. Хейзинги «Осень средневековья»¹. Перевод «Мемуаров» был осуществлен талантливым медиевистом Ю. П. Малининым, с 1970-х гг. специализировавшемся на изучении наследия Ф. Коммина. Среди исследователей, затрагивавших в этот период в своих статьях бургундский фактор, можно также назвать П. Ю. Уварова, Н. А. Хачатурян, Л. П. Сергееву, С. В. Цатурову.

Таким образом, можно констатировать, что в период 30–80-х гг. XX в. изучение истории «Бургундского государства» не получило широкого распространения в советской историографии, будучи ограниченным либо рамками Столетней войны 1337–1453 гг., либо периодом становления централизованной монархии во Франции во 2-й половине XV в. Само «Бургундское государство» нередко воспринималось советскими медиевистами как Бургундское герцогство, что безусловно ошибочно.

Наибольшее внимание советскими медиевистами было уделено вопросу борьбы за объединение Франции во 2-й половине XV в. в правление Людовика XI., поскольку это наглядно демонстрировало марксистский тезис о прогрессивном и неизбежном процессе формирования абсолютистских государств в Европе Нового времени. Поражение и распад «Бургундского государства» трактовался как объективный итог борьбы центростремительных и центробежных сил, забывая, что правители самого этого «государства» вели политику по объединению разрозненных земель франко-имперского пограничья в единое централизованное государство.

¹ Коммин, Ф. Мемуары / Ф. Коммин. – М., 1987; Хейзинга, Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга. – М., 1988.

Список использованных источников

1. *Косминский, Е. А.* Анри Пиррен – историк Бельгии / Е. А. Косминский // Нидерландская революция / пер. Ф. А. Коган-Бернштейн; ред. и вводная статья Е. А. Косминского. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. – С. 5–24.
2. История Средних веков / под ред. профессоров А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, О. Л. Вайнштейна: в 2 т. – 2-е изд. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1941. – Т. 1. – 508 с.
3. История Средних веков / под ред. академика Е. А. Косминского, чл.-кор. академии С. Д. Сказкина: в 2 т. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1952. – Т. 1. – 748 с.
4. *Серовайский, Я. Д.* Бургундское герцогство / Я. Д. Серовайский, А. Н. Чистозвонов // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Советская Энциклопедия. – Т. 2. Баал-Вашингтон. – Стб. 821–825.
5. *Чистозвонов, А. Н.* Нидерландская буржуазная революция XVI века. / А. Н. Чистозвонов; отв. ред. С. Д. Сказкин. – М.: изд. Ан СССР, 1958. – 190 с.
6. *Самаркин, В. В.* Историческая география Западной Европы в средние века: учеб. пособие / В. В. Самаркин. – М.: Высш. шк., 1976. – 248 с.
7. *Удальцов, А. Д.* История средних веков / С. Д. Сказкин, А. Д. Удальцов – М.: Типография ВПШ при ЦК ВКП(б), 1948. – 320 с.
8. История средних веков: в 2 т.: учебник / под ред. С. Д. Сказкина [и др.]. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., 1977. – Т. 1. – 471 с.
9. *Люблинская, А. Д.* Столетняя война и народные восстания XIV–XV веков / А. Д. Люблинская // История Франции: в 3 т. / редкол.: А. З. Манфреда (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – Гл. 3. – С. 115–150.
10. История средних веков: учеб. для студентов ист. фак. пед. ин-тов / М. Л. Абрамсон [и др.]; под ред. Н. Ф. Колесниченко. – М.: Просвещение, 1980. – 576 с.
11. *Семенов, В. Ф.* История Средних веков: учеб. для пед. ин-тов / В. Ф. Семенов. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1970. – 608 с.
12. История средних веков: в 2 т.: учеб. для вузов по спец. «История» / Л. М. Брагина [и др.]; под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Каропова. – М.: Высш. шк., 1990. – Т. 1. – 495 с.
13. *Басовская, Н. И.* Столетняя война 1337–1453 гг. / Н. И. Басовская. – М.: Высш. шк., 1985. – 185 с.
14. *Горбачева, Л. П.* Города на Сомме и борьба за политическое объединение Франции во II п. XV в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Горбачева. – М., 1955. – 20 с.
15. *Бессилин, Н. А.* Р. А. Маслов о франко-бургундских отношениях второй половины XV века / Н. А. Бессилин, Г. Ф. Санжарова // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 328–346. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-328-346.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

И. О. Чеченев

Республиканский институт высшей школы, Минск

I. Chechenev

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 9.94

БОЛИВАРИЗМ И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ С. БОЛИВАРА: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

BOLIVARIANISM AND THE IDEOLOGICAL HERITAGE OF S. BOLIVAR: COMMON FEATURES AND PECULIARITIES

В статье анализируется идеология боливаризма с точки зрения связи с идейным наследием С. Боливара. При этом раскрыта история возрождения боливаризма как идеологии, политические проекты и практики его сторонников, показана связь боливаризма с «левым поворотом» в Латинской Америке.

Ключевые слова: боливаризм; «левый поворот»; социализм; левый радикализм; У. Чавес; Венесуэла; Латинская Америка.

The article analyses the ideology of Bolivarianism from the point of view of its connection with the ideological heritage of S. Bolivar. It reveals the history of the revival of Bolivarianism as an ideology, political projects and practices of its supporters, shows the connection between Bolivarianism and the “left turn” in Latin America.

Keywords: Bolivarianism; left-wing turn; socialism; left radicalism; H. Chavez; Venezuela; Latin America.

Последняя четверть XX в. характеризуется началом подъема радикальных и популистских движений как правого, так и левого спектра, которые в своей риторике апеллируют к борьбе с истеблишментом, глобализацией и апеллированием непосредственно к народным массам. При этом такие движения часто склонны предлагать для электората простые и быстрые решения сложных социально-политических проблем в обществе. Латиноамериканский регион с момента победы в войне за независимость характеризуется склонностью к каудильнизму в области публичной политики. Это, наравне с антиглобализмом и характерным для политического дискурса региона антиамериканизмом, привело к тому, что Латинская Америка стала одним из главных оплотов современного левого радикализма. Примерами «левого поворота» в регионе являются политика Э. Моралеса в Боливии, Р. Корреа в Эквадоре, Л. да Силва в Бразилии, К. Киршнер в Аргентине. Одним из самых известных идеологических течений латиноамериканского левого движения стал боливаризм, получивший свое наименование в честь одного из лидеров движения за независимость Латинской Америки С. Боливара. Боливаризм как политическая идеология начал свое развитие в Венесуэле, а сам боливарианский дискурс стал неразрывно связан с именем У. Чавеса, левого венесуэльского политика и президента Венесуэлы в 1999–2013 гг.

Цель настоящей работы – показать связь между идейным наследием С. Боливара и идеологией боливаризма и определить общие черты и особенности. При написании работы были использованы как труды самого С. Боливара, так и новые публикации русскоязычной и англоязычной историографии по рассматриваемой теме, включая публикации Т. А. Алексеевой, А. В. Борейко, Э. С. Дабагына, А. И. Емельянова, Л. В. Моисеенко, О. И. Поскокиной, А. А. Чибарова, Р. Брэдинга.

Начало формирования боливаризма как идейно-политического течения датируется концом 1970-х гг., когда группа молодых офицеров сухопутных войск венесуэльской армии во главе с У. Чавесом сформировали подпольную организацию КОМАСАТЕ (аббревиатура от испанских названий первых двух букв средних и младших офицерских званий – Comandante, Mayor, Capitan, Teniente) [1, с. 73]. Данная группа, критикуя социальное неравенство и общественные проблемы Венесуэлы, выступала за построение нового социального государства на принципах свободы, равенства, социальной справедливости и внешнеполитической независимости.

При формировании идеологии организации ее члены обратились к идейному наследию С. Боливара, от фамилии которого произошло название как самой идеологии, так и будущей политической организации. Социально-политические взгляды С. Боливара характеризуются сикретизмом как либеральных веяний эпохи «атлантических революций», так и серьезным консервативным влиянием. Перед данным политическим деятелем стоял обширный круг задач: достижение независимости испаноамериканских колоний, создание стабильной политической системы и развитие политической культуры в новообразованных государствах. Свои основные позиции по социально-политическим вопросам жизни Латинской Америки он высказал в написанном в г. Кингстоне (о. Ямайка) 6 сентября 1815 г. «Ответе одного южноамериканца – кабальеро с этого острова», более известном как «Письмо с Ямайки» [2]. Кроме того, важными источниками по данному вопросу могут быть выступления С. Боливара на Ангостурском конгрессе [3], а также текст разработанной им Конституции Боливии [4].

Латиноамериканская концепция С. Боливара хорошо просматривается в «Письме с Ямайки». Так, он считал, что необходимо создать конфедерацию новообразованных латиноамериканских государств, которая могла позволить им сообща выступать на международной арене и противостоять потенциальному вмешательству иностранных государств в свои внутренние вопросы. При этом Новая Гранада (современная Колумбия) и Венесуэла должны были образовать единое государство «Колумбию» [2, с. 60–61].

В данном документе С. Боливар раскрывается и с консервативной стороны. Считая, что американские колонии в Латинской Америке имеют недостаточный опыт самоуправления, в отличие от аналогичных колоний Великобритании в Северной Америке, он предложил создать институты сильной исполнительной власти, члены которой должны были занимать должности пожизненно, хотя и не наследственно. Кроме того, он предлагал создать

двухпалатный парламент, верхняя палата которого (законодательный сенат) для поддержания стабильности системы была бы наследственной [2, с. 62]. На Ангостурском конгрессе 1819 г. предложения по исполнительной власти были конкретизированы: ее должен был возглавить избираемый пожизненно президент с широкими полномочиями [5, с. 51]. В разработанной С. Боливаром Конституции Боливии 1826 г. президент должен был выбрать себе наследника и назначить его на должность вице-президента. Вместо двухпалатного парламента предполагалось создать трехпалатный парламент, где третья палата – палата цензоров – должна была следить за деятельностью Национального суда, который, в свою очередь, контролировал исполнительную власть [4, с. 54–64]. Необходимо заметить, что в должности президента С. Боливар видел, прежде всего, себя.

Уже упоминавшийся недостаточный опыт самоуправления привел С. Боливару к идее создания «моральной власти», которую должен был олицетворять отдельный политический орган – Ареопаг, состоящий из Палаты морали и Палаты образования. Первая, соответственно, наблюдала за общественной моралью и должна была публиковать статистику общественных добродетелей и пороков, имела право цензурировать произведения на тему общественной морали. Палата образования выполняла роль министерства образования и должна была следить за состоянием общественного образования в стране [3, с. 148–151]. Однако представленный на Ангостурском конгрессе 1819 г. проект Ареопага депутаты считали слишком громоздким и труднореализуемым, в результате чего тот был отклонен. Как будет показано ниже, многие нереализованные замыслы С. Боливару будут в большей или меньшей степени апробированы в рамках боливаризма.

Фигура Освободителя заняла в боливаризме центральное место и была использована как главная икона движения. Это отразилось даже в политическом дискурсе У. Чавеса, который регулярно использовал слова «Боливар» и «боливарианский». К примеру, в риторике сторонников боливарийцев используются такие фразы и словосочетания, как «родина Боливару», «о такой родине мечтал Боливар», «и сегодня Боливар возвращается», «шлага Боливару шагает по Латинской Америке», «боливарианская революция», «боливарианская Венесуэла», «боливарианская идеология», «боливарианское правительство», «боливарианский народ», «боливарианский лидер» [6, с. 37–38].

Стоит отметить, что помимо С. Боливару, члены движения подняли на свои знамена и другие имена эпохи войны за независимость Латинской Америки. Так, среди них оказалось имя главного наставника Освободителя – С. Родригеса, внесшего решающий вклад в воспитание С. Боливару в юности. На первый план была выдвинута и личность Э. Самору – либерального политического деятеля Венесуэлы эпохи так называемой Федеральной войны 1859–1863 гг., в ходе которой возглавил восстание против консервативного правительства Х. А. Паэса, который в свою очередь был одним из соратников самого С. Боливару во время Войны за независимость.

Как отмечает А. А. Чибаров в своей статье «Чавизм как отражение социально-политической действительности Латинской Америки», от С. Боливара были взяты идеи о равенстве, свободе и интеграции латиноамериканского региона, от С. Родригеса – о народном образовании, свободе и равенстве, а от Э. Саморы – о суверенном народе и гражданском союзе [1, с. 74].

Боливариизм У. Чавеса изначально развивался в русле левого движения, характеризуясь синтезом как классических социалистических идей, так и развитого в Латинской Америке левого национализма. Для боливариийцев история их страны – это история чехарды олигархических, бюрократических и диктаторских режимов, находившихся под контролем иностранных государств (в первую очередь, стран Запада) и транснациональных корпораций. При этом боливариийцы считают, что данные режимы не особо заботятся о благосостоянии основных масс населения, лишенных доступа к реальной власти и возможности влиять на политику страны.

Одной из главных составляющих идеологии боливариизма стала идея «боливарианской революции». При этом под революцией здесь понимается не вооруженная борьба в стиле латиноамериканских революционных движений второй половины XX в., а мирная трансформация венесуэльского общества. Хотя первая попытка У. Чавеса и его сторонников прийти к власти в 1992 г. во главе «Революционного боливарианского движения – 200» (исп. *Movimiento Bolivariano Revolucionario – 200*, MBR–200) была именно через вооруженный государственный переворот, из-за чего У. Чавес и его соратники на несколько лет оказались в тюрьме, трансформация движения в мирное, через тактику использования легальной политической борьбы, позволило чавистам и их новой организации – Движению за Пятую республику (MVR – *El Movimiento V República*) – прийти к власти в ходе выборов 6 декабря 1998 г., где У. Чавес одержал убедительную победу в первом туре с 56,20 % голосов.

MVR на выборах выдвинуло достаточно радикальные левые требования: активную борьбу с коррупцией и бедностью, написание новой конституции «для народа» и борьба с режимом «Пунтофихо» – основанным в 1958 г. пактом между тремя крупнейшими на тот момент партиями Венесуэлы – Демократическое действие, Социально-христианской партией и Демократическим республиканским союзом, – которые обязались поддерживать стабильную демократическую систему в стране. Борьба с «Пунтофихо» стала основой боливарианского дискурса накануне выборов, с помощью чего боливариийцы объединили вокруг себя многие мелкие партии левого толка, выступая против того, что они называли прогнившим коррумпированным режимом [7, с. 55].

После своего прихода к власти чависты начали реализовывать проект «боливарианской революции». Чтобы подчеркнуть кардинальные перемены в обществе и ориентированность на наследие С. Боливара, в 1999 г. было принято новое название страны – Боливарианская Республика Венесуэла. В 1999 г. была принята новая Конституция Венесуэлы, в которой помимо

трех классических ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной – были введены гражданская и электоральная. Последняя должна была следить за выполнением электорального законодательства, а вот гражданская представляла собой уже упоминавшуюся выше «моральную власть». Данный надзорный орган, согласно идеям боливариюцев, должен следить за административными злоупотреблениями бюрократии и представителей власти, а также предотвращать коррупцию. По сути, У. Чавес и его сторонники попытались реализовать на практике проект С. Боливара по созданию государственного органа, отвечающего за вопросы морали и этики в стране.

Гражданская власть по Конституции 1999 г. осуществляется Республиканским советом по морали, в состав которого входят «защитник народа», прокуратура и генеральный контрольный орган республики. Статус совета был детализирован «Органическим законом о гражданской власти», принятым 25 октября 2001 г. [8, с. 14].

В дальнейшем изменения в государственной системе имели две несколько противоположные, но тем не менее сильно связанные тенденции: усиление президентской власти, а также ее диверсификация с помощью системы коммунальных советов и коммун. Коммунальные советы были созданы У. Чавесом в 2003 г., в них вошли городские и сельские жители, всего от 200 до 400 семей, с целью формирования специального коммунального собрания и исполнительных органов, занимающихся различными проблемами. Таким образом, с одной стороны, в стране была сформирована сильная центральная власть, которая с годами продолжала усиливаться, с другой – произошло усиление местного самоуправления, которое через расширение своего состава за счет малообеспеченных масс населения и с помощью политических акций самих боливариюцев поддерживало политику президента страны [9, с. 133].

Наряду с изменениями в конституционном строе, У. Чавес начал реформировать образование, опять же, опираясь на идеи С. Боливара о необходимости развивать систему общественного образования. В Венесуэле было создано множество новых школ и университетов, а также запущены социальные программы по борьбе с бедностью и неграмотностью, сделавшие образование доступным для широких масс населения.

В экономике У. Чавес был сторонником концепции «третьего пути», получившей широкую поддержку в латиноамериканском регионе в конце XX в. Со временем концепция «третьего пути» начала претерпевать эволюцию, а сам венесуэльский президент провозгласил строительство «социализма XXI в.». Хотя сам С. Боливар и не придерживался социалистических идей, его идеи об общественном равенстве, оппозирование рабству дали возможность сторонникам боливаризма использовать его фигуру и в этой сфере. «Социализм XXI в.» – это смешанная модель демократии с широким использованием прямого участия избирателей в политической жизни через референдумы, консультации, и другие государственные механизмы.

При этом данную модель предполагалось сочетать с классическими институтами либеральной демократии. Составной частью концепции стала децентрализация власти и перенос ее из центра в регионы. Кроме того, «социализм XXI в.» предполагал ликвидацию общественного неравенства в Венесуэле через препятствование формированию привилегированных групп населения, стимулирование равных возможностей и удержание доходов государства внутри страны с целью их направления на развитие социальных программ.

Важнейшим аспектом боливаризма является его внешнеполитическая доктрина, основанная на латиноамериканистских идеях С. Боливар. Согласно внешнеполитическим идеалам боливарийцев, страны Латинской Америки должны создать собственный региональный центр силы как составную часть системы многополярного мира. Идеи создания латиноамериканского полюса были представлены еще у С. Боливар в его «Письме с Ямайки», где он представлял будущее освободившихся колоний как единое экономическое и культурное пространство с центром на Панамском перешейке.

У. Чавес пытался играть ведущую роль в попытках выстроить систему многополярного мира. Венесуэльский лидер посещал многочисленные конференции и форумы. На саммите «тысячелетия» ООН в сентябре 2000 г. президент подчеркивал необходимость реформирования организации с целью ее более активного участия в решении мировых вопросов [10, с. 174].

При этом боливарийцы, как и в свое время С. Боливар, жестко противостоят панамериканским идеям, в которых главенствующую роль стремятся играть США. В частности, У. Чавес имел крайне напряженные отношения с администрацией Дж. Буша-младшего, критикуя вторжения в Ирак и Афганистан и обвиняя США в насильственном отстранении от власти президента Гаити Ж.-Б. Аристида. При этом необходимо отметить, что сама Венесуэла продолжала выполнять свои международные и экономические обязательства, в частности, исправно поставляя нефть северному соседу [10, с. 176].

В качестве альтернативы панамериканизму был выдвинут созданный еще С. Боливаром и Ф. де Мирандой латиноамериканский проект, в рамках которого виделся синтез как западноевропейских, так и местных индейских культурных веяний, равноправное отношение к другим народам, отказ от культурной унификации, идея самостоятельного развития народов, приоритет коллективизма и общинности, а также примат нематериальных ценностей [11, с. 71].

Президент Венесуэлы стремился сделать боливаризм универсальной идейной платформой, которая бы объединила весь континент. Для реализации задуманного У. Чавес выдвинул предложение о проведении встреч на высшем уровне с целью создания конфедерации стран латиноамериканского региона – идеи, выдвинутой еще С. Боливаром, на основе которой в 1826 г. был созван Панамский конгресс. Реализация идеи вылилась в соз-

дание «Боливарианского альянса для народов нашей Америки» – АЛБА [11, с. 70]. Организация была создана в 2004 г., а первыми ее членами стали Венесуэла и Куба, что было вызвано крайне дружественными отношениями между их лидерами – У. Чавесом и Ф. Кастро. В результате тяжелых переговоров в состав организации вошли также Боливия, Никарагуа и Эквадор. Проект ALBA достаточно успешно функционировал, его члены в своей политике часто опирались на идеи У. Чавеса. Однако после смерти вдохновителя идеи ALBA быстро пришла в упадок [10, с. 178–179].

Таким образом, в своей политике У. Чавес и боливарианцы не просто испытывали серьезное влияние идей С. Боливера, но попытались реализовать многие его проекты. Создание сильной исполнительной власти, введение института моральной власти, идеи расширения образования, вмешательство государства в экономику, защита прав этнических меньшинств, концепция латиноамериканской интеграции – всё это боливарианцы так или иначе восприняли и попытались претворить в жизнь, местами даже буквально. Так, введенная в 1999 г. новая Конституция Венесуэлы, проведенный в 2009 г. референдум, снимающий ограничения по срокам полномочий для чиновников всех уровней – от президента до депутатов – действительно соответствовали идеям С. Боливера. Существенные различия между идеями С. Боливера и боливарианством можно найти в политике усиления местного самоуправления, которая, хоть и снискала популярность среди масс венесуэльских граждан, самым Освободителем скорее была бы воспринята как форма столь нелюбимого им федерализма; а также в приверженности сторонников боливарианства социализму, которое в работах самого С. Боливера не находится. Подводя итог, У. Чавес и его соратники представили политический проект. Этот проект, в первую очередь, пытается опираться на собственный латиноамериканский исторический опыт, что, вкуче с ораторским талантом бывшего венесуэльского президента, дало его детищу серьезную популярность в левой среде Латинской Америки.

Список использованной литературы

1. *Чибаров, А. А.* Чавизм как отражение социально-политической действительности Латинской Америки / А. А. Чибаров // Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. Общественные науки. – 2018. – № 3 (806). – С. 69–77.
2. Ответ одного южноамериканца – кабальеро с этого острова // Избранные произведения. Речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830 / С. Боливар; пер. с исп. М. И. Былинкиной, В. С. Гутермана, М. И. Полякова; сост. и науч. ред. пер. А. Ф. Шутьковский; коммент. Э. Э. Литавриной, Т. Ю. Мишуковой. – М.: Наука, 1983. – С. 49–65.
3. El proyecto para instituir un Poder Moral fue presentado por el Libertador al Congreso de Angostura, como una parte de su proyecto de Constitución, en febrero de 1819. Al Poder Moral se refiere Bolívar en su “Discurso de Angostura”. El Congreso lo consideró “como de muy difícil establecimiento, y en los tiempos presentes absolutamente impracticable” y acordó que se imprimiese como un apéndice a la Constitución, invitando a los sabios del mundo entero a emitir opinión sobre el tema / Bolívar, S. Doctrina del Libertador / S. Bolívar; 3-a ed. con

correcciones, actualización y adiciones de nuevos textos. – Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2010. – P. 148–155.

4. The Bolivian Constitution // Bolívar, S. El libertador: writings of Simón Bolívar / S. Bolívar; translated from the Spanish by Frederick H. Fornoff. – New York: Oxford University Press, 2003. – P. 54–85.

5. *Посконина, О. И.* Симон Боливар. Краткая история жизни «самого большого идеалиста» Латинской Америки / О. И. Посконина // *Латиноамериканский исторический альманах*. – 2013. – № 13. – С. 32–59.

6. *Моисеенко, Л. В.* Феноменология ораторских дискурсов латиноамериканских лидеров / Л. В. Моисеенко // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. – 2015. – № 2. – С. 36–39.

7. *Brading, R.* Populism in Venezuela / R. Brading. – New York: Routledge. – 2013. – 216 p. – (Routledge studies in Latin American politics).

8. *Алексеева, Т. А.* Моральная власть в конституционном проекте Симона Боливара 1819 г. / Т. А. Алексеева // *Латинская Америка*. – 2014. – № 4. – С. 4–16.

9. *Борейко, А. В.* Куба и «болливарианский» политический процесс. Современное состояние, проблемы и перспективы / А. В. Борейко // *PolitBook*. – 2017. – № 1. – С. 130–144.

10. *Дабагян, Э. С.* Уго Чавес – деятель планетарного масштаба / Э. С. Дабагян // *Латиноамериканский исторический альманах*. – 2022. – № 34. – С. 172–192.

11. *Емельянов, А. И.* Институционализация интеграционных процессов в Латинской Америке в современных условиях / А. И. Емельянов // *Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. Общественные науки*. – 2015. – № 26. – С. 66–74.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Чжоу Цзе, С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет, Минск

Zhou Jie, S. F. Svilas

Belarusian State University, Minsk

УДК 378(510+597)(091)

КИТАЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1993–2023 ГГ.)

CHINA-VIETNAM COOPERATION IN HIGHER EDUCATION (1993–2023)

В статье на основе документальных и историографических источников рассматривается взаимодействие Китая и Вьетнама в области высшего образования на протяжении 1993–2023 годов и усилия, предпринимаемые партнерами для его интернационализации. В развитии сотрудничества выделены три этапа, раскрыты их содержание и особенности. Подчеркнута роль Института Конфуция в китайско-вьетнамском образовательном обмене и сотрудничестве, значение инициативы «Пояс и путь», концепции сообщества единой судьбы человечества. Определены формы, достижения и перспективы сотрудничества, выявлены проблемы и сложности.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; международное сотрудничество; Китай; Вьетнам; инициатива «Один пояс, один путь».

Based on documentary and historiographical sources, the article examines the interaction between China and Vietnam in the field of higher education during 1993–2023 and the efforts made by the partners to internationalize it. Three stages in the development of cooperation are highlighted, their contents and peculiarities are revealed. The role of the Confucius Institute in China-Vietnam educational exchange and cooperation, the significance of the Belt and Road Initiative and the concept of the community of the common destiny of mankind are emphasized. Forms, achievements and prospects of cooperation are defined, problems and difficulties are revealed.

Keywords: internationalization of higher education; international cooperation; China; Vietnam; “One Belt, One Road” initiative.

Китай и Вьетнам – государства-соседи с общей границей протяженностью около 1300 км, многовековой историей и культурными связями [1, с. 3]. Современные образовательные обмены между ними начинаются после 18 января 1950 г., дня установления дипломатических отношений. В годы сопротивления Вьетнама Франции и США руководство Демократической Республики Вьетнам обратилось за помощью к правительству КНР, при поддержке которого организовало ряд школ на пограничных территориях в районе Гуанси [2, с. 206].

Двухсторонний диалог переживал взлеты и падения (китайско-вьетнамская пограничная война 1979 г.), и только в 1991 г. Китай и Вьетнам возобновили дипломатические отношения. На развитие высшего образования повлияли национальные стратегии и концепции развития. В условиях реализации политики реформ и открытости Китай и Вьетнам реформировали и сферу образования. Шао Шицюань и Чжан Синьинь (1997, Хубэйский университет) [3, с. 1] подчеркивают значение решения Центрального комитета Коммунистической партии Китая о реформе системы образования (1995 г.) [4], в соответствии с которым высшие учебные заведения надеялись правом непосредственного сотрудничества с внешними организациями. Вьетнамский ученый Нгуен Кхак Хунг (2014, Восточно-китайский педагогический университет) отмечает, что в августе 1987 г. во Вьетнаме была проведена национальная конференция с целью оценки текущей ситуации в этой сфере [5]. Конференция обратила внимание на вопросы управления, финансирования, систему поступления, методы обучения [6, с. 2]. В XXI в. с ростом товарооборота образовательное сотрудничество между Китаем и Вьетнамом стремительно расширяется, что обусловлено естественными преимуществами и созданной базой образовательных обменов.

Тема китайско-вьетнамского образовательного взаимодействия не изучалась в белорусской историографии, а эксперты в Китае и Вьетнаме (Нгуен Кха Чунг, Ли Тайшэн, Ян Линвэй, Цинь Ихуа, Хуан Тхи и др.) обсуждали лишь отдельные ее аспекты. Целью исследования является анализ эволюции

китайско-вьетнамского сотрудничества в области высшего образования на протяжении 1993–2023 гг.

После нормализации отношений между Китаем и Вьетнамом (1991 г.) укрепилась взаимное политическое доверие и торгово-экономические связи, что стимулировало интерес к совместной подготовке специалистов и другим формам сотрудничества в образовании. В 1993 г. заместители министров образования двух стран подписали протокол об образовательных обменах и сотрудничестве, а затем – меморандум на 1994–1996 годы, который предусматривал взаимные визиты делегаций, обмен преподавателями и студентами, научное сотрудничество и академические мероприятия, установление связей между школами [7, с. 76]. В 1994 г. делегация вьетнамских педагогов была направлена в Шанхай и Гуанчжоу с целью изучения опыта и переговоров по вопросам сотрудничества. В 1996 г. китайская делегация во главе с министром образования Чжу Кайсюанем подписала соглашение об образовательных обменах с Вьетнамом до конца XX в. В том же году в КНР был создан Государственный совет по стипендиям, стимулировавший образовательные обмены [8, с. 47; 9, с. 60].

В апреле 1999 г. китайская делегация во главе с заместителем министра образования участвовала в подготовке соглашения о сотрудничестве и обменах после 2000 г. Отметим, что в соответствии с меморандумом 1993 г. Китай ежегодно принимал 45 вьетнамских студентов, аспирантов и стажеров для дальнейшего обучения и предоставлял им полные стипендии, а другая сторона – 5–10 китайских студентов для обучения во Вьетнамском университете языка и культуры [10]. За 1995–2000 гг. 179 вьетнамских студентов получили стипендии от китайского правительства для обучения в Китае, а 28 китайских студентов – стипендии от вьетнамского правительства.росло число вьетнамских студентов, обучающихся в Китае за счет собственных средств. По состоянию на 2000 г., в Китае обучались 647 таких студентов, более 20 университетов и колледжей Вьетнама сотрудничали с 40 учебными заведениями Китая [11, с. 44].

Со вступлением в XXI в., в условиях бурного развития глобализации и усиления международной конкуренции, Китай и Вьетнам усилили внимание к развитию образовательных обменов и сотрудничества. В апреле 2000 г. министр образования Вьетнама Нгуен Дуонг Минь подписал в Пекине Меморандум о китайско-вьетнамских образовательных обменах и сотрудничестве на 2001–2004 гг. В Стратегии развития образования на 2001–2010 гг., принятой правительством Вьетнама, был взят курс на постоянное укрепление международного сотрудничества, прежде всего с авторитетными университетами и научно-исследовательскими институтами, использование передовых технологий для продвижения образования [12, с. 9]. В январе 2001 г. Министерство образования Китая обнародовало Положение об управлении китайскими государственными стипендиями, которое установило стипендии различной степени для студентов и научных сотрудников из разных стран [13]. Вступление Китая во Всемирную торговую организа-

цию в том же году означало, что Китай получил возможность полно и глубоко участвовать в процессе глобализации, включая высшее образование.

Китайские высшие учебные заведения открыли ряд специальностей для вьетнамских студентов, проводили академические семинары, приглашали ученых и преподавателей. Проблемы возникали из-за существенных различий между двумя странами в системах образования, методах преподавания и учебных программах. Тем не менее благодаря практике базовых обменов Китай и Вьетнам достигли первых результатов в укреплении взаимопонимания и доверия, некоторые вьетнамские студенты после окончания учебы оставались в Китае для проведения научных исследований. Положительные результаты на начальном этапе сотрудничества (1993–2003 гг.), заложили основу для последующего углубления сотрудничества, был накоплен ценный опыт и сформировалась первоначальная правовая база для дальнейшего сотрудничества.

С 2004 г. диалог осуществлялся и на платформе АСЕАН, в рамках соглашения о стратегическом сотрудничестве в области образования и развития человеческих ресурсов. По сравнению с последним десятилетием XX в. содержание образовательных связей стало глубже и разнообразнее. В ноябре 2005 г. заместитель министра образования Китая Юань Гирен во главе делегации посетил Вьетнам и подписал с заместителем министра образования и подготовки кадров Вьетнама Тран Ван Ронгом соглашение об образовательных обменах на 2005–2009 гг. Стороны договорились сотрудничать по вопросам подготовки преподавателей китайского языка и разработки учебников, значительно увеличить количество стипендий (КНР – с 37 до 130, Вьетнам – с 10 до 15 мест). Документ предусматривал расширение обмена делегациями организаторов образования, преподавателями и студентами, а также поддержку непосредственного сотрудничества между высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами. Китайская сторона обязалась ежегодно предоставлять стипендии для летних программ преподавателей китайского языка, сотрудничать в обучении преподавателей китайского языка во Вьетнаме [14].

В соответствии с Законом Вьетнама об образовании (2005 год), «государство поощряет и создает необходимые условия для международного сотрудничества в области образования» [12, с. 11]. Совместное заявление юбилейного саммита Китай-АСЕАН (2006 год) расширило ключевые области сотрудничества с пяти до десяти: сельское хозяйство, информационные и коммуникационные технологии, развитие человеческих ресурсов, двусторонние инвестиции, развитие бассейна реки Меконг, транспорт, энергетика, культура, туризм, здравоохранение. В контексте этого документа активизировалось сотрудничество в области высшего образования, что выразилось в расширении студенческих обменов и увеличении государственного финансирования. 30 апреля 2009 г. Китай и Вьетнам подписали Соглашение о взаимном признании квалификаций и степеней высшего образования [15; 16, с. 67].

В 2009 г. правительство Вьетнама обнародовало стратегию развития образования до 2020 г., которая предусматривала расширение контингента иностранных студентов до 15 тыс. Реализуя программу подготовки кадров за границей и стратегию привлечения иностранных студентов для обучения во Вьетнаме, Ханой стремится расширить сотрудничество с зарубежными университетами и академическими институтами с целью дальнейшей интеграции страны в международную систему образования. Особое внимание уделялось обучению вьетнамских граждан в китайской докторантуре. В апреле 2009 г. министр образования и подготовки кадров Нгуен Шон Нхон во время визита в Китай заявил, что Вьетнам рассчитывает на подготовку тысячи докторов наук в китайских университетах в рамках своей стратегии по подготовке 10 тыс. докторов наук за рубежом [17].

В 2009 г. общее число вьетнамских студентов в Китае составило почти 12 250 человек, из них 1000 студентов получали стипендии китайского правительства – это один из самых высоких показателей по сравнению с другими странами. Университет национальностей Гуанси и Вьетнамский национальный педагогический университет провели несколько семинаров по преподаванию вьетнамского языка и культурным исследованиям; Академия общественных наук Юньнань осуществляла академические обмены с Академией общественных наук Вьетнама, Ханойским университетом, другими заинтересованными структурами; Колледж Юньнань Хонгхе и вьетнамская провинция Лао Кай инициировали ежегодную встречу с сотрудниками Министерства культуры, спорта и туризма КНР; Академия Красной реки провинции Юньнань и Департамент культуры, спорта и туризма провинции Лао Кай Вьетнама ежегодно проводили «Международный форум по бассейну Красной реки», чтобы осуществлять широкое сотрудничество в академической сфере [18, с. 14; 19, с. 43].

Руководство Китая во главе с Ху Цзиньтао прилагало большие усилия для развития международного образовательного сотрудничества, используя его для содействия реализации стратегии культурной дипломатии страны, построения «гармоничного мира» [20, с. 272]. В феврале 2010 г. Госсовет КНР принял План реформирования и развития образования на среднесрочную и долгосрочную перспективу, направленный на дальнейшее расширение масштабов приема иностранных студентов, увеличение количества стипендий, прежде всего, для развивающихся стран, внедрение подготовительного образования, увеличение числа предметов и специальностей, преподаваемых на иностранных языках, повышение качества образования [21].

В 2004 г. китайское правительство разработало пятилетний план преподавания китайского языка как иностранного (проект «Китайский мост»), который включал восемь направлений: ускорение строительства Институтов Конфуция; развитие мультимедийных аудиовизуальных учебных материалов – Ride the Wind Chinese и Great Wall Chinese; поддержка программы AP (Advanced Placement) Chinese; повышение эффективности подготовки преподавателей китайского языка как иностранного; ускорение продвижения

теста на знание китайского языка (HSK); укрепление базы преподавания китайского языка для иностранцев; активное использование фонда «Китайский мост» и оказание помощи библиотекам китайского языка за рубежом; распространение конкурса «Китайский мост» [20, с. 273].

Заместитель министра образования КНР Хао Пина на встрече с министром образования Вьетнама Нгуен Синь Нянем (май 2009 г., Ханой) выдвинул конкретные предложения по квотам на стипендии китайского правительства, образовательным обменам между городами, взаимным визитам руководителей университетов и подготовке кадров [22]. В октябре 2011 г. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонг посетил Китай с официальным визитом, в ходе которого стороны подписали, в частности, соглашение об образовательных обменах на 2011–2015 гг. [23].

Организаторы образования двух стран поддерживали и другие площадки взаимодействия. В мае 2010 г. Китайский совет по стипендиям (CSC) и Гуансианский педагогический университет (GNU) при поддержке министерств образования двух стран организовали представительный «Китайско-вьетнамский форум по сотрудничеству в области образования» в Гуйлине [24].

В 2004–2012 гг. двухстороннее сотрудничество в области высшего образования постепенно институционализировалось и приобретало конкретные формы. Университеты и исследовательские институты увеличили количество программ сотрудничества, которые включали академические обмены, совместные исследования и научные конференции.

Китайско-вьетнамское противостояние в Южно-Китайском море (2010–2014 гг.) сказалось и на сотрудничестве в области высшего образования. Число вьетнамских студентов, приезжающих в Китай, резко сократилось, упав в 2014 г. до минимума, сократилось и число изучающих вьетнамский язык в качестве второго иностранного (с 60 % до менее 5 % в 2012–2014 гг.). В 2015 г. число вьетнамских студентов в Китае возросло, но осталось незначительным – примерно 10 тыс. человек [25, с. 69].

В 2013 г. китайское правительство выдвинуло инициативу строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Китай предложил ряд стратегий по продвижению международных обменов и сотрудничества в области высшего образования вдоль «Пояса и пути». В декабре 2014 г. Ханойский университет в сотрудничестве с педагогическим университетом в Гуанси учредили Институт Конфуция [26]. Спустя восемь лет около 4 тыс. студентов изучали в нем китайский язык, около 50 тыс. человек участвовали в культурных мероприятиях, около 30 тыс. записалось на сдачу экзаменов HSK и HSKK (введены в 2018 г.) [27].

В 2015 г. китайско-вьетнамские отношения улучшились: в совместном коммюнике подчеркивалось, что обе страны имеют широкий круг общих интересов, сходные политические системы, пути развития и судьбы [28]. В 2016 г. Министерство образования Китая разработало «Меры в области образования для продвижения совместного строительства “Пояса и пути”»,

которые обязывали местные органы власти в полной мере использовать региональные преимущества и местные особенности для осуществления широкого сотрудничества и обменов [29]. В 2017 г. более 2 тыс. вьетнамских студентов направилось в Китай на долгосрочное обучение и почти 1400 – на краткосрочное, что оценивается как очень хороший показатель по сравнению со многими странами. По состоянию на 2017 г. более 10 тыс. вьетнамских студентов обучались в более чем ста школах двадцати провинций, автономных районов и муниципалитетов, непосредственно подчиненных центральному правительству, включая 40 городов [1, с. 4].

В условиях реализации инициативы «Пояс и путь» сотрудничество и обмены в области высшего образования продолжали расти. В 2017 г. китайское правительство предоставило 29 стипендий магистрантам и докторантам из Вьетнама. Стипендии для поддержки вьетнамских студентов предоставляли и власти провинций Гуанси и Юньнань, а также некоторые университеты в этом регионе. В 2018 г. число вьетнамских студентов достигло почти 11 300 человек, что значительно больше, чем в предыдущем году. В китайском регионе Гуанси ежегодно почти 1000 китайских студентов отправлялись на учебу во Вьетнам. В сентябре 2018 г. Министерство образования Китая составило Кодекс качества высшего образования для иностранных студентов (пробная реализация), который направляет и регулирует деятельность колледжей и университетов в этом направлении [30].

В феврале 2019 г. правительство Китая приняло документ «Модернизация образования Китая до 2035 года», в соответствии с которым был взят курс на «создание новой модели открытости образования для внешнего мира», дальнейшее продвижение концепции построения сообщества человеческой судьбы и инициативы «Пояса и Пути» [31; 32, с. 11]. В июне 2020 г. Министерство образования и восемь других ведомств опубликовали «Мнения об ускорении и расширении открытия образования миру в новую эпоху» [33].

С 1 января 2022 г. вступило в силу Региональное соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (РВЭП), и шесть государств – членов АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Лаос, Сингапур, Таиланд и Вьетнам), а также четыре государства, не входящие в АСЕАН (Китай, Япония, Новая Зеландия, Австралия), официально приступили к его реализации [34]. Основным содержанием РСЕР является экономическое и торговое сотрудничество, направленное на продвижение «открытого, всестороннего, всеобъемлющего, сбалансированного и беспроигрышного развития» в регионе; оно также включает сотрудничество в области культуры, образования и подготовки специалистов. В августе 2022 г. министр образования и подготовки кадров Вьетнама Нгуен Ким Шон принял участие в 3-м заседании Круглого стола министров образования Китая и стран АСЕАН в онлайн-формате и выразил надежду, что участники будут обмениваться опытом и инициативами в направлении построения «мирного и дружественного общего дома» [35].

Генеральный план развития высшего образования Вьетнама на 2021–2030 гг. ориентирует на модернизацию, качество, финансовые инвестиции, структурную перестройку [36]. Выделены пути повышения качества: оптимизация системы образования, актуальность учебных программ, совершенствование работы преподавателей, проведение академических исследований в соответствии с международными стандартами. Международное сотрудничество в сфере высшего образования признано эффективной движущей силой социально-экономического развития.

В апреле 2023 г. Министерство образования Китая и Народное правительство провинции Хайнань издали Временные положения о работе зарубежных высших учебных заведений в свободном торговом порту Хайнань. Документ содержит основные принципы работы зарубежных высших учебных заведений в этом порту, расширяя их возможности в контексте детализации инициативы «Пояс и путь».

Таким образом, в 2013 г. китайско-вьетнамское сотрудничество вступило в новый этап. До 2015 г. оно было охлаждено территориальным спором, а после достигнутого консенсуса по-прежнему демонстрировало характеристики всестороннего взаимодействия с целью расширения межкультурных обменов, продолжения реформирования систем образования, совершенствования и разработки образовательных технологий. В перспективе сотрудничество в исследуемой сфере будет развиваться в рамках АСЕАН и Регионального соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве.

Интернационализация является одной из трех основных концепций развития современного высшего образования, выдвинутых ЮНЕСКО в 1980-х гг., а также одной из основных стратегий развития высшего образования в различных странах [37, с. 13]. Выделим следующие формы китайско-вьетнамского сотрудничества в области высшего образования: университетские исследовательские центры; модель Института Конфуция; обмены студентами и преподавателями; другие (форумы, визиты делегаций, учебные курсы и т. д.). Примерно треть вьетнамских студентов обучаются в провинции Гуанси, изучая китайский язык, международную торговлю, медицину, менеджмент, экономику и другие области.

Авторы выделяют три этапа взаимодействия Китая и Вьетнама в области высшего образования. В 1992–2003 гг. стороны аккумулировали ценный опыт и сформировали правовую основу для дальнейшего сотрудничества; в 2004–2012 гг. укрепляются его институциональная и нормативная базы, появляется еще одна платформа – АСЕАН. С 2013 г. усилия сторон были направлены на укрепление взаимодействия в контексте инициативы «Пояс и путь» и вступления в силу соглашения РСЕР; во время пандемии оно обогатилось новыми формами.

Хотя приграничное сотрудничество двух стран имеет благоприятные условия, на него негативное влияние оказывает дефицит доверия, обусловленный историческим прошлым и проблемой Южно-Китайского моря. Вместе

с тем благодаря приоритету АСЕАН во внешней политике КНР, реализации инициативы «Пояс и путь» и соглашения РСЕР будущее китайско-вьетнамского сотрудничества в области высшего образования имеет благоприятные перспективы.

Список используемых источников

1. *Чжан, Ливэй.* «Один пояс, один путь» – крупная инициатива по сотрудничеству и обмену в области образования между Китаем и Вьетнамом – интервью с послом Вьетнама в Китае Дэн Минькуй / Чжан Ливэй, Лю Ивэнь // Информация об образовании в мире. – 2017. – № 11. – С. 3–5. (на кит. яз.).

2. *Нун, Лифу.* Обзор и перспективы сотрудничества в сфере современного образования между Китаем и Вьетнамом / Нун Лифу // Академический форум. – 2012. – № 2. – С. 206–210. (на кит. яз.).

3. *Шао, Шицюань.* Первоначальное исследование целей сотрудничества в высшем образовании / Шао Шицюань, Чжан Синьбин // Исследования высшего образования в Цзянсу. – 1997. – № 2. – С. 59–63. (на кит. яз.).

4. Офис Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Офис Государственного совета опубликовали «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о реформе системы образования» [Электронный ресурс] // Правительство КНР. – Режим доступа: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1985/gwyb198515.pdf>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

5. *Фань, Минсяо.* Образование во Вьетнаме: текущее состояние и перспективы / Фань Минсяо // Gioi. – 1998. – № 33. – С. 14–45. (на кит. яз.).

6. *Руань, Кэсюн.* Сравнительное исследование реформ высшего образования в Китае и Вьетнаме: дис. ... д-ра образования: G649.1 / Руань Кэсюн; Восточно-Китайский педагогический университет. – Шанхай, 2014. – 195 с. (на кит. яз.).

7. *Го, Мин.* Новый этап отношений между Китаем и Вьетнамом / Го Мин. – Пекин: Изд-во текущих событий, 2007. – 301 с. (на кит. яз.).

8. *Лян, Чжимин.* Современные тенденции в области обучения за рубежом и культурного обмена между Китаем и другими странами / Лян Чжимин // Квартальник публичной дипломатии. – 2012. – № 10. – С. 47–52. (на кит. яз.).

9. *Чэнь, Сюэфэй.* Интернационализация высшего образования – от истории к теории и стратегии / Чэнь Сюэфэй // Шанхайские исследования в области высшего образования. – 1997. – № 11. – С. 59–63. (на кит. яз.).

10. Обмен и сотрудничество между Китаем и Вьетнамом [Электронный ресурс] // Вьетнамская служба поддержки студентов. – Режим доступа: <https://vietnam.lxgz.org.cn/vietnam/jyj/2022083016180125823/index.html>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

11. *Чэнь, Миньин.* Исследование культурной дипломатии между Китаем и Вьетнамом: дис. ... д-ра ист. наук: G 125 / Чэнь Миньин. – Куньмин; Университет Юньнань, 2012. – С. 44–45. (на кит. яз.).

12. *Шан, Зивэй.* Особенности и тенденции вьетнамской образовательной политики в начале XXI века / Шан Зивэй // Поперечник Юго-Восточной Азии. – 2011. – № 10. – С. 9–12. (на кит. яз.).

13. Правила управления стипендиями правительства Китая [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Кита. – Режим доступа: <https://iss.cfau.edu.cn/col4180/70343.htm>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

14. Подписание соглашения об образовательном обмене между Китаем и Вьетнамом на 2005–2009 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: https://www.gov.cn/jrzg/2005-11/11/content_96160.htm. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

15. Соглашение о взаимном признании дипломов высшего образования между Министерством образования и обучения Социалистической Республики Вьетнам и Министерством образования Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Вьетнамская служба поддержки студентов. – Режим доступа: <https://vietnam.lxgz.org.cn/vietnam/jyj/2022083016180125823/index.html>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

16. *Цай, Личао*. Анализ текущего состояния и перспектив сотрудничества и культурного обмена в области образования между Гуанси и Вьетнамом / Цай Личао // Журнал Учительского колледжа Юлинь. – 2013. – № 4. – С. 66–68. (на кит. яз.).

17. Цзя Цинлин встречается с вице-премьер-министром Вьетнама, министром образования и обучения Нгуен Тхань Жен [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство Народной Республики Китай. – Режим доступа: https://www.gov.cn/ldhd/2009-04/30/content_1301507.htm. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

18. *Ли, Тайшэн*. Исследование стратегий сотрудничества в высшем образовании между Китаем и Вьетнамом на фоне создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН / Ли Тайшэн // Поперечник Юго-Восточной Азии. – 2011. – № 10. – С. 13–16. (на кит. яз.).

19. *Ма, Ваньхуа*. Транснациональное образование – это не только новая тенденция в интернационализации высшего образования / Ма Ваньхуа // Китайское высшее образование. – 2005. – № 11. – С. 43–44. (на кит. яз.).

20. *Цзян, Сюйминь*. Исследование международных культурных отношений в глобализирующемся мире / Цзян Сюйминь. – Пекин: Изд-во Центрального переводческого бюро, 2011. – 306 с. (на кит. яз.).

21. *Ван, Пэн*. В 2009 году число иностранных студентов в Китае впервые превысило 230 тысяч [Электронный ресурс] / Ван Пэн // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/201005/t20100518_88315.html. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

22. *Чжан, Янь*. Вице-премьер Вьетнама встречается с заместителем министра образования Китая Хао Пин [Электронный ресурс] / Чжан Янь // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/tnull_47850.html. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

23. Китайско-вьетнамское совместное заявление [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: https://www.gov.cn/jrzg/2011-10/15/content_1970444.htm. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

24. Форум по образовательному сотрудничеству между Китаем и Вьетнамом успешно прошел в Гуйлине [Электронный ресурс] // Китайская национальная служба по делам студентов за рубежом. – Режим доступа: <https://www.csc.edu.cn/uploads/20111103160632940.pdf>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

25. *Тань, Яньцзюань*. Достижения, вызовы и стратегии сотрудничества в высшем образовании между Китаем и Вьетнамом на фоне «Одного пояса, одного пути» / Тань Яньцзюань, Хань Шуджэн // Исследования образования национальностей. – 2019. – № 5. – С. 66–72. (на кит. яз.).

26. Институт Конфуция в Ханое был создан совместно Вьетнамским университетом в Ханое и педагогическим университетом Гуанси [Электронный ресурс] // Служба поддержки студентов Вьетнама. – Режим доступа: <https://vietnam.lxgz.org.cn/vietnam/jyjl/2022083016180125823/index.html>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

27. О Конфуциевских институтах/классах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ci.cn>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

28. *Ан, Тао*. Совместное коммунике Китая и Вьетнама [Электронный ресурс] / Ан Тао // Центральное народное правительство Народной Республики Китай. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_5003772.htm. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

29. Содействие совместному строительству «Одного пояса, одного пути» в области образования [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A20/s7068/201608/t20160811_274679.html. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

30. Министерство образования Китая опубликовало «Стандарты качества высшего образования для иностранных студентов в Китае (пилотная версия)» [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2018-12/31/content_5441217.htm. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

31. *Чжан, Янь*. Как понять цели модернизации образования на период до 2035 года [Электронный ресурс] / Чжан Янь // Центральное народное правительство Народной Республики Китай. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2019-03/19/content_5374889.htm. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

32. *Цзя, Шаосюэ*. Исследование тенденций научно-технических и гуманитарных обменов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Цзя Шаосюэ // Научные управленческие исследования. – 2015. – № 6. – С. 9–12. (на кит. яз.).

33. *Чжао, Шуо*. Министерство образования и другие восемь департаментов совместно опубликовали «Мнения о ускорении и расширении открытости образования на новом этапе» [Электронный ресурс] / Чжао Шуо // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

34. Региональное соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (РСЕР) [Электронный ресурс] // Министерство коммерции Народной Республики Китай. – Режим доступа: http://fta.mofcom.gov.cn/rcep/rcep_new.shtml. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

35. Министр образования и подготовки кадров Вьетнама Нгуен Ким Сон принял участие в третьем круглом столе министров образования Китая и стран АСЕАН в онлайн-формате [Электронный ресурс] // Вьетнамская служба поддержки студентов. – Режим доступа: <https://vietnam.lxgz.org.cn/vietnam/jyjl/2022083016180125823/index.html>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

36. Общий план высшего образования Вьетнама на 2021-2030 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: <https://moet.gov.vn/giaoducquocdan/giao-duc-dai-hoc/Pages/default.aspx?ItemID=7083>. – Дата доступа: 26.02.2024. (на кит. яз.).

37. Перспективы интернационализации высшего образования: мотивы и реальность / Ф. Г. Альтбах [и др.] // Исследования высшего образования. – 2006. – № 1. – С. 12–21. (на кит. яз.).

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

A. K. Shymak

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Shymak

Belarusian State University, Minsk

УДК327(470+571)

МАСКОЎСКАЕ ПАСОЛЬСТВА АНТОНІЯ БАНУМБРЭ (1472–1473 ГГ.)

MOSCOW EMBASSY OF ANTHONY BANUMBRE (1472–1473)

У артыкуле разглядаюцца асноўныя абставіны, якія прывялі да арганізацыі пасольства папскага легата ў Маскву. Звяртаецца ўвага на асаблівасці пантыфікатаў 1458–1484 гг., на фоне якіх разгорталіся асноўныя падзеі, звязаныя з заключэннем шлюбу маскоўскага вялікага князя і візантыйскай прынцэсы.

Ключавыя словы: Апостальская сталіца; Рымская курія; Маскоўскае княства; пасольства; легат.

The article examines the main circumstances that led to the organization of the papal legate's embassy in Moscow. Attention is drawn to the peculiarities of the pontificates of 1458–1484, against the background of which the main events related to the marriage of the Grand Duke of Moscow and the Byzantine princess.

Keywords: Apostolic Capital; Roman Curia; Moscow Principality; embassy; legate.

Гісторыя заключэння шлюбу Івана III і Зоі (Соф’і) Палеолаг пачынаецца, згодна з вялікакняскім летапісным зборам, 11 лютага 1469 г., калі ў Маскву прыбыў пасол кардынала Вісарыёна Юрый Грэк, які і прывёз звесткі, што ў Рыме знаходзіцца «православная хрысціянка», «дчы Яморейскаго деспота Фомы Ветхословца» Сафія. Абмеркаваўшы прапанову кардынала Вісарыёна з мітрапалітам Філіпам, маці і баярамі, Іван III адправіў у сакавіку 1469 г. у Рым пасольства на чале з Джан Батыста дэла Вольпе, вядомым у Маскве пад імем Івана Фразіна [1, с. 225]. Згаданая гісторыя ўжо неаднаразова становілася аб’ектам вывучэння гісторыкаў. Па-першае, уздымаліся пытанні кшталту, хто быў ініцыятар гэтага саюзу, якая доля прыватнай ініцыятывы ў гэтых перамовах, хто атрымаў большыя прыбыткі ад гэтых падзей.

У межах дадзенага артыкула пастараемся паглядзець на палітычныя рэаліі, якія выклікалі пасольства папскага легата Антонія Банумбрэ ў Маскву, а таксама на галоўных дзеючых асоб гэтага «шлюбнага карнавалу».

Іван III узышоў на маскоўскі прастол у 1462 г., атрымаўшы ад свайго бацькі Васіля II вялікую тэрыторыю з гарадамі Масква, Уладзімір, Ніжні Ноўгарад, Суздаль. Астатняя спадчына была ў руках яго братоў. Такім чынам, Івану III, па-першае, неабходна было пазбавіцца перажыткаў удзельнай сістэмы. У 1467 г. памерла Марыя Цвярская, шлюб з якой працягваўся з 1452 па 1467 г. У пошуках новага саюзу позірк скіраваўся на прынцэсу з дому візантыйскіх імператараў. У часы кіравання Івана III маскоўская дзяржава будавалася як вялікая асабістая вотчына князя, а таксама як прынцыпова новае ўтварэнне – «государство всея Руси».

Зоя Палеалог, якая ў рускіх летапісах называецца Соф'яй, нарадзілася каля 1455 г., была дачкой Фамы Палеалога, дэспата Марэі, а таксама прыходзілася пляменніцай візантыйскага імператара Канстанціна Палеалога. Пасля падзення Канстанцінопаля Фама Палеалог перавёз сям'ю на востраў Корфу, а пазней Зоя разам з братамі Андрэем і Мануілам апынуліся ў Рыме. Пасля смерці Фамы Палеалога яго дзецьмі стаў апекавацца пры двары папы Паўла II кардынал Вісарыён.

Кардынал Вісарыён атрымаў выдатную адукацыю ў Канстанцінополі, у 1423 г. стаў манахам, а пазней – святаром. Вывучаў філасофію, быў ігуменам манастыра Святога Васіля ў Канстанцінополі, з 1437 г. – мітрапаліт Нікейскі. У 1438–1439 гг. Вісарыён прымаў удзел у Феррара-Фларэнцыйскім саборы і выступаў за унію заходняга і ўсходняга хрысціянства. У 1439 г. стаў кардыналам. З-за сваіх поглядаў быў вымушаны пакінуць Канстанцінопаль. Пасля 1453 г. шмат намаганняў прыкладваў, каб арганізаваць саюз супраць туркаў.

Пераломным момантам у гісторыі Еўропы стаў захоп Канстанцінопаля Асманскай імперыяй. Зразумела, што і для Апостальскай сталіцы гэта падзея стала ўзрушальнай. Паспяхова асада Белграда ў 1456 г., захоп амаль усіх сербскіх тэрыторый, падзенне баснійскага замка Яйцэ – на такім фоне распачаўся пантыфікат П'етра Барба – папы Паўла II (1464–1471 гг.). Рым стаў шукаць шляхі для арганізацыі антыасманскай кааліцыі. З такой прапановай у 1464–1471 гг. папа звяртаўся да шэрагу еўрапейскіх двароў [2, с. 49].

Арганізацыя маскоўскага пасольства 1472–1473 гг. не была вынікам толькі імгненнага рашэння папы Сікста IV. На яго выбар уплывалі абставіны папярэдніх пантыфікатаў – Пія II і Паўла II. Падчас усіх трох канклаваў (1458, 1464 і 1471 гг.) гучалі абяцанні кожнага з рымскіх папаў арганізаваць сумесны крыжовы паход супраць Асманскай імперыі.

У жніўні 1458 г. на саборы ў Мантуі галоўным пытаннем было абмеркаванне наступу туркаў, а галоўнымі аратарамі – Пій II і кардынал Вісарыён. Словы, якія прагучалі на саборы, добра ілюструюць той настрой, які пановаў у Рыме: «Увы вам, вожди и короли христианские! увы вам, возрожденные

к жизни от источника Святого крещения и именем Христа Спасителя осе-
няемые, Чьим именем вы, цари, правите, Чьей властью властвуете, Кем все
спасены народы. К вам, к вам, говорю, взываю я, ради кого Господь наш
излил драгоценную свою кровь. Встанем же против врагов Его, против вра-
гов веры, не усумнимся и самое жизнь нашу принесем в жертву; предварим
честную смерть, покуда можно, и да не выйдет, как сказал славный фило-
соф, что смерть придет-таки в скорости, но уж не с тою честью. Пусть мно-
готрудным и опасным мнится это дело, но стоит только возжелать, и будет
нетрудно, напав на них, снискать победу. Ибо не тщанием и не доблестью,
а нашею вялостью, да леностию, да небрежением и несогласием те сильны;
одолевая одного соседа за другим поочередно и пользуясь терпимостью тех,
кто из-за усобицы позволяет гибнуть другому, распространилась эта чума
и, подчиняя себе всякого, кто лишен споборников, дошла даже до пределов
Паннонии, а ныне угрожает уже и западным. Ополчимся же напротив,
оборвем бешеный их порыв и то, что отнято у греков, воскресим воинским
умением и доблестью ради латинского имени и славы!» [3, с. 16–17].

Верагодным удзельнікам хрысціянскага антыасманскага саюзу мог стаць
і маскоўскі князь. Палітычныя рэаліі гэтага рэгіёна былі добра вядомымі
на Апенінскім паўвостраве. Паводле загада міланскага герцага Франчэска
Сфорца прыблізна ў 1450 г. быў падрыхтаваны дакумент, у якім давалася
геаграфічнае апісанне межы дзяржавы *La Rusia* [4, с. 457]. У 1458 г. Эней
Сільвія Піккаламіні, будучы папа Пій II, да Еўропы ўжо адносіў не толькі
Вялікае Княства Літоўскае, але і рускія землі [5].

Зацікаўленасць праяўлялася і з маскоўскага боку. Падчас кіравання
Васіля II у 1461 г. у Мілан быў накіраваны ў якасці пасла грэк Мікалай Раллі.
Міланскі герцаг гэта пасольства разглядаў з пункту гледжання магчымых
сумесных мерапрыемстваў супраць туркаў. Такім чынам, да моманту пер-
шай спробы заключэння шлюбу паміж Іванам III і Соф’яй Палеолог у 1469 г.
ужо існавала пэўная традыцыя італа-рускіх культурных і палітычных
кантактаў, у выніку якіх паступова складаліся ўяўленні аб Італіі. З канца
1430-х гг. яны сталі фарміравацца на аснове непасрэдных уражанняў рускіх
людзей. Менавіта гэта зрабіла магчымым адыход ад пераважна негатыўнага
яе ўспрымання. У 1440–1460-я гг. фарміруецца вобраз Італіі, які дапускае
патэнцыйную магчымасць супрацоўніцтва праваслаўнай Русі з гэтай
каталіцкай зямлёй. У эпоху Васіля II маскоўская шляхта была досыць добра
дасведчаная аб узроўні тэхнічных дасягненняў у Італіі. Да 1460-х гг. меўся
станоўчы досвед працы «фрагаў» у Маскве, умела выкарыстаны вялікім
князем для рашэння задач дзяржаўнай важнасці [6, с. 33].

У Рыме немалыя спадзяванні ўскладаліся на дынастычны шлюб Івана III
з Соф’яй Палеолог. Меркавалася, што Іван III з-за свайго шлюбу з Соф’яй
будзе змагацца за свае правы на «ўсходнюю імперыю». Выдаткі на пада-
рожжа «караве рускай Зоі» аплачваліся са спецыяльнай касы, прызнача-
най выключна на патрэбы вайны з туркамі, што таксама сведчыць аб пла-
нах Апостальскай сталіцы [7, с. 162–170]. Роспісы ў шпіталі Святога Духа

ў Рыме невядомага аўтара паказваюць, як папа Сікст IV перадае грошы Соф’і Палеалог (малюнак).

«Andream Palaeologum Poloponusi et Leonardum Toccum Epiri Dijnastia a Turcam tūranno exutos regio sumptu aluit. Siphiam Thomae Palaeologi filiam Ruthenorum ducce nuptamCum alijs muneribus tum sex mille aureorum dote auxit»
«Андрея Палеолога, Владетеля Пелопонеза и Леонардо Токко, Владетеля Эпира, изгнанных тираном Турок, он (Сикст IV) одарил царским содержанием; Софии, дочери Фомы Палеолога, обрученной с князем Русских, сверх иных даров, помог шестью тысячами золотых»

Хрептович-Бутенев, К. А. Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из Русской Истории XV века. Краткий иллюстрированный очерк / *К. А. Хрептович-Бутенев.* – М.: Печатня А. Снегиревой, 1909. – С. 48–51.

Акрамя таго, гэтым шлюбам займаўся кардынал Вісарыён. Франчэска дэла Равэрэ падчас канклава ў жніўні 1471 г. ужо як папа Сікст IV даў пэўныя палітычныя абяцанні: рэфармаваць Рымскую курыю, склікаць Сусветны сабор, а таксама арганізаваць экспедыцыю супраць туркаў. Да новага пантыфіка вельмі прыязна ставіўся кардынал Вісарыён [8, с. 6]

Верагодна, спадзеючыся на магчымасць такога саюзу, папа Сікст IV накіраваў у Маскву ў суправаджэнні Соф’і Палеалог легата а latere Антонія Банумбрэ. У папскім наказе пасланцу гаварылася: «[...] Мы нічога не жадаем гарачее, як видеть вселенскую церковь объединенной на всем ея протяжении и все народы идущие по пути к блаженству. Вот почему мы охотно изыскиваем средства, при помощи которых наши желания могут быть осуществимы» [7, с. 194–195].

Так склалася, што ў асабліва важных выпадках папа накіроўваў з прадстаўнічымі функцыямі легата а latere – кардынала Рымскай курыі. Яго поўная назва – а latere Pontificis – гэта значыць асоба, блізкая да папы. Такі легат уваходзіў у найбліжэйшае акружэнне пантыфіка. Звяртае на сябе ўвагу асоба папскага пасланніка. Антоній Банумбрэ нарадзіўся дзесьці

ў першай палове XV ст. У маладым узросце стаў манахам-аўгусцінцам. Дакладна вядома, што з 1467 г. быў біскупам Акчыі на Корсіцы. Карыстаўся даверам і павагай з боку і папы Паўла II, і Сікста IV [9, с. 170]. Таму выглядае невыпадковым, што быў прызначаны ў чэрвені 1472 г. суправаджаць Соф’ю Палеалог у Маскву.

Падарожжа Зоі (Соф’і) праходзіла праз Вітэрба, Сіену, Фларэнцыю, Балонью, Вічэнцу, Нюрнберг, Любэк, Рэвель, Дэрпт, Пскоў, Ноўгарад і далей да Масквы. Даследчык П. Пірлінг адзначаў, што летапісы Нюрнберга апавядалі пра папскага легата, які накіраваўся ў далёкія краіны, каб ускласці на Івана III каралеўскую карону, а таксама каб прапаведаваць хрысціянскую веру [10, с. 83]. Гэты шлях стаў выкарыстоўвацца пасля далучэння Ноўгарада да Маскоўскай дзяржавы. У XIII–XIV стст. італьянскія гандляры ехалі праз Крым і Чорнае мора. Аднак у пачатку 1470-х гг. паўднёвая дарога стала небяспечнай. Відаць, праезд праз землі Вялікага Княства Літоўскага таксама выклікаў пытанні, нягледзячы на тое, што ў 1470 г. папа Павел II скіраваў сваё брэвэ да Казіміра IV і прасіў бяспечнага праезду для маскоўскіх паслоў.

Выдатны знаўца гэтых падзей, гісторык XIX ст. П. Пірлінг так апісваў момант уезду Соф’і ў Маскву: «12 ноября по дороге, покрытой снегом, София прибыла в Москву. Эта столица, столь же обширная, сколь мало изящная, покрытая своим зимним саваном, с жалкими деревянными домами, с однообразными рядами лавок, с городскими полуразрушенными стенами, с скромным Кремлем, должна показаться скучной и печальной принцессе, привыкшей к блеску Рима и Византии» [10, с. 88–89]. Цікава, што сучасным расійскім гісторыкам гэтыя падзеі падаюцца з іншым адценнем: «Хочется верить, впрочем, что Софья находила, чем любоваться в дороге. Прозрачные озера, янтарные закаты и сонные туманы над водной гладью – всё это пленяет сердце не меньше, чем томная и страстная природа навсегда покинутого Софьей юга» [11, с. 152].

Місія А. Банумбрэ была вельмі няпростай, і гэта стала бачным адразу, калі падарожнікі наблізіліся да Масквы. Наперадзе пасольства неслі крыж, зразумела, каталіцкі. Мітрапаліт Філіп паставіў умову, што калі папскі легат з лацінскім крыжам увойдзе ў адны дзверы, то ён выйдзе праз іншыя. «...уже близ Москвы бывшим им, сказаша князю великому, что тот посол Антоний легатос идет с царевною, а перед ними крыж несут, поняже бо папа то почесть великую дал послу своему идти так ему по всем землям им до Москвы» [12, с. 150–151]. Да пасольства былі накіраваныя ганцы з просьбай прыбраць крыж. Антоній Банумбрэ праявіў дыпламатычную гнуткасць і пагадзіўся. Перад папскім легатам паўстала рэальная карціна спраў у Маскоўскай дзяржаве і тое, як на самай справе тут адносіліся да каталіцтва. Між іншым яшчэ ў 1461–1462 гг. антылацінскія настроі маскоўскага духавенства ўвасобіліся ў «Слове на латыню» [13, с. 66].

А. Банумбрэ правёў у Маскве больш за два месяцы. У гэты час адбыўся так званы рэлігійны дыспут. Звесткі пра яго мы маем толькі з рускіх

летапісаў, і яны не знаходзяць пацвярджэння ў іншых крыніцах. Аўтары рускіх летапісаў паведамляюць, што мітрапаліт Філіп з дапамогай кніжніка Мікіты Паповіча прымусіў папскага легата апраўдвацца за няздольнасць прывесці хоць якія свае аргументы [14, с. 197]. Падобную карціну летапісы намалявалі і пра падзеі 1582 г., калі ўжо Іван IV вёў перамовы з іншымі папскім пасланнікам – з Антонія Пассевіна. Ад’езд Банумбрэ з Масквы супаў па часе са смерцю галоўнага ініцыятара ўсходняй палітыкі Рымскай кур’і кардынала Вісарыёна. У сувязі з гэтым скончыўся і пэўны этап у гісторыі адносін Масквы і Рыма [15, с. 159].

Падрыхтоўка і сам ход пасольства Антонія Банумбрэ ў Маскву сведчылі пра тое, што гэты рэгіён з’яўляўся прадметам увагі з боку Апостальскай сталіцы. Можна адзначыць, што тут рымскіх пантыфікаў больш цікавілі верагодныя саюзнікі ў барацьбе з Асманскай імперыяй, чым пытанні канфесійнага характару. Дыпламатычная місія 1472–1473 гг. рыхтавалася старанна і ўважліва, былі задзейнічаны нешараговыя асобы Рымскай кур’і.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей / отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М.-Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1959. – Т. 26. – 412 с.
2. *Seppelt, F. X.* Papstgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart / F. X. Seppelt. – München: Josef Kösel & Friedrich Pustet, 1933. – 551 s.
3. *Медведев, И. П.* Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе о падении Константинополя [Электронный ресурс] / И. П. Медведев, А. К. Гаврилов // Византийский Временник. – 2004. – Т. 63 (88). – Режим доступа: <http://vremennik.biz/opus/BV/63/53292>. – Дата доступа: 25.02.2024.
4. *Рутенбург, В.И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. / В. И. Рутенбург // Институт истории. Ленинградское отделение. Труды. – 1964. – Вып. 7: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. – С. 455–462.
5. *Мартынюк, А. В.* Литва и Русь в сочинениях Энея Сильвия Пикколомини / А. В. Мартынюк // Шосты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі: працоўныя матэрыялы, Каўнас, 7–9 кастр. 2016 г. – Kaunas: Vytautas Magnus University Press, 2017. – Т. 6. – С. 60–64.
6. *Матасова, Т. А.* Складыванне італьянскага напраўлення палітыкі маскоўскіх князёў в XV в. / Т. А. Матасова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2010. – № 1. – С. 26–34.
7. *Пирлинг, П.* Россия и папский престол / П. Пирлинг. – М.: Современные проблемы, 1912. – 452 с.
8. *Доброва, У. П.* Сикст IV – покровитель искусств и ученый богослов [Электронный ресурс] / У. П. Доброва // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sikst-iv-pokrovitel-iskusstv-i-uchenyu-bogoslov/viewer>. – Дата доступа: 25.02.2024.
9. *Ferretto, A.* Per Antonio Bonombra vescovo di Accia (1467–1480) / A. Ferretto // Giornale ligustico di Archeologia, Storia e Letteratura. – 1897. – XXII. – P. 168–171.

10. *Пирлинг, П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог / П. Пирлинг. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1892. – 235 с.

11. *Матасова, Т. А.* София Палеолог / Т. А. Матасова. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 299 с.

12. Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей; отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1965. – Т. 12. – 266 с.

13. *Казакова, Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России / Н. А. Казакова. – Л.: Наука, 1980. – 278 с.

14. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. – Т. VI. – 358 с.

15. *Wojko, K.* Próby wciągnięcia Księstwa Moskiewskiego do koalicji antytureckiej w latach 1437–1472 / K. Wojko // *Świat chrześcijański i Turcy Osmańscy w dobie bitwy pod Warną* / pod red. D. Quirini-Popławskiej. – Kraków: Nakł. Uniwer. Jagiellońskiego, 1995. – S. 149–160.

(Дата падачы: 27.02.2024 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Литвиновская Ю. И.</i> ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ И РОССИИ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ТИЛЬЗИТСКОГО ДОГОВОРА (1807–1809 ГГ.).....	3
<i>Лозюха С. Л.</i> ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.	10
<i>Лукашэвіч А. М.</i> БЕЛАРУСКІЯ ЗЕМЛІ Ў СКЛАДЗЕ ГАЛІЦКАЙ МІТРАПОЛІІ КАНСТАНЦІНОПАЛЬСКАГА ПАТРЫЯРХАТУ (1303–1305 ГГ.).....	16
<i>Любы А. У.</i> ДАСЛЕДЧЫЦЫ ГІСТОРЫІ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ЦЕНІ ДЗЕЙНАСЦІ СВАІХ МУЖОЎ.....	23
<i>Макаренко И. А.</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1997–2010 ГГ.).....	31
<i>Масейчук Л. І.</i> ФАРМАВАННЕ МАДЭЛІ КІРАВАННЯ БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭТАМ У ПЕРШЫЯ ГАДЫ ЯГО ПРАЦЫ	40
<i>Мох Е. Н.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПЕДАГОГИКИ В БССР	46
<i>Нароўская А. М.</i> МЕТОДЫКА ПАЛЯВЫХ ЭТНАГРАФІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ТРАДЫЦЫЙНАГА ЖЫЛЛЯ БЕЛАРУСАЎ.....	52
<i>Некрашевич Ф. А.</i> РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК НАКАЗАНИЕ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ПОХИЩЕНИЕМ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1794–1874 ГГ.).....	60
<i>Низович Д. В.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	66
<i>Огородников А. А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ПОЛОЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1954 ГГ.	73
<i>Перзашкевич О. В.</i> АТ-ТАБАРИ И СИНТЕЗ АРИЙСКОЙ И АВРААМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ О ЗМЕЕ ДАХАКЕ)	80
<i>Петаченко Г. А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СССР В 1920-Х – НАЧ. 1930 ГГ.	86
<i>Пинчук Д. Н.</i> НАЗНАЧЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЦКІХ АРХИМАНДРИТОВ В 1732–1760 ГГ.	92
<i>Платонов К. А.</i> НАСТРОЕНИЯ СОЛДАТ БЕЛОРУССКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ПОХОДА 1939 Г.	99
<i>Приборович А. А.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ САЙТОВ РЕСПУБЛИКАНСКИХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ В ПОМОЩЬ РАБОТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ.....	107

<i>Раюк А. Р.</i> НАРАЎЛЯНСКІ МАЁНТАК ДВАРАН ГОРВАТАЎ: АД ЛАТЫФУНДЫІ ДА ФАБРЫЧНАГА ЦЭНТРУ	113
<i>Рубисов Д. О.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ КОНФЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XV В.: РОЛЬ СОБОРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ К УНИИ	121
<i>Рыжко Т. И.</i> БОРЬБА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА С ПЬЯНСТВОМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	128
<i>Самусік А. Ф.</i> АДАСАБЛЕННЕ КАНФЕСІЙНЫХ СІСТЭМ АДУКАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ 1580-Х – ПАЧАТКУ 1600-Х ГАДОЎ	135
<i>Сенькевич О. И.</i> ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1920–1930 ГГ.	142
<i>Сидорова С. О.</i> ПОЧТОВЫЕ СТАНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 80-Е ГГ. XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.: ВИДЫ И СПОСОБЫ СОДЕРЖАНИЯ.....	148
<i>Снисаренко К. Л.</i> ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ	155
<i>Сороковик И. А.</i> УЧАСТИЕ ЛКСМБ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ. 1954–1991 ГГ.	162
<i>Спартак А. А.</i> КАТЕГОРИИ ЦВЕТА И МАТЕРИАЛА В ВОСПРИЯТИИ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН.....	169
<i>Стволыгин К. В.</i> ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВОЙНЫ И МИРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	181
<i>Субботина Д. О.</i> «ВИДИМОЕ МЕНЬШИНСТВО» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАНАДЫ	188
<i>Сузько М. А.</i> КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	197
<i>Тимофеев Р. В.</i> ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА НА ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1943–1952 ГГ.	203
<i>Цымбал А. Г.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ПОЛЬШЕ (1989–2023 ГГ.).....	210
<i>Черкасов Д. Н.</i> «БУРГУНДСКОЕ ГОСУДАРСТВО» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30–80-Х ГГ. XX В.	217
<i>Чеченев И. О.</i> БОЛИВАРИЗМ И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ С. БОЛИВАРА: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ	225
<i>Чжоу Цзе, Свилас С. Ф.</i> КИТАЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1993–2023 ГГ.).....	232
<i>Шымак А. К.</i> МАСКОЎСКАЕ ПАСОЛЬСТВА АНТОНІЯ БАНУМБРЭ (1472–1473 ГГ.).....	243

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В четырех частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Корректор *А. И. Кизик, Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *Т. В. Лукашонок*

Подписано в печать 30.08.2024. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 16,95. Тираж 41 экз. Заказ 94.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.